

17-112
0 424

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ

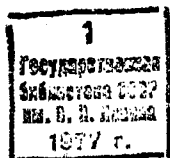
(Виды наименований)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

В монографии рассматриваются особенности процессов номинации и ее единиц на каждом из значимых уровнях языка: типы и виды лексической номинации и ее языковой техники, процессы словообразовательной номинации, обсуждаются закономерности номинации событий в связном тексте.

Ответственные редакторы:
член корреспондент АН СССР
Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ
доктор филологических наук
Л. А. УФИМЦЕВА

2004126154

Я $\frac{70101-373}{042(02)-77}$ 476-78

© Издательство «Наука», 1977 г.

Глава I

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ (ПЕРВИЧНАЯ НЕЙТРАЛЬНАЯ)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Изучение слов как средств языкового обозначения вещей, артефактов, предметов материальной и духовной культуры восходит к началу нашего века и связывается, прежде всего, с направлением, плодотворно работавшим и широко распространенным под именем «слова и вещи» (*Wörter und Sachen*). Выпускаемый в первых десятилетиях 20 в. журнал того же названия связывается с именами таких крупных немецких ученых, как Р. Мерингер, В. Мейер-Любке, Г. Шухардт¹. Однако ономазиология как самостоятельная лингвистическая область изучения слов как средств обозначения со своим предметом и методами исследования оформилась лишь к 50-м годам XX в. Ее становление связывается с работами Л. Вейсгербера², В. Краузе, Ф. Дорнзейфа, Б. Кводри и В. фон Вартбурга³.

¹ «*Wörter und Sachen*» — журнал, издаваемый Р. Мерингером, В. Мейер-Любке и др. Сравните программную статью Р. Мерингера *Zur Aufgabe und zum Namen unserer Zeitschrift*. — «*Wörter und Sachen*», N 3, 1911; *W. Meyer-Lübke. Aufgaben der Wortforschung* — «*Germanisch-Romanische Monatsschrift*», N 1, 1909; *Оп же. Zur Geschichte der Dreschgeräte*. — «*Wörter und Sachen*», N 1, 1909; *G. Schuchardt-Brevier. Sachen und Wörter*. — «*Anthropos*», VII, 1912.

² *L. Weisgerber. Die Bedeutungslehre — ein Irrweg der Sprachwissenschaft?* — «*Germanisch-Romanische Monatsschrift*», XV, 1927; *Vorschläge zur Methoden und Terminologie der Wortforschung*. — «*Indogermanische Forschungen*», 46, 1928.

³ *W. Krause. Bemerkungen über das Verhältnis von Bedeutungslehre, Bezeichnungslehre und Begriffslehre. Commentationes Vindobonenses*, I, 1935; *F. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. 1. Aufl., Berlin — Leipzig, 1934; *Das Problem des Bedeutungswandels*. — «*Zeitschrift für deutsche Philologie*», 63, 1938; *B. Quadri. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen*

С изменением научного представления о природе и функциях человеческого языка вообще, об основных свойствах и категориях слова в частности, расширилась, естественно, и сфера изучения лексических единиц: углубились сами ономастологические штудии, выделились и отпочковались новые области изучения слов ⁴.

В русле пражской лингвистической школы при функциональном подходе к языку оформляется в 30—40-е годы XX в. так называемая функциональная ономатология и функциональный синтаксис, целью которых, по словам старейшего представителя пражцев, является «изучение средств и способов называния (разрядка моя.— А. У.) отдельных фактов действительности и изучение средств и способов объединения этих названий в предложения в рамках той или иной конкретной ситуации» ⁵. Как видно из определения, понятие номинации, наименования значительно расширилось: с предметным рядом, с конкретной ситуацией соотносятся в исследованиях Пражского кружка не только слова как типичные предметные имена, но и как единицы речи.

Последовавшие в 20—30 годы нашего века многочисленные работы по классификации семантических сдвигов слов способствовали определению природы вторичной (непрямой) метафорической номинации. За последнее десятилетие возрос интерес к ономастологической проблематике, не перестают дискутироваться вопросы определения психологического механизма прямой и описания вторичной номинации ⁶.

Forschung. Bern, 1952; R. Hallig, W. von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin, 1952. — См. библиографию более поздних работ по ономастологии: «Handbuch der Linguistik», München, 1975 (Onomasiologie), Ю. Н. Караулов. Общая и русская идеография. М., 1976.

⁴ Ср. в немецкой лингвистической традиции исследование понятийной стороны слов (Wortbegriffsforschung) и языка в целом (Sprachinhaltsforschung), направление, представленное работами Л. Вейсгербера, И. Трира и их последователей.

⁵ V. Mathesius. On some problems of the systematic analysis of grammar. — «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936.

⁶ Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966; Ч. Е. Кану. American — Spanish Semantics. Berkeley and Los Angeles, 1960; К. Heger. Die methodologischen Voraussetzungen von Onomasiologie und begrifflicher Gliederung. «Zeitschrift für romanische Philologie», 1964, 80, s. 486—516; А. А. Белецкий. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). Киев, 1972; А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Значительные результаты в постановке и разработке проблем прямой и особенно косвенной номинации были достигнуты, особенно в первой половине нашего века, при логико-семантическом и логико-математическом подходах к проблемам номинации средствами естественного языка⁷.

В современном как отечественном, так и зарубежном языкознании, проблемам языковой номинации уделяется большое внимание; достаточно указать, что круг проблем широк, а предлагаемые их решения — разнообразны. Новый ракурс рассмотрения языковой номинации в лингвосемиотическом плане, в связи со знакообразованием, затрагивает целый ряд вопросов, связанных с пониманием языка как знаковой системы особого рода. Предлагаемая читателю глава о прямой лексической номинации выполнена в этом направлении.

ЗНАКООБРАЗОВАНИЕ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Основным аспектом рассмотрения природы наименования лексическими единицами является лингвосемиотический, который основывается на следующих теоретических положениях: 1) естественный язык есть знаковая система особого рода с двойной структуризацией ее единиц и с двукратным их означиванием — в системе номинативных средств (первичное означивание) и в качестве или в составе предикативных единиц в речи (вторичное означивание); 2) человеческий язык как сложное материально-идеальное образование сочетает в себе по отношению к объективной действительности симультанное свойство обозначения и отражения; 3) психо-физиологической основой репрезентации объективной действительности словами является вторая сигнальная система действительности.

Несмотря на то что в современной лингвистической литературе широко и плодотворно обсуждаются вопросы, касающиеся знакового аспекта языка, до сих пор остаются

А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974; Е. В. Заонегин. Некоторые вопросы ономастологии на материале романских языков. «Филол. науки», 1969, № 6.

⁷ J. St. Mill. Systems of Logic Rationative and Inductive. L., 1843; G. Frege. Über Sinn und Bedeutung. — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik» 1892, Bd. 100; J. Peło. Studies in Functional Logical Semiotics of Natural Language. The Hague — Paris, 1971 и др.

открытыми для дискуссии такие фундаментальные вопросы теории языка: какие единицы естественного языка выполняют собственно знаковую, репрезентативную функцию; можно ли считать слово знаком, если да, то какой аспект этой многомерной единицы является знаковым, т. е. выполняющим функцию знака; что означает выражение «выполнять знаковую функцию». Означает ли это — иметь значение, обозначать замещаемый предмет, выражать понятие, а может быть, служить одновременно всем этим целям? Наконец, самое главное: в чем заключается процесс первичной номинации словом и почему он связан со знакообразованием?

Не подлежит сомнению, что ономаσιологический аспект анализа лексических единиц, предполагающий рассмотрение их в отношении к реальной действительности, лежит в кругу гносеологических проблем, так как процесс и результат обозначения объективной действительности обусловлены основными компонентами акта познания: «мышление — язык — реальная действительность», «язык — трудовая деятельность — общество».

Акты прямой (первичной) номинации при помощи слов примечательны тем, что они одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельностью, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания.

В гносеологическом аспекте прямая лексическая номинация есть всегда процесс обращения фактов действительности в знаки и достояние людей путем обращения фактов действительности в факты системы языка, в значения и категории, отражающие общественный опыт носителей языка.

Если к лексической номинации, совершающейся поэтапно, приложить диалектико-материалистическую теорию познания, как к конкретному всеобщее, то можно без труда заметить, что основные категории и циклы познавательного акта находят непосредственное отражение в способе структурирования содержания и в формах функционирования слов, особенно предметных имен.

Цикл познания, по определению марксистской теории познания, начинается с предмета и кончается предметом («вещь — деятельность — слово — деятельность — вещь»)⁸.

⁸ «Философская энциклопедия», т. 2. М., 1962, стр. 222.

Применительно к результатам объективации реальной действительности, которые находят свое прямое отражение в лексических наименованиях, — первая фаза познания «вещь — деятельность — слово» соответствует акту снятия предметного, чувственного, образованию понятий, формирующих прямое номинативное значение лексической единицы.

Что касается второй фазы познавательного цикла — «слово — деятельность — вещь», то она соответствует в языковой деятельности акту конкретизации обобщенного (виртуального) значения слова, его семантическому развертыванию в синтагматическом ряду. Словесный знак, таким образом, является основной когнитивной единицей языковой системы, которая фиксирует, храня в скрытом виде формы «перехода» действительности в мышление, т. е. в форму знания, отражая одновременно ступеньки познания.

Итак, как происходит идеализация предметной действительности, последующее материальное выражение результатов которой осуществляется средствами языка?

То, как языковые элементы, так называемые фонетические слова, становятся заместителями и представителями реальных предметов и вещей, интересовало лингвистов и философов уже давно.

Так, предметом известного спора двух древних философов — Кратила и Гермогена был вопрос об истинности имени: присуще ли вещи ее собственное, прирожденное ей имя, или же каждое слово является результатом договоренности и не принадлежит по природе самой обозначаемой вещи. Если выразить содержание диалога между двумя философами древней Эллады в современных терминах и понятиях, то оно сведется к трем основным вопросам знакообразования: 1) соотношение человеческого языка и познания, 2) характер связи имени и обозначаемого предмета, 3) наличие у членов языковой общности инвариантного представления об именуемой вещи.

По существу эти же вопросы и их различная интерпретация разделяли последователей двух диаметрально противоположных философских направлений — номиналистов и реалистов.

Вся история науки о языке с момента ее научного возникновения до наших дней, все хоть сколько-нибудь значимые теории языка, изложенные в разное время и в раз-

ных системах понятий. касались тех же основных проблем⁹: какова структурная организация-языка и членение его единиц на двусторонние данности, из которых каждая имеет свое значение и средства его выражения, каким образом язык членит материальный мир и т. п.

Прежде чем говорить об условиях и компонентах, составляющих акт знакообразования, необходимо принять какое-либо определение понятия «знак», притом такое, которое бы наиболее полно охватывало основные его черты и более детально описывало факторы, его конституирующие. Так, если взять за основу известное определение понятия «знак» Л. Ельмслевым, то оно мало что дает для ономастологического анализа словесных знаков (ср. упомянутое определение: «Знак характеризуется прежде всего тем, что он является знаком чего-то»¹⁰).

Возьмем другое, более детализованное и в то же время очень обобщенное определение, данное философом Л. О. Резниковым: «Языковые знаки — это условные раздражители, создаваемые обществом, обладающие системным характером, намеренно и сознательно употребляемые каждым членом социального коллектива, выполняющие не только сигнальную, но и сигнификативную функцию, являющуюся средством обобщенного, концептуального отражения действительности»¹¹.

Если перифразировать это философское определение знака в лингвистических понятиях, то оно окажется наиболее полным, синтезирующим все характеристики слова как знака, а именно: последовательность фонем и/или графем, наделенная в системе языка определенным концептуальным содержанием, вызывающим у носителей языка одинаковое представление (понятие), которое становит-

⁹ Ср.: *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики. М., 1933; *K. Bühler*. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934; *E. Buyssens*. La communication et l'articulation linguistique. Bruxelles, 1967; *E. Koschmieder*. Die noetischen Grundlagen der Syntax. — Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965; *A. Martinet*. A functional view of language. Oxford, 1962; *Ch. W. Morris*. Signification and Significance. Cambridge (Mass.), 1964; *A. Nehring*. Sprachzeichen und Sprechakte. Heidelberg, 1963; *Э. Бенвенист*. Общая лингвистика. Русск. перев. М., 1974, и др.

¹⁰ *Л. Ельмслев*. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», I. М., 1960, стр. 302.

¹¹ *Л. О. Резников*. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 143.

Таблица 1

	Свойства словесного знака	Экспликация средств и условий знакообразования
1	Словесный знак материален	Последовательность фонем и/или графем
2	Имеет значение (двусторонняя сущность)	Цепочка фонем должна быть наделена опосредованным содержанием, значением (первичное означивание)
3	Имеет системный характер	Означивание формы знака происходит только в рамках определенной системы (микросистемы) языка
4	Социален по природе и по употреблению	Словесный знак создается, принимается и используется всей языковой общностью
5	Обладает свойством условного раздражителя	Связь формы знака с его значением опосредована сознанием, закреплена в памяти и автоматизирована до степени условного рефлекса
6	Выполняет сигнальную функцию	Словесный знак есть сигнал первых сигналов действительности, т. е. наших представлений о предметах материальной действительности
7	Выполняет сигнификативную функцию	Выражает понятие класса предметов, храня одновременно добытые о предметах, подпадающих под этот класс, знания
8	Выполняет идентифицирующую функцию в коммуникативных целях	Словесный знак как репрезентирующий предметы, идентифицирует их и служит основой вторичного означивания, способствуя формированию коммуникативных единиц

ся значением единицы, обретающей статус словесного знака; в целях коммуникации может актуализовать системное (первичное) или обрести в речевом акте вторичное значение.

Сведем для большей наглядности основные характеристики, средства и условия акта знакообразования, предопределяющие языковой статус словесного знака, в таблицу (см. табл. 1).

Интересно привести для сравнения критикуемое В. В. Мартыновым расширительное понимание понятия «знак»: «...Под знаком,— пишет он,— господствующая в настоящее время традиция понимает любое, восприни-

маемое нашими органами явление в той мере, в какой оно свидетельствует о явлении, прямо не наблюдаемом»¹².

Возвращаясь к обсуждению данного нами определения словесного знака, содержащего указание не только на его свойства, но и на условия знакообразования в целом, прокомментируем каждое из них.

М а т е р и а л ь н о с т ь любого знака, словесного в том числе, — свойство, почти никогда не подвергавшееся дискуссии, очевидное.

И тем не менее, гипертрофия материальной стороны языкового знака вообще, словесного в особенности, приводила не одного исследователя к утверждению об одностороннем его характере. Понимание словесного знака как односторонней физической (звуковой или графической) данности приводит к отождествлению его со знаками прочих знаковых систем, а самое главное, лишает слово как номинативную единицу основных его функций — репрезентативной и идентифицирующей. Форма знака или, как принято после Ф. де Соссюра называть, «означающее» существует в двух его ипостасях, как все материальное: материальной (звуковой или графической) и идеальной. Материальное, в частности звуковой состав слова, обретает форму идеального образа материальной стороны знака. Естественно, что материальная форма выражения словесных знаков является первичной по отношению к его психическому образу, к отображению. В естественных языках форма знака выступает то как чувственно воспринимаемая, материальная, то как идеальная, недоступная наблюдению данность. В процессе общения, например, материальная форма знака релевантна лишь для слушающего, воспринимающего речь, и то идентификация акустически артикулируемого происходит в сознании слушающего на основании уже имеющегося у него в памяти, в сознании умственного, идеального образа или представления услышанной им материальной формы знака. В словесных знаках, в которых связь формы и содержания доведена до автоматического их воспроизведения, его материальная опора имеет своеобразный статус. С одной стороны, из-за теснейшей и неразрывной связи формы знака с его

¹² В. В. Мартынов. Семиологические основы информатики. Минск, 1974, стр. 3.

означаемым, слова обретают такое свойство, которое именуется «прозрачностью для значения».

При изучении иностранного языка на первых порах много внимания уделяется произношению и произнесению слов, и только с установлением артикуляционных навыков и, главное, с замыканием психологической связи данного звукового комплекса с определенным значением слово свободно входит в арсенал средств, формирующих высказывания.

В родном нам языке, воспринимая и особенно произнося слова, мы как бы не замечаем их материальной формы как чего-то автономного, отдельного, а как раз наоборот, форма словесного знака в нашем сознании тесно связана с содержанием, они запечатлеваются как единое, неразрывное целое, так что мы совершенно не фиксируем на форме знака свое внимание.

И в то же время форма знака при становлении словесного знака является основным компонентом в акте знакообразования, выполняя роль означиваемой основы наименования, материальным носителем расчленения идеальных сущностей, представлений, понятий, их отдельных признаков. Словесный знак, как никакой другой, представляющий собой отдельное знаковое выражение, обозначающее определенный элемент опыта, будучи созданным и социально принятым, живет тысячи лет, и форма словесного знака является той постоянной, инвариантной основой, которая обеспечивает ему синхронное и историческое тождество.

Иметь значение — второе необходимое условие возникновения и существования словесного знака. Последовательность фонем может составить слово только тогда, когда ей придана говорящим коллективом некая семиологическая ценность.

Следовательно, б и л а т е р а л ь н о с т ь словесного знака является второй его специфической чертой.

В классическом традиционном языкознании стало уже аксиоматическим утверждение о том, что ни звуковой комплекс, ни понятие, взятые сами по себе, не составляют еще того неразрывного языкового единства, которое называется словом. Однако билатеральный характер словесного знака, предопределяющий существование этих основных двухсторонних единиц языка, — свойство, подмеченное учеными тысячи лет тому назад, — как ни странно,

продолжает вызывать горячие диспуты и в наши дни ¹³.

Словесный знак, как никакой другой в языке, является инструментом и одновременно продуктом осознанной деятельности, поднявшимся на уровень условных раздражителей, рефлексов наших представлений.

Обе стороны словесного знака — означающее (*signans, signifiant*) и означаемое (*signatum, signifié*) — как неразрывное единство фиксируются в сознании в виде абстракций, отображения того и другого в их связи друг с другом. В языке все предметы, всевозможные их связи и отношения существуют в виде понятий, которые фиксируются дискретными или глобальными языковыми средствами выражения.

Только единство двух сторон словесного знака делает его средством, удовлетворяющим актам познания, социальным потребностям данной языковой общности людей.

Прежде чем стать знаком, сигнализирующим о предмете или представлении, любой элемент (в языке или любой другой системе знаков) должен быть означен, наделен в рамках этой системы каким-то значением, ему непременно должна быть придана некая значимость. Условия и средства акта знакообразования, мало разрабатываемые в лингвистической семиотике, в виде двух способов языкового означивания были сформулированы Э. Бенвенистом ¹⁴.

Под условиями означивания языковых знаков следует понимать наличие средств языкового выражения той или иной семйологической значимости и факт вхождения образующегося знака в ту или иную систему (подсистему, парадигму) с последующим его осмыслением как единицы этой системы. Сравните, например, образование производных номинативных значений слов: до тех пор, пока слово в своем новом номинативном значении не будет фактом системы языка, пока не образует в своей сочетаемости

¹³ Ср. дискуссионные статьи, опубликованные в «Acta Linguistica» (Copenhagen) в 1939—1944 гг., а также ответы на вопрос: «Что Вы понимаете под языковым знаком?», предложенный участникам международного симпозиума в Эрфурте («Zeichen und System der Sprache», Bd. I, II, Berlin, 1961—1962) и «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.

¹⁴ E. Benveniste. *Semiotique de la langue*. «Semiotics», 1969, № 1, 2. В русском переводе включена в кн.: «Общая лингвистика» (под ред. Ю. С. Степанова). М., 1974.

целого ряда или парадигмы, оно останется на уровне обычного или метафорического употребления.

Семиотическим Э. Бенвенист называет «способ означивания, присущий языковому знаку и придающий ему статус целостной единицы. Взятый сам по себе знак, — пишет он, — представляет чистое тождество с самим собой и чистое отличие от любого другого, он является означающей основой языка, необходимым материалом выражения.

Он существует в том случае, если опознается как означающее всей совокупностью членов языкового коллектива и если у каждого вызывает в общем о д и н а к о в ы е а с с о ц и а ц и и о д и н а к о в ы е п р е д с т а в л е н и я»¹⁵ (разрядка моя. — А. У.)

Под семантическим Э. Бенвенист имеет в виду «специфический способ означивания, который порождается речью»¹⁶.

Этот способ означивания связан со специфической ролью языка как механизма образования единиц другого типа — предикативных, как основных в коммуникативном акте: высказываний, сообщений. Собственно знаковыми можно считать словесные знаки, как выполняющие роль заместителей предметов, вещей и способные вызывать в памяти и идентифицировать схожие предметы обозначения. Проводя четкое разграничение между единицами первой (слова) и второй сфер означивания (высказывания), Э. Бенвенист пишет, что «семиотическое (знак) должно быть узнано, семантическое (речь) должно быть понято»¹⁷.

Исключительное положение естественного языка в том и заключается, что ранее означенные слова (в статическом аспекте) способны по свойственным языку правилам «порождать» актуальные единицы, высказывания и т. п.; из этого замечательного свойства естественного языка создается возможность интерпретировать другие знаковые системы, выступать в роли метаязыка.

Возвращаясь к двусторонней природе словесных знаков, необходимо обсудить вопрос, что представляет собой концептуальное содержание, приписываемое форме знака той или иной языковой общностью в рамках определенной системы.

¹⁵ Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 133.

¹⁶ Там же, стр. 134.

¹⁷ Там же.

Ономасиологический анализ, нацеленный на изучение, прежде всего, репрезентативной и идентифицирующей функций слова, предполагает детализацию того концептуального содержания, которое цементирует прямую номинацию слова.

Формирование познавательного образа, представления, понятия о предмете и его связях в реальном мире, закрепление этого понятия за языковым элементом и составляет знаковую репрезентацию, сущность которой заключается не только в обобщении и замещении вещей, но еще и в идентификации их.

В силу этого предметные имена, особенно референтные, включают в свое номинативное содержание не только понятия, но и элементы чувственной ступени познания: зрительного, слухового и пространственного представления вещей и предметов.

Характерным для прямой номинации, в которой связи имени с предметным рядом более рельефно прослеживаются, чем при вторичных или косвенных наименованиях, чувственное и рациональное дополняют друг друга, пронизывая познание во всех его мыслительных формах и на всех этапах становления знака.

Если эти гносеологические категории передать терминами (и понятиями) высшей нервной деятельности, то основное противопоставление в объекте гносеологической ситуации предстанет в следующем виде: 1. материальная действительность; 2. первая сигнальная система действительности (представления); 3. вторая сигнальная система действительности (расчлененные словами понятия).

Характеризуя сущность человеческого познания и роль языка, И. П. Павлов писал: «...Слово составило вторую, специально нашу сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов»¹⁸.

Для человека как мыслящего существа, ежеминутно совершающего познавательную (практическую или теоретическую) деятельность, объективный мир предстает в трех аспектах:

1. материальная действительность с вещами, предметами и их многообразными отношениями в пространстве — объект непосредственного наблюдения и восприятия;

¹⁸ И. П. Павлов. Полное собрание трудов, т. III. М., 1949, стр. 568.

2. представления о материальной действительности как результат чувственного ее восприятия (зрительного, тактильного и т. п.) — первые сигналы действительности;

3. идеальная (отраженная) действительность — мир образов, понятий, идей, расчлененных и фиксированных словесными наименованиями.

Следовательно, слова — не простые названия, не этикетки, а психо-физиологические сущности, одетые в языковую форму, ставшие для человека сигналами действительности, средством дематериализации второго порядка удаленности от видимого, осязаемого, ощущаемого. «Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми»¹⁹.

Представления и ощущения как сигналы первой сигнальной системы действительности присущи как человеку, так и животным; различие состоит в том, что у животных они являются аморфными и комплексными, у человека — они расчленены словами. Понятие членимости материального мира и представлений людей языковыми единицами в языкознании нашли выражение в разного типа теориях. Достаточно упомянуть В. Гумбольдта и его последователей, Л. Вейсгербера и Й. Трира с тщателью в течение десятков лет разрабатываемой методикой «Изучения языкового содержания» (Sprachinhaltsforschung). В основе научных взглядов (касающихся более лингвистического, нежели гносеологического аспекта членимости) многих крупных ученых разных времен и разных направлений²⁰ лежит все то же понятие членимости. Одни разрабатывают проблематику членимости предметного мира и наших представлений о нем, других занимают вопросы членимости языковой структуры, третьих — членение двусторонних единиц на их означаемое и означающее, на выделение мельчайших единиц содержания и формы выражения.

Возвращаясь к свойствам словесного знака, необходимо отметить его способность расчленять наши представления и восприятия объективной действительности и чле-

¹⁹ Там же, стр. 569.

²⁰ Ср. знаковую теорию языка Ф. де Соссюра, теорию двойного членения языка А. Мартине, понятийные категории К. Эсперсена и И. И. Мещанинова и др.

ниться на более мелкие двусторонние и односторонние единицы.

Сущность становления первичных номинативных знаков (слов и словосочетаний) состоит в итоге в том, что их «реализация должна вызвать в некотором коллективе, пользующемся единой общей знаковой системой, одинаковое представление»²¹. И далее: «Стремясь упорядочить и расширить знания о мире путем ограничения его данного нам в представлениях разнообразия, человек создает репрезентанты для повторяющихся элементов представлений, т. е. знаки»²².

Отмечая эту важную черту словесных знаков, Т. В. Булыгина пишет: «Целесообразность отдельного знакового выражения для каждого элемента опыта и для их обязательных, всякий раз повторяющихся характеристик, очевидно, связана с принципиальной ограниченностью количества знаков, обозначающих элементы опыта»²³.

Свойство «повторяемости» и «идентичности» обозначаемого словесным знаком представления позволяет воспроизводить его, в противном случае язык не сможет осуществлять его основное назначение быть средством общения.

Репрезентация, наименование словом как знаком первичного означивания, называющим повторяющиеся признаки наших представлений о предметах реальной действительности, создается в целях сообщения, в коммуникативных целях.

«Сообщение,— писал В. Пизани,— которое является актом социальным, требует определенных знаков, с помощью которых говорящее лицо может выразить ощутимым образом свое представление и по которым, восприняв их, собеседник может воспроизвести это представление»²⁴. Г. Пауль, отмечая эту особенность языкового обозначения, писал, что пользующийся иностранным языком не всегда знает, «в каких границах надлежит ему выделить из целостного восприятия тот отрезок, который обозначен словом»²⁵.

²¹ В. В. Мартынов. Указ. соч., стр. 13.

²² Там же, стр. 21.

²³ «Общее языкознание». Раздел «Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов». М., 1970, стр. 155.

²⁴ В. Пизани. Этимология. История — проблема — метод. М., 1956, стр. 47.

²⁵ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 105.

В приведенном высказывании Г. Пауля под словом «отрезок» (сравните также часто употребляемую в отечественном языкознании метафору «кусочек действительности»), следует понимать не материальную действительность, а наши представления о ней, опосредованные нашими органами чувств — сигналы первой сигнальной системы действительности, которая «в виде наших представлений выделяет в континууме действительности некоторые предметы. Выделение предметов необходимо для их различения, а различение для их узнавания»²⁶.

Следовательно, если слово существует в памяти в виде наших представлений о действительности, то предметом²⁷ именованя, обозначения являются, естественно, не конкретные предметы материальной действительности, а уже чувственно расчлененные, повторяющиеся и легко воспроизводимые представления о предмете (как целом или отдельных его свойствах) как элементе опыта, в отвлечении от его различных ситуаций и окружений.

Словесные знаки, называя эти представления, становятся как бы их заместителями тогда, «когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций) и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается»²⁸. Часто не только в языковом значении, но и в акте мышления трудно разграничить разные уровни абстракции, степень снятия предметного, чувственного, как это представлено в знаковом значении сигналами первой и второй сигнальных систем действительности: знаки первой сопровождаются второй, знаки второй подкрепляются знаками первой. Можно полагать, что «прорыв» слов к реальной действительности и «удаление» от нее происходит через наши представления о действительности, которые конкретнее, реальнее, ближе к ней.

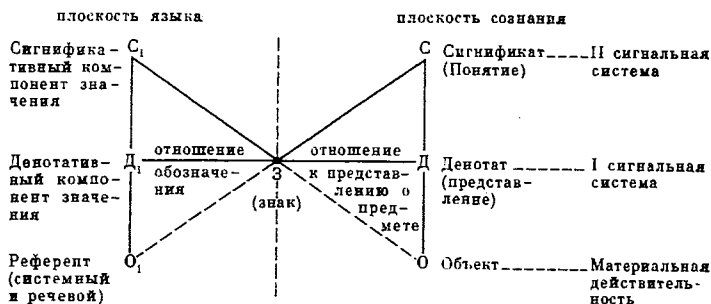
Анализ знакообразования в лингво-семиотическом аспекте с опорой на материалистическое понимание механизма познания, физиологической основой которого является вторая и первая системы действительности, позволяет уточнить некоторые ономаσιологические понятия.

²⁶ В. В. Мартынов. Указ. соч., стр. 11.

²⁷ Часто возникают недоразумения из-за того, что иногда взаимозаменяемо употребляют два совершенно разных по смыслу сочетания: предмет обозначения — обозначаемый предмет.

²⁸ В. В. Мартынов. Указ. соч., стр. 18.

В частности, несколько по-иному можно представить и интерпретировать так называемый «семантический треугольник»; представим его условно двумя тождественными треугольниками, принадлежащими разным плоскостям (аспектам) языковой и внеязыковой (мыслительной) действительности. Общая точка, в которой помещен словесный знак, позволяет этим треугольникам совпадать, накладываться один на другой (см. схему).

Слово можно считать знаком в той мере, в какой оно выполняет свою главную функцию номинативно-репрезентативную, давая наименования представлениям и понятиям об объектах реальной действительности.

Поэтому предметом наименования, обозначения словесными знаками даже при их первичном означивании не могут быть конкретные объекты действительности; последние выступают в качестве референтов имен в коммуникативных (актуальных) единицах языка.

Предметом именованья в том случае, когда в объективном мире со словом коррелирует любое воспринимаемое нашими органами чувств явление, прямо наблюдаемая вещь, будет представление об этом явлении. Тогда, когда именуется «ненаблюдаемое», т. е. целое или частичное понятие, или отдельный понятийный признак, то обозначаемым является понятие.

Возвращаясь к графическому представлению языкового и знакового аспектов слова, следует отметить, что плоскость ЗСД, заключенная между линией отношения знака к понятию (ЗС) и линией отношения знака к представлению о предмете (ЗД), есть плоскость логико-предметного содержания, которая ограничивает варьирование пред-

метной и понятийной отнесенности, т. е. знакового значения лексем, относящихся к разным семантическим разрядам: к конкретным, абстрактным и чисто идентифицирующим, а также к различным семиологическим классам словесных знаков.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОГО ЗНАКА

При определении природы словесного знака признаком, бросающимся в глаза, является та прочная и неразрывная связь между внешней (звуковой) и внутренней (смысловой) сторонами, которая является определяющим моментом не только для существования и функционирования самого словесного знака — эта связь создает сам знак и помогает закреплению за ним в языке все новых и новых значимостей.

А. И. Смирницкий писал в этой связи, что «материальная языковая оболочка постольку и является звуковой оболочкой, поскольку она наполнена смысловым содержанием; без него она уже не есть явление языка»²⁹.

Несмотря на прочное единство формального и содержательного, когда словесный знак возник и принят говорящим коллективом, между двумя сторонами — внешней, формой знака и внутренней — его означаемым нет однозначного соответствия; кроме того, это единство не абсолютно, а относительно, т. е. может быть нарушено.

В отличие от других двусторонних единиц языка, от словосочетаний и предложений, особенностью словесного знака является то, что одна знаковая форма (звуковая или графическая последовательность) способна быть связанной с целым комплексом означаемых, граница между которыми трудно различима, ибо в статическом плане различные ступени абстракции в означаемом знаке сливаются воедино и делают содержание словесного знака неоднородным и недискретным. Граница между минимальными единицами содержания словесного знака проводится языковыми средствами — противопоставленностью другим единицам системы, либо сочетаемостью данного словесного знака с другими в линейном ряду. Свойство неоднозначного соответствия формы словесного знака его содержанию,

²⁹ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1954, стр. 87.

сформулированное в науке о языке в виде принципа «асимметричного дуализма»³⁰, придает словесному знаку особенную семиологическую черту — двойной референции знака — в системе и в речевых актах.

С вопросами билатеральности словесного знака связывается и дискутируется другая его черта — произвольность. Произвольность составляет необходимое условие семиотического процесса. Различают два вида произвольности словесного знака — абсолютную и относительную.

Под абсолютной произвольностью понимается, прежде всего, произвольная, немотивированная природой вещей связь означаемого и означающего словесного знака. Под относительной произвольностью понимается частичная мотивированность, имеющая место при образовании словесных знаков из имеющихся уже в системе языка корневых морфем и системы словообразовательных средств. Объем ограничений, которые накладываются на словесные знаки словообразовательной системой, степень мотивированности при этом виде произвольности находит свое выражение в соотношении доли мотивированных и немотивированных слов в языке; языки с преобладанием первых Ф. де Соссюр назвал «грамматическими», вторые — «лексикологическими».

Системная обусловленность словесных знаков как двусторонних единиц языка, естественно, составляет новую разновидность «относительной произвольности»; изучение системных свойств лексики следует видеть поэтому в степени ограничения произвольности. Наличие в языке определенной системы грамматических классов и категорий слов, парадигматических группировок и синтагматических рядов, различных типов морфологических и семантических структур, многочисленных семантических, семиологических и семантико-синтаксических рядов словесных знаков есть ничто иное, как способ ограничения произвольности знаков, принцип и правила, упорядочивающие их реальное функционирование.

Кроме того, произвольность словесного знака ограничивается, не в последней степени, в процессе функциони-

³⁰ С. О. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965.

рования тем воздействием, которое оказывают на него социальные и — шире — экстралингвистические факторы.

Под влиянием социальных функций, которые он призван выполнять, словесный знак ограничивает свой «произвол» определенной сферой функционирования (географической, диалектной, социальной, стилистической и т. п.), подвергается сознательному воздействию со стороны носителей языка и нормативных установлений (литературная обработка, установление норм и т. п.).

Произвольность словесного знака можно усмотреть в том, что основным законом его существования является традиция. Каждое поколение, принимая язык как эстафету от предшествующего поколения, не имеет возможности никакого выбора, и также по традиции передает его следующему поколению.

В связи с этим основной тенденцией функционирования словесного знака является то, что последний сопротивляется изменениям, эволюционируя очень медленно, в силу чего в языке откладываются архаизмы, существует большое число алогизмов, не объяснимых зачастую ни логикой системы, ни логикой обозначаемых знаками вещей и явлений объективного мира. Структурная и семантическая мотивированность стираются, а знак продолжает функционировать как в полной мере произвольный (ср. противопоставление «система — узус»).

Произвольность словесного знака сказывается в том, что не только отдельный носитель языка, но и вся языковая общность не в силах управлять законами и механизмом означивания и функционирования словесных знаков. Сознательная регламентация человеком языковых знаков вообще, словесных в особенности, очень ограничена, она ничтожна по сравнению с их внутривидовой и традиционной предписанностью.

Наконец, произвольность знаков можно усматривать в стихийности их образования и возникновения.

Сущность семиологической природы словесного знака, являющегося языковым коррелятом познавательных категорий отождествления и различения, заключается в способности дифференцировать и отождествлять себя по отношению к другим знакам.

Будучи образован скрещением этих двух мыслительных процессов, словесный знак может быть отождествлен и/или дифференцирован как по своему содержанию, так и по

знаковой форме. Возможность отождествления словесных знаков в силу дифференциального построения обеих его сторон, приводит к тому, что каждое слово является потенциально омонимом и синонимом одновременно. Каждый полнозначный словесный знак имеет в своем содержании общий, отождествляющий семантический признак и различительный, дифференцирующий признак. Поэтому каждое предметное, референтное имя может быть одновременно отождествлено с другими знаками и быть от них непременно в чем-то отличным. При новой номинации, т. е. вхождении знака в новый парадигматический ряд или в сочетания с другими словами, непредусмотренными системой, новое включается как «новый род старого вида». В силу этого основными принципами структурной организации номинативных словесных знаков являются следующие три: 1) в парадигматике — принцип включения, 2) в синтагматике — сочетаемости, совместимости смыслов, 3) в эпидегматике — семантической производности.

Соответственно этим трем осям структуризации системы словесных знаков, последним присуща: номинативная ценность, способность называть, обозначать предметы и получать в парадигматическом ряду при сопоставлении определенную парадигматическую значимость; синтагматическая ценность (валентность) — способность в силу своей номинативной ценности вступать в лексические связи с другими (семантически совместимыми) словами; 3) эпидегматическая ценность — способность к семантической производности словесного знака на основе его прямого номинативного значения, предопределяющая границы варьирования самого знака и его значения.

Семантическая структура словесного знака есть реальное бытие и манифестация его исторического и синхронного тождества.

Исключительно своеобразной чертой словесного знака, выполняющего наибольшее (по сравнению с другими единицами) число функций: номинативно-репрезентативную и познавательно-обобщающую в системе средств, идентифицирующую и коммуникативную в коммуникативных актах, — является то, что он существует в двух своих модификациях: как виртуальный в системе номинаций и как актуальный, реализованный в речи.)

Интересно отметить, что в языке в силу наложенных на него ограничений объемом памяти человека и ограничен-

ными возможностями его генераторов и рецепторов, существуют глобальные знаки, выражающие своей формой комплекс элементарных единиц содержания (лексического и грамматического); ср. *человек — люди*, где лексическое сопряжено с грамматическим. Наличие виртуальных словесных знаков необходимо и потому, что язык должен и может осуществлять все многообразие функций; как средство познавательной, речемыслительной и коммуникативной деятельности язык «движется» между двумя полюсами: от конкретного к абстрактному («вещь — деятельность — слово») и от общего к индивидуальному («слово — деятельность — вещь»). Означаемое семантически первично означенных словесных знаков носит виртуальный характер еще и потому, что язык, социальный по природе и индивидуальный по использованию, всегда остается независимым от употребляющих его индивидов. Как уже отмечалось выше, в означаемом словесного знака выражен и чувственный, и деятельностный аспекты, возникающие из общения человека с другими людьми.

Словесный знак виртуально должен быть автоматизированным и застывшим с точки зрения функции и структуры. Словесный знак способен обобщенно выражать идею, дифференцируя или отождествляя понятие, мысль, и в то же время служить средством общения, неся в каждом акте речи конкретную информацию.

Словесный знак в ряду других знаков языка является основным, потому что он имеет семиологическую ценность в нескольких планах: он обобщает (сигнификативная функция), дает наименование, обозначает (номинативная функция), служит означивающей основой коммуникативных единиц, выражает определенное чувство, переживание говорящего и слушающего (прагматическая функция).

Словесный знак остается всегда тождественным себе и в то же время он должен быть одновременно подвижным, чтобы удовлетворять потребностям пользующегося им коллектива.

«Призванный приспособляться к конкретной ситуации, знак может изменяться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественен самому себе»³¹. Что у словесного знака изменчиво, что постоянно?

³¹ С. О. Карцевский. Указ. соч.

Элементы опыта, подлежащие обозначению, знаки — двусторонние единицы, служащие обозначением первых, и форма знака не соотносительны в количественном аспекте: элементы опыта — безграничны, словесные знаки — многочисленны, но ограничены, форма словесных знаков — предельно ограничена комбинированием нескольких десятков смыслоразличительных звуков, присущих системе того или иного языка. Оказывается, что наиболее «дорогостоящими» являются средства формального выражения знака. В силу этого ограничения звуковой состав словесных знаков является наиболее устойчивым и постоянным, обеспечивающим и сохраняющим материальное тождество знака. Вопрос об общем и конкретном, о постоянном и переменном сопрягается со свойством двойной структуризации языковых единиц — в системе средств и при реальном функционировании языка в речи, с проблемой разграничения языка как системы потенциальных (виртуальных) средств и речевых актов как актуализации этих системных возможностей.

Чем создаются у словесного знака системные смысловые потенции, которые реализуются в речи? Прежде всего словесный (полнозначный, называющий) знак, формируя свое значение, соотносится, как не раз отмечалось, не с единичным конкретным предметом, явлением, а с понятием о целом классе предметов или группе подобных ему. Поэтому любое предметное значение, особенно референтное, с точки зрения психологии и конечного результата его образования, есть обобщение, представляющее собой название целого класса предметов.

Отношение между понятием, передаваемым данным словесным знаком, и предметом, им называемым, таково, что понятие как сумма отличительных признаков данного класса предметов (плюс сумма знаний, добытых об этом классе предметов) ложится в основу содержательной характеристики предметов, а имя, соответственно, вычленив, называет сумму отличительных признаков, присущих данному классу предметов. В тех случаях (например, в разряде нарицательных имен), когда между понятийной (сигнификативной) и предметной (денотативной) отнесенностью знака существует совпадение, равное соотношению содержания и объема понятия, словесный знак является наименованием целого класса конкретных предметов, подводимых под данное содержание, и выражает конкрет-

ное, содержательное понятие целого класса предметов, подпадающих под его объем. Ср. *книга, стол, учитель, парта, стул* и т. д.

В тех словесных знаках, где понятийная соотнесенность превалирует над предметной, словесный знак служит названием общего понятия или отдельного признака в отвлечении от его носителей. Ср. *дружба, синева, красота* и др.

В случае так называемой узкой и бедной по своему понятийному содержанию, специализированной лексики (и особенно в именах собственных) предметная соотнесенность доминирует над понятийной стороной означаемого знака, поэтому последний является специализированным именем предмета или явления.

Следовательно, помимо формы словесного знака и его номинативной функции, как основной, постоянным элементом в содержании является, в зависимости от типа знаков, то понятийный компонент означаемого, то предметный. Все изменение семантики словесного знака представляет собой диалектически разрешимое противоречие общего и конкретного, постоянного и переменного, смену референтов имени при относительно стабильном понятии (сигнификате), вызываемую функционированием словесного знака в актуальной речи.

Несмотря на различное понимание природы лексического значения слова, делались многочисленные и безуспешные попытки выделить в содержании слова его постоянные элементы. Ср. «узусальные и окказиональные»³², «прямые и переносные»³³, «прямые и производные номинативные»³⁴ значения слова.

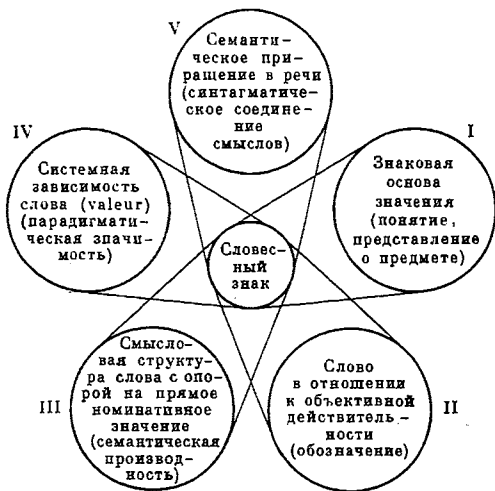
Сложное, далеко не гомогенное содержание словесного знака условно представлено на схеме (см. стр. 28).

Сложность многомерного и «разноплоскостного» содержания словесного знака не только трудно изобразить графически, но столь же трудно охватить языковым сознанием. В словесном знаке находят свое выражение, сопрягаясь, но не совпадая, отношения двух разных объектов: 1) единицы и семиологические значимости собственно языковой системы; 2) отраженные объекты реальной действи-

³² Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.

³³ G. Stern. Meaning of Meaning. Göteborg. 1931.

³⁴ В. В. Виноградов. Типы лексических значений слова.— ВЯ, 1953, № 3.

тельности и их сложные отношения друг с другом. Можно огрубленно говорить о двух основных аспектах семантики слова: 1) сторона, обращенная к внешнему миру, отраженная через словесный знак, формирует его знаковый аспект; 2) сторона, обращенная во внутрь самой системы языка, составляет собственно языковой аспект лексического значения.

На схеме собственно знаковый аспект представлен окружностями I и II, которые в соединении друг с другом формируют словесный знак. Со стороны пользующихся языком I — экспонирует денотативно-сигнификативную (или только денотативную, или только сигнификативную) основу знакового значения, которая формирует прямое номинативное значение знака; в то время как II предстает для пользующихся языком со стороны своей знаковой формы. Создается впечатление, что обозначение, имя — это односторонняя физическая данность, подобие этикетки или вывески. В каких бы ракурсах слово не всплывало в сознании носителей языка, оно всегда остается двусторонней сущностью. Слово, называя предмет, явление, обозначает его как целое, со всеми выявленными и невыявленными свойствами; обозначая предмет, явление как целое, словесный знак тем самым служит именем не только единичного экземпляра, а названием всей совокупности подобных ему, давая имя всему классу. Номинативный словесный

знак связан ономаσιологическим отношением не только с денотатом, очерчивающим круг его предметной отнесенности, но и с понятием, сигнификатом, составляющим его понятийную отнесенность. Отсюда — важное свойство словесного знака, его способность одновременно (симультанно) обозначать и отображать реальный мир во всех сложностях предметов, явлений и их отношений.

Второй, собственно языковой аспект (по схеме III, IV, V графы) содержания словесного знака составляют языковые сущности. Слово, несмотря на трудность его определения, есть не только многоликая семиологическая данность, но и сложная, многомерная языковая единица. «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка»³⁵.

Структура словесного знака, как отмечалось выше, — двусторонняя сущность. Структура же слова как языковой единицы гораздо сложнее.

Если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия или представления, для каждого оттенка мысли или чувственного восприятия должны бы существовать, постоянно возникая, отдельные словесные знаки. Механизм языка устроен так, что все перечисленные выше аспекты — обозначение имени, отграничение и выделение определенного понятия, разные ассоциативные связи и оттенки чувственных восприятий — все связаны со словом, осуществляются этой центральной единицей. Более того, в структуре содержания слова все смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности с прямым номинативным значением в центре иерархической системы.

Семантическая структура слова свидетельствует о наличии у слова уникального свойства — исторической семантической производности — свойства, фактически присутствующего только слову.

Кроме того, свойство системности, заданное словесному знаку условием самого процесса знакообразования, порождает новые проявления его содержания, которые выступают в виде семантических транспозиций номинатив-

³⁵ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 111.

ного значения — парадигматической значимости (valeur) в системе и синтагматической ценности, смыслового «прироста» в синтагматике, в линейном ряду. И здесь слова как единицы структуры того или другого языка подпадают под грамматические законы, которые во многом предопределяют приемы и принципы связи морфем и слов в системе языка, соотношения и способы их конструктивного объединения в единицы бóльшие, чем слова.

Продолжая обсуждение особенностей языкового знака, необходимо подчеркнуть такую черту его означаемого, как историческая непрерывность. В связи со свойством асимметрии словесного знака уже отмечалось, что непрерывность и глобальность семантики словесного знака находит свое выражение в явлениях полисемии, лексической и лексико-грамматической омонимии.

Наличие в содержании слова признаков разной степени обобщенности (грамматических, присущих целым классам и категориям слов, и лексических, являющихся принадлежностью единичных словесных знаков), линейность означающего и глобальность означаемого создают специфическое свойство непараллельности двух сторон языка в целом, словесного знака в том числе. Непараллельность двух сторон знака находит свое выражение в так называемых недискретных фактах языка: в полисемии, омонимии (одно означающее — несколько означаемых), в синонимии и полилексии (одно означаемое — несколько означающих), в наличии в системе языка синкретических и дублетных форм знаков.

Дифференциальный характер обеих сторон знака создает неограниченные возможности варьирования не только означаемого, но и означающего знака.

Определенная автономия двух сторон словесного знака позволяет обозначающему обладать иными функциями, нежели его собственная, обозначаемому быть выраженным иными средствами, нежели его собственная форма знака.

Своеобразие в соотношении двух сторон знака заключается не столько в отсутствии одно-однозначного, постоянного соответствия означаемого означающему, сколько в факте неконгруэнтной членимости на элементы означающего и означаемого. Каждая из сторон словесного знака имеет свои принципы членимости и свои формы структурной организации, что в свою очередь создает определенную автономию содержания и формы знака.

В качестве одного из основных принципов языкового знака Ф. де Соссюр выдвигал линейный характер означающего³⁶. Следует отметить, что этот действительно фундаментальный для языкового механизма признак предполагает не пространственную, а временную линейность, строгое направление и последовательность акта говорения во времени.

Итак, подводя итоги обсуждения специфики словесного знака как в ономаσιологическом, так и семасиологическом аспектах, следует отметить основные принципы и свойства его структурной организации: билатеральность знака, глобальный, недискретный характер означаемого, дифференциальная природа обеих сторон знака, асимметрия и историческая непрерывность, временная линейность знака, различие в структурировании элементов, составляющих означаемое и означающее, произвольность знака.

ТИПЫ СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВЕСНЫХ ЗНАКОВ

Результаты познавательной и номинативно-классификационной деятельности языка находят свое выражение в поменклатуре лексических единиц, в структуре вокабуляра каждого языка.

Слова как элементарные лексические единицы (по сравнению со словосочетаниями) словарного состава языка различны по целому ряду признаков: по характеру их значения, по выполняемой в языке функции, по соотношению/несоотношению слова с объективной действительностью, по «мере» соотношения в слове лексического и грамматического, которые настолько прочно, порою причудливо взаимосвязаны, что недискретное, неразложимое создает в языке особые лексико-грамматические классы и структурно-семантические разряды слов. «...Структурно-семантические типы слов неоднородны и эта неоднородность строя слов больше всего зависит от характера сочетания и взаимодействия лексических и грамматических значений»³⁷.

Традиция разграничения слов по характеру их вещественно-предметного содержания и по их назначению в

³⁶ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 80.

³⁷ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, стр. 28.

структуре языка восходит к Аристотелю, и осуществлялась в двух основных руслах: 1) грамматическом и 2) логико-семиотическом.

В качестве грамматического подхода к различению словесных знаков на структурно-семантические разряды слов возьмем традицию русской грамматики, с XVIII в. до наших дней делившую все слова на два больших разряда: знаменательные и служебные. В числе разграничительных признаков в разряде служебных выдвигались семь³⁸, мы остановимся на четырех из них: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы (например, союзы *и, если* и т. п., относительные слова *который, чей*, предлоги *у, на, в*, которые не способны ни конструировать, ни распространять словосочетание или синтагму); 3) морфологическая нерасчлененность или семантическая неразложимость большинства из них (*при, вот, ведь, чтобы, затем* и т. п.); 4) своеобразии грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов.

Наряду с этими двумя основными разрядами, называемыми разными учеными по-разному: «лексические и формальные слова» (А. Потенция), «полные и частичные слова» (Ф. Фортунатов), выделялась в особый разряд категория междометий.

В. В. Виноградов, создавший целостное последовательное учение о слове, выделял четыре основных грамматико-семантических категорий слов: слова—названия, характерными чертами которых является то, что «этим словам присуща номинативная функция. Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества, признаки, числовые связи и отношения, обстоятельственные и качественно-обстоятельственные определения и отношения вещей, признаков и процессов действительности и применяются к ним, указывают на них, их обозначают»³⁹.

Принимая во внимание больше всего признаки «иметь способность быть членом предложения» и «иметь систему форм», В. В. Виноградов относит к разряду слов-названий и местоимения, которые, как известно, таковыми едва ли являются.

³⁸ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 28—31.

³⁹ Там же; стр. 29.

Ко второму структурно-семантическому разряду, противостоящему полнозначным частям речи, В. В. Виноградов относит связочные, служебные слова, которые лишены номинативной функции и «относятся к миру действительности через посредство и при посредстве слов-названий. Они принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений — причинных, временных, пространственных, целевых и т. п.»⁴⁰.

Одной из особенностей этой категории слов В. В. Виноградов отмечает их статус: «Связочные слова не «материальные», они формальные»⁴¹, в них лексическое (вещественное) значение и грамматическое значения совпадают.

К третьему типу слов относятся в концепции В. В. Виноградова модальные слова, к четвертому — междометные.

Разграничение слов с учетом характера выражаемых ими понятий, роли в предложении и типа их структурной оформленности, восходящие к греческой и латинской грамматике, нашло свое отражение в истории языкознания в многочисленных классификациях слов по частям речи.

В силу того, что словесные знаки многомерны по своей структуре и полифункциональны по назначению, эти разряды слов, именуемые частями речи, выделяются разными учеными на разных основаниях: по характеру понятийного содержания (Есперсен), по лексической семантике (Слотти), как чисто формальные классы слов (Фортуатов, Кузнецов), как лексико-грамматические разряды слов (Щерба, Виноградов), или как чисто дистрибутивные классы (Хэррис)⁴².

Общим для всех упомянутых выше классификаций является факт выделения и противопоставления двух больших разрядов словесных знаков — полнозначных или (знаменательных), отражающих в своей семантике свойства и отношения предметов реального мира и неполно-

⁴⁰ Там же, стр. 30.

⁴¹ Там же.

⁴² О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 100—101; А. Слотти. *Problem der Wortarten*. «Forschungen und Fortschritte», 1932, VII; Ф. Ф. Фортуатов. *Избранные труды*, т. I. М., 1956, стр. 137—138; П. С. Кузнецов. *Опыт формального определения слова*. — ВЯ, 1964, № 5; Л. В. Щерба. *О частях речи в русском языке*. «Русская речь», 1928; В. В. Виноградов. *Указ. соч.*; S. Harris. *Methods in structural linguistics*. The University of Chicago Press, 1951.

значных (полузнаменательных, служебных), являющихся заместителями и связками первых.

Разграничение и описание словесных знаков по типу их знакового значения наиболее полно, хотя и непоследовательно было проведено в логической теории языка, т. е. в логико-семиотическом аспекте.

Джон Милль делил слова на имена (names) и синкатегорематические знаки (sincategoremata), относя к последним наречия, предлоги и т. п. Подходя к разграничению содержания словесных знаков с логической точки зрения — «способности/неспособности» выступать в роли субъекта и предиката суждения, Дж. Милль причислял к разряду имен существительные, глаголы и прилагательные⁴³.

При грамматическом подходе к семантике слов, в зависимости от того, могут ли они выполнять роль грамматического подлежащего, в категорию имен зачислялись не только существительные, но и местоимения и субстантивные фразы.

В разряде имен Дж. Милль выделял три класса: 1. общие имена, противопоставленные индивидуальным по типу и объему объектов, подпадающих под обозначение; 2. конкретные имена, противопоставленные абстрактным именам; 3. коннотативные имена, противопоставленные неконнотативным по степени информативности.

Коннотация, по Дж. Миллю, и есть значение словесного знака, следовательно, коннотативные имена можно соотносить с нарицательными (полнозначными), имеющими в своем содержании как денотативный, так и сигнификативный аспекты.

Противопоставление двух указанных компонентов знакового значения слов интерпретируется многими учеными приблизительно одинаково, хотя соответствующие понятия облакаются в разную терминологию.

В классическом традиционном языкознании это — «предметная и понятийная отнесенность слова», в формальной логике — «объем и содержание понятия», в работах по математической логике и в логической теории языка — обозначаемое (nominatum) и значение (connotation) у Дж. Милля, значение (Bedeutung) и смысл (Sinn) у Г. Фреге

⁴³ J. Mill. Systems of Logic Rationative and Inductive. London, 1843, B. I, Ch. 2.— К именам Дж. Милль причислял в основном словесные знаки, в то время как Г. Фреге — предложения.

ге, экстенционал (extension) и интенционал (intensional) у Р. Карнапа, референция (reference) и значение (sense) у У. Куайна, денотат (denotatum) и сигнификат (significatum) у А. Черча⁴⁴.

Представителями различных направлений логической теории языка не было создано последовательной классификации семиологических классов слов, тем не менее они в значительной мере способствовали разработке многих вопросов семантики и семиологии естественных языков: разграничение понятий «значение» и «смысл», функциональный подход при определении сущности языковых знаков, разграничение разных аспектов знакового значения — денотативного и сигнификативного и др.

Позднее многие из перечисленных понятий в видоизмененном виде вошли в лингвистические теории значения: денотативное и сигнификативное значение, коннотативные значения, как термин для выражения «сопутствующих» стилистических и прочих оттенков номинативного значения.

Возвращаясь к критериям классификации лексических единиц по семасиологическим классам, следует сказать, что какие бы классификации мы ни взяли, их основания одинаковы и могут быть сведены к двум: характер знакового значения и функции, выполняемые ими в той или иной сфере языковой деятельности.

Характер значения словесных знаков и роль последних в структуре языка являются действительно необходимыми, но недостаточными для отнесения их к тому или другому семиологическому классу. Для этого необходимо учитывать следующие семиологические признаки слов: 1) наличие (отсутствие) и характер соотносительности денотативного и сигнификативного аспектов, составляющих основу знакового первичного номинативного значения; 2) наличие и формы взаимоотношений в словесном знаке его абсолютных (системного знакового значения) и относительных (парадигматических и синтагматических значимостей) параметров, составляющих основу семантического варьирования словесных знаков и предопределяющих оппозицию и комбинаторику как два основных семиологиче-

⁴⁴ G. Frege. Указ. соч.; R. Carnap. Introduction to Semantics. Cambridge, (Mass) 1946; W. Quine. On what there is «From a logical point of view». Cambridge, (Mass.), 1953; А. Черч. Введение в математическую логику. М., 1960.

ских принципа их существования и функционирования; 3) сферу языка, преимущественно обслуживаемую данными знаками (номинативную, речемыслительную, коммуникативную, прагматическую); 4) способность/неспособность модифицироваться, быть распространенным в синтагматике; 5) тип смысловой структуры (if any!) словесных знаков и характер соотношения двух сторон словесного знака.

Согласно упомянутым семиологическим признакам в словарном составе любого языка можно выделить следующие разряды и классы словесных знаков.

Прежде всего выделяется разряд «полнозначных», знаменательных слов, объединяемых по номинативной как основной функции качественной характеристики предметов, явлений, их признаков и отношений. Это — имена существительные, так называемые предметные имена; глаголы и прилагательные — так называемые предикатные имена и наречия, обозначающие признак признака. Несколько в оппозиции из разряда характеризующих находятся числительные, называемые иногда знаками количественного определения.

К разряду «неполнозначных» относят разные по своим семиологическим функциям знаки: актуализаторы, выполняющие функции индивидуализации, конкретизации полнозначных слов (некоторые виды местоимений, артикли, наречия и т. п.), знаки, являющиеся заместителями полнозначных имен — указательные, вопросительные и другие местоимения.

К этому же разряду словесных знаков относятся так называемые знаки-форматоры и шифтеры⁴⁵, у которых видоизмененная функция референции сводится к актуализации и транспозиции системных значимостей в «речевые», к сдвигу единиц разных структурных уровней в системе языка при их реализации в синтагматическом ряду. В любом языке имеются в высшей степени обобщенные слова, так называемые универсальные знаки (all, everything — все, всё и др.), междометия; в силу своей семантики, соответственно, функции эти словесные знаки не могут быть отнесены ни к знаменательным, ни к служебным.

Разряд «знаменательных» слов обслуживает познавательно-классификационную деятельность человека и ле-

⁴⁵ О. Есперсен. Указ. соч.; R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard University, 1957.

жит в основе формирования абстрактно-обобщенного способа отражения мира, и, имена как имеющие в своей семантике денотативные и сигнификативные значения, служат названиями единичных и целых классов предметов, уникальных и в высшей мере обобщенных признаков и понятий.

Второй разряд словесных знаков обслуживает сферу коммуникативно-речевой деятельности, когда пользующийся языком воспроизводит полнозначные словесные знаки, соединяет их, образуя новые смыслы, в определенной последовательности, используя слова-понятия для формирования высказываний, означивая системные знаки согласно коммуникативным задачам.

Итак, в разряде называющих имен выделяются три класса: характеризующие (имена нарицательные), индивидуализирующие (имена собственные), квантитативные знаки (количественные числительные).

К разряду неназывающих относятся такие семиологические классы слов, как дейктические знаки (слова-указания относительно координат речевого акта), замещающие знаки, связочные словесные знаки (союзы, предлоги, послелогии) и знаки-актуализаторы (артикли, некоторые прилагательные, частицы).

Характеризующие словесные знаки

Под этим несколько условным термином значатся полнозначные словесные знаки, называемые «нарицательными» по отношению к именам «собственным», «знаменательными» относительно «служебных» и «символизирующими» в противоположность «дейктическим», которые составляют в каждом языке самый большой и наиболее специфичный класс. Особенность этого класса слов состоит в том, что они, в противоположность всем другим, обладают одновременно двумя основными функциями словесного знака — сигнификативной, интегрирующей и формирующей понятия, и номинативной, дифференцирующей названия классов предметов по их денотатам и сигнификатам. Словесные знаки этого класса как в той, так и в другой функции несут способность обобщенной репрезентации свойств, предметов, явлений и их отношений в реальной действительности. Под класс характеризующих слов подпадают имена существительные, прилагательные, глаголы (имена

действий) и наречия как обладающие (каждое) полной специфической смысловой структурой, предопределяемой характером номинативной ценности (денотативно-сигнификативным аспектом значения), и, в свою очередь, предопределяющей тип синтагматической ценности (лексической валентности) единиц каждого подкласса.

В системе номинаций, в языке в целом нет каких-либо особых понятий о предметах, их реальных свойствах и отношениях, которые были бы совершенно не коррелятивны мыслительным, логическим категориям; словесные знаки только по-разному выражают, называют и в той или иной мере осуществляют эти всеобщие понятия в языке.

Как соотносятся значения семиологических классов слов с логическими категориями: со значением частей речи?

Значение существительных как отдельной части речи определяется многими учеными как «предметность», «субстанциональность»⁴⁶, хотя существительные обозначают не только предметы, но и действия (*игра, ходьба, езда*), состояния (*болезнь, покой, сон*), процессы (*разговор, крашение, рисование*), свойства и качества предметов (*длина, красота, чернота*) и отношения между предметами (*родство, неравенство, подчиненность*).

Значения частей речи как пересекающихся классов словесных знаков трудно определимы. Так, значение «предметности» у имен существительных и значения других частей речи одними учеными рассматриваются как лексические, другими отождествляются с грамматическими, а третьими приравниваются к чисто логическим категориям.

Следует заметить, что понятия «предметность», «субстанциональность» рассматриваются иногда дуалистически, интерпретируются одновременно и как лексические признаки и как грамматические⁴⁷.

Из суммы сложных вопросов взаимодействия и соотношения в значении частей речи логических, грамматиче-

⁴⁶ О. Есперсен. Указ. соч.; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. «Русская речь». Новая серия, II. Л., 1928; В. В. Виноградов. Указ. соч.; Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

⁴⁷ P. M. Postal. Limitation of Phrase Structure Grammars. The Structure of Language. «Readings in Philosophy of Language». ed. by J. A. Fodor and J. J. Katz. N.-Y., 1964; G. Lakoff. Указ. соч., стр. 4—12.

ских и лексических категорий, являющихся предметом многолетних дискуссий⁴⁸, остановимся вскользь на одном — что лежит в основе значений двух основных частей речи — существительного и глагола.

Общеизвестно утверждение о том, что существительные типа *бег, ходьба* и т. п. отличаются от соответствующих глаголов тем, что они выражают действие в отличие от действующих предметов как нечто самостоятельно существующее, т. е. не как признак предмета, а как носитель признака — субстанцию. Существительные обозначают не только предметы, а и «абстрагированные действия, качества, отношения, по законам грамматики также обладают этими формами, и тем самым субстанция, выражаемая ими, грамматически уподобляется предмету и в предложении становится в такие же отношения, как предмет. Значение предметности в том и состоит, что существительное обозначает либо предмет, либо субстанцию»⁴⁹. Следовательно, в существительном, взаимодействуя, сосуществуют две разнопорядковые категории — «субстанция» и «предмет».

Понятию субстанции, выражаемому в языке существительными, противостоит другая, не менее отвлеченная логическая категория — «признак», по-разному выражаемая в языке такими частями речи, как прилагательное, глагол (и его формами — причастием и деепричастием) и наречие.

Как и в случае с существительными, соединяющими в своем категориальном значении понятия субстанции и предмета, в значении упомянутых выше частей речи сопрягаются два рода категорий: в прилагательном — признак и качество, в глаголах действие, состояние выступают как предикативный признак субстанции, в причастии — как атрибутивный признак, в деепричастии и наречии (выражающем понятие «времени», «пространства» и т. п.) — как признак признака.

⁴⁸ Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1968; Н. Sweet. Указ. соч.; А. Sècheyaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1928; V. Brøndal. Les parties du discours. Copenhagen, 1928; О. П. Суник. Общая теория частей речи. Л., 1966; В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М., 1966; П. В. Чесноков. Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону, 1961.

⁴⁹ А. Н. Савченко. Части речи и категории мышления. «Язык и мышление». М., 1967, стр. 226.

В значении частей речи, следовательно, совмещается два рода логических категорий⁵⁰: первый род — «предмет», «качество», «действие», «состояние», «время», «пространство» и т. п. — категории, отражающие различные стороны объективной действительности и формирующие категориальное лексическое значение частей речи, и второй род — мыслительные категории — «субстанция», «признак», отражающие отношения между понятиями и представлениями в мысли, своеобразно предопределяющие рамки синтагматических связей словесных знаков (их синтаксическую совместимость, несовместимость в линейном ряду).

Однако знаковое значение слов этого семиологического класса не сводится ни к обобщенным лексическим категориям («предмет», «действие», «качество», «время» и т. п.), ни тем более к чисто логическим категориям («субстанция», «признак»). Эти оба вида категорий, входя составной частью в знаковое значение полных слов, своеобразно взаимодействуя, образуют специфический класс знаков, обладающих как номинативной, так и синтагматической значимостью, способных характеризовать предметы, их свойства и отношения не только в виде статических категорий — понятий, но и динамических — суждений, и выполняют основную семиологическую функцию — осуществляют связь языка с мыслью, системы с речью.

В силу того, что существительные, глаголы и прилагательные выражают отношения между понятиями не только по содержанию (номинативной ценности знаков), как это присуще другим частям речи (например, числительным), но и в зависимости от их роли в суждении и ракурса логических связей, предопределяющих модели семантической совместимости знаков в синтагматическом ряду, в языковом сознании владеющих языком складываются определенные типы смысловых отношений на уровне обобщенных (в определенном смысле всеобщих) лексических категорий своеобразные «семантические оси»⁵¹ — «предмет-действие» (агнс действия, объект действия, инструмент действия и т. п.), «предмет-свойство» (качество предмета, принадлежность предмета и т. п.).

⁵⁰ А. Н. Савченко. Указ. соч., стр. 227.

⁵¹ W. Chafe. Meaning and the structure of language. Chicago, 1970.

Семантика словесных знаков этого класса, складывающаяся не только из номинации выражаемых понятий, но и свернутой модели логических отношений одних понятий к другим, допускает возможность различных видов трансформации, деривационной транспозиции (номинализации, адъективации, оглаголивания) одной части речи в другую на трех уровнях минимальных синтагм:

а) морфологическом: отглагольное агентивное имя — *строить* — *строитель*, *to kill* — *killer*, отглагольное объективное имя — *to intend* — *intention*, *намереваться* — *намерение*, отглагольное инструментальное имя — *to mix* — *mixer*, *смешивать* — *смешиватель*, *колоть* — *колун* (топор), *окачествляющее действие* — *black* — *blacken*, *черный* — *чернить* и т. п.);

б) лексическом: *to read a document* — *читать документ*, *the document reads* — *документ гласит*, *a readable document* — *документ, который можно прочесть* (разобрать), *приглашение артиста*, *пригласить артиста*, *приглашенный артист*, *приглашающий артист* и т. п.;

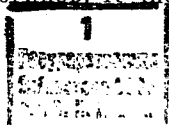
в) предикативном: *мы дружим*, *мы — друзья*, *мы в дружбе*, *мы дружны* и т. п.

Следовательно, словесные знаки этого класса, как обладающие двумя основными семиологическими функциями — наименования и описания, совместимость которых в пределах слова порождает назывные высказывания, предикативные и лексические синтагмы, являются тем основным звеном в словарном составе языка, той постоянной означивающей основой, которая обеспечивает «переход» от языка к мысли, от системы к речи, от слов к синтагматическим единицам, большим чем слова.

Мы все время выделяли и подчеркивали те общие черты, которые отличают полнозначные слова от других классов, однако имеются не меньшие семиологические различия внутри данного класса, позволяющие выделить четыре подкласса — именных, глагольных, адъективных и наречных лексем.

Индивидуализирующие знаки

Характер семантики и функций имен собственных, составляющих основу этого класса слов, является издавна предметом пристального изучения не только лингвистов, но и логиков. К числу дискуссионных, сугубо теоретичес-

ких вопросов можно отнести: типы имен собственных и критерии их отграничения от характеризующих знаков (нарицательных имен), характер семантики индивидуализирующих слов, сфера преимущественного обслуживания.

Имена собственные, хотя и зачисляются в разряд полнозначных лексических знаков, однако резко противостоят последним как по своему значению, так и по сфере и объему функционирования, занимая периферийное положение в лексике любого языка.

По характеру знакового значения, по сфере функционирования и функции индивидуализации имена собственные можно назвать «лексически неполноценными, ущербными».

«Если среди существительных конкретные имена нарицательные являются центральной семантической категорией, то это именно потому, что они обладают двумя способностями: значить (*signifier*) и обозначать (*désigner*), у них есть определенное семантическое содержание, и в то же время они приложимы к реальным объектам. Имена нарицательные имеют полную семантическую структуру»⁵². Имена собственные, в противоположность нарицательным, ограничиваются одной функцией — обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица, без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума или единичного предмета, факта.

Семантический класс имен собственных с номинативно-идентифицирующей функцией считается по праву неполноценным и может быть отнесен к «недостаточным структурам».

Основным дефектом имен собственных является «неспособность» выражать обобщенное понятие; их роль в языке чисто назывательная, в силу чего их называют «опознавательными знаками»⁵³.

Прежде чем говорить о характере семантики и функций идентифицирующих знаков, следует остановиться на том, какие лексические единицы зачисляются в этот класс.

В противоположность логикам, обсуждающим вопросы значения имен собственных на основе анализа исключительно простых номинаций — имен лиц, животных и т. п.,

⁵² Е. Курилович. Положение имени собственного в языке. «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 252.

⁵³ S. Ullmann. The Principles of semantics. Glasgow, 1959, стр. 73.

при лингвистическом подходе выделяется целый перечень различных видов имен собственных, в том числе и случаи расчлененной номинации, т. е. сочетаний слов типа *Соединенные Штаты Америки, Ростов-на-Дону* и т. п.

Естественно, классификация имен собственных прежде всего может быть проведена по предметной сфере, по обозначаемым ими предметам: 1) названия лиц (имя, фамилия, отчество); 2) имена (клички) животных, птиц и т. п.; 3) топографические имена — рек, океанов, морей, заливов, проливов, озер, стран, океанов, гор, горных хребтов, городов, поселений, парков, улиц, дорог и т. п.; 4) имена аданий, учреждений, пароходов, самолетов и других средств передвижения; 5) названия книг, журналов, пьес и т. п.

К именам собственным иногда причисляют⁵¹ «квази-собственные» имена, такие, как названия периодов истории, культурных и политических движений, имена исторических личностей, героев и мест, изображаемых в литературе, а также названия (этикетки) изделий товаров, продуктов питания.

Имена собственные в этом последнем весьма расширительном понимании сближаются, с одной стороны, с конкретной терминологической лексикой, с другой, в определенном смысле с терминами — научными понятиями (ср. *чартизм, гегельянство* и т. п.).

Перечисленные группы имен собственных, разграниченных по предметной области, различны по характеру своего значения и сфере функционирования: 1) имена, которые обозначают (фамилии, имена лиц, клички животных, названия мест, исторических дат, событий и т. п.), и 2) имена, которые только называют (заглавия книг, названия журналов, этикетки на продуктах, изделия парфюмерии и т. п.). У имен собственных первого типа значение носит денотативный характер, т. е. в его основе лежит представление о категории, классе лиц, предметов. Смысловый потенциал этих имен по сравнению с полнозначными знаками, имеющими денотативно-сигнификативный или сигнификативный тип значения, очень мал, тем не менее он есть. У имен, обозначающих лица, набор концептуальных признаков, присущих самому денотату, включает «пол». (жен-

⁵¹ *J. Pelc. Указ. соч., стр. 89.*

ский, мужской), «патронимические отношения» (*Иванов, Иванова, Ивановна, Иванович*).

Отличительным признаком этого типа имен собственных является так называемый денотативный характер их значений; форма знака, звучание непосредственно соотносится с денотатом, минуя понятие, а через денотат и с обозначаемым лицом, предметом. Первое служит для второго обозначением, названием без какого-либо указания на свойства и содержательную характеристику обозначаемого.

В силу этого имена собственные противостоят именам нарицательным не только по характеру своего смыслового содержания, но и по степени той значимости, которую имеет форма самого знака.

В именах собственных, не имеющих в силу своей семантической неполноценности смысловой структуры, а следовательно, ассоциативных и структурных связей по линии содержания, материальная сторона (будь то вещная или идеальная) словесного знака (его звучание или акустический образ) приобретает большую значимость, чем это имеет место в именах нарицательных.

Формальная сторона собственных имен, не имеющих в своей основе ассоциативной семантической структуры, естественно, является единственным критерием различения одного знака от другого. Не случайно одним из критериев имен собственных был выдвинут в свое время «критерий отличительного звука» (*criterion of distinctive sound*)⁵⁵.

Имена собственные с сугубо денотативным значением не имеют смысловой структуры и в силу этого ограничиваются сферой номинативно-классификационной деятельности языка, представляя собой своеобразную номенклатуру единичных имен или единообразных предметов реального мира.

«Граница, отделяющая имена существительные нарицательные от собственных, конечно, не абсолютна. Большинство собственных имен произошло от нарицательных слов, раньше указывавших на какой-то признак (содержание)»⁵⁶. Общеизвестен и тот факт, что значительное количество нарицательных имен происходит в результате «лек-

⁵⁵ *A. Gardiner. The theory of proper names. London, N.-Y., 1954.*

⁵⁶ *Л. А. Булаховский. Введение в языковедение, ч. II. М., 1953, стр. 102—103.*

сикализации», т. е. в результате процесса вторичного переименования имен собственных⁵⁷ в нарицательные.

Следует отметить, что денотативная способность у имен собственных ограничена до предела.

Наряду с денотативной функцией индивидуализации, именам собственным свойственна прагматическая функция, которая выявляется в том, что идентифицирующие знаки, как и характеризующие, используются в языке как средство выражения эмоционально-оценочных значений. «Самый способ названия по имени, или по имени и отчеству, или по фамилии, — писал Д. Н. Шмелев, — определенным образом отражает и взаимоотношение лиц, и общественное положение называемого»⁵⁸.

Квантитативные знаки

Особый семантический класс составляют имена «количественных определителей», класс квантитативных словесных знаков, ядро которого в каждом языке составляют имена числительные.

Имена числительные, в силу высшей степени абстракции своего значения и совмещения в себе формальных (морфологических и синтаксических) признаков двух различных частей речи (существительного и прилагательного), составляют большое своеобразие и издавна выделяются в отдельную часть речи⁵⁹.

В основе знакового значения имен числительных лежит понятие математического числа, ограниченного фактически одним отличительным признаком — выделяющим данное число из ряда других. Подобно именам собственным числительные носят на себе печать выделения, ограничения одного признака количества от другого, не выражая собой никакого содержательного понятия.

А. А. Реформатский утверждает, что имена числительные лишены назывательной (номинативной) функции. «Но

⁵⁷ Л. А. Булаховский приводит следующие примеры «лексикализации», перехода собственных имен в нарицательные — *табор, ирод, каш, сандвич, бойкот, галифе, хулиган* и т. п.

⁵⁸ Д. Н. Шмелев. *Очерки по семасиологии русского языка*. М., 1964, стр. 141.

⁵⁹ О. Есперсен. *Философия грамматики*; В. В. Виноградов. *Русский язык*; А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*; Л. В. Щерба. *Избранные работы по русскому языку*. М., 1957; А. А. Реформатский. *Введение в языкознание*.

так как основная функция слова — это номинация, то у числительных происходит «подмена» (суппозиция), и они как слова начинают называть то понятие, которое они обозначают»⁶⁰. Вероятно, это свойство семантики числительных нередко ведет их к «опредмечиванию», к переходу в разряд имен существительных.

Именам числительным в одних языках присущи две формы, соответствующие их двум функциональным группам (количественные, порядковые), в других — три⁶¹.

Числительные по самой сути обозначаемого ими понятия могут быть отнесены к универсальным знакам, свойственным любому языку.

Однако различие наблюдается только в способе представления количественных понятий, в своеобразной внутренней форме построения некоторых количественных и порядковых числительных. Ср. в русском, английском, немецком составные числительные *восемьдесят* (8×10), *eighty* (8×10), *achtzig* (8×10) в противоположность французскому — *quatre-vingt* (4×20).

Если в класс квантитативных знаков входили бы только имена числительные, то семантические различия этого класса от языка к языку были бы незначительны.

Вторым типом словесных знаков, выступающих в роли количественных определителей, значительно изменяющих конфигурацию класса в целом, являются словесные знаки, выражающие своим лексическим значением понятие количества, числа. Общеизвестно, что понятие грамматической категории «единственного» (один предмет) и множественного (больше, чем один) имплицитно исходит из «множественности» однородных предметов⁶². Что же касается различных понятий «нематематическая множественность», «дискретная собирательность (множественность)», «единичная множественность», «приблизительная множественность», «значение общего числа» и т. п.,

⁶⁰ А. А. Реформатский. Введение в языковедение, стр. 71.

⁶¹ Ср. в китайском языке три разные формы числительных: абсолютная, соотносенная и порядковая (Н. Н. Коротков. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968, стр. 272); ср. также разграничение в русском языке абсолютной формы один и формы конкретного счета раз. Один, два, три=раз, два, три, но невозможна их взаимозаменяемость в качестве детерминативов: Один человек \neq раз человек.

⁶² В некоторых языках имеются две формы множественного числа — инклюзивное и эксклюзивное множественное число.

то они выражаются лексически в виде простой или расчлененной номинации.

Эти лексические средства, варьирующиеся от языка к языку, детерминируют состав и характер семантики квантитативных знаков.

Во всех языках имеются слова, служащие для выделения отдельного члена множества в форме единичности и выражающие своими значениями то, что характерно для всех представителей данного множества. Такие слова, в противоположность количественным определителям, выполняющим функцию обобщения, генерализации, несут также индивидуализирующую функцию, сравните: *every* 'всякий', *each* 'каждый', *neither of* 'некоторый из', *either of* 'который-нибудь', *all* 'все', 'весь', *everybody* 'всякий', 'каждый человек', *everything* 'любая вещь', *both of* 'оба из', *many a* 'многие', *nobody* 'никто', *who* 'кто', *which* 'который', *what* 'что'.

В отличие от характеризующих словесных знаков, обладающих денотативно-сигнификативным типом значения, и от номинативно-опознавательных, носящих денотативный характер значения, квантитативным и универсальным определителям свойствен сугубо обобщенный тип знакового значения.

Дейктические знаки

Из разряда неноминативных знаков остановимся на одном, наиболее своеобразном классе дейктических знаков, представляющих в системе лексических средств каждого языка в определенном смысле лингвистическую универсалию.

Лингвистическое понятие дейксиса интерпретируется двояко: 1) по характеру семантики и функций системных дейктических средств, условий структурной организации речевых актов, в плане актуализации, «перевода» системы языка в речь; 2) по восприятию семантического и социологического толкования речевых единиц, высказываний⁶³.

Нас интересует первый, системно-структурный подход — изучение характера и типа дейктических знаков,

⁶³ Первое направление представлено работами К. Бюлера, Э. Бенвениста, Ш. Балли, Р. Якобсона и др.; второе — Ч. Филлмора, Дж. Каца, Дж. Фодора и др.

представленных в системе лексических средств каждого языка и составляющих в определенном смысле лингвистическую универсалию.

В любом языке, наряду с номинативными словесными знаками, в значениях которых «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой»⁶⁴, существуют «перформативные» знаки, указатели, заместители и индексы, обслуживающие область реального функционирования языка, сферу организации конкретных актов говорения, основные координаты речевого пространства.

В противоположность разряду слов-наименований, значение которых носит абсолютный характер в том смысле, что оно детерминировано реальной действительностью (строго закрепленной за знаком в системе данного языка предметной и или понятийной отнесенностью), дейктические знаки, не будучи названиями лиц, предметов, выделяют и дифференцируют факты, явления, предметы и лица относительно координат речевого акта: актуального момента речепроизводства, участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации не только относительно субъекта речи, но и относительно друг друга. Значение дейктических знаков носит относительный характер.

В каждом языке имеется целый арсенал средств (лексических, морфологических, словобразовательных, синтаксических), обеспечивающих переход от языка как совокупности системных средств к языку как совокупности функциональных речевых единиц, к тексту⁶⁵.

Средства, призванные «служить инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь»⁶⁶, составляют функционально-семантическое поле

⁶⁴ А. И. Леонтьев. Деятельность и сознание. «Вопросы философии», 1972, № 12, стр. 134.

⁶⁵ О. Есперсен. Указ. соч.; R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian Verb; Б. А. Серебрянников. К проблеме сущности языка. «Общее языкознание». М., 1970, стр. 85—93; Т. В. Булыгина. Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов.— Там же, стр. 140—150; В. М. Соллцев. Язык как системно-структурное образование, ч. 3. М., 1972, гл. I, стр. 142 и сл.

⁶⁶ E. Benveniste. La nature des pronoms.— In: E. Benveniste. Problème de linguistique générale. Paris, 1966.

«указания» (греч. *deiktikos*), выделения лиц, предметов, событий относительно основных координат (измерений) речевого пространства — коммуникативного лица, местоположения предметов и лиц, конкретной ситуации и времени свершения актов речи.

В элементах языка вообще, в лексических единицах в особенности, находят отражение не только субъективные, но, прежде всего, объективные пространственные и временные характеристики предметов. Соответственно в языковых средствах, в семантике отдельных слов или целых микросистем находят выражение разные виды относительной характеристики предметов, лиц, событий, определение их пространственных, временных и прочих связей через отношение друг к другу.

Функционально-семантическое поле указания, выражаемое лексическими средствами ⁶⁷, можно разграничить на три сферы указания.

I. Система средств субъективного указания (ориентации), семантика отдельных слов или целых микросистем которой определяется относительно трех измерений речевого пространства, координат речевого акта — 1) коммуникативного/некоммуникативного лица, 2) местоположения предметов, лиц относительно говорящего, а в отдельных языках и относительно слушающего, 3) характеристика событий, лиц, предметов относительно актуального времени — момента акта речи. Систему субъективного указания составляют личные местоимения, указательные, отчасти притяжательные, местоименные наречия времени, места: *я, ты, она, наш, его, здесь, там, сейчас, сегодня, завтра, этот* (ближний), *тот* (дальний) и т. п.

II. Система средств объективного указания (ориентации), семантика которых отражает, безотносительно к субъекту речи, свойства, местоположение, отношение предметов, лиц, соотношения событий, детерминированных реальной действительностью, положение одного предмета, события относительно другого. Сюда относятся наречия времени, места, пространственного нахождения, глаголы перемещения, движения, предлоги, послелоги, вы-

⁶⁷ Наиболее типичным грамматическим средством выражения «относительного указания» времени являются системы грамматических времен — продолженных, перфектных, отдельных форм глаголов (причастных, деепричастных и т. п.).

ражающие понятия соотношения (*внизу, сверху, справа, слева, впереди, позади, близко, далеко, выходить, входить, приходить, подходить* и т. п.).

III. Система средств относительного «внутриструктурного указания», обозначение при помощи слов порядка следования единиц, места их связей, указания на взаимоположение не столько самих предметов реальной действительности, сколько характеристика их как предметов мысли в конкретной речевой ситуации. Это — относительные, указательные местоимения в их анафорической или предваряющей (препаративной)⁶⁸ функциях, вопросительные наречия, сочинительные и подчинительные союзы, различные связки.

С точки зрения характера семантики и выполняемых в языке функций представляется необходимым различать три типа относительной характеристики предметов, лиц, событий.

I. Субъективная указательность (характеристика относительно субъекта речи) — собственно дейктические средства.

II. Объективная указательность (характеризация одного объекта, явления относительно другого, как они соотносятся в объективной действительности); словесные знаки с дейктической семой в семантике.

III. Внутриструктурное указание (анафорическое, элифорическое, коррелятивное и др.), указание на части относительно целого (фраз — в предложении, членов — в сочетаниях и т. п.).

Иногда в категорию дейктических знаков зачисляются артикли, выполняющие роль абсолютных актуализаторов, что нам представляется не вполне правомерным.

Артикли, будучи абсолютными актуализаторами, занимают в системе особое место и не могут быть недифференцированно причислены ни к системе указателей субъективной (I) ориентации, ни к типу внутриструктурно-указательных слов (III). Языковые средства, характеризующие лица, предметы, события относительно субъекта речи, пространственное и временное их соположение в конкретном акте речи составляют в каждом языке функционально-

⁶⁸ Всеобъемлюще по охвату языков и обстоятельно по характеру анализа эти функции местоименных слов обобщены в книге *К. Е. Майтинской* (Местоимения в языках разных систем).

семантическое поле⁶⁹ указания субъективной ориентации.

Если подходить к определению сущности дейксиса лексичесентрически, кладя в основу характер семантики дейктических слов и их функций в системе языка, то можно выделить три разных типа дейксиса: субъективный, объективный и внутрисконструктурный (безотносительно к субъекту и объекту речи).

После краткой характеристики слов — наименований и знаков относительного указания, рассмотренных исключительно в ономазиологическом аспекте с целью показать их различие, остановимся более детально на классе так называемых характеризующих имен как единицах языка, группирующихся, в свою очередь, по их языковому статусу в семиологические подклассы слов.

КЛАСС ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ⁷⁰ ИМЕН. СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДКЛАССЫ СЛОВ

К определению семиологического подкласса слов

К классу полнозначных, составляющих основную массу номинативных знаков, относятся имена предметов, процессов, качеств, признаков и отношений, формирующие в каждом языке те обширные группировки слов, однотипных по их знаковому содержанию и специфичных по средствам его выражения, которые именуются частями речи — существительное, глагол, прилагательное, наречие. Эти части речи по праву считаются основными⁷¹ не

⁶⁹ Ср. понятие «функционально-семантической категории» в работах: А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланн. Русский глагол. Л., 1967. — Еще ближе по своей сущности стоит понятие «грамматико-лексического поля», раскрытое в кн.: Е. В. Гулыга, Е. И. Шенделье. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. Ср. также: М. Joos. The English Verb. Forms and meaning. The University of Wisconsin Press, 1964.

⁷⁰ В. В. Виноградов называет этот семиологический класс «словами-названиями» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 29).

⁷¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 102. — Ср. также понятие «полных слов» (les mots pleins) и «пустых слов» (les mots vides) в работе Л. Теньера (L. Tesnière. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959, стр. 53).

только потому, что они обуславливают другие языковые формы (причастие, деепричастие, отглагольные существительные, предлоги и т. п.), но и потому, что своей семантикой они покрывают две самые обширные мыслительные категории — субстанцию и признак, отразившие, фактически, основные сферы материальной и идеальной действительности.

Никакие другие словесные знаки не отражают в своих значениях результатов познавательной деятельности человека, как это делают характеризующие знаки.

В противоположность семиологическим классам слов, выделяемым по их основной функции и сфере преимущественного их использования, понятие семиологического подкласса слов детерминируется, прежде всего, характером и типом структуризации их знакового значения, а главное — своеобразием языковых средств его (значения) воплощения и форм выражения в системе языка.

Признаками, интегрирующими имена нарицательные в единый класс, являются номинативная и сигнификативная функции, сосуществующие в них и предопределяющие денотативно-сигнификативный характер их значения. Признаком, разграничивающим имена нарицательные на подклассы, выступает вид денотата и сигнификата, факт их раздельного нахождения в одних (например, в глагольных лексемах) и взаимообусловленного сосуществования в других (например, именные лексемы). Характер денотативного и сигнификативного значений, своеобразие их взаимоотношений в пределах словесного знака находят выражение в различии и объеме смысловой структуры лексем, относящихся к разным частям речи. Если в именных лексемах денотат и сигнификат (предметная и понятийная отнесенность) совмещаются в пределах словесного знака и, образуя простую номинацию, дают имя классу предметов или конкретному предмету как члену этого класса, то в глагольных и адъективных лексемах, выражающих более абстрактные категории, отношение денотата и сигнификата, а соответственно и формы их языкового экспонирования совершенно иные.

Знаковое значение именных лексем, имеющих в своей основе понятие предметности, носит абсолютный характер даже в тех случаях, когда существительные обозначают какой-либо (определенный) признак, например, *красота*, *строгость*, *ярость* и т. п. Представление признака через

субстанцию складывается в отвлечении этого признака от его носителей как существующего безотносительно к ним.

Напротив, семантика глагольных и адъективных лексем носит относительный, не абсолютный характер в силу того, что в ее основе лежит понятие признака, который как по логике вещей, так и по логике мышления имплицитно некую субстанцию, предмет, которым этот признак должен (может) быть приписан. Поэтому категориальное значение глагольных и адъективных лексем, выражающее неполное «незаконченное» понятие, отдельный признак, отношение или состояние предмета, основанное на экспликации агентивных, комплементарных и других отношений, предопределяет и способ его языкового выражения — минимальные лексические синтагмы, реализующие основные типы смысловых отношений: «агент — действие», «субъект — состояние», «действие — направление на объект», «свойство — предмет», «источник — действие» и т. п.

Эти основные типы семантических моделей обусловлены, прежде всего, отношениями предметов, явлений и их всевозможных признаков в реальной действительности, которые обобщены до уровня логических абстракций, носящих универсальный характер (такие смысловые отношения свойственны каждому языку) и, своеобразно преломляясь, воплощаются в единицах разных уровней языка — лексематическом, словообразовательном, лексико-семантическом и синтаксическом. Именно эти обобщенные категории и различные аспекты их отношений лежат в основе разнообразной по видам именной и глагольной номинации.

Разнообразие наименований обусловлено не только принципом асимметричного дуализма содержания и формы знака, но и формой манифестации этих двух сторон знака: расчлененное содержание, выраженное элементарным однословным (корневым) наименованием, или нерасчлененное, элементарное понятие или признак, обозначенное расчлененным, несколькословным наименованием. При этом семантическая модификация, степень его расчлененности может быть выражена эксплицитно, т. е. перенесена в план синтагматических связей знаков, как например, *детский сад*, или остается выраженной самой знаковой формой; ср. в русском: *лихтер* 'грузовое несамоходное судно', или в английском *to church* означает

‘приводить в церковь женщину для благодарственной молитвы за рождение ребенка’.

В глагольных наименованиях соотношение денотата и сигнификата приобретает многообразные формы и, если оно эксплицировано синтагмой, то указание на характер денотата глагольного действия, на его агенса, объект, на который действие распространяется, результат или источник действия и т. п., чаще не включается в наименование. Таким образом, связь выражаемого глагольным именем действия и его модификаторов, относящихся друг к другу как сигнификат и денотат, эксплицируется сочетаниями глагола с синтагматическими распространителями его виртуального значения.

Ср., например, минимальные синтагмы, образованные по модели «агенса — действие»: *человек, время, снег идет*; по модели: «действие — объект»: *читать письмо, книгу, лекцию*.

В то же время в любом языке имеется значительное число наименований, особенно глагольными лексемами, совмещающими в пределах простой, однословной номинации какого-либо действия сигнификат и денотат данного знака. Ср. прямое номинативное значение английских глаголов *to draw* ‘рисовать карандашом’, *to paint* ‘рисовать красками’. В прямую номинацию глагольного действия включено понятие инструмента, при помощи которого совершается действие; ср. также в русском языке глаголы *лопатить* ‘грести лопатой’, *утюжить* ‘гладить утюгом’, *смазывать* ‘покрывать какой-либо смазкой, мазью’.

Как правило, субъектно-объектные и обстоятельственные отношения глагольного действия с его семантическими распространителями выносятся за рамки глагольной номинации и воплощаются в минимальных синтагмах семантически совместимых слов.

Поэтому различительным признаком семиологического подкласса знаменательных полнозначных слов является также характер их синтагматической ценности, складывающейся не только из лексической валентности (семантической избирательности), предопределяемой номинативной значимостью и системными средствами ее манифестации (природой контекста, характером семантических распространителей, типом смысловых отношений и т. п.), но и из несистемных сочетаний слов, порождающих новые

смыслы в условиях речевой реализации словесных знаков. Как следствие, знаки, относящиеся к разным подклассам, имеют разный потенциал семантической валентности, различную степень контекстуальной обусловленности и семантической автономности.

Другим отличительным признаком семиологического подкласса является объем и характер смысловой структуры, являющиеся результатом двух противоборствующих в языке тенденций — сохранения тождества знака в системе языка и непрерывного его изменения в речевом использовании.

Различие в смысловой структуре слов, относящихся к отдельным подклассам, свидетельствует об их большей или меньшей способности к внутрисловной семантической производности и семантическому распространению их содержания в синтагматическом ряду.

Наконец, последней (по счету, а не по важности) отличительной чертой семиологического подкласса является признак семантической категории (субкатегории), который словесный знак обретает в результате вхождения в систему номинаций в ту или иную семантическую группировку (одушевленные/неодушевленные, лица/нелица, с дискретным/недискретным референтом и т. п. для именных, состояние, изменение состояния, действие, процесс — для глагольных лексем).

Следовательно, помимо смысловой структуры, раскрывающей внутрисловную членимость индивидуального семантического содержания слова и представляющей его лексическое значение, каждый словесный знак обладает рядом категориальных семантических признаков, предопределяющих не только его место в системе (микросистеме), но и его лексическую сочетаемость, семантическую совместимость/несовместимость со знаками других подклассов в синтагматике.

Итак, основными отличительными признаками семиологического подкласса являются характер знакового значения и своеобразие языковых средств его манифестации в системе языка, а именно: 1) тип денотата и сигнификата, составляющих основу знакового значения; 2) факт раздельного или совместного нахождения сигнификата и денотата в пределах простого номинативного знака или вынесенного в синтагматический план; 3) объем и тип смысловой структуры, свидетельствующей о потенциале

семантического варьирования знака; 4) набор категориальных семантических признаков, предопределяющих место слова в парадигматике и синтагматике; 5) условия семантического распространения слова, детерминированные не только лексической, но и грамматической семантикой; 6) число и характер выполняемых в языке функций.

*Свойства номинативных словесных знаков
как единиц языка*

Прежде всего начнем с того, какие функции выполняет слово в языке. В кругу двусторонних единиц слово занимает особое положение, являясь универсальным по характеру и уникальным по объему выполняемых им функций. Слово охватывает фактически весь объем языковых функций: номинативную (обозначения), сигнификативную (обобщения), коммуникативную (общения) и прагматическую (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия)⁷².

В силу того, что номинативные словесные знаки обслуживают два основных акта — речевой (составляющими которого являются — слушающий, говорящий, знак) и познавательный (с составляющими — реальная действительность, познающий субъект и знак), то функции словесного знака будут довольно многочисленны: 1. прагматическая функция знака, при помощи которой говорящий выражает свои намерения, мысли и чувства; 2. прагматическая функция знака, воздействующая на лицо, воспринимающее и интерпретирующее знак; 3. коммуникативные отношения, устанавливаемые между участниками речевого акта, реализуют коммуникативную, аппелятивную, фатическую и метаязыковую функции; 4. психолингвистическая функция знака, осуществляющая отношение опознания слушающим реальной действительности в целях идентификации и понимания воспринимаемого им знака; 5. психологические по своей природе отношения между говорящим (познающим субъектом) и реальной действительностью в про-

⁷² Ср. шесть функций — коммуникативную, экспрессивную, аппелятивную, поэтическую, фатическую и метаязыковую, — выделенные Р. Якобсоном относительно речи: *R. Jakobson. Linguistics and Poetics. «Style in Language», ed. by Sebeok. N. Y., 1960.*

цессе первичного (слово) и вторичного (высказывание) создания, порождения знака; в. собственно семиологическая (знаковая) функция слова, опосредованно репрезентирующая реальную действительность (материальную и идеальную) и манифестирующая знаковое значение словесных знаков.

Номинативная и сигнификативная функции слова составляют, по своей сути, две стороны одного и того же явления — знаковой репрезентации и потому являются основными, две другие — коммуникативная и прагматическая для знаков первичного означивания, для слов, являются второстепенными, факультативными.

Следовательно, собственно знаковыми функциями, характеризующими словесные знаки, являются: номинативная в ее конкретных проявлениях — обозначения, идентификации, и сигнификативная, которые выполняются далеко не всеми словами; их лишены все служебные, неполнозначные слова, в смысловом содержании которых преобладают так называемые «непредметные», «невещественные», т. е. грамматикализованные значимости. В зависимости от характера своей семантики (имена нарицательные, собственные, дейктические, слова-связки и др.) слово выполняет различные внутрискруктурные функции, обслуживая преимущественно или классификационно-номинативную, или коммуникативную и прагматическую сферы языка.

Функциональное использование слова настолько широко, что крайние границы представлены в языке случаями употребления слова, с одной стороны, в качестве морфемы, с другой — в качестве чисто коммуникативной единицы — высказывания (типа: *Опасность!*). Это свойство полифункциональности слова помогает ему занять центральное место в структуре языка.

Было бы неверным полагать, что слово выполняет коммуникативную функцию лишь в той мере, в какой в языке образуются назывные и однословные предложения. Благодаря тому, что слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность, словесный знак служит означивающей основой языка, необходимым материалом выражения и формирования мыслей, воплощающихся в сообщениях и высказываниях. Более того, как формирование, так и понимание речевых

единиц происходит на основе соотношенности речевых ситуаций с соответствующими словесными знаками, которые осознаются всеми членами языкового коллектива как вызывающие одинаковые представления и ассоциации.

Интересно высказывался в свое время о неразрывной органической связи слова и предложения А. В. Добиаш: «...Поименование предмета ли, качества ли или действия по главной какой-либо черте есть, в сущности, предложение. Когда я, замечая предмет, поименовываю его, то я решаю целую законченную задачу произнесением одного слова, так как это слово и есть само имя того, что я хотел поименовать»⁷³.

Помимо своих собственных семиологических функций и свойств словесные знаки, как единицы данного строя языка, обладают целым рядом языковых особенностей.

Основной особенностью номинативной единицы в отличие от коммуникативной является ее способность м о д и ф и ц и р о в а т ь с я.

Если языковая цельнооформленная единица допускает при себе наличие какого-либо модификатора, в одних языках стоящего в препозиции, в других в постпозиции, т. е. определяющего слова, следовательно — это номинативная единица. В зависимости от того, к какому семиологическому подклассу относится данное имя, между определяющим (свойством) и определяемым (предметом) устанавливаются соответствующие логические отношения. Так, в подклассе предметных имен главенствующим типом отношений являются отношения детерминации: *стол — круглый стол — новый круглый стол — наш новый круглый стол*.

В подклассе глагольных лексем отношение доминанции выражается в каждом языке по-разному: *читать книгу, видеть мальчика; to see somebody walk, to hear someone sing* и т. д.

Второй важной особенностью словесных знаков как языковых единиц является их способность а к т у а л и з и р о в а т ь с я, т. е. из виртуальных становиться актуальными; актуализация виртуальных словесных знаков принимает форму их семантического развертывания, конкретизации их семантики, членение последней

⁷³ А. В. Добиаш. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897, стр. 31.

происходит путем маркировки одного словесного знака относительно другого в минимальных и максимальных синтагмах, которые представляют собой, по определению В. В. Виноградова, «средства общественного обозначения разных предметов и явлений»⁷⁴, т. е. номинативные единицы.

О причастности словосочетаний к номинативным средствам языка, об изучении их в ономаσιологическом аспекте в русской лингвистической науке упоминалось давно, однако наиболее полную реализацию эта мысль нашла в работах В. В. Виноградова⁷⁵.

«Словосочетания (как и слова) могут и должны быть изучены не только в составе предложения как его структурные элементы, но и как разные виды сложных названий»⁷⁶.

Разграничивая словосочетание и предложение, В. В. Виноградов писал: «Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения. Но оно относится так же, как слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения»⁷⁷. И далее: «Словосочетание не соотносительно и неоднородно с предложением. Словосочетание — это сочетание слов, организованное по законам данного языка и выражающее какое-нибудь понятие, хотя и сложное, и способное служить его обозначением»⁷⁸. Л. В. Щерба⁷⁹, указывая на ономаσιологический аспект словосочетания, отмечал, что словосочетание — это сцепление слов, группа слов (по крайней мере, двух), составленная путем распространения слова по правилам грамматики данного языка, выражающая единое сложное, расчлененное понятие, используемая как для номинации, так и для коммуникации.

С е м а н т и ч е с к о е р а с п р о с т р а н е н и е
н о м и н а т и в н о г о э л е м е н т а р н о г о (о д н о —

⁷⁴ В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М., 1975, стр. 409.

⁷⁵ В. В. Виноградов. Грамматика русского языка. Теоретическое введение. М., 1954, стр. 5—111; *Он же*. Исследования по русской грамматике, стр. 315—539.

⁷⁶ В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике, стр. 409.

⁷⁷ Там же, стр. 443.

⁷⁸ Там же, стр. 447.

⁷⁹ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Л., 1937, стр. 123 и сл.

словного) **н а и м е н о в а н и я** — третье функциональное его свойство и неперемное условие его функционального использования в речи. Отсюда как следствие — любое однословное наименование может быть развернуто в несколькословное для наименования расчлененного понятия.

Как свободные сочетания слов, так и в определенной степени связанные словосочетания в их ономаσιологическом аспекте можно рассматривать как единицы частично актуализованные, в которых составляющие их слова маркируются относительно друг друга; ср. например, в русском:

ключ от замка, ключ воды; железный ключ, лесной ключик; бить ключам (о человеке), бить ключом (о воде); в английском: *the train to arrive, the train of thoughts, the train of a garment.*

Во всех номинативных сочетаниях слов, в том числе в приведенных выше, семантическое расчленение (выявление) каждого из членов происходит взаимно, формируя в итоге расчлененное наименование соответствующего понятия или представления.

Общим и обязательным для номинативных знаков, будь он простой или сложный, однословный или несколькословный, является наименование ими предметов, явлений, состояний и т. п. и их свойств, обобщенных в логические категории «предмет» и «признак», поэтому типовая модель смысловых отношений: «признак + предмет». Эта минимальная логическая синтагма получает различную языковую манифестацию, в зависимости от того, какими именами — предметными или предикатными, — она выражается.

В подклассе имен предметов идентификация обозначаемых ими объектов происходит путем различения или отождествления их имен, противопоставляемых друг другу в минимальных лексических синтагмах; в подклассе предикатных имен идентификация обозначаемых событий, действий и т. п. требует, кроме объектов и субъектов, распространяющих обозначаемое глаголом действие, обозначения отношения временной и пространственной его соотнесенности. В силу этого в номинации глагольными лексемами в скрытой или открытой форме присутствует у некоторых лексем указание на координаты речевого акта — его коммуникантов, время и место. Ср. в русском языке

огромное число приставочных глаголов, указывающих на направление действия относительно говорящего: *уходить, подходить, приезжать, выходить* и т. п.

В английском это указание направления или местонахождения по отношению к коммуникативным лицам выражается имплицитно, не имея никакой открытой формы манифестации: *arrive, approach, come* — означают действие «приближения к»; глаголы — *depart, go, leave* и др., наоборот, помимо обозначения самого глагольного действия содержат в своем наименовании скрытое указание на «удаление от».

Наконец, еще одной специфической чертой номинативных знаков является способность однословного наименования к увеличению степени семантической детализации и соответственно относительной актуализации слова. Например:

театр
драматический театр
государственный драматический театр
Московский государственный драматический театр
Московский государственный драматический театр
имени А. С. Пушкина

Автоматизированный характер словесных знаков как имен повторяющихся и в то же время целостных представлений о предмете, т. е. сигналов первой сигнальной системы действительности, делает возможной и легкой распространение цепочки нескольких словесных наименований, а соответственно вычленимость слов из подобной цепочки, что допускает распространение минимальной и свертывание максимальной номинативной синтагмы.

Итак, мы перечислили наиболее яркие характерные особенности, которые ограничивают номинативные знаки, с одной стороны, от незначащих, с другой — от коммуникативных единиц.

Семнологический подкласс предметных имен

Основным критерием разграничения предметных имен при ономастологическом их анализе является характер (знакового) прямого номинативного значения, детерминированного типом денотата и сигнификата. Иногда высказывается мнение, что анализ семантики слов по дено-

тативному и сигнификативному компонентам их значения мало что дает для лингвистического их изучения и рассматривается как сугубо логический анализ словесных наименований; при ономастологическом изучении слов как опосредованных мышлением знаков действительности это — единственный ракурс рассмотрения. Безусловно, описание и классификация словесных знаков не по их языковому статусу, а по соотношенности слов с реальной действительностью — дело трудное, не только потому, что нет материальных, ощутимых критериев «измерения» доли денотативного и сигнификативного в прямом значении слов, но и потому, что обозначаемые полными словами предметы, их свойства и отношения также многоаспектны и взаимосвязаны, как и сама природа, которая одновременно «и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение»⁸⁰.

Определяющим для семантики именных лексем является обязательное наличие в их знаковом значении денотата или/и сигнификата, характер их взаимоотношений в рамках одного и того же означающего, доминирующее положение денотата над сигнификатом в одних типах имен, сигнификата над денотатом — в других.

В случаях так называемой специализированной, бедной по своему понятийному содержанию номенклатурной лексики, денотат — предметное представление — превалирует над понятийным компонентом, в силу чего словесный знак служит специализированным названием вещей какой-либо предметной области (названия инструментов, частей механизмов, виды орудий и т. п.).

Понятийная отнесенность в таких типах слов редуцирована до указания на термилируемую область. Такие имена выполняют в языке одну единственную функцию — обозначения в системе номинаций и идентификаций в речевом акте. Знаковое значение подобных имен носит чисто денотативный характер. Подобные словесные знаки стоят на грани между характеризующими и идентифицирующими, опознавательными, типичными представителями которых, как было показано выше, являются имена собственные.

На другом полюсе терминологической номинации находятся термины — понятия, которые в противополож-

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

ность терминам — названиям обладают сугубо сигнификативным значением, выполняя в языке тоже только одну функцию — дефинитивную, будучи средством именования логических определений. В данном типе слов сигнификат предстает в виде метаязыковых понятий, терминов различных областей знаний (науки, техники, искусств и т. д.).

подавляющее большинство предметных имен в любом языке представляют словесные знаки, в семантике которых денотат и сигнификат находятся друг к другу в отношении содержания понятия к его объему; такие слова являются названием целого класса, совокупности предметов и обладают денотативно-сигнификативным типом значения, например: *стол, дом, дерево, человек* и т. п. Имена с денотативным и денотативно-сигнификативным значением можно отнести к так называемой конкретной лексике.

Имена с денотативно-сигнификативным значением выполняют одновременно две функции: номинативно-репрезентативную (обозначения и замещения предметов) и сигнификативную (обобщения), функцию формирования понятий об именуемом классе предметов.

В основе знакового значения слов этого типа лежит денотат, типизированное представление предмета, являющееся предметом обозначения, и сигнификат, понятие, содержание которого составляют существенные признаки предметов данного класса. Экспонентом денотата этого типа является конкретный предмет, находящийся с обозначаемым классом предметов в отношении включения, членства. К этому типу слов относятся имена реальных предметов материального мира, видимых, осязаемых,

В лексике английского языка по приблизительному подсчету они составляют около $2/3$ числа предметных имен. Перечислим лишь те предметные сферы, которые именуются такого типа названиями:

географические объекты, свойства ландшафта — *река, гора, озеро, долина, залив, море, скала* и т. п.

объекты растительного мира — *трава, дерево, куст, цветок, лист, крона, ветка, почка, корень* и т. п.

части тела человека и объектов животного мира — *голова, щека, волосы, глаза, туловище, крылья, клюв* и т. п.

сооружения, здания, механизмы, приспособления — *мост, дом, станция, стройка, кран, инструмент* и т. п. заведения, учреждения, предприятия — *школа, завод, институт, фабрика, совхоз* и т. п.

предметы домашнего обихода — *одежда, обувь, пища, мебель, посуда* и т. п.

Знаковсе значение имен конкретных предметов, независимо от того, являются они родовыми или видовыми названиями, не перестают носить денотативно-сигнификативный характер, представление предмета превалирует над понятийной стороной значения.

Различие в значении слов *мебель* — *стул* переносится в плоскость их парадигматических отношений, имеющих характер семантической гипонимии.

Из состава слов с денотативно-сигнификативным значением заслуживают особого рассмотрения имена объектов двух предметных сфер: 1) имена уникальных предметов физического мира, явлений природы — *солнце, луна, небо, ветер, дождь* и т. п.; 2) названия физических, механических свойств конкретных предметов — *звон, звук, стук, свист, блеск* и т. п.

Упомянутые выше названия объектов отличаются от всех других имен прежде всего характером денотата и его экспонентов.

У слов, обозначающих уникальные явления природы, объем понятий равен единице, что означает, что денотат не носит характера представления о множестве подобных предметов, как это имеет место с классными именами. Денотат, основываясь на представлении единичного, скорее феномена, нежели предмета, приближается к «сигнификату», как бы накладываясь на него. Примерно такое же положение вещей с именами, обозначающими физические свойства предметов: хотя и имеется денотат, но он, будучи представлением опредмеченных его свойств, воспринимаемых акустически, тактильно, реже визуально, сближается с понятием, обретая значение, в котором денотативный компонент приглушен, предметность дана как бы в снятом виде.

В лексике любого языка есть такие широкие имена, которые в отличие от имен класса предметов или имен уникальных предметов, имеют очень широкую понятийную основу, обозначая какой-либо общий признак, присущий большому числу предметов. Это такие имена,

как *тип, вещь, факт, дело, точка, план, аспект* — в русском, *thing, fact, matter, point, aspect* и др. — в английском.

Имена с широкой понятийной основой представляют собой тот крайний случай, когда сигнификативная, образующая понятия функция превалирует над номинативной; подобные слова перестают выполнять характеризующую функцию, какую выполняют имена класса предметов.

В основе знакового значения этого типа слов лежит сигнификат в виде общего признака, неполного и далеко не очерченного понятия, и денотат в виде самого общего представления предметности, ослабленного в силу бесконечного множества предметов, подпадающих под это широкое и тем самым бессодержательное понятие.

Наличие экспонента денотата, т. е. референта словесного знака в речи в виде конкретного материального объекта, события, факта, выявленного исключительно в контексте высказывания, обуславливает статус имен с широкой понятийной основой как слов с сигнификативно-денотативным типом значения. Так, в английском языке слово *thing* означает 'вещи, положение вещей, факт, дело'. К этому же семнологическому типу слов можно отнести так называемые собирательные имена. По характеру денотата имена собирательные можно разделить на две группы: 1) денотат является представлением о некотором множестве лиц, объединенных названием по какому-то признаку или сумме признаков, и составляющем определенное единство, сравни: *family* 'семья', *party* 'партия', *government* 'правительство' и т. п., где индивидуумы осмысляются как находящиеся в отношении членства к группе лиц, обозначенной собирательным именем; 2) денотат — общее понятие, не имплицитное дискретности обозначаемого: *беднота, полиция* и др.

Четвертый семнологический тип слов-названий составляют так называемые абстрактные имена — названия отвлеченных понятий, которые можно назвать именами с сигнификативным значением.

Из числа имен с сигнификативным значением следует назвать имена ирреальных, т. е. не существующих предметов. У таких слов как *фея, леший, русалка, черт, сатана, дьявол* и т. п. предметом обозначения является представление о несуществующем предмете, т. е. имена с нулевым экспонентом.

Наиболее многочисленными и типичными в этом семиологическом типе слов являются: 1) названия родовых понятий, обозначающие как мыслительные категории типа *субстанция, признак, свойство, материя* и т. п., так и категории предметного мира — *событие, чувство, человек, ощущение* и т. п., обозначающие родовые понятия; 2) имена опредмеченных свойств, состояний, признаков — самая многочисленная группа в этом типе слов. Имена, относящиеся к этому семиологическому типу, имеют в основе своих значений самые абстрактные понятия о каком-либо признаке, свойстве, взятом в полном отвлечении от их носителей: *бодрость, грубость, гениальность, воспитанность, глубина, ширина, безрассудство, мольба, мобилизация, реализация* и т. п. Сюда же, естественно, относятся имена метаязыковых понятий, ср.: *суждение, умозаключение, истинность* — в логике, *фонема, лексема* и др. — в языкознании.

Семиологический подкласс признаковых имен

Противопоставление имени глаголу, как основных частей речи, идущее от Аристотеля, было прочно усвоено классическим традиционным языкознанием, в том числе русским, которое исследовало и описывало глагол как структурно-грамматическую категорию.

Попытка снять эту односторонность в изучении глагола, отразить другие сущностные его характеристики, особенно его семантики, выразилась в том, что имя предлагалось считать «изображающим понятие», а глагол — «изображающим мысль». Подчеркивая синтаксические и морфологические свойства глагола, А. М. Пешковский предлагал ввести термин «глагольное слово», но, опасаясь расширительного понимания этого термина, писал: «Можно было бы назвать эту группу (все глагольные формы, — А. У.) «глагольным словом», но есть опасность, что в нее прокрадутся тогда и такие «глагольные слова» как *облезлый, четкий, слезный, спешка, писание, битва* и т. д.»⁸¹.

Принимая во внимание характер обозначаемого глаголом, В. Ф. Андреев писал в свое время: «По нашему мнению, термин «глагол» неудачен, и его лучше бы заме-

⁸¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1937, стр. 145.

нить... более подходящим термином... «имя действия» или «имя действительное»⁸².

В. В. Виноградов, отмечая глубокое структурное и семантическое взаимодействие в языке между категориями имени и глагола, подчеркивал то, что глагол «все более и более развивает энергию отвлеченности»⁸³, что он более склонен к семантическому разворачиванию своей семантики, к отвлечению от прямых, конкретных значений в сферу актов духовной жизни.

Действительно, семантика именных лексем, в которой находит свое отражение мир реальных предметов (конкретные имена) или мыслимых, какими являются опредмеченные процессы и действия (абстрактные имена), кардинально отличается от знакового значения глагольных имен, обозначающих мир всевозможных признаков предметов, их состояний, отношений, проявлений.

Значение имен существительных основывается на понятии предметности, представляющем собой транспозицию всеобщей категории «субстанции» в плоскость языка; в то время как в семантике глагольных лексем находят свое воплощение понятия «действие», «процесс», «состояние», подпадающие под другую, не менее емкую мыслительную (логическую) категорию — «признак». В силу этого не только в чисто логических теориях, но и в современных лингвистических глагол и прилагательное объединяются в одну «лексическую категорию»⁸⁴.

С учетом синтаксических функций имен существительных, глаголов и прилагательных Н. Д. Арутюнова⁸⁵ называет первые — предметными (референтными или безреферентными), вторые — предикатными.

Предметные имена отражают и обозначают предметы, признаковые имена — отношения, свойства последних, поэтому значения первых более автономны и абсолютны, значения вторых — относительны и детерминируются многими факторами.

⁸² В. Ф. Андреев. Знаменательные и служебные слова в русской речи. «Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь, стр. 256.

⁸³ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 423.

⁸⁴ То, что традиционно называлось как прилагательные и глаголы, являются членами одной и той же лексической категории (которую мы называем глаголом). G. Lakoff. Irregularity in Syntax. N. Y., 1970, стр. 10.

⁸⁵ См. раздел «Номинация и текст» в настоящем издании.

Ш. Балли, отмечая особенности глагольной номинации, писал: «Так, процессы обычно воспринимаются одновременно с предметами, которые от них неотделимы. Состояния воспринимаются нами как следующие непосредственно за движением... Несомненно, однако, что глагольное понятие часто бывает слишком неясным или слишком сложным, чтобы его можно было воспроизвести»⁸⁶. В глагольных лексемах, выражающих своей семантикой понятие действия субъекта, или отношение между субъектом действия и объектом, взаимоотношения сигнификата (субъект — действие, действие — объект) и денотата выносятся за рамки глагольной лексемы и переносятся в область синтагматических отношений, выражаемых глаголом, к его объекту или субъекту, или к тому и другому одновременно.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что особенностью предикатных имен является то, что они лишены отнесенности к предметам действительности⁸⁷.

Соотнесенность глагольных имен с предметным рядом, подобно самим предметам, раскрывающимся через их свойства и отношения, предполагает наличие смысловых связей глаголов с предметными именами и, как правило, манифестируется в моделях субъектно-объектной локализации или направленности действия, выражаемого глагольным именем. Сигнификатом признаков имен является обобщенное понятие отношения в его более конкретных видах — понятие действия, состояния, процесса. Расчленение и конкретизация этих глагольных семантических категорий, наименование конкретных действий, и т. п. происходит исключительно через их отнесение (референцию) к столь же конкретным категориям предметов, лиц, субстанций вообще. В силу этого денотатом глагольных имен является представление о характере и объеме реальных предметов, вещей, по отношению к которым дается наречение самому действию. Это свойство признаков имен (будь то глаголы или имена прилагательные) находит выражение в языке в том, что знаковое значение глагольных лексем развертывается и манифестируется в минимальных двучленных синтагмах, детерминированных не только самим глаголом, но и семантической кате-

⁸⁶ Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, стр. 52—53.

⁸⁷ См. раздел «Номинация и текст» в настоящем издании.

горией сочетающихся с ним именных лексем, благодаря чему последние выступают членами потенциальных синтагм. Наименование глаголами является таким специфическим видом лексической номинации, при котором в названии фиксируются и закрепляются разные понятийные признаки, многообразные ракурсы связей глагольного действия с предметами и лицами, производящими эти действия, или подверженные им.

Таким образом, различные ракурсы отношений между предметами и признаками, им приписываемыми, закрепляются семантической совместимостью глагольных и именных лексем, в силу чего минимальные глагольно-именные синтагмы мотивированы связями вещей в объективной действительности и представляют собой относительно (друг друга) актуализованные знаки⁸⁸. Абсолютная (речевая) актуализация глагольных имен предполагает их соотношенность со временем и лицами коммуникативного акта, в то время как относительная их актуализация состоит в факте взаимного разграничения двух имен — признакового и предметного — относительно друг друга в системе языка.

Глагольность как категория представления признака предмета через его действие, состояние выполняет в этом решающую роль, а глаголы, как скрытые синтагмы, представляют собой в лексико семантической системе языка относительно расчлененные (реализованные) знаки, являясь промежуточным, связующим звеном между виртуальными, нерасчлененными словами-комплексами и актуализованными словесными знаками в составе речевых единиц.

Семантическая структура глаголов более емка и гибка по сравнению с предметными именами, т. к. семантика глагола помимо знакового значения осложнена различными оттенками, детерминированными грамматическим строем языка. Собственно лексическое (индивидуальное) значение глагольных слов осложнено целым рядом семантических признаков, выражающих способ протекания

⁸⁸ О. Есперсен, отмечая этот факт, писал: «Глагол сообщает сочетание особый характер завершенности и создает (более или менее) законченное высказывание, чего не получается при соединении существительного или местоимения с прилагательным или наречием». (О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 95).

действия, обстоятельства его свершения, видо-временную характеристику глагольного действия, модальные и экспрессивные наслоения.

Большие трудности в определении смыслового содержания, выделения знакового и внутривидового значений глагольных лексем состоят в определении того, какой из признаков присущ только данной лексеме, какой — целой группировке, а какой обобщен до уровня категориального; вносится ли данный признак обстоятельствами речевой реализации данного слова, или он свойственен ему как номинативному знаку в системе.

Развертывание семантики полисемантических лексем является семасиологическим анализом, хотя прямое номинативное (основное или производное) может быть вычленено в синхронной плоскости именно этим способом.

Возьмем для примера русский глагол *занимать*, знаковой форме этого словесного знака соответствуют три номинативных значимости, что позволяет говорить о трех омонимах: *занимать*₁ соотносится с соответствующими словами *заем, займы* и означает 'брать займы'; сюда же можно отнести как возникшее по контрасту областное значение *занимать* — 'давать займы'; *занимать*₂ ограничен морфологически безличной формой, очень узкий по объему лексической сочетаемости и приближается к фразеологически ограниченному сочетанию: *дух занимает*.

Самым семантически причудливо разветвленным является глагол *занимать*₃; он означает:

1) *занимать*₃ — 'заполнять собой пространство, место, помещаясь где-нибудь' ср.: *Огромный шкаф занимал половину комнаты; Их семья занимала маленькую квартиру*.

Разграничение проводится характером семантических категорий, т. е. типом предметных имен, сочетающимися с данным глаголом:

Занимать деньги (пищу, одежду и т. п.) — 'брать займы'

Занимать место, пространство — 'заполнять собой'

2) *занимать*₃ — 'брать временно в свое пользование': *занимать место, стул, стол* и т. п.

3) *занимать*₃ — 'замещать какую-нибудь должность': *занимать высокое положение*.

Отграничение этого значения или лексико-семантичес-

кого варианта глагола происходит в минимальных синтагмах: *занимать пост, занимать должность, занимать место, занимать положение.*

4) *занимать*₃ — ‘захватить, овладеть вооруженной силой’: *Враг занимал все новые и новые города.*

Здесь разграничение проводится не столько глагольно-объектной синтагмой, манифестирующей объектные отношения как в предшествующем лексико-семантическом варианте: ‘занимать положение’ (V — O), сколько субъектно-глагольной синтагмой, определяющим для выявления этого номинативно-производного значения является тип субъекта, агенса действия. Ср.: *неприятель, враг, армия, батальон* и т. п. *занял город* (взял силой); *туристы, отдыхающие, дети* и т. п. *заняли почти весь город* (разместились).

5) *занимать*₃ — ‘всцело поглощать.’

Это переносное, вторичное наименование осуществляется субъектно-глагольной синтагмой (S — V), если в качестве субъекта выступают абстрактные имена: *Мысли о ней и чувства занимали меня целый день.*

Но этим набором значений глагола *занимать* не ограничивается его семантическое варьирование. В перечисленных выше лексико-семантических вариантах прослеживается их связь с основными значениями, наименования же актов духовной жизни, будучи отвлечены от основных конкретных значений глагола, являются вторичными, опосредованными, потому очень подвижными, различия между ними едва заметными. Глагольные наименования этого вида часто ассоциируют с «оттенками» значения, т. е. с еще более мелкими семантическими значимостями, порождаемыми данным глаголом в его сочетании с предметными лексемами. Ср.:

занимать кого, что — ‘интересовать’: *Это меня не занимает;*

занимать — ‘развлекать гостей’: *Почему ты не занимаешь своих гостей?*

Мы привели для примера формы выражения и последовательность семантического развертывания содержания такого полисемантического глагола, к каким относится русский глагол *занимать*, чтобы показать, каким образом семасиологический анализ слова может помочь ономасиологическому, и потому семасиологический анализ должен предшествовать ономасиологическому.

При определении сущности признаковых имен возникает трудный вопрос, какие критерии можно и должно положить в основу выделения типов глагольной номинации, т. е. классификации по характеру их вещественного значения.

Традиционное разграничение глагольных лексем по их категориальной семантике на три класса — действия, состояния, процессов — необходимо, но недостаточно, ибо эта классификация, будучи очень обобщенной, не затрагивает самых основных свойств вещественного значения глаголов: смысловой объем и семантическую структуру глагольных лексем, потенциал их семантической валентности, реализуемой в разного рода минимальных синтагмах и многое другое.

Если за основу разграничения глаголов как признаковых наименований по их вещественному значению взять категориальные признаки — способ и видо-временные характеристики действия (в тех языках, в которых они включаются в глагольную номинацию, как, например, в русском языке), то это будет анализ не собственно знакового значения, а структурного, не лексической, а грамматической семантики, степень обобщения и средства языкового выражения которой варьируются от языка к языку, составляя специфические черты системы глагольных категорий любого языка.

По нашему мнению классификацию глагольных имен можно провести по двум направлениям: первое — по типу смысловых моделей, раскрывающих направленность и члены внутренних семантических отношений, выражаемых глагольной лексемой, а именно: отношение признака к определенному предмету, который может быть субъектом или объектом, которому придается данный признак.

А. И. Смирницкий лаконично называл эти смысловые модели «формулами строения» глагольной семантики, характеризующими субъектно-объектную локализацию (направленность, детерминированность) действия.

Предметом анализа при этом направлении описания наименований глагольными лексемами являются минимальные потенциальные или реальные синтагмы.

Второе направление изучения глагольных лексем на предмет выделения типов наименований состоит в анализе двух сторон зна-

ков с точки зрения «дискретности/недискретности», «элементарности/неэлементарности», «расчлененности/нерасчлененности» означаемого и означающего словесного знака, глагола как двусторонней единицы языка. Дифференциальный характер как означающего, так и означаемого, их взаимообусловленная связь и асимметрия в пределах словесного знака, эксплицитная или имплицитная форма манифестации содержания и выражения и их связи порождают почти безграничные возможности, и большое разнообразие глагольных наименований, которые тем не менее могут и должны быть изучены и расклассифицированы в каждом языке.

Классификация признаков имен, прежде всего глагольных, по их соотносительности с предметным рядом основывается на трех главных категориях, детерминирующих их семантику: «субъект», «действие» (в широком понимании слова), «объект». Чисто мыслительные (понятийные) категории, наиболее всеобъемлющие и потому универсальные: «субъект», «объект», «действие», проецируясь в плоскость языка, транспонируются и соответствуют 1) в грамматике (логике) высказывания — подлежащему, сказуемому, дополнению; 2) в таксономии категорий языка — «предметности» и «глагольности», формирующими своим содержанием два класса наименований — предметные и признаковые; 3) в лексической семантике — моделям смысловых отношений между субъектом и объектом действия: лицо — состояние, действие — его результат, действие — предмет, ему подверженный и т. п.

Различие в глагольных наименованиях (анализу подвергаются морфологически немотивированные⁸⁹ элементарные или «первообразные» имена) зависит от характера и объема соотносящихся с глаголом категорий предметных имен, при этом модификация прямого номинативного значения предопределяется типом агенса, результата, объекта действия, обозначенного данным именем.

В каждом языке имеется группа однословных морфологически непроецируемых глаголов, которые семантически совместимы только с одной категорией предметных имен, ср.: *течь* может *жидкость*, *мыслить* — *человек*,

⁸⁹ См. главу «Теория номинации и производные наименования» в настоящем издании.

лаять — собака и т. п. В то же время в лексике любого языка имеется понятие 'идти', признак, прежде всего, присущий человеку, отчасти животному. Семантическим субъектом этого действия в русском языке может быть человек, животное, средства передвижения, в метафорическом употреблении — явления природы (*дождь, снег*) и даже абстрактные понятия (*время, жизнь* и т. п.). В английском языке для выражения соответствующего признака существуют в системе языка совершенно несхожие по составу их членов минимальные синтагмы. Ср.:

В русском	В английском
трамвай идет	— tram runs, moves
человек идет	— man walks
часы идут	— clock works
время идет	— time flies, passes
снег идет	— snow falls и т. п.

Прямое номинативное значение других глаголов ориентировано относительно объектов, на которые, или относительно которых направлено обозначаемое действие, например: *дубить кожу, ссылать (в ссылку) человека* и т. п.

Но в лексике есть и такие глагольные имена, в семантике которых фиксируются как те, так и другие отношения — и к субъекту, и к объекту.

Так, например, глаголы эмоционального воздействия типа *возбуждать, изумлять, тревожить, радовать* и т. п. имеют двойную отнесенность — к субъекту и к объекту в отличие от глаголов, обозначающих только признак «состояние или изменение состояния субъекта» (*отчаиваться, страдать* и т. п.), которые фиксируют отношение только к субъекту обозначаемого ими действия.

В основном упомянутые выше два основных типа предметной направленности в подавляющем большинстве определяют номинативную ценность и синтагматическую значимость глагольных лексем, хотя несомненно и то, что их номинативные значения могут детерминироваться различными обстоятельствами. Однако верно и то, что характеристика и наименование действия по обстоятельству (места, образа, времени), как правило, выражаются не однословным именем, а реализуются в свободных глагольно-наречных сочетаниях типа *читать громко, вставать рано* и т. п.

Итак, те глаголы, прямое номинативное значение которых ориентировано относительно объекта действия, можно назвать объектными, те же, значения которых детерминируются, а следовательно, и модифицируются семантическими связями с семантическим субъектом действия — субъектными⁹⁰.

Разграничение глагольных наименований на семиологические типы — объектные и субъектные — проводится по двум основаниям:

1) противопоставленности глаголов по их семантическим имплицитным связям с субъектом или объектом действия;

2) совпадении/несовпадении семантической и синтаксической переходности/непереходности, порождающей смешанные типы глаголов (субъектно-объектные и объектно-субъектные).

Тип субъектных глагольных наименований

К типу субъектных глаголов, с которыми в синтаксическом аспекте сопрягаются переходные глаголы, относятся такие, прямое значение которых обозначает действие, замыкающееся в самом субъекте: состояние (статистические глаголы), движение (динамические глаголы), процессы и события, его охватывающие. Субъектные глагольные имена являются семантически самодостаточными и не допускают семантического распространения объектом. В тематическом плане — это глаголы, обозначающие физиологические процессы (*родиться, умирать, жить, гнить, цвести, увядать* и т. п.), физическое и психическое состояние или изменение состояния (*спать, сидеть, лежать, ходить, перемещаться, болеть, зябнуть, согреться, неметь, бледнеть* и т. п.), нравственные поступки и моральные достоинства человека (*размышлять, жаловаться, грешить, сердиться, хмуриться, радоваться, хвастаться* и т. п.).

⁹⁰ Интересно отметить, что в большинстве глагольных лексем фиксируются как субъектные, так и объектные отношения; в английском языке, например, четко противопоставляются по семантической структуре друг другу две группировки: субъектно-объектные и объектно-субъектные глагольные имена. Если в прямом номинативном значении глагол реализует объектные связи, следовательно это — объектно-субъектный глагол, и наоборот.

К субъектным глаголам относится большая группа⁹¹ имен, обозначающих движение, перемещение субъекта действия — *гулять, бродить, ходить, ехать* и т. п.; сюда же относится большая группа глаголов, обозначающих производимые человеком, животными звуки (пение, смех, речь): *to squall* — вопить, *to snuffle* — произносить в нос, *to sneeze* — чихать, *to snigger* — хихикать, *to neigh* — ржать, *to trill* — выводить трель, *to buzz* — жужжать, *to bark* — лаять и т. п.

Специфической чертой для этого типа глагольных наименований является наличие узкой смысловой структуры, включающей по одному-два лексико-семантических варианта.

Наиболее элементарными и узкими по смысловому содержанию и однотипными по форме его манифестации являются односубъектные, т. е. допускающие соотносительность с одной категорией предметных имен, варьирующих основную модель «субъект — действие» (S — subject — V — verb):

а) действие лица: *to piffle* — болтать пустяки, *to titter* — хихикать, *to scrimp* — скупиться, *to sniff* — сопеть, *to abide* — проживать;

б) «действие нелица»: *to cluck* — кудахтать (о курице), *to twittle* — щебетать (о птицах), *to buzzle* — жужжать (о насекомых), *to moo* — мычать (о корове), *to squirm* — извиваться (о черве);

в) «действие, состояние конкретных исчисляемых предметов»: *to chank* — опадать (о цветах), *to throb* — биться (о сердце), *to scab* — покрываться струпьями (о коже);

г) «действие вещества»: *to dribble* — сочиться (о жидкости), *to ooze* — сочиться, течь, *to well* — бить ключом;

д) «действие уникальных явлений»: *to wind* — дуть (о ветре), *to rain* — идти (о дожде), *to snow* — идти (о снеге), *to sleet* — идти (о морском снеге), *to drizzle* — моросить.

В числе субъектных глаголов имеется много несколько-субъектных глаголов, являющихся чрезвычайно широкими по своему сигнификату, т. е. имеющих несколько семантических субъектов. Свообразными денотатами, конкретизирующими их широкую понятийную основу,

⁹¹ Субъектные глаголы составляют около 11% состава английских глагольных лексем по данным словаря *The Concise Oxford Dictionary*, 1966.

служат разные виды их предметной отнесенности, выражаемой лексической сочетаемостью в минимальных синтагмах с совместимыми семантическими категориями и субкатегориями.

Подобно тому, как «постоянство синтаксической модели может быть достаточным показателем устойчивости того или другого грамматического значения» — писала В. Н. Ярцева⁹², так и постоянство модели семантических отношений между понятийной и предметной соотнесенностью в границах словесного знака может быть достаточным критерием выделения семиологического типа глагольных имен.

Возьмем для примера многосубъектный глагол to fall — падать, модификация значения которого осуществляется в минимальных синтагмах, в сочетании имени признака с предметным именем.

Глагольное
наименование
to fall

{	1 падать (о лицах, вещах) things, persons, animals fall;
	2 выпадать (о снеге, дожде) snow, rain, hail fall;
	3 спускаться (о поверхности земли, воды) slopes, rivers fall;
	4 спадать (об одежде, волосах) coats, ropes, hair fall;
	5 уменьшаться (о жаре, голосе) music, heat, voice fall
	6 пасть, перестать существовать (о правительстве, о президенте) governments, parties fall;
	7 сдаться (о городе, укреплении) city, fort fall;
	8 опуститься (о человеке) persons, men, women fall;
	9 опуститься (о тишине, времени) night, silence fall;
	10 родиться (о детенышах животных) lambs, kids fall;
	11 падать на (о событиях, праздниках) holiday falls on
	12 вытягиваться (о лице) countenance falls;

⁹² В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М., 1961, стр. 298.

В субъектном глаголе *to fall* — ‘падать’ выделяется 12 лексико-семантических вариантов, прямых и переносных по характеру их семантики, разграничиваемых не единичным именем, а целым набором предметных имен, относящимся к разным семантическим категориям: одушевленный/неодушевленный предмет, лицо/нелицо, предмет/вещество и т. п. В силу того, что сигнификат глагольного имени «падать вниз» остается неизменным, несмотря на его модификацию в результате сочетаемости признакового наименования с различными категориями предметных имен, модификация семантики манифестируется лексико-семантическими вариантами первичного и вторичного означивания.

В том случае, когда семантическая избирательность глагольного имени ограничивается единичным (а не парадигмой) предметным именем, не подпадающее ни под одну семантическую категорию (субстанцию) сочетающихся с глаголом предметных имен, образуется не лексико-семантический вариант глагола, а новая лексическая единица, приближающаяся к устойчивому сочетанию с единичным контекстом и представляющая собой расчлененное наименование.

Интересно отметить, что в числе сугубо субъектных глаголов в лексике английского языка выделяется группа лексем, прямое значение которых носит побудительный, каузативный характер, и, оставаясь семантически непереходными, они начинают функционировать как синтаксически переходные, имеющие в качестве прямого дополнения семантический субъект: *a ship sails — to sail a ship, a kite flies — to fly a kite*.

По этой же каузативной модели осуществляются отношения субъектных глаголов с их так называемыми «родственными дополнениями» (*cognate objects*): *to live a long life, to laugh a hearty laugh*.

Несовпадение в субъектных глаголах семантической и синтаксической непереходности приводит к появлению нового семиологического типа глагольных имен, значения которых ориентированы — прямое (первичное) — относительно семантического субъекта, не прямые (вторичные) относительно семантического объекта; ср.: *to blow* ‘дуть (о ветре)’, *to blow something* ‘взорвать что-либо’.

В отличие от субъектных глаголов, обладающих большей семантической самодостаточностью, объектные имеют большее число семантических распространителей. В номинативных значениях объектных глаголов фиксируются не только семантические отношения с объектом, направленность действия на объект или охват последнего глагольным действием, но и сопутствующие признаки: характер и направление перемещения объекта, способ его изменения, среда протекания действия и т. п., которые значительно расширяют рамки семантической избирательности глагола. Модель «действие — объект» недостаточна и разворачивается до максимальной «субъект — действие — объект».

В силу этого границы между отдельными лексико-семантическими вариантами едва уловимы, смысловая структура — объемна, набор предметных имен, семантически совместимых с глаголом, очень широк.

Однообъектных глаголов гораздо меньше чем односубъектных. Ср., например, английские однообъектные глаголы: *to crown* 'короновать', *to sentence* — 'приговорить к смертной казни' и т. п.

Признаковых имен, характеризующих несколько предметов, гораздо больше по самой логике отношений вещей, предметов, явлений друг к другу и отношения человека (как субъекта познания) к ним.

Объектная направленность семантики глагольных имен может получать свое формальное выражение словообразовательными средствами, ср. в английском языке суффиксальная и префиксальная выраженность предметной направленности действия: *to defame*, *to disconnect*, *to sympathize*, *to pulverize* и т. п.

В русском языке противопоставленность объектных глаголов субъектным выражена соотносительными парами: *мыть* — *мыться*, *торопить* — *торопиться* и т. п.

Если семантика глагола, его прямое номинативное значение ориентировано относительно объекта, то не важно, какими видами синтаксических дополнений (прямым, косвенным, предложным или даже в случаях абсолютного употребления глагола) она манифестируется в актуальной речи. Одни отношения предметов, их различные ракурсы как результат человеческого опыта за-

крепляются в системных значениях глагольных имен, другие выражаются в поверхностных структурах (морфологических и синтаксических).

В числе объектных глаголов встречаются такие, вторичные значения которых ориентированы на субъект действия. В объектно-субъектных глаголах семантический субъект совпадает с синтаксическим, а семантическая переходность с синтаксической, ср. так называемые «симметричные глаголы»

В английском

to open a door — a door opens

В русском

открывать — открываться

to break a glass — a glass breaks двигать — двигаться

К объектным глаголам относятся также глаголы с широкой понятийной основой, называемые глаголами с повышенной переходностью типа английских глаголов *to take, to get, to give, to make, to start, to begin, to put* и др. и их русских эквивалентов *брать, получать, давать, делать, начинать* и др.

Эти семантически однозначные глаголы в силу «бесконечно» большого числа денотатов, т. е. предметной отнесенности действия, как бы десемантизируются; смысловое содержание глагола, в силу этого, приближается к «диффузному» типу, так как каждое сочетание с предметным именем дает наименование именно семантическому результату, выражающему отношение данного предмета и данного действия.

Ср. в английском языке многочисленные глаголы, так называемые «с широкой семантикой», или с широкой понятийной основой:

to take a book взять книгу — прямое номинативное значение;

to take a wife — жениться (русск. *взять в жены*)

to take a photo — сфотографироваться

to take a thief — арестовать (поймать) вора и т. п.

Второе направление рассмотрения природы глагольных наименований основывается на анализе глагольной лексемы с точки зрения ее означающего и означаемого, формирующих словесный знак.

Анализ двух сторон (содержания и формы выражения) знака на предмет выявления их «элементарности/неэлементарности» призван выполнить другую задачу: если семантика глагольного имени неэлементарна, то составляющие ее смысловые признаки остаются скрытыми в однословной (элементарной) номинации, т. е. присутствуют в глагольном наименовании скрыто, *implicite*, или это сложное семантическое содержание требует открытого, синтагматического распространения. Например, английский глагол *to doff* означает снимать (приподнимать) шляпу при встрече в знак приветствия. Это означает, что глагольным наименованием *to doff* обозначено не только (и может быть не столько) действие, сколько объект действия, цель действия и обстоятельства его исполнения. Глагольное имя включает все сопутствующие действию аргументы и естественно не требует распространения в синтагме. Ср. выражение близкого по смыслу содержания обычной синтагмой *to take off a hat* 'снимать шляпу' безотносительно к моменту встречи.

Говоря метафорически, глагол с включенными в номинацию семантическими признаками, и глагол, распространяющий свое содержание в синтагме, можно сопоставить как «глубинную и поверхностные структуры» в лексике.

Глаголы с включенными в номинацию семантическими признаками составляют в каждом языке то идиоматичное, своеобразное, что представляет большие затруднения при изучении и сопоставительном описании языков. Такие глаголы, как правило, узкие по семантике, не требуют совсем или требуют семантического распространения лишь узкой, ограниченной группой предметных имен. Так, в английском языке из общего количества однозначных и двузначных глаголов с конкретным значением и семантически самодостаточных 70% — с включенными в номинацию семантическими признаками⁹³.

По результатам анализа английских глаголов с узкой семантикой Л. А. Курицына выделяет более десятка групп глагольных наименований с включенными семантическими признаками: направления действия, характера, спо-

⁹³ См. подробнее: Л. А. Курицына. Семаспологическое исследование глаголов с узкой семантикой. М., 1977.

соба, интенсивности, количественных изменений, агенса, объекта, результата, инструмента действия.

Группы различаются не столько характером, сколько способом, ракурсом включения этих признаков в прямое номинативное значение.

В английском языке к этому разряду наименований можно отнести столь продуктивный вид знакообразования как семантическая транспозиция или так называемое словообразование по конверсии.

В лексическом составе английского языка насчитывается около 7000 лексем, находящихся в отношениях семантической транспозиции — в соотносительных цепочках от двух и до шести членов, принадлежащих к разным частям речи⁹⁴. Ср.:

2-х членная цепочка:

переходный глагол (V_t)	—	существительное (N)
to rescue — спасать		rescue — спасение
to supply — снабжать		supply — снабжение

3-х членная цепочка:

переходный глагол (V_t)	—	непереходн. существи-	
		глагол (V_i)	тельное (N)
to shape — придавать форму		принимать форму	
			форма

6-ти членная цепочка:

прилагательное (A) — существительное (N) наречие (Adv)

round — круглый — круг —		кругом
предлог (Prep) — переходный —		непереходный
	глагол (V_t)	(глагол (V_i))
вокруг	округлять	округляться

Глагольные наименования по количеству включенных в номинацию скрытых семантических распространителей можно разграничить на 3 группы: с одним, с двумя и с тремя семантическими признаками, осложняющими семантику глагольного имени.

⁹⁴ См. анализ 141 модели глагольных, именных лексем, соотносящихся по «конверсии», в современном английском языке: А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 120—158.

Глагольные имена с одним (скрытым) распространителем действия.

- а) Действие — объект: to mushroom — собирать грибы,
to fish — удить рыбу и т. п.
- б) Действие — инструмент:
to razor — брить (срезать бритвой)
to shovel — работать лопатой
to spade — „ “
to nail — пригвоздить
- в) Действие — результат:
to mistake — сделать ошибку
to stress — сделать ударение
to programme — запрограммировать
to plan — составить план

Подобные наименования и служат основаниями так называемых «пресуппозиций». К этому же типу наименований относится большая группа глаголов с пресуппозициями направленности — все глаголы, включающие в номинацию дейктические компоненты, т. е. указание на направление обозначенного именем действия.

Интересно отметить, что такое осложнение сопутствующими признаками понятия действия выражается в каждом языке сообразно его системной организации и наличию/отсутствию соответствующих средств выражения.

В подавляющем большинстве наименований с указанием на направление действия и местоположение объектов относительно этого действия русский язык использует префиксальные словообразования (приехать, отъехать, въехать и т. п.); В немецком языке подобное сложное действие именуется глаголами с отделяемыми приставками и со своеобразными полупрефиксальными морфемами (hereinkommen, abfahren, herausgehen и т. п.).

Для английского языка характерно наличие амальгамированных, т. е. морфологически невыраженных наименований, включающих по два и три семантических признака, усложняющих понятие обозначаемого действия.

В глагольных именах, обозначающих осложненное двумя признаками понятие действия, один из двух признаков выступает по отношению ко второму как более общий категориальный, постоянный. Естественно в качестве таких категориальных признаков выступают субъект и объект действия как более непосредственно ассоциируемые

с действием. Например:

to cot — загонять (скот) в загон
to bob — ловить (угрей) на червей и др.

Категориальные признаки, в данном случае субъект и объект действия, требуют синтагматического распространения.

Если фронтально и тщательно исследовать глагольные наименования, то, подобно предметным именам, их можно расклассифицировать по семиологическим типам, отличающимся друг от друга денотативным и сигнификативным характером семантики. Ярким примером имен с денотативным характером знакового значения являются звукоподражательные, как правило однозначные субъектные глаголы.

К семиологическому подклассу признаков имен следует отнести имена прилагательные, отличительной особенностью которых является широта их понятийной основы, что приближает их к универсальным знакам⁹⁵. Границы лексико-семантического варьирования имен прилагательных, обозначающих какой-либо относительный признак, непомерно широки и проводятся исключительно лексическим содержанием сочетающихся с ними предметных имен. Прилагательные, как имена свойств признаков, могут обозначать чрезвычайно обобщенный признак, под который подпадает широкий круг предметов как материального, так и идеального мира. Например, английское имя признаков предметов sharp — острый обозначает «остроту» физических предметов, органов человека — зрения, обоняния, ощущения и общего восприятия окружающего мира, явлений природы, свойств социальных установлений человека, проявления его индивидуальных черт характера и т. п. Знаковое значение имен прилагательных носит сигнификативный характер, и подобно глаголам, может быть даже более облигаторно, прилагательные конкретизируют системную номинативную значимость в минимальных определительных синтагмах, сочетаясь с предметными именами.

В силу того, что имя прилагательное по своему назначению в структуре языка находится по сравнению с име-

⁹⁵П. Цифф, анализируя английское прилагательное good хороший(ая), выделил более 200 значений: P. Ziff. Semantic Analysis. Ithaca, 1960.

нем существительным и глаголом функционально рангом ниже, категоризация и субкатегоризация сочетающихся с ним предметных имен носит более детализированный характер: общие семантические категории предметных имен «лицо—нелицо», «одушевленность/неодушевленность» и др., столь значимые для глагольных имен, при разграничении семантики имен прилагательных необходимы, но далеко недостаточны.

Разграничение и становление полных семантических значимостей у имен прилагательных, как и у глаголов, перенесено в план синтагматических связей, поэтому лексические синтагмы прилагательных с предметным именем можно назвать полуавтоматизированными синтагмами, в которых оба члена выступают в двух функциях — разграничения и отождествления, взаимно характеризую друг друга.

В итоге беглого описания семиологических и ономаσιологических особенностей характеризующих как предметных, так и признаковых имен, следует отметить, что все функции этих знаков — идентификации, дифференциации и характеристики покоятся на одном и том же логическом принципе — родо-видовых отношений.

Семиологические свойства характеризующих словесных знаков — семантическая совместимость, избирательность, воспроизводимость и последовательность — требуют определенных правил их связи, детерминированных не только системой (логикой) языка (грамматикой, лексикой), но и логикой вещей и логикой мышления.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
НОМИНАЦИИ СЛОВОМ
КАК ЕДИНИЦЕЙ РЕЧИ

Слово как единица языка представляет собой единство означающего и означаемого, единое материально-идеальное образование, которое служит средством материализации и номинации отраженных в сознании человека объектов действительности¹.

Сложность и многогранность смыслового содержания слова определяют универсальный характер словесного знака и его полифункциональность. В слове, в частности, различают функции: номинативную (называния или наименования), сигнификативную (обобщения), коммуникативную (общения), прагматическую — в том числе и стилистическую (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия)².

Каждая из них может оказаться ведущей для определенных типов словесных знаков. Так, номинативная и сигнификативная функции представляют по своему содержанию две стороны одного и того же явления знаковой репрезентации слова как дискретной единицы языковой системы и характерны, прежде всего, для номинативных словесных знаков. Стилистическая функция, наряду с номинативной и сигнификативной, присуща стилистически маркированной лексике, имеющейся в словарном составе

¹ Термины «слово», «лексическая единица» употребляются в тех случаях, когда разграничение понятий «лексемы» и «лексико-семантического варианта» представляется нерелевантным. Аналогично употребление термина «язык», включающего в себя понятия «языковая система» и «речь». Соответственно разграничиваются термины «семантическая структура лексемы» и «семная структура лексико-семантического варианта».

² См. А. А. Уфимцева. Типы языковых знаков. М., 1974, стр. 39.

любого языка. Собственно коммуникативная и прагматическая функции выступают как ведущие у словесных знаков, актуализируемых в речи.

Сложность смысловой структуры слова и полифункциональность словесного знака не противоречит тому факту, что первопричиной возникновения и развития языка, фактором, обуславливающим и определяющим бытие языка, является коммуникация, а сущность языка определяется тем, что он является единственным репрезентатом человеческого сознания. И если понимать под коммуникацией передачу с помощью языковых средств всех типов информации, в том числе мыслительной, стилистической и т. д., то справедливо признать, что коммуникативная информация в целом представляет собой органический единый объект, а коммуникативная функция является основной и определяющей в использовании языка как средства всех типов общения³. Соответственно, и указанные выше функции слова выступают практически в сложном единстве, разграничиваемом на уровни описания. «Чтобы познавать эти частности, — писал К. Маркс — мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д.»⁴

Признавая дихотомию «язык — речь» как разграничение двух сторон единого явления, изучаемого в рамках единой науки⁵, мы различаем явление номинации в слове как единице языковой системы и в слове как единице речи с установлением между ними возможных корреляций. Особенности и характер «узуальной» номинации в стилистически окрашенных лексических единицах как дискретных единицах языковой системы были рассмотрены в книге «Языковая номинация. Общие вопросы»⁶. Объектом изу-

³ Г. В. Колшанский. Семантика слова в логическом аспекте. «Язык и мышление». М., 1968; *Он же*. Лингвистические основы анализа языкового стиля. «Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца», вып. 73. М., 1973; *Он же*. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 20.

⁵ См., например: Т. С. Шарадзендзе. Проблема взаимоотношения языка и речи. Тбилиси, 1975.

⁶ Под стилистически окрашенными лексическими единицами понимаются единицы, семная структура которых содержит наряду с лексическим также и стилистическое (эмоционально-оценочное

чения в данном разделе являются полнозначные номинативные знаки, обретающие в контексте стилистически маркированную знаковую репрезентацию⁷. Другими словами, в главе рассматривается контекстуально-обусловленное употребление языковых единиц вне их прямой номинативной функции⁸.

Уникальным свойством естественного человеческого языка является его способность двукратной репрезентации, двукратного (двойного) означивания объектов окружающей действительности (в языковой системе и речи). Именно это свойство представляет основу его способности формировать бесконечное множество высказываний, интерпретировать любую деятельность человека, включая широкую область эмоциональных переживаний, рациональных оценок и чувственно-образных представлений объектов реального мира. «Несомненно,— писал Л. В. Щерба,— при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное..., сочетаем слова, хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом...»⁹. Однако, если принять за исходное, что в основе практически безграничных возможностей употребления слов в речи в их непрямой функции лежат явления, связанные с тенденцией развития языка и заложенные в самом

или экспрессивно-образное) значение. О нейтральном стиле см.: Ю. С. Степанов. *Стилистика французского языка*. М., 1965, стр. 219—220; В. И. Перебийнос. *Методы и уровни моделирования нулевого стиля*. «Вопросы статистической стилистики». Киев, 1974, стр. 18; R. Jakobson. *Signe zero, Melanges, Ch. Bally*, 1939, стр. 143—152.

⁷ Под контекстом понимаются показатели языковой структуры, «лингвистическая ситуация», которые служат средством речевой актуализации лексико-семантического варианта (ЛСВ). В качестве сигналов семантико-стилистической актуализации ЛСВ выступает также ситуативный контекст в форме жизненной или речевой ситуации или паралингвистический контекст. См. об этом: И. Р. Гальперин. *О понятии «текст»*. — ВЯ, 1974, № 6; Н. Н. Амосова. *Основы фразеологии*. Л., 1964, стр. 31 и сл.; Г. В. Колшанский. *Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации*. — ВЯ, 1973, № 1.

⁸ См. В. Г. Гак. *К проблеме соотношения языка и действительности*. — ВЯ, 1975, № 2, стр. 21—22; А. А. Уфимцева. *Указ. соч.*

⁹ Л. В. Щерба. *О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*. «Языковая система и речевая деятельность». Л., 1974, стр. 24.

языке, становится возможным поставить задачу определения основных закономерностей, основных способов и средств формирования различных типов окказиональных номинаций.

Специфический характер окказиональных номинаций создается тем свойством лексической единицы, которое квалифицируется в современной лингвистике как асимметрия словесного знака. Еще в прошлом веке это явление отметил А. А. Потебня, позднее — Ф. де Соссюр и С. О. Карцевский¹⁰. Современную интерпретацию этого положения находим в работах С. Д. Кацнельсона, А. А. Уфимцевой и др., которые отмечают, что полифункциональность единиц плана выражения и омонимия единиц плана содержания основывается на отсутствии соответствия между более емким по объему и многомерным по структурной организации планом содержания и более простым и меньшим по числу единиц планом выражения¹¹.

Другое важное свойство языка, которое также объясняет «механизмы» окказиональных номинаций, является положение о том, что язык как средство общения содержит в себе категории как абстрактного, так и конкретного порядка. Соответственно, разграничение между языковой системой и речью в современных исследованиях проводится не в плане разграничения сущности и явления, а в плане разграничения общего и единичного. Особенно четко это свойство языка проявляется в слове — единственной для человеческого языка форме, в которой закреплены диалектические противоречия способа существования объекта как предмета и как его свойства, как единичного и как общего в ряду материальных вещей¹².

¹⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II. Харьков, 1888, стр. 31; Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 84; S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. «Travaux du cercle linguistique de Prague». Prague, 1929.

¹¹ См. С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 19—20; А. А. Уфимцева. Теоретические проблемы слова. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 310; Она же. Типы языковых знаков. М., 1974.

¹² Г. В. Колшанский. Структура языка в гносеологическом аспекте. «Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания». М., 1974, стр. 89.

Известно, что создание актуального речевого знака предопределяется определенным функциональным заданием. Естественно, что прагматический аспект знаковой репрезентации прослеживается и в акте стилистически маркированной окказиональной номинации. По функциональному принципу представляется возможным разграничить два основных вида окказиональных номинаций: как источник создания экспрессивно-образных стилистических смыслов и как источник создания эмоционально-оценочных стилистических смыслов¹³. Для терминологического разграничения этих явлений будут использованы термины: в первом случае — «вторичная окказиональная номинация» или «вторичное окказиональное переименование», во втором случае — «окказиональная номинация» или «осложненная окказиональная номинация».

Вторичное окказиональное переименование как источник создания речевой образности — явление, известное, практически, еще со времен древнегреческих риториков. Уже в те времена создание образности слова связывалось с его метафорическим употреблением, основанным на переносе значения.

В стилистическом плане вторичное окказиональное переименование является источником создания образной экспрессии и лежит в основе формирования ряда лексических стилистических приемов, таких как метафора, метафорический эпитет, метонимия, антономасия.

Особенности и «механизмы» окказиональных переименований наиболее четко прослеживаются в именах существительных.

Самые общие составляющие внешнего мира — вещи, свойства и отношения; ведущие основополагающие категории языка — предметность, процессуальность, признаковость. Эти языковые категории имеют сложную, многоплановую внутреннюю структуру и находят свое отражение как в распределении слов по частям речи, так и в их функциональных разграничениях.

Коммуникативный подход к категории значения предполагает, что семантическое содержание слова формируется также и под влиянием его роли в предложении. Соответ-

¹³ Под с м ы с л о м в данной работе понимается то содержание слова, которое оно получает в контексте.

ственно разграничиваются две основные функции слова как единицы речи: функция идентификации и сообщения¹⁴, именованная и характеристики¹⁵, референции и предикации¹⁶.

В основе распределения слов по частям речи лежит их синтаксическая специализация. Суть ее состоит в стремлении формально разграничить имена вещей и имена предикатов. При этом степень синтаксической специализации находится в обратном отношении к номинативной способности слова. Если понимать под номинативностью способность языковой единицы служить в качестве средства концептуальной инвентаризации в отвлечении от семантико-синтаксических связей, то становится очевидным, почему абсолютной номинативной значимостью обладают, прежде всего, имена существительные. И действительно, только существительные или их сочетания могут приобретать функцию быть собственными наименованиями (*nomina propria*)¹⁷.

Как *nomina propria* именные лексемы отличаются устойчивостью понятийного центра и обусловленной этим свободой лексических связей — признаки, отмеченные В. В. Виноградовым как ведущие в словах со свободно-номинативным значением. Лексическое значение имен существительных характеризуется семантической комплексностью: они наделены полной семантической структурой, способны реализовать в речи как денотативное, так и сигнификативное содержание, допускают как референтное, так и нереферентное употребление.

Абсолютная номинативная значимость, семантическая двойственность и функциональная подвижность имен существительных чрезвычайно расширяют их коммуника-

¹⁴ См. *Н. Д. Арутюнова*. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 326, 331.

¹⁵ См. *С. Д. Кацнельсон*. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965, стр. 25—28.

¹⁶ Термины, принятые в современных работах с логической направленностью; см.: *Н. Д. Арутюнова*. Коммуникативная функция и значение слова. «Филологические науки», 1973, № 3, стр. 42.

¹⁷ *Jaroslav Kuchař*. К общей характеристике номинации. «Travaux linguistiques de Prague», 3, Academia, Prague, 1968, стр. 124; *М. В. Никитин*. Функциональная типология языковых единиц и проблема лексического значения. «Проблемы лексической и грамматической семантики». Владимир, 1975, стр. 10.

тивные и выразительные возможности, одним из источников которых является вторичное окказиональное переименование.

Рассмотрим последовательно гносеологический, семантический, номинативный и функционально-прагматический аспекты описываемого явления.

Значение вербальных имен, для которых первичной является функция номинации, ориентировано на денотат и создается общими чертами класса денотатов. При этом в основе самого акта наименования лежит способность выбирать определенные признаки предметов, что и определяет внутреннюю форму их наименования.

Известно, что в основе экспрессивно-образной стилистической информации лежит соотнесенность с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак, что предполагает сопоставление двух предметов (вещей, явлений, процессов и т. п.) или двух признаков предметов на основе разнообразных отношений, существующих между ними в реальной действительности или в воображении коммуниканта.

В экстралингвистическом плане вычленение и перенос отдельных признаков, свойств, качеств объектов обозначения основывается на способности человека к ассоциативному мышлению, отражающему реальную зависимость явлений и предметов окружающей действительности. По этому поводу еще Аристотель писал: «...Находить естественные метафоры — значит уметь в природе подмечать сходство предметов»¹⁸.

Лингвистическая обоснованность такого переноса находит свое объяснение в самой сущности словарного наименования, в характере соотнесенности лексической единицы с объектами внеязыковой действительности, в природе лексического значения слова.

В ходе освоения реального мира, наблюдая вещи и факты, устанавливая в них общее и раздельное, человек познает предметы и явления, формирует понятия о классах предметов и их свойствах, устанавливает между ними определенные связи и взаимозависимости. Конечной целью этого познавательного процесса является получение классификации, которая бы максимально отражала распределение и закономерные связи существенных при-

¹⁸ Аристотель. Поэтика. Варшава, 1885, стр. 89.

знаков в вещах, явлениях, процессах и т. д. и обладала бы максимальной прогностической силой.

При этом слово как основная номинативная единица представляет собой средство не исчерпывающего отражения познанной действительности, но приблизительного, «бытового», достаточного, чтобы правильно ориентироваться в реальном мире и успешно действовать в нем¹⁹. В результате значение носит «расплывчатый» характер (*vagueness*), что Ст. Ульманн объясняет следующими факторами: обобщающая природа слова, контекстуальные сдвиги значений, отсутствие ясных границ между вещами, о которых мы говорим, недостаточность осведомленности о них и т. п.²⁰

Как следствие этого понятие о классе предметов не имеет характера жестко детерминированной закрытой структуры из конечного перечня признаков, а представляет собой динамичную, подвижную структуру, компоненты которой связаны взаимозависимостями и характеризуются скорее большей или меньшей вероятностью быть обнаруженными у предметов данного класса. Соответственно, в содержательной стороне слова выделяется «минимальная компонента» значения нарицательного имени, содержательно равная понятию о данном классе, и «переменная компонента», включающая индивидуальные свойства предмета и варьирующаяся по объему от нуля до бесконечности (условно теоретически). Поэтому считается, что смысловое содержание слова обладает «вероятностной структурой содержания»²¹.

Таким образом, предметы и явления объективной действительности, обладающие многими признаками и характеризующиеся с разных сторон, получают в слове лишь частичное отражение²². В аспекте семной структуры слова это явление получает отражение в наличии потенциальных сем, соотносящихся с потенциальными, нерелевантными

¹⁹ См. В. М. Солнцев. Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», стр. 230.

²⁰ См. St. Ullmann. *Stylistics and Semantics*. «Literary Style», a Symposium. Oxford, 1971, стр. 138.

²¹ М. В. Никитин. О предмете и понятиях комбинаторной семантики. «Проблемы лексической и грамматической семасиологии». Владимир, 1975, стр. 39—40, 58.

²² E. Cassirer. *An Essay on Man. The Language of Wisdom and Folly*. Background Readings in Semantics. San Francisco, 1967, стр. 26.

свойствами предмета и предопределяющих возможность необычных сочетаний слов, сдвигов их значений и т. п.²³ Именно это свойство словесного знака создает одну из самых широких возможностей использования слова в его непрямой функции.

Рассмотрим «механизм» вторичного окказионального переименования на следующем примере:

...But the landlady was too quick for her. She pounced, secured the letter... The door banged and Miss Moss was alone..., furious and shivering... «Cockroach! That's what she is. She is a cockroach!» said Miss Moss. (Mansfield)

В основе процесса окказионального переименования — сдвиг денотативной соотнесенности на основе переноса общего признака «вредность» с объекта первичной номинации на объект вторичной номинации:

cockroach → насекомое (таракан)	} общий признак
cockroach → человек (хозяйка пансиона)	

Общность признака подтверждается наличием общей семы: потенциальной семы ‘вредность’ у существительного cockroach (таракан — насекомое, вредное в хозяйстве) и окказиональной семы ‘коварство’, которая «приписывается» предмету вторичного наименования (хозяйке пансиона) отправителем речи. Сигнал — речевая ситуация: хозяйка пансиона обманным путем завладевает письмом, в котором, со слов задолжавшей ей мисс Мосс, якобы содержалось извещение о наследстве.

В семантическом плане процесс вторичной окказиональной номинации сопровождается следующими преобразованиями семной структуры актуализируемой единицы: приглушение архисемы ‘насекомое’ и индуцирование окказиональной семы ‘человек’ (сдвиг сем); актуализация потенциальной семы ‘вредность’ (перераспределение сем) и индуцирование окказиональной семы ‘коварство’ (наслоение на актуализированную потенциальную сему ‘вредность’).

В синтагматическом аспекте вторичное окказиональное переименование сопровождается нарушением потенциальной сочетаемости в пределах структуры стилистического приема. В приведенном высказывании — грамма-

²³ В. Г. Гак. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. «Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов». М., 1971, стр. 96.

тическая несовместимость, в основе которой лежит оппозиция по типу «человек» («she») и «насекомое» («cockroach»).

Известно, что не всякий перенос наименования является источником создания стилистической информации. Это находит свое отражение в традиционном разграничении переносов на образные и безобразные. Представляется точнее квалифицировать их как экспрессивно-образные и «образно-стертые». К последним относятся в языковой системе слова с «забытой» образностью, а в речи — «стертые» метафоры.

Граница между экспрессивной и стертой образностью проходит, следовательно, по линии восприятия лексической единицы. В первом случае нормативные значения слов в типичных контекстах выражают понятия, во втором ведущими становятся образные представления, соотносящиеся с отвлеченными понятиями.

Соответственно, в приведенном выше примере существительное cockroach (таракан) в составе стилистического приема метафоры (She is a cockroach) создает нерасчлененное представление, в котором совмещены признаки разных предметов. В семантическом аспекте в основе экспрессивно-образного употребления лежит, таким образом, принцип семантической двуплановости, сосуществования двух семантических планов, создаваемый узуальными значениями и окказиональными смыслами. Оба типа значений сосуществуют в одном контексте и воспринимаются сознанием одновременно. Именно поэтому описываемое явление правильнее квалифицировать, как указывает И. Р. Гальперин, не как перенос значения, а как одновременную реализацию системного значения и окказионального смысла²⁴.

Описанная семантическая двуплановость является следствием особого характера соотношенности словесного знака с предметом окказионального обозначения.

В основе окказионального переименования, как было отмечено выше, лежит сдвиг первичной денотативной соотношенности на основе переноса общего признака с объекта первичного (узуального) наименования на объект вторичного (окказионального) наименования. В нашем примере один из признаков объекта первичного наимено-

²⁴ I. R. Galperin. Stylistics. M., 1971, стр. 135.

вания ('вредность') становится ведущим, «бросающимся в глаза» признаком, который «приписывается» предмету вторичного наименования и на основе которого происходит акт окказионального переименования (*She is a cockroach*).

Если понимать под денотатом тот признак, свойство и т. п. реального объекта обозначения, по которому создается узуально закрепленное представление о классе предметов, а под референтом — предмет обозначения, соотносящийся со словом в его конкретном речевом употреблении, то в случае окказионального переименования в основе «сдвига» денотативной соотнесенности оказываются следующие процессы: приглушение узуальной денотации и одновременно появление окказиональной референции.

Одновременная двойная соотнесенность словесного знака с денотатом и референтом и создает семантическую двуплановость в процессе вторичного окказионального означивания.

Отношение словесного знака к сигнификату, денотату и референту находит свое объяснение в самой природе номинативного значения, в характере соотнесенности словесного знака с объектом обозначения.

Даже простое словесное наименование, по мнению Г. В. Колшанского, вскрывает внутреннюю кардинальную противоречивость любого материального объекта как самого универсального свойства бытия вещей, явлений и т. п., существующих одновременно как единичное и как общее. И поэтому уже изначальная структура слова приспособлена для адекватного выражения сущности объекта, благодаря совмещению в себе способности именования универсального и единичного явления одновременно ²⁵.

Способность слова указывать на внутреннюю раздвоенность явлений отражает отношение между словом как единицей языковой системы и речи, что можно сопоставить с отношением между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией, с одной стороны, и определенными конкретными явлениями действительности, составляющими объект этой абстракции, классификации и т. д. — с другой ²⁶.

²⁵ Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, стр. 69—70.

²⁶ См. J. M. Kořinek. Einige Betrachtungen über Sprashe und Sprechen. TCLP, 1936, 6, стр. 23—29.

Двойственная сущность слова как знака проявляется в том, что в системе языка слово представляет отношение обозначаемого к сигнификату, а в процессе речи — отношение обозначаемого к денотату. В случае окказионального переименования номинативный аспект актуализируемой единицы характеризуется одновременной двойной соотносительностью с узуальным денотатом и окказиональным референтом, в результате чего создается конкретно-чувственное, наглядно-образное представление объектов окружающего мира. Кроме этого, как правило, экспрессивно-образное переосмысление предмета наименования сопровождается появлением эмоционально-оценочных смыслов. Так, в разобранный выше примере актуализация сем 'вредность', 'коварство' становится основанием для формирования окказионального отрицательного эмоционально-оценочного смысла и появления окказиональной соотносительности с эмоционально-оценочными квалификативными сферами познавательной деятельности человека. Таким образом, отмеченная выше одновременная двойная номинативная соотносительность в процессе окказионального переименования, как правило, осложняется соотносительностью с категориями социально-психологического порядка — квалификативными сферами познавательной деятельности человека.

В гносеологическом и семантическом плане окказиональное переименование осуществляется на основе семантико-ассоциативных связей отраженного понятия и введенного признака, что приводит к новому способу называния словом, к новой номинации. Характер и особенности выбора признака, на основе которого происходит вторичное означивание, во многом определяют специфические особенности рассматриваемого явления.

Диапазон выбора введенного признака в процессе окказионального переименования чрезвычайно широк, хотя языковой порог варьирования слова ограничен как в семантическом плане, так и в социальном. Основным источником выбора введенного признака является смысловое содержание актуализируемых лексических единиц.

Языковая классификация предметов опирается на целый комплекс признаков. Минимальные релевантные компоненты значения — семы, соотносящиеся с этими признаками, отличаются комплексностью и гетероген-

ностью: они могут характеризовать класс предметов с разных сторон, фиксируя его различные физические и функциональные аспекты. При этом значения слов с первичной номинативной функцией характеризуются склонностью с обогащению признаками денотативного класса.

Основанием для переноса признака, стимулирующего окказиональное переименование, может быть актуализация любого типа сем — как потенциальных, так и дифференциальных. Актуализироваться могут коннотации, а также постоянные и случайные ассоциации. Таким образом, семы, на которых строится «смещенная речь», могут оказаться и за пределами лексикографического описания слова.

В основе вторичной окказиональной номинации словом в составе таких стилистических приемов как метонимия и онтономасия в принципе те же явления, что и при создании образности метафорической. Однако между этими двумя процессами намечаются некоторые отличия, которые позволяют говорить о различных типах вторичной окказиональной номинации.

И здесь в основе переименования лежит изменение денотативной соотнесенности и появление соотнесенности референциальной. Однако общий признак, на основе которого строится окказиональное переименование, определяется, чаще всего, ассоциативными смыслами слова.

В литературе не раз отмечалось почти безграничное разнообразие и разновидность факторов, влияющих на характер семантических изменений слова и, в частности, стимулирующих его окказиональную номинацию. При рассмотрении этих вопросов обычно учитываются, в самом грубом приближении, два ряда взаимосвязанных факторов: языковых и внеязыковых. Их взаимосвязь обуславливает необходимость исследования внутриязыковых стимулов семантических изменений с учетом также и внешних по отношению к языковой системе факторов²⁷. Особенно наглядно она проявляется в тех случаях, когда использование слова в его непрямой функции базируется на его ассоциативных связях.

Под ассоциациями понимается такая связь представлений, благодаря которой одно представление, появившись

²⁷ Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 8—9, 23.

в сознании участника коммуникации, вызывает другое — по сходству, смежности или противоположности. Ассоциативными смыслами называют такие смыслы, которые, не имея своей собственной отдельной звуковой формы, пользуются формой другого, буквально понимаемого содержания²⁸.

Говоря о роли ассоциаций в создании образной экспрессии, Л. В. Щерба писал: «Сущность образа вовсе не в ...отсутствии сопутствующих ассоциаций, а именно в многообразии этих последних. Однако это многообразие не бесконечно, а всегда куда-либо направлено, и все искусство художника состоит в том, чтобы направить возможные и необходимые, хотя и нечеткие ассоциации по определенному пути. Дело же критика и толкователя — вскрыть эту направленность и указать те выразительные средства, которые употребил в данном случае художник»²⁹.

Ассоциации могут быть случайные и постоянные. Случайные ассоциации порождаются конкретным контекстом и вместе с ним исчезают. Постоянные ассоциации порождаются и закрепляются за словом в результате его целенаправленного употребления в границах данного макроконтраста (обычно речевого произведения). Они могут быть также связаны с постоянными экстралингвистическими характеристиками объекта обозначения.

Ассоциации первого типа лежат в основе вторичной окказиональной номинации словом в составе стилистического приема онтономасии, который характеризуется использованием собственного имени в значении нарицательного и нарицательного в значении собственного³⁰.

Имена собственные в естественных языках — это класс имен, специализированных в функции репрезентации единичных предметов и выражении денотативного значения. Собственные имена ущербны и характеризуются отсутствием социально-закрепленной информации. Поэтому в этом разряде номинативных единиц особенно четко выде-

²⁸ О. Г. Винокур. Понятие поэтического языка. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 3, 1947, стр. 4.

²⁹ Л. В. Щерба. Опыт лингвистического толкования стихотворений. «Советское языкознание», т. II. Л., 1936, стр. 183.

³⁰ I. R. Galperin. Указ. соч., стр. 161—163.

ляется то коннотативное содержание ³¹, которое появляется у собственного имени или в связи с устоявшимися контекстуальными условиями его употребления или в связи с определенными экстралингвистическими факторами. Например:

He seemed to march towards crime with the monstrous innocence of Oedipus (Chesterton).

В приведенном высказывании собственное имя Oedipus (Эдип) обрастает пучком постоянных ассоциаций в связи с легендой о трагической судьбе царя Эдипа. Сигналом их актуализации является семантика составного сказуемого (...seemed to march towards crime...). Актуализация постоянных ассоциаций становится основанием окказионального изменения объекта номинации, в результате чего собственное имя «Эдип» приобретает квалификативно-характеристическую функцию. Здесь имеет место своеобразная цепочка сдвигов денотатов и референтов: наименование человека (Эдип) → обозначение совершенного им преступления (референт I). В первом случае реализуется номинативная функция слова, во втором — его стилистическая функция. Первое звено изменения денотативной соотношенности происходит вне данного контекста и является исходным для его следующего этапа: преступление, совершенное царем Эдипом → преступление, совершенное персонажем рассказа Честертона (референт II). Характер преступлений, совершенных царем Эдипом и персонажем Честертон, становится той общей семой, которая стимулирует изменение референциальной соотношенности и создание образной экспрессии.

В основе вторичной окказиональной номинации словом в составе стилистического приема метонимии лежат постоянные ассоциации, возникшие в связи с экстралингвистическими характеристиками объектов внеязыковой действительности и отражающие определенные типы отношений между ними. Например, отношения между частью и целым — синекдоха («крыша» и «дом»), содержимым и содержащим («зал» и «люди» в зале), конкретным выражением абстрактного понятия и самим абстрактным поня-

³¹ Под коннотациями понимается то дополнительное семантико-стилистическое содержание слова, которое возникает на основе постоянных ассоциативных связей, общепризнанных в данном языковом коллективе.

тием («колыбель» и «рождение») и т. п.³² Постоянство этих отношений позволяет выделить определенные типы метонимий, в которых окказиональное переименование строится на основе указанных типов конкретных связей между объектами первичной и вторичной номинации. Например:

...And little else than her did he see that night — *a pair of slender shoulders and a mass of pale gold hair* (London).

It's 9.45 o'clock, and not a single *picture hat* or *piece of pineapple chewing gum* has showed up yet (O. Henry).

В основе окказионального метонимического переименования, как было отмечено выше, — сдвиг денотативной соотнесенности (плечо, шляпа → человек), в результате которой слово начинает выполнять чисто квалификативно-характеристическую функцию. При этом интересно отметить, что постоянство ассоциаций, на основе которых происходит переименование, позволяет «вывести» референт за пределы конкретного языково-материального контекста. Общая сема также выделяется вне зависимости от конкретного контекста — она существует между стилистически реализуемыми словами объективно: *shoulder* (плечо), *hair* (волосы), *hat* (шляпа) — потенциальная сема 'человек' и архисема окказионального референта — 'человек'³³.

Процесс окказионального переименования сопровождается уже знакомыми нам семантическими процессами: приглушение номинативного значения лексико-семантического варианта, соотносящегося с постоянным денотатом ('плечо', 'шляпа' и т. д.), индуцирование окказиональной архисемы, соотносящейся с контекстуальным референтом ('человек'), что и приводит к созданию экспрессивно-образных стилистических смыслов.

Сдвиг денотативной соотнесенности во всех разобранных случаях сопровождается одинаковыми синтагматическими процессами. Это нарушения потенциальной сочетаемости, в основе которых лежат различные типы оппозиций (одушевленное — неодушевленное и т. п.).

В тех случаях, когда окказиональный референт находит свое материально-языковое выражение в пределах

³² I. R. Galperin. Указ. соч., стр. 141—142.

³³ На тех же принципах строится стилистический прием *periphrasis* (перифраз), который определяется как переименование объекта посредством словосочетания или предложения (I. R. Galperin. Указ. соч., стр. 166). Например, «люди в белых халатах» и «врачи».

данного контекста (метафора, метафорический эпитет), нарушение валентности также получает непосредственное материально-языковое выражение (например, «*She is a cockroach*», «Ну, и лиса же эта девочка» и т. п.). Когда же окказиональный референт «выведен» за пределы контекста (метонимия, онтономасия), нарушение валентности получает опосредствованное материально-языковое выражение (a picture hat... has showed up. — ‘появилась... нарядная шляпа’).

Актуализация введенного признака квалификативного характера приводит к изменению синтаксической функции номинативного знака, к переходу референтных (идентифицирующих) имен в предикатные.

Разрабатывая лингвистическую интерпретацию коммуникативного подхода к слову, Н. Д. Арутюнова отмечает, что если отношения простейшего вида номинации соединяет объект и его имя, то при предикативном употреблении знака имеет место изменение направленности мыслительного процесса — от объекта к его признаку, что приводит к преобразованию отношения наименования в отношения характеристики или собственно предикации³⁴.

Итак, вторичная окказиональная номинация словом всегда связана, по нашим наблюдениям, с изменением денотативной соотнесенности лексико-семантического варианта и формированием под влиянием контекста окказионального референта (предмет обозначения, соотносящийся со словом в его конкретном речевом употреблении). Через этот референт осуществляется окказиональная соотнесенность лексико-семантического варианта (ЛСВ) с квалификативной сферой чувственно-образного представления действительности, в результате чего актуализируемая единица начинает характеризоваться двойной и одновременной соотнесенностью с предметом первичного и вторичного означивания.

Перенос наименования осуществляется на основе общих признаков денотата и референта, соотносящихся с разными классами внеязыковых объектов. Характер введенного признака зависит от типа той общей семы, которая соотносится с введенным признаком и является основанием его переноса.

³⁴ Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 18—19.

Эти процессы сопровождаются следующими преобразованиями семантической структуры актуализируемого ЛСВ: приглушение архисемы, соотносящейся с первичным номинативным значением слова, индуцирование сем, соотносящихся с «перенесенным» признаком и являющихся основанием для формирования окказиональных стилистических смыслов. Способность лексической единицы к переименованию определяется, таким образом, природой слова как элемента знаковой системы языка. Ее источник — смысловое содержание ЛСВ. Именно здесь обнаруживаются компоненты, общие для узуального денотата и окказионального референта, что и определяет способность слова к «смещенной речи».

Вторичное окказиональное переименование знаков с первичной номинативной функцией приводит к изменению его синтаксической роли в предложении: идентифицирующей знак переходит в предикативный.

Прагматическая направленность вторичной окказиональной номинации — создание экспрессивно-образных стилистических смыслов, на которые, как правило, «накладываются» смыслы эмоционально-оценочные.

Вторичное окказиональное переименование осуществляется в пределах постоянных контекстов, определяемых моделями некоторых стилистических приемов.

Так выявляются общие закономерности, общие «механизмы» стилистически маркированной вторичной номинации.

В пределах описанных процессов выделяются отдельные типы переименований, которые различаются по следующим параметрам:

- 1) основание переименования — характер «перенесенного» признака;
- 2) тип контекста, в пределах которого происходит акт окказионального переименования;
- 3) характер референта;
- 4) характер номинативной соотносительности переименованного знака;
- 5) синтаксическая функция переименованного знака;
- 6) функционально-прагматическая направленность вторичного окказионального переименования.

Типы переименований по обозначенным параметрам см. в табл. 1.

Таблица 1

Типы стилистически маркированной вторичной окказиональной номинации словами

Тип и кон- текста (модели СЦ)	Основа переименования		Характер референта	Характер номина- тивной соотно- свенности	Синтак- сическая функция	Стилисти- ческая функция
	в экстралинг- вистическом аспекте	в ономасто- логическом аспекте				
Метафо- ра	Наличие об- щего призна- ка квалифи- кативного характера у объектов первичной и вторичной номинации	Перенос обще- го признака квалификатив- ного характе- ра с узуально- го денотата на окказиональ- ный референт	Наличие общей семы: по- тенциальной или дифферен- циальной у узуального значения и окказиональ- ной у окказионального смысла	Двойная номинативная соотносительность с предметом первичного и вторичного означивания	Имя собст- венное	Создание характеристической функции и экспрессивно-образных стилистических смыслов
Метафо- рический эпитет			Наличие общей семы: со- циативной у узуального значения и окказиональ- ной у окказионального смысла	Референт назван в пределах ма- териально- языкового контекста	Существ- тельное	переход идентифицирующего имени в предикатное
Отноно- масля			Наличие общей семы: по- тенциальной или ассоциатив- тивной у узуального зна- чения и окказиональной у окказионального смысла	Референт выведен за пределы ма- териально- языкового контекста	Существ- тельное	переход идентифицирующего имени в предикатное
Метони- мия	Наличие об- щего призна- ка, отражаю- щего постоя- нные связи между объек- тами первич- ной и вто- ричной но- минации	Перенос обще- го признака, отражающего постоянные связи между объектами но- минации			Имя собст- венное	Создание характеристической функции и экспрессивно-образных стилистических смыслов

Второй тип окказионального наименования, приобретающего в контексте стилистически маркированную знаковую репрезентацию, также связан с образованием новой функции обозначения, прагматическая направленность которой — создание эмоционально-оценочных стилистических смыслов.

Наиболее четко указанный тип стилистически маркированной знаковой репрезентации наблюдается в случаях стилистической актуализации нейтральной лексической единицы.

В качестве примера приведем использование нейтрального английского существительного *matador* (матадор) в функции бранного ругательства. Контекст: диалог-перебранка между неудачливым матадором и горничной, отвергающей его любовные притязания (рассказ Хемингуэя «The Capital of the World»). Рассмотрим последовательно семантический, номинативный и функционально-прагматический аспекты описываемого типа окказионального наименования.

Сигналом приглушения первичного номинативного значения существительного *matador* является включение его в качестве «кульминационного» компонента в систему стилистических приемов, что, по наблюдениям В. А. Кухаренко, типично для стиля Хемингуэя³⁵. В рассматриваемом тексте перебранка между матадором и горничной «располагается» в двух дистантных контекстах, представляющих собой развернутый прием эмоционального нарастания, что находит свое языковое выражение как в лексике вульгаризмов, расположенных по увеличивающейся степени эмоциональной интенсивности, так и в содержании ремарок, расположенных по тому же принципу:

The chambermaid:	The matador:
she was laughingly refusing,...	...Little savage...
...and said, now angrily...	«That is the way a whore talks».
	«Leave me», said the mata- dor who, now, repulsed and refused, felt the nakedness

³⁵ В. А. Кухаренко. Язык Хемингуэя. Докт. дисс. Одесса, 1972.

of his cowardice returning...
«Leave me», said the matador, his ...face wrinkled into a contortion that was like crying «You whore. You dirty little whore».

«Matador», she said, shutting the door. «My matador».

Стилистическая несовместимость нейтрального существительного *matador* и отрицательно-эмоционально окрашенных *whore*, *dirty whore* определяется тем, что оно «занимает место» кульминации в приеме нарастания, где логично должно находиться слово с наибольшей интенсивностью отрицательно-эмоционального заряда. Линейная дистрибуция «самого сильного» вульгаризма и «нейтрального ругательства» сигнализирует о нарушении стилистической валентности и необычном словоупотреблении, цель которого определяется подтекстной ситуацией. «Matador», обращенное к человеку, наверняка знающему, что в этом качестве он уже никогда не появится на арене, звучит убийственной иронией и ранит глубже всех предыдущих оскорблений³⁶.

Таким образом, в основе стилистически маркированной окказиональной репрезентации слова оказываются следующие семантические процессы: приглушение номинативного значения слова и индуцирование окказиональных сем отрицательно-эмоциональной направленности. «Бросающимся в глаза» признаком становится под влиянием контекста не профессиональная принадлежность, а характеристика человека, вся слава которого в прошлом. Этот окказионально «приписываемый» признак стимулирует формирование отрицательно-эмоционального стилистического смысла и появление у узуального денотата

³⁶ Ср. аналогичный пример на материале русского языка (диалог матери и восьмилетнего сына):

— А Витька мне в глаз дал. Дурак, да?

— Почему дурак?

— Хулиган, да?

— Да он, вообще, не хулиган...

— Роза Ильинична сказала: «бандит».

— Он просто плохой мальчишка, он плохой товарищ,

— Это самое плохое, да, мам?

(«Стилистические исследования». М., 1972, стр. 12).

референциальной соотнесенности с квалификативными сферами эмоционально-оценочной деятельности человека³⁷.

Осложнение первичной номинативной соотнесенности актуализируемой словесной единицы за счет появления одновременной соотнесенности с квалификативными сферами познавательной деятельности человека позволяют определить рассматриваемый тип семантико-стилистической транспозиции слова как особый, о с л о ж н е н ы й тип окказиональной номинации.

Лингвистическим основанием осложнения описываемого типа являются контекстуальные условия актуализации лексической единицы. Наряду с этим, однако, сигналы окказионального индуцирования стилистических сем могут оказаться и за пределами непосредственного речевого окружения слова. В качестве таких сигналов могут выступать, например, постоянные ассоциации, в результате которых за словом закрепляется определенное семантико-стилистическое коннотативное содержание. Особенно часто такие типы номинативных осложнений наблюдаются у собственных имен широко известных исторических лиц, политических деятелей или литературных героев. Например:

«A Government which dives its hands into the wage pocket to make it easier for the wealthy, but which keeps the pensioners in penury is behaving worse than Scrooge» said Mr. Feather (Morning Star, 1 Nov., 1969).

Сигналы изменения первичной назывной функции собственного имени *Scrooge* и появления функции квалификативно-характеристической лежат за пределами данного высказывания. Это те коннотации, которые приобрело собственное имя *Scrooge* в своем первичном контексте — рассказе Ч. Диккенса «Рождественские колокола». Знание экстралингвистических факторов, связанных с созданием данного речевого произведения, позволяют определить их функционально-прагматическую направленность. Именно отрицательно-оценочные коннотации, связанные с собственным именем *Scrooge*, выступают в при-

³⁷ Напомним, что под денотатом в работе понимается тот признак, свойство и т. п., по которому создается узуально закрепленное представление о классе предметов, а под референтом — предмет обозначения, соотносящийся со словом в его конкретном речевом употреблении.

веденном высказывании основанием для сравнения (A Government...is...worse than Scrooge) при характеристике неблагоприятных действий английского правительства.

Далее повторяются процессы, наблюдаемые в случае стилистически маркированной репрезентации нарицательного существительного. «Бросающимся в глаза» признаком становится не назывная функция собственного имени, а отрицательно-оценочные коннотации вокруг собственного имени *Scrooge*. Их актуализация приводит к окказиональному индуцированию отрицательно-оценочных стилистических сем. Формирование стилистического значения стимулирует, в свою очередь, возникновение одновременной соотнесенности с новым предметом обозначения — социально-психологической категорией отрицательно-оценочной квалификативной деятельностью человека. Эта окказионально-номинативная соотнесенность «накладывается» на первичную номинативную соотнесенность собственного имени и приводит к его окказиональному осложнению.

Характер номинативной соотнесенности слова в процессе стилистически маркированной знаковой репрезентации меняется в зависимости от принадлежности актуализируемой единицы к той или иной части речи.

Известны два типа понятий по характеру образующей их абстракции: понятие о классе предметов и понятие о признаке. В основе понятия о классе предметов лежит абстракция обобщения вещей, явлений и т. п. по общему основанию — признаку. Понятие о признаке есть результат изолирующей абстракции — мыслительной операции отвлечения признака предмета (вещей, явлений и т. п.)³⁸. Соответственно, в именных лексемах находят свое отражение мир реальных или мыслимых предметов; так наз. адъективные лексемы характеризуют мир всевозможных признаков предметов и их отношений. Значения первых более автономны и независимы, они обладают абсолютной номинативной значимостью. Значения вторых — относительны, они детерминируются многими факторами и их номинативная значимость оказывается ослабленной в той или иной степени их позитивными синтаксическими признаками.

³⁸ См., например: Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961.

Наиболее четко своеобразие номинативного аспекта стилистически маркированной знаковой репрезентации имен прилагательных прослеживается в тех случаях, когда они выступают в функции эпитета в минимальной синтагме атрибутивного словосочетания по модели *Adj + N*.

Категориальное значение лексико-грамматического класса имен прилагательных определяется как сигнификативное значение, соотносимое с понятием о признаке (качестве, свойстве) предмета или явления. При этом, как отмечает А. А. Уфимцева, если инвариантное лексическое значение имен прилагательных определяется их понятийной соотнесенностью и ограничивается системной семантической зависимостью, то их дифференциальные признаки, которые отличают один лексико-семантический вариант от другого, устанавливаются исключительно в зависимости от семантической категории и конкретного лексического содержания определяемых имен существительных³⁹. Соответственно синтаксическая функция имен прилагательных определяется как функция согласуемого определения к существительному, реализующая значение признака — качества, свойства и т. д.

Особенности парадигматических и синтагматических характеристик имен прилагательных определяют своеобразие их номинативной соотнесенности с объектами внеязыковой действительности.

В качестве денотата атрибутивных слов выступают качества, свойства и отношения. При этом атрибутивные слова способны представить свой денотат не иначе, как качество, свойство или отношение, атрибутируемое какому-то предмету⁴⁰. Соответственно номинативная соотнесенность имен прилагательных с объектами внеязыковой действительности оказывается опосредованной семантическим содержанием другого слова⁴¹. А «подвижность» дифференциальных признаков рассматриваемой части речи, зависимость «выдвижения» того или иного признака, который становится основой номинации, от лексического содержания определяемого существительного создает «ослабленность» номинативной значимости имен

³⁹ А. А. Уфимцева. Лексика. «Общее языкознание», ч. 2. М., 1972, стр. 428.

⁴⁰ М. В. Никитин. Указ. соч., стр. 54—55.

⁴¹ В. Н. Телия. Фразеология. «Общее языкознание», ч. 2, стр. 487.

прилагательных и их зависимость от позитивных синтаксических характеристик.

Рассмотрим особенности стилистически маркированной знаковой репрезентации имен прилагательных на конкретном примере:

She was watching a brown spaniel that had run out of a side—path, and was looking towards them with lifted nose making a soft, *fluffy bark*.

Инвариантное сигнификативное значение прилагательного «пушистый» (*fluffy*) по данным русских и английских толковых словарей определяется как 'покрытый мягким, густым пухом, шерстью', 'с мягким густым ворсом', 'мягкий, густой, пышный', 'очень мягкий, легкий'. Его дифференциальные признаки определяются в зависимости от лексического содержания определяемых существительных: пушистый котенок, пушистые щеки, пушистая верба, пушистый платок (плед, ковер), пушистые кудри (борода, брови, ресницы), пушистый снег (СРЯ)⁴², *fluffy carpet* — пушистый (ворсистый) ковер, *fluffy whiskers (moustache)* — пушистые бакенбарды (усы), а *fluffy summer dress* — воздушное летнее платье (NERD)⁴³, *the fluffy yellow chickens* — пушистые желтые цыплята (SOD)⁴⁴.

В приведенном высказывании так называемый синестетический эпитет *fluffy bark* (дословно 'пушистый лай') возникает в месте пересечения двух потоков информации: звукового (лай собаки) и зрительно-тактильного (ее пушистая, мягкая шерсть)⁴⁵.

Общим признаком, объединяющим прилагательное *fluffy* (пушистый) и существительное *bark* (лай) в пределах минимальной синтагмы атрибутивного словосочетания выступает зрительно-тактильная характеристика внешнего вида лающей собаки. Этот же признак становится «бросающимся в глаза» дифференциальным признаком, который атрибутируется новому предмету обозначения (звуч-

⁴² «Словарь современного русского литературного языка». Изд. АН СССР. М.—Л., 1961.

⁴³ «New English-Russian Dictionary». Ed. by Prof. I. R. Galperin. М., 1972.

⁴⁴ «The Shorter Oxford English Dictionary», Third Edition. Oxford.

⁴⁵ Л. А. Турсунова. Структурные типы и стилистические функции эпитета в языке английской художественной литературы XX в. АКД. М., 1974, стр. 14—15.

ковой образ лающего пса), не учитываемому валентностью анализируемого прилагательного.

Итак, стилистическая репрезентация имени прилагательного в приведенном высказывании основана на нарушении семантической валентности или принципа «семантической избирательности»⁴⁶. Это ведет к созданию дополнительных семантических связей между определением и определяемым за счет особой организации и объединения слов, не связанных в языке в условиях нормативной сочетаемости.

Указанные семантические процессы ложатся в основу образования характеристической функции, которая определяется как способность давать определяемому предмету характеристику, дополнительную к тем его признакам, которые узуально закреплены за данной словарной единицей и зафиксированы в словарях.

В условиях нормативной сочетаемости отмечается «подвижность» дифференциальных признаков атрибутивных слов — в зависимости от узуально закрепленного «списка» определяемых существительных (пушистый: котенок — платок — ковер — снег — верба — щеки — кудри и т. д.). В случае окказиональной сочетаемости диапазон выбора атрибутивного признака значительно расширяется. Это расширение происходит за счет атрибутирования качеств, свойств и т. д. новым объектам наименования, список которых практически оказывается безграничным. В семантическом плане это явление объясняется тем, что в качестве общих сем компонентов окказиональных словосочетаний по модели *Adj + N* могут выступать не только дифференциальные семы, релевантные для сигнификативного значения прилагательного, но и потенциальные, коннотативные и даже ассоциативные семы. Например, «березовая Русь» у С. Есенина, «смелые березы» у В. Хлебникова, «белое бешенство» у П. Антокольского и т. п.

В процессе стилистически маркированной знаковой репрезтации имен прилагательных актуализируемый признак носит, как правило, квалификативный характер, что приводит к индуцированию эмоционально-оценочных сем и созданию окказиональных стилистических смыслов.

⁴⁶ См. Б. А. Абрамов. О понятии семантической избирательности слов. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969, стр. 15.

Например, «золотое сердце», «стальной характер» (актуализация оценочных сем положительной направленности), «каменное сердце», «лисье поведение» (актуализация оценочных сем отрицательной направленности) и т. п.

Так создается новая — дополнительная, одновременная — соотнесенность актуализируемого прилагательного с категориями социально-психологического порядка — квалификативными сферами познавательной деятельности человека.

Таким образом, как узуальная, так и окказиональная номинативная соотнесенность имен прилагательных в минимальной синтагме атрибутивного словосочетания по модели *Adj + N* характеризуется одними и теми же параметрами: она оказывается опосредованной семантическим содержанием узуального или окказионального предмета наименования, которому атрибутируется признак — качество, свойство и т. д. В случае стилистически маркированной знаковой репрезентации прилагательного его «опосредованная» номинативная соотнесенность оказывается осложненной одновременной соотнесенностью с эмоционально-оценочными квалификативными сферами познавательной деятельности человека.

Как показали наблюдения, стилистически маркированная знаковая репрезентация глагольного имени сопровождается изменением узуального денотата, т. е. того признака, который указывает на различные ракурсы связей глагольного действия (процесса, состояния) с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженными ими.

На окказиональном изменении этих связей строится, в частности, прием использования явления «двусмысленности» (*ambiguity*), что порождает в лингвистическом плане речевую полисемию, а в функциональном — многоплановую интерпретацию).

Рассмотрим диалог героев рассказа Хемингуэя «The Snows of Kilimanjaro»:

«...I don't see why that had to happen to your leg. What have we done to have that happen to us?»

«...What I did was to forget to put iodine on it when I first scratched it...»

«I don't mean that».

«If we would have hired a good mechanic instead of a half baked Kikuwu driver...»

«...I don't mean that».

«If you hadn't left your own people...to take me on...»

«Why, I love you. That's not fair».

Семантико-стилистические транспозиции претерпевают в приведенном высказывании объектный глагол *to happen* (случаться) и субъектно-объектный глагол *to do* (делать): «Что же мы сделали, что это случилось с нами? Связи глагольных действий с предметами, на которые направлены эти действия, определяются здесь непосредственными синтаксическими отношениями анализируемых единиц, что соответствует их валентностным характеристикам и нормативным употреблениям. Действительно, в пределах первых двух предложений указательное местоимение *that* в функции подлежащего придаточного дополнительного предложения определяет направленность глагольного имени *to happen* (случаться) на что-то неблагоприятное, случившееся с ногой человека. Соответственно направленность глагола *to do* (делать) определяется как ряд действий, которые могли бы предотвратить несчастье (забыл помазать иодом царапину, опоздал послать за машиной и т. д.).

Однако за пределами микроконтекста уже первая ответная реплика сигнализирует о том, что направленность анализируемых глаголов — иная. Игра на различных интерпретациях реализуемых слов предполагает их определенное подтекстное содержание, которое и оказывается тем новым «предметом», на который распространяются глагольные действия в условиях данного высказывания.

Обращение к макроконтексту помогает раскрыть это подтекстное содержание. Погибающий от гангрены писатель осознает, что он растратил свой талант и вкус к работе в пьяном угаре разгульной и обеспеченной жизни, которую создали для него «проклятые деньги» его возлюбленной. Но мужчина тщательно скрывает от своей спутницы трагедию творческого и морального банкротства, что рождает внутренний конфликт и попытку «скрыться» за внешним обликом слов или — в семасиологических терминах — за теми денотатами, которые «выдвигаются» микроконтекстом.

В функционально-прагматическом аспекте параллельно и одновременно с реализацией прямых или «поверхностных» номинативных значений слов рождаются значения и смыслы окказиональные, «глубинные», которые, наслаи-

ваясь одни на другие, создают в своей совокупности эмоционально-окрашенный подтекст речевого высказывания, часто более коммуникативно значимый, чем его прямое значение.

Итак, денотат глагольного имени есть представление о том признаке (свойстве, отношении и т. п.), которым определяется направленность глагольного действия на другой класс предметов, «список» которых является «узуально закрепленным» в каждом национальном языке. Тогда номинативный аспект описываемого типа стилистически маркированной знаковой репрезентации может быть определен как одновременная соотносительность глагольного действия с узуальным денотатом и окказиональным референтом.

Подведем некоторые итоги. Окказиональная номинация с эмоционально-оценочной прагматической направленностью для именных лексем характеризуется появлением у узуального денотата окказиональной референциальной соотносительности с квалификативными сферами познавательной деятельности человека. Происходит это на основе окказионально «приписываемого» признака квалификативного характера, который стимулирует формирование окказиональных эмоционально-оценочных смыслов.

Новая соотносительность с новым предметом обозначения (квалификативными сферами) происходит опосредовано, «преломляясь» через тот предмет обозначения, которому «приписывается» окказиональный признак квалификативного характера. «Приписываемый» признак в этом процессе становится ведущим, «бросающимся в глаза» признаком, на основе которого происходит акт окказионального означивания.

Таким образом, в принципе мы имеем тот же механизм транспозиции слова, что и в процессе окказионального переименования. Однако между этими двумя типами окказиональной номинации имеются существенные различия, которые определяются характером введенного признака. В случае окказионального переименования имеет место перенос признака, общего для узуального денотата и окказионального референта. В случае же данного типа номинации происходит индуцирование, введение, «приписывание» нового признака, который отличается, прежде всего, тем, что он не имеет никаких общих семантических характеристик с «бросающимся в глаза» признаком, по

которому произошло первичное означивание. В приведенном выше примере «матадор» — профессия и «матадор» — бранное ругательство.

Как отмечалось выше, диапазон выбора общего признака, на основе которого происходит акт окказионального означивания любого типа, оказывается чрезвычайно широким. В процессе вторичного переименования общий признак может соотноситься с семами, ограниченными пределами семной структуры слова (дифференциальные и потенциальные семы), а также выходящими за пределы его лексикографического описания (коннотации, ассоциации).

{В описываемом же типе номинации «приписываемый» признак не имеет прямой соотнесенности с семным набором актуализируемого лексико-семантического варианта; диапазон выбора окказионального признака расширяется еще больше — до контекстуальных и ситуативно-речевых условий репрезентации лексической единицы.

Другая особенность описываемого типа окказиональной номинации заключается в том, что денотат и референт предмета обозначения представлен одним и тем же звуковым и графическим комплексом (matador), который «поворачивается» к субъекту разными сторонами. В первом случае узувально-закрепленным признаком 'профессиональная принадлежность', во втором — ведущим становится окказиональный признак 'резко отрицательно-эмоциональная оценка предмета обозначения', который «приписывается» макроконтекстом и речевой ситуацией.

Соотношение денотата и референта в процессе окказиональной номинации адъективных слов несколько иное. Денотатом адъективных слов выступают свойства и отношения, которые атрибутируются предметам (вещам, действиям и т. п.) и определяются конкретным лексическим содержанием определяемых имен существительных или имен, совместимых с данным глагольным действием. Узувальность, нормативность денотата адъективных слов определяется их валентными связями, которые реализуются в определенных нормативно ограниченных сочетаниях адъективных и именных лексем. Нарушение этой сочетаемости приводит к замене объекта именованного. Так происходит замена денотата новым предметом обозначения — окказиональным референтом. Этот референт предстает как «точка преломления» приписанного признака, через который осуществляется окказиональная соотне-

сенность с квалификативными сферами познавательной деятельности человека. (Ср. «стальной трос» и «стальное сердце», «березовая роща» и «березовая Русь» (С. Есенин), «девочка смеялась» и «море смеялось» (М. Горький), «птицы прилетели» и «он прилетел к ней на крыльях любви» и т. д.).

Актуализация «приписанного» признака квалификативного характера приводит к окказиональному индуцированию эмоционально-оценочных сем и приглушению основного номинативного значения слова.

Во всех разобранных случаях референциальная соотношенность «накладывается» на первичную денотативную соотношенность словесного знака и воспринимается коммуникантом как единое нерасчлененное понятие. Потому описанный тип окказиональной номинации в отличие от «переименования» мы квалифицируем как о с л о ж н е н н у ю окказиональную номинацию.

Функционально-прагматическая направленность исследуемого типа номинации — создание характеристической функции и эмоционально-оценочных стилистических смыслов.

Табл. 2 отражает отдельные типы осложненной окказиональной номинации в соответствии с выявленными параметрами.

* * *

Сопоставление узуальной и окказиональной стилистически маркированной номинации приводит к следующим выводам.

Объектом обозначения как виртуального, так и актуального стилистически маркированного номинативного знака являются «кусочки» объективной действительности — материальные или идеальные, которые объединяются единым ономаσιологическим термином 'предмет обозначения'.

Первичное означивание словом (как нейтральным, так и стилистически маркированным) есть результат познавательно-классифицирующей деятельности языкового коллектива, которая включает в себя следующие элементы: о с о з н а н и е объектов окружающего мира, что носит активно-селективный социальный характер; о б о б щ а ю щ и й характер человеческого сознания, проявляю-

Таблица 2

Типы стилистически маркированной описательной номинативной номинации словом

Тип контекста и часть речи	Основа окказионального наименования	Семантические процессы	Характер референта	Характер номинативной соответственности	Стилистическая функция
Имя существительное; «свободные» контексты	«Приписывание» признака качественного характера референту	Притрушение номинативного значения, введение и актуализация эмпоничально-оценочных стилистических сем	Денотат и референт представлены одним графическим комплексом	Осложнение денотативной соответственности референтивной соответственностью	Создание характеристической функции и эмпоничально-оценочных стилистических смыслов
Имя прилагательное; модель СП эпитета	«Приписывание» признака качественного характера референту; нарушение нормативной соответственности		Окказиональный объект, которому атрибутируется признак	Опосредованное осложнение денотативной соответственности референтивной соответственностью	
Глагольное имя; «свободные» контексты			Окказиональный объект, на который направлено глагольное действие		

щийся в акте называния и в природе человеческого слова, и, наконец, классифицирующая деятельность человеческого сознания, которая приводит к формированию понятий и суждений⁴⁷. При этом, если в основе наименования лежит представление о данном предмете, то в основе освоения предмета средствами номинации оказывается абстрагирующая деятельность человеческого сознания (выделение общих тождественных признаков у разных предметов).

В качестве предмета обозначения стилистически маркированной виртуальной единицы выступают определенные категории социально-психологической деятельности людей — квалификативные сферы, а также признаки квалификативного характера, узואльно закрепленные за денотатом языковым коллективом. Соответственно, номинативность стилистически маркированного виртуального знака характеризуется двойной и одновременной соотнесенностью. С одной стороны, это — квалификативные сферы познавательной деятельности человеческого сознания, с другой — те признаки, качества, свойства и т. п., которые фиксируются, а затем закрепляются за предметом обозначения языковым коллективом, и на основе которых формируется тот или иной тип стилистического значения⁴⁸. Денотат стилистически маркированного виртуального словесного знака предстает как сложное, комплексное явление, где соотнесенность с квалификативными сферами «преломляется» через выделенный языковым коллективом признак предмета наименования, признак, на основе которого происходит «переосмысление» объекта именованного через призму оценочного, чувственного или образного представления.

Непосредственным предметом обозначения стилистически маркированного актуального знака оказываются те же квалификативные сферы и признаки квалификативного характера. Соответственно, номинативная

⁴⁷ В. И. Абаев. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», стр. 247—256; В. Г. Гае. О двух типах знаков в языке. «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967, стр. 18.

⁴⁸ Подробно о номинативном аспекте стилистически маркированных виртуальных единиц см. в книге «Языковая номинация. Общие вопросы». М., 1977.

соотнесенность актуального стилистически маркированного словесного знака также характеризуется двойной и одновременной соотнесенностью (с квалификативными сферами и признаком квалификативного характера, который «опосредует» соотнесенность актуализируемого знака с квалификативными сферами).

Однако характер этого признака и характер опосредования меняется: соотнесенность с квалификативными сферами осуществляется через признак, приписываемый отправителем речи референту, а его избирательность определяется условиями и целью конкретного акта коммуникации.

Диапазон выбора признака, который становится основанием окказионального акта наименования, оказывается более произвольным и менее стандартным. В моделировании приема или «свободного» контекста, в пределах которого осуществляется процесс окказиональной номинации, отправитель речи связан пормами словоупотребления, принятыми в данном языке. В отборе же лексического материала для его наполнения и отправитель и принимающий речь свободны: первый — в выборе признака для «наложения» на референт, второй — в извлечении наиболее релевантного для данной конкретной цели коммуникации признака из совокупности признаков конкретного референта.

Как правило, в качестве признака, становящегося основой окказионального наименования, выступают наиболее известные предметы из ближайшего окружения человека. Однако чем «более бросок» этот признак, тем менее стилистическая эффективность стилистически актуализированного номинативного знака. Очевидно, что все обычное, примелькавшееся, известное, а в лингвистических терминах — все нормативное менее выразительно, менее эмоционально, менее эффективно. Таков, по выражению Мейе, «нормальный результат привычки»⁴⁹. Поэтому, чем банальнее ожидание, чем выше предсказуемость, тем ниже эффективность речевой единицы. Нарушение ожидания, будь то неожиданность появления слова в данном контексте или неожиданность актуализации тех или иных

⁴⁹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938, стр. 54.

сем его семантической структуры, само по себе закономерно создает определенный стилистический эффект.

Избирательность признака или преимущественное выделение тех или иных свойств, качеств и т. п. объекта обозначения настолько велика, что она может привести к формированию в различных контекстах противоположных стилистических смыслов. Ср., например, следующие два высказывания:

Imbecile! You're slow-witted! You're *an animal!* (Albee);
Mr. Rook is an *extinct animal*. He is plesiosaurus. He did not want to live on his wife or have a wife who can call him a fortune-hunter... He wanted to work for his wife and not be kept by her. Disgusting, isn't it? (Chesterton).

В приведенных высказываниях референтам «приписываются» два разных признака одного и того же объекта обозначения «животное» (animal). В первом случае актуализируется признак 'низший' (по сравнению с человеком), на основе которого формируются отрицательно-оценочные окказиональные смыслы. Во втором высказывании «бросающимся в глаза» признаком становится 'один из представителей животного мира', на основе которого формируются положительно-оценочные окказиональные смыслы.

Таким образом, изменчивость и «подвижность» стилистического компонента актуального номинативного знака предстает особенно наглядно, а его социальная обусловленность определяется самой природой квалификативной деятельности человека, этой «формы сравнивающего знания», способа «выборочного отношения к действительности»⁵⁰.

Выше мы говорили, что особенности стилистически маркированной номинации порождают одновременную двойную и о п о с р е д о в а н н у ю соотнесенность стилистически маркированного номинативного знака с объектами внеязыковой действительности.

В виртуальном знаке соотнесенность эмоционально-оценочного стилистического значения с квалификативными сферами «опосредуется» через признак квалификативного характера, на основе которого происходит узуально-закрепленное осмысление объекта именованного через призму

⁵⁰ Ф. Кондратенко. Что же такое эстетические чувства? «Вопросы литературы», 1966, № 8, стр. 109.

оценочного или эмоционально-чувственного представления. В плане семной структуры лексико-семантического варианта соотносительность эмоционально-оценочного значения с квалификативными сферами «опосредуется» через лексическое значение слова.

Окказиональная номинация, обретающая в контексте стилистически маркированную эмоционально-оценочную знаковую репрезентацию, характеризуется, в конечном итоге, теми же параметрами. Однако самый процесс акта окказионального наименования носит своеобразный характер. Прямая денотативная соотносительность актуализируемого лексико-семантического варианта (ЛСВ) приглушается, у узуального денотата появляется новая, одновременная референциальная соотносительность с эмоционально-оценочными квалификативными сферами, в результате чего «узуальный» объект наименования получает новое квалификационное осмысление, а к актуализируемому ЛСВ «приращиваются» эмоционально-оценочные стилистические смыслы. Эти процессы сопровождаются следующими преобразованиями семной структуры актуализируемого ЛСВ: приглушение номинативного значения и, прежде всего, архисемы, соотносящейся с родовым представлением о классе предметов, индуцирование эмоционально-оценочных сем, становящихся основой для формирования окказиональных стилистических смыслов.

В стилистически маркированном номинативном знаке с образной основой одновременная двойная и опосредованная соотносительность с объектами внеязыковой действительности осложняется: в виртуальном знаке — новым (непрямым) узуально-закрепленным означиванием, в актуальном знаке — вторичной окказиональной номинацией.

В основе новой номинации виртуальным знаком лежит закрепленная языковой практикой в данном конкретном слове соотносительность с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак, что ведет за собой узуально-закрепленный сдвиг денотата, новую денотативную соотносительность, новый способ называния, новую номинацию. Эти процессы сопровождаются следующими преобразованиями с семной структуре нового ЛСВ: сдвиг архисемы, индуцирование новой архисемы, «выдвижение» дифференциальной или потенциальной семы квалификативного характера, являющейся основой экс-

прессивно-образного переосмысления слова (например, так называемые «языковые зоологические метафоры» типа *лиса* в значении «хитрый человек» и т. п.).

Общие языковые параметры новой (непрямой) узуально-закрепленной номинации и вторичного окказионального переименования оказываются идентичными, однако самый процесс вторичной окказиональной номинации отличается определенным своеобразием.

В процессе окказионального переименования также имеет место перенесение признака с одного предмета на другой, однако перенос наименования осуществляется на основе общих признаков денотата и референта, что ведет к изменению денотативной соотнесенности и появлению референциальной соотнесенности у «переименованного» знака. Эти процессы сопровождаются следующими преобразованиями семной структуры актуального ЛСВ: приглушение архисемы, соотносящейся с узуальным денотатом, индуцирование архисемы, соотносящейся в окказиональным референтом, а также сем, соотносящихся с «перенесенным» признаком (например, *стальной характер* и т. п.)

Узуальное и окказиональное переименование стимулируется одинаковыми процессами: нарушением определенных типов оппозиций. В случае узуального переименования это нарушение оппозиций оказывается в «свернутом» виде (например, англ. *pill* («пилюля») в значении «доктор», оппозиция «одушевленный» — «неодушевленный» и т. п.). Акт окказионального переименования сопровождается, как правило, нарушением потенциальной сочетаемости и расширением валентности слова, в основе которых лежит нарушение тех же типов оппозиций (например, «море смеялось» (М. Горький), «березовая Русь» (С. Есенин) и т. п.).

Сопоставление функционально-прагматической направленности виртуального и актуального стилистически маркированного знака приводит к следующим выводам.

В пределах единой репрезентативной функции знака любого типа (опосредованное человеческим сознанием отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности) в функциональной направленности виртуального и актуального ЛСВ наблюдаются некоторые различия, которые носят, однако, весьма относительный характер. Доминирующая функция виртуального знака —

функция обозначения и обобщения. Виртуальные номинативные знаки обслуживают, главным образом, сферу классификационно-номинативную, обозначая единичные предметы, давая имя классу предметов, выражая обобщенные понятия в многообразном мире «вещей и идей». Актуальные номинативные знаки обслуживают сферу коммуникации, соответственно, ядром означаемого этих знаков является коммуникативное задание, часто некое новое сообщение, ради которого создается данный знак ⁵¹.

Сопоставление стилистически маркированного актуального и виртуального знаков показывает, что относительность границ в их функциональной направленности проявляется особенно четко.

Обозначение объекта внеязыковой действительности стилистически маркированным виртуальным знаком включает в себя узуально-закрепленное отношение, осмысление этого объекта данным языковым коллективом, что проявляется в присовокуплении квалификативной оценки к назывной функции слова. При этом квалификативная направленность часто становится ведущей в смысловом содержании слова как дискретной единицы языковой системы. Наличие в содержании стилистически окрашенной единицы узуально-закрепленной эмоциональной или рациональной оценки денотата позволяет считать, что стилистически окрашенный лексико-семантический вариант обладает своего рода «внутренней предикацией», выражающей узуально-закрепленное отношение языкового коллектива к соотносительному со словом классу предметов. В этом случае заранее данным является некоторый объект, в котором активным актом мышления выделяется тот или иной признак ⁵². При этом чаще всего этот признак соотносится с семами, выражающими, по определению С. Д. Кацнельсона, «скрытые категории», определяющие «глубинные, запрятанные в лексических значениях синтаксические связи» ⁵³.

Что касается актуального знака, сформировавшегося в процессе того или другого типа окказиональной номинации, то его функционально-прагматическая направлен-

⁵¹ А. А. Уфимцева. Указ. соч., стр. 26.

⁵² Н. Д. Арутюнова. Указ. соч., стр. 19.

⁵³ С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 38.

ность оказывается идентичной: это также квалификативная оценка, но не денотата (класса предметов), а референта (единичного предмета, определяемого контекстом). Функционально-прагматическая направленность такого знака определяется уже самой целью окказионального наименования или переименования. Это может быть первичная номинация еще не названного объекта обозначения — и тогда мы имеем дело с собственно номинативной функцией знака. Такой целью может быть и актуализация какого-либо признака уже наименованного денотата, стремление представить его в новом освещении, «вернуть» его в таком ракурсе, который требуется данной конкретной целью коммуникации. В этом случае речь идет об определенной функционально-прагматической направленности акта окказионального наименования. По мысли Б. А. Ларина, слово, применяемое в этих особых условиях, «незаменимо как выражение модального качества мысли, целесообразно для передачи психической среды сообщаемого логического содержания... Оно служит намеком включенных мыслей, эмоций, волнений. Этих элементов не лишено всякое высказывание, но в отстранении их к подразумеваемому плану, в непрямом, неадекватном их высказывании — самое общее свойство художественной речи»⁵⁴.

Синхронный анализ лексической единицы, приобретающей в контексте стилистически маркированную знаковую репрезентацию, показывает, что лингвистическим основанием этого процесса являются определенные возможности выбора.

Стилистическое использование любых языковых и речевых единиц основывается, как известно, на возможностях выбора вариантов высказывания при сохранении общего инварианта его интеллектуального содержания, что определяется сущностными характеристиками естественного человеческого языка как семиотической системы. При изучении использования ЛСВ в его непрямой функции оказывается, что сущностные характеристики естественного человеческого языка возможно перенести из плана высказывания в план смыслового содержания слова, которое также представляет значительные возмож-

⁵⁴ Б. А. Ларин. О разновидностях художественной речи. «Русская речь», I. Пг., 1923, стр. 66.

ности стилистического выбора. Только суживается поле деятельности — до семной структуры ЛСВ, в пределах которой производится выбор сем, наиболее оптимально отвечающих целям конкретного акта коммуникации: одни семы «приглушаются», другие «выдвигаются», происходит их окказиональное присовокупление, смещение и т. п.

Так, в семантической структуре стилистически маркированного знака отражаются отношения, типичные для актуального членения высказывания. При этом в качестве темы выступает набор сем, выражающий в своей совокупности семантико-стилистический потенциал слова, а в качестве ремы — окказиональные стилистические смыслы.

Изучение виртуального стилистически маркированного знака в диахронном плане показывает, что те же явления характерны для процесса становления семантико-стилистического потенциала слова как дискретной единицы языковой системы.

Сопоставление узуальной и окказиональной номинации позволяет выявить лингвистическую основу коммуникативной значимости актуального стилистически маркированного знака.

Окказиональная номинация всех видов порождает особого типа отношения между планом выражения и планом содержания, когда один и тот же знак становится единицей нового содержания. Такой путь выражения новых значений, смыслов и их оттенков диктуется самой природой языковой системы: «Ни один язык, — отмечал В. В. Виноградов, — не был бы в состоянии выразить каждую конкретную идею самостоятельным словом... Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных значений»⁵⁵.

Способность слова к продуктивному выражению бесконечного ряда новых мыслей, обозначению новых предметов, созданию новых ассоциативных связей без нарушения взаимопонимания основывается на следующих положениях.

В экстралингвистическом плане вычленение отдельных признаков, которые служат основой окказионального наименования, базируется на способности человека к ассо-

⁵⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 15.

циативному мышлению, отражающему реальную зависимость явлений и предметов окружающего мира.

В языковом плане эти общие признаки находятся в многообразных отношениях к смысловому содержанию слова, но всегда с ним так или иначе соотносятся. Поэтому самые «революционные» семантико-стилистические «взрывы» оказываются лимитированными словарным потенциалом исходной лексемы, в силу чего сохраняется коммуникативная значимость словесного знака.

Таким образом, языковой порог варьирования определяется семантико-стилистическим потенциалом слова, а сама возможность этого варьирования — природой словесного знака, который характеризуется рядом противопоставлений, в том числе — общего и конкретного. Каждый полноценный словесный знак характеризуется понятийной (сигнификативной) и предметной (денотативной) соотношенностью, «любое слово приложимо потенциально к любому углу тождественных явлений и фиксирует тем самым класс явлений как некоторое множество, объединенное общим существенным признаком, и предполагает одновременно каждое явление данного класса в отдельности»⁵⁶. Это объясняется тем, что виртуальный словесный знак соотношен в лексико-семантической системе языка с классом предметов и в то же время является наименованием отдельного предмета. Отношение между понятием (общее), передаваемым данным словесным знаком, и предметом (конкретное), им обозначаемым, следующее: понятие дает содержательную характеристику именуемому предмету, а наименование, соответственно, называет это понятие и, кроме того, является названием конкретных предметов, входящих в этот класс⁵⁷. Описанный тип дихотомии находит свое отражение в следующем философском положении: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее»⁵⁸.

С логической точки зрения, механизм окказионального означивания заключается в «игре» между предметной и

⁵⁶ Г. В. Колшанский. Проблема противоречий в структуре языка. «Энгельс и языковедение». М., 1972, стр. 45—46.

⁵⁷ А. А. Уфимцева. Теоретические проблемы слова. «Ленинизм и теоретические проблемы языковедения». М., 1970, стр. 311—312.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

повытийной отнесённостью знака, неcodифицированное (системой) соотношение которых ведет к возникновению на основе данного знака новых семантических значимостей, новых номинаций⁵⁹. При этом в основе отклонений между системным значением лексико-семантического варианта и его линейным употреблением лежат различия между узуально-общим представлением, обозначаемым языковым наименованием и стоящим обособленно и вне контекста, и индивидуальным представлением, обозначаемым языковым наименованием в конкретном высказывании⁶⁰.

Рассмотрение двух типов стилистически маркированной номинации — первичной, репродуцирующей (воспроизводимой), узуальной, потенциально стилистически маркированной и вторичной — создаваемой в контексте, окказиональной, приобретающей в речи стилистически маркированную знаковую репрезентацию, позволяет прийти к следующим выводам.

Полнозначные номинативные стилистически маркированные лексемы и их варианты обладают всеми функциями, присущими словесному знаку: дают наименование, обобщают, сообщают, выражают отношение, чувства говорящего и слушающего. При этом определяющие функции словесного знака — номинативная, сигнификативная, коммуникативная, прагматическая — характеризуются рядом специфических черт, что и определяет своеобразие данного слоя лексики.

За исходное в стилистически маркированной знаковой репрезентации принимается опосредованное человеческим сознанием отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности. В основе наименования стилистически маркированным знаком лежит познавательно-классифицирующая и квалификативная деятельность языкового коллектива.

В качестве предмета обозначения стилистически маркированным номинативным знаком выступают признаки квалификативного характера, преломленные через призму квалификативной оценки, узуально закрепленной за денотатом языковым коллективом или окказионально «при-

⁵⁹ А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974, стр. 58—59.

⁶⁰ В. Матезиус. Язык и стиль. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 483.

писываемой» референту отправителем речи в конкретном акте коммуникации.

Комплексный характер предмета обозначения отражается в комплексной структуре денотата и референта, а также в одновременной двойной и опосредованной номинативной соотнесенности стилистически маркированного знака с объектами внеязыковой действительности.

«Механизмы» узуального и окказионального наименования в рассматриваемом слое лексики оказываются идентичными по своим основным языковым параметрам и отличаются по характеру и группировке семного состава соответствующих виртуальных и актуальных стилистически маркированных номинативных знаков.

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ И ЕЕ ВИДЫ

Вторичная лексическая номинация — это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. Вторичная номинация может иметь как языковой, так и речевой характер. В первом случае результаты вторичной номинации предстают как принятые языком и конвенционально закрепленные значения словесных знаков, во втором — как окказиональное употребление лексических значений в несобственной для них номинативной функции. При этом в самих процессах вторичной номинации — языковой или речевой — нет существенной разницы. Однако в языке закрепляются, как правило, такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы именованья и восполняют недостающие в нем номинативные средства.

В отличие от первообразных наименований, для которых характерно «простое» отношение, связующее понятие, отражающее элементы действительности, и звукоряд, выполняющий функцию имени, все вторичные наименования формируются на базе того значения слова, чье имя используется в новой для него функции называния. Однако в сфере вторичной номинации различаются два принципиально различных способа отображения действительности и отнесения смыслового (понятийно-языкового) содержания наименований к обозначаемым объектам.

Первый способ вторичной номинации, достаточно простой и прозрачный, состоит в том, что здесь имеет место не прямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое «предшествующим» значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание. Сформировавшийся таким

образом смысл соотносится с внеязыковым рядом автономно. Поэтому и характер номинативной ценности нового лексического значения, т. е. его способность указывать путь к обозначаемому, предопределяя выбор и комбинацию этого значения, зависит только от той смысловой информации, которая заключена в нем, что выражается в самостоятельной номинативной функции такого рода номинативно-производных значений слов.

Второй способ вторичной номинации осложняется подключением к процессу наименования комбинаторно-синтезирующей деятельности сознания и соответствующей языковой техники. Вследствие этого в отношении именования здесь участвует еще одно или несколько других наименований, уже существующих в языке. Иными словами, такой способ заключается в том, что, наряду с непрямым характером отображения действительности, опосредованным в силу преемственности некоторых элементов из предшествующего значения слова, формирование смысла нового наименования протекает здесь под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, которое детерминирует характер отображения действительности в новом отношении именования, задавая тот или иной ракурс ее рассмотрения, и тем самым также опосредуя это отображение. Поэтому и сформировавшееся понятийно-языковое содержание таких наименований соотносится с внеязыковым рядом не автономно, а косвенно. Характер номинативной ценности новых лексических значений — их способность обозначать «кусочки» действительности — тесно связан со значением опорного наименования, что находит выражение в самостоятельной номинативной функции таких косвенно-производных значений слов и проявляется в синтагматической обусловленности их выбора и комбинации в ходе построения предложения¹. Выбирая термин «кос-

¹ Зависимость выбора одного наименования от выбора другого наименования окружения в процессе организации лексико-грамматического состава предложения была отмечена В. Г. Гаком, который рассматривает «синтагматически обусловленные номинации» как частный случай не прямых (*В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики. «Проблемы структурной лингвистики. 1971».* М., 1972, стр. 373).

венная номинация» для этого типа именованя, мы руководствовались тем соображением, что непрямоe отображение действительности здесь как бы преломляется под воздействием содержательной стороны опорного наименования, которое предстает как опорное и для отнесения нового смысла имени к действительности. Косвенная номинация рассматривается нами поэтому не как частный случай непрямои номинации, а как особый тип именованя.

Хотя основные положения этой проблемы изложены в книге «Языковая номинация. Общие вопросы», тем не менее уместно остановиться на ряде положений, которые непосредственно касаются онтологии вторичной номинации и ее динамического аспекта и принимаются как исходные.

Номинативный аспект знаковой функции — это тот ее компонент, где отражаемая действительность «снимается» в форме обозначаемого и где гносеологический слепок элемента или фрагмента действительности получает понятийно-языковое, сигнификативное расчленение². Номинативная деятельность, связанная с практическим овладением, познанием и отражением объективного для человека и субъективного его мира, не исчерпывается ни простым воспроизведением уже готовых наименований, ни созданием совершенно новых, первообразных имен. С л о в е с н ы е з н а к и, являясь средством хранения «снятой» в них внеязыковой информации, т. е. сведений, знаний, данных о мире³, одновременно с л у ж а т и средством языкового мышления. Поэтому и значения слов постоянно вовлекаются в круговорот развития самих понятий, материализованных в словесной оболочке. Именно в отношении именованя, связующего концептуальное содержание, для которого характерна непрерывность в силу самодвижения и само-

² Как отмечает М. В. Никитин, «уровень номинаторов — наименьший уровень, на котором снимается противопоставление собственно языка (langue) и речи (parole) и совершается переход в речевую деятельность (language, язык в широком смысле)» (М. В. Никитин. К таксономии языковых единиц. «Проблемы общей и романогерманской семасиологии». Владимир, 1973, стр. 87).

³ См. аналогичное толкование понятия информации: Б. В. Якушин. Слово. Понятие. Информация. М., 1975, стр. 17—36.

развития понятийных форм отражения действительности⁴, и дискретные звукоряды, получающие функцию имени, — в самом этом отношении заложена возможность переосмысления и формирования вторичных знаковых функций слов. Наряду с этим, «экономичность» языка, являющаяся одним из сущностных его свойств, вынуждает язык избегать количественного приращения единиц его плана выражения и, используя снятие неоднозначности плана содержания языковых единиц при порождении текста, обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации — к переосмыслению уже имеющихся в языке номинативных средств. Процессы вторичной номинации органично соотносятся и с асимметрией языкового кода — с гетерогенностью его плана содержания и плана выражения⁵. Все это и обуславливает использование уже готовых языковых форм в новом для них отношении именованности⁶. И не случайно в современных языках сохранилось очень мало первообразных наименований, успевших обычно претерпеть существенные семантические изменения, зачастую раскрываемые только при помощи этимологического анализа. Незначительно в языке и количество совершенно новых наименований (типа *Менделеев предсказал*

⁴ Комментируя мысль Гегеля о свойстве активности и самодвижения понятий, В. И. Ленин писал в этой связи: «Человеческие понятия сами по себе, по своей природе=переход», «они вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., стр. 206—207, 226—227).

⁵ См., например, известное определение асимметрии словесных знаков, данное С. Карцевским («Об асимметричном дуализме лингвистического знака». — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965).

⁶ Употребляемое в данной главе понятие языковой формы противопоставляется логико-понятийной форме отражения и членения действительности: языковая форма понимается нами как значимая языковая сущность, наделенная информацией о некотором уже вычлененном и «снятом» отображении внеязыкового объекта и носящая сигналы, причастные к лексико-семантическому, формально-грамматическому и семантико-синтаксическому членению (о специфике последнего см.: Н. Д. Арутюнова. Синтаксис. «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 286—287). Обращение к термину языковая форма продиктовано тем, что в процессе вторичной номинации в роли имени выступает готовая языковая сущность, переосмысливаемая в ходе приспособления к новому номинативному заданию и передающая часть своих сигналов новому наименованию.

существование нового элемента и дал ему название *экацилий*; Эта ткань получила название *лаван* и т. п.).

Способность сознания отражать в процессе мышления познаваемые стороны действительности, рассматривая их во все новых связях и отношениях и открывая все новые свойства мира, сдерживается в языке необходимостью использовать в этих процессах ограниченный объем средств выражения и подчиняется репродуктивному характеру языковой техники в силу конвенциональной природы языка как исторически сложившегося средства хранения и передачи информации. Поэтому само говорение — это по преимуществу соотнесение новых образов с уже «снятыми» в языке аналогичными образами, существующими в форме значения языковых единиц. Приложение готовых языковых значений к новым образам — это и есть реальные процессы функционирования языка, в которых происходит подгонка и приспособление значений слов и синтаксических конструкций к тому, что обозначается в данном высказывании, а тем самым всегда существует возможность переосмысления значений. В этих процессах общения заложена не только возможность, но и естественные условия для использования «чужих» имен в новой для них функции называния, для эксплуатации языковых значений как «снятых» концептуальных форм отражения действительности в формировании новых значений. Каждый речевой акт — это одновременно и акт номинации. Язык не был бы «действительным сознанием», если бы его строительный материал — слова и синтаксические модели — не способны были бы выражать вновь познаваемое в мире и в человеке.

Естественная среда для формирования новых знаковых функций наименований — речевое высказывание, поскольку его референтом является сама внеязыковая действительность. В процессе общения люди «обмениваются не словами и их значениями, а мыслями, используя слова (как и язык в целом) всего лишь как средство общения, или, правильнее сказать, средство осуществления деятельности общения», как справедливо отметил В. А. Звегинцев⁷. С л о в е с н ы е з н а к и используются как средство передачи сведений о дейст-

⁷ В. А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, стр. 168.

в и т е л ь н о с т и, и смысл предложения состоит, конечно же, не из аддитивного сложения словесных значений, а из их актуализированного понятийно-языкового содержания, приведенного в смысловую связь в соответствии с избираемой логико-синтаксической структурой пропозиции⁸.

В свойстве актуализировать в составе высказывания понятийное содержание и заключено одно из существенных свойств словесных знаков. Значение слова как единицы лексикона, как средства хранения информации — это своего рода «внутренняя сторона» знака, как писал в свое время А. И. Смирницкий⁹, которая обращена к языковому коду и одновременно — к действительности и соотносится с познавательно-отражательной деятельностью человеческого сознания¹⁰. В значении слова концептуальное содержание, т. е. смысл как способ данности денотата, преобразовано в понятийно-языковой форме отражения (в сигнификате), которая ориентирована на свойства обозначаемого и содержит сведения, как бы указывающие путь к нему и к его связям и отношениям. Структурный же компонент значения обеспечивает соблюдение правил, соотносимых с устройством языкового кода. Как только слово, избранное говорящим в соответствии с его коммуникативным намерением, достигает цели — представляет обозначаемое, оно становится знаком понятийной формы отражения элемента или фрагмента действительности. В составе высказывания у слова как бы возбуждается его предметная или понятийная соотношенность, что и создает благоприятную почву для переосмысления значения слова.

Непрестанно протекающие в языке спонтанные процессы вторичной номинации не столь случайны по выбору

⁸ О понятии пропозиции см.: *Н. Д. Арутюнова*. Предложение и его смысл (логико-синтаксические проблемы). М., 1976, стр. 21—81.

⁹ *А. И. Смирницкий*. Значение слова. — ВЯ, 1955, № 2.

¹⁰ Сторонники унилатеральной природы словесных знаков, видимо, не обращают должного внимания на то, что языковые единицы способны обозначать, выражая свое значение и через его фильтр отражая внеязыковой континуум. «Оязыковление» (если воспользоваться термином В. Гумбольдта) внеязыкового ряда состоит в преобразовании концептуального содержания в специфическую его форму — лексическое значение. Языковая структурация этих последних обуславливает, в частности, идиоматичность конкретных языков.

мотивирующих признаков и результату, как «изначальные» наименования¹¹.

Обогащение знания о мире удобно и естественно фиксировать с помощью уже известных образов (в гносеологическом смысле), закрепленных в лексических значениях. Чем больше в существующем значении слова содержится информации, совпадающей со свойствами познаваемого объекта, тем выше вероятность избрания данного слова для обозначения именуемого объекта. В этом и заключается осознанность мотива выбора уже готового наименования для выражения «несобственного» для него обозначаемого. При этом переосмысливаемое значение словесного знака не только приспособливается к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения. Так, например, свойство упрямства может быть выражено прилагательным *упрямый* и существительным *осел*. В последнем случае это свойство как бы просматривается через повадки упомянутого животного. Безвкусный кофе можно назвать *бурдой*, а по-английски — wish-wash 'обмылки', понятие о блеске, величии по-русски обозначается и как *пышность*, а в английском языке оно соотносится и с пламенем — blaze и т. п.

Для изучения вторичной номинации равно интересны и принятые языком и окказиональные наименования. Чтобы постичь способы словообразования, необходимо выявить общие закономерности переосмысления, формирования и функционирования номинативных средств. И хотя теория номинации имеет дело с непрогнозируемыми по своей природе процессами, а потому — неформализуемыми с точки зрения конкретных результатов, какие-то, пусть самые общие, закономерности, несомненно, регламентируют и речевую деятельность, предreshая смысловую правильность номинативных решений, а также выбор и комбинацию единиц номинации в ходе формирования высказывания.

Именно в процессах реального функционирования языка его номинативные средства, отражая элементы структуры обозначаемого в предложении события, приспособляются к выполнению

¹¹ Подробнее о случайности выбора признаков, лежащих в основу наименования см.: Б. А. Серебрянников. Номинация и проблема выбора. «Языковая номинация (общие вопросы)». М., 1977.

о п р е д е л е н н о г о к о м м у н и к а т и в н о г о
з а д а н и я , которое вдыхает новые смыслы в значения
слов, способствуя их переосмыслению. Вторичная номи-
нация — это семнологический процесс, непосредственно
доминируемый коммуникативной сферой языка. Поэтому
процессы вторичной номинации неразрывно связаны с
коммуникативно-функциональными условиями форми-
рования наименований. Коммуникативно-функциональный
аспект рассмотрения вторичных наименований способству-
ет выявлению причинно-следственной связи между их ком-
муникативными ролями и характером номинативной цен-
ности сформировавшихся значений (см. гл. V данной
книги). Этот ракурс рассмотрения содержательной сто-
роны наименований и их семантической структуризации
позволяет учитывать роль коммуникативно-функциональ-
ных тождеств, «перекрывающих» в актах общения тожде-
ства структурно-семантические.

Необходимость увязать проблему вторичной номи-
нации с коммуникативным предназначением словесных зна-
ков неизбежно выдвигает задачу исследования механиз-
мов вторичной номинации на фундаменте логико-синтак-
сической организации предложения и формирования его
смысла¹². Этот аспект исследования расширяет и углуб-
ляет признаковое пространство явления вторичной но-
минации и особенно косвенной за счет тех сведений, ко-
торые несут информацию о структуре самого обозначае-
мого события, отражаемого в смысле предложения и его
элементов — слов и словосочетаний.

Природа словесных значений, конечно же, не сводима
к функции «частичных знаков», хотя слово как элемент
предложения — это всегда «реконструированный» эле-
мент наименования события, обозначаемого в высказы-
вании, где актуализируется референтный потенциал
словесного значения в том или ином его объеме. Однако
мотивом выбора слова в качестве наименования фрагмен-
та обозначаемого события служат все же исторически
сложившиеся и закрепленные за данными словами их

¹² См. изложение методологических оснований такого подхода в
книге Н. Д. Арутюновой «Предложение и его смысл». Концепция
автора этой книги во многом повлияла на предпринятое нами опи-
сание вторичной номинации. Пользуясь случаем, приношу бла-
годарность Н. Д. Арутюновой за ее постоянную помощь и кон-
сультации.

лексические значения, которые являются своего рода типовыми понятийно-языковыми образами «кусочков действительности». Такой отвлеченно-абстрактный характер лексического значения открывает возможность для его детализации относительно тех или иных «подробностей», обозначаемых в данном высказывании и вовлекающих значение в ассоциативные связи по сходству и смежности, создавая условия для переосмысления в подходящих коммуникативных условиях.

Обращение к речемыслительной способности говорящих, но не как в психологических направлениях, исходящих из речевой деятельности индивидуума, или в логических теориях смысла, пренебрегающих социальным характером языка и его конвенциональной сущностью, а обращение к «активной грамматике» языкового коллектива (о которой писал в свое время еще Л. В. Щерба) предполагает и соответствующий методологический исход при исследовании природы вторичной номинации — от заданного, подлежащего выражению смысла — к языковым формам его воплощения, от концептуальной, понятийно-отражательной деятельности сознания — к формированию номинативных средств языка как орудия общения. Такой подход вызывает необходимость увязать анализ отношения именованного не только с номинативно-классифицирующим ракурсом рассмотрения результатов вторичной номинации, но и с их коммуникативным предназначением — со способностью имен выполнять функцию замещения (выделения) или характеристики, с их пригодностью к референтному или нереферентному употреблению¹³.

Все эти свойства наименований подготавливаются в самих актах называния, где обозначаемые «превращаются» в лексические значения в соответствии с их «будущими» коммуникативными функциями, что предreshает способ семантической структуризации самих означаемых. Исследование процессов вторичной номинации должно способствовать не только «реконструкции» того, что происходит

¹³ О разграничении словесных знаков в связи с их коммуникативными ролями и о семиологическом различии их типов см.: С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965, стр. 25—28; Н. Д. Арутюнова. Коммуникативная функция и значение слова. «Филол. науки», 1973, № 3; А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974; У. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, стр. 113—138.

в момент творения, но и вызывать своего рода «воспоминание о будущем»: все новые акты именования повторяют общие закономерности номинации, поскольку основания номинативной деятельности логичны и универсальны в такой же степени, как и формы мышления, отражающие и членящие мир. Уникальность же тех или иных номинативных решений аналогична индивидуальности речи индивидов — своеобразной, но сдерживаемой рамками языкового опыта данного народа.

На формирование теории языковой номинации значительное влияние всегда оказывали логика и психология. Языкознание, сближаясь на той или иной платформе с этими гуманитарными дисциплинами, вбирало в себя их теоретический багаж и аппарат исследования. Время от времени оно покидало фундамент логической теории ради осознания психологической реальности процессов именования. Кроме того, как известно, само определение предмета — того, что исследуется в сфере номинации, — во многом зависит от принятия тех или иных постулатов о сущности языка. Но независимо от смены воззрений на язык проблема номинации каждый раз выступает на авансцену, когда внимание исследователей обращается к содержательной стороне языка, а тем самым — к проблеме взаимодействия действительности и мышления, мышления и языка. При этом пренебрежение к языковой технике номинации оборачивается логицизмом или психологизмом в интерпретации феномена номинации. Но и отрыв от мыслящего и говорящего человека, крен в сторону формального описания номинативных средств языка и их употребления также уводит от ответа на основной вопрос, стоящий перед языкознанием, — что такое язык как средство общения и обмена информацией о мире в процессе овладения им.

Описание лексической семантики в любом из подходов к ней — будь то поиск «системы в лексике», к которому стремятся структурно-таксономические направления лексикологии, или изучение «лексики в системе» (задача, выдвинутая в свое время еще Ш. Балли)¹⁴, или стремление выявить закономерности функционирования лексики в реальных актах общения, характерное для де-

¹⁴ См. разработку этого подхода, предпринятую в работе Ю. Н. Караулова (Ю. Н. Караулов. «Общая и русская идеография». М., 1976).

нотативных (референтных) и логико-синтаксических концепций исследования семантики, не может быть достаточно полным без обращения к онтологической природе категории лексического значения, своеобразной базой которого и является номинативный его аспект.

Само собой разумеется, что исследование этого фундаментального основания лексической семантики должно способствовать прояснению проблемы «свободных» и «несвободных» лексических значений и уточнению различий между свободной лексической сочетаемостью и несвободной, в частности — фразеологически или синтаксически закрепленной, а также — идиоматической.

Содержание главы построено циклично. Последующий раздел посвящен анализу оснований выделения и разграничения основных типов лексических значений с учетом номинативной ценности словесных знаков. Он задуман как обобщение данных, полученных при семасиологическом аспекте рассмотрения лексической номинации (чему современная лингвистика обязана во многом школе акад. В. В. Виноградова), одновременно в нем преследуется цель исходной систематизации материала. Остальные разделы призваны дополнить сведения о свойствах вторичной номинации, подключая сведения, извлекаемые из анализа структуры отношения именованного, рассматриваемой в ее формально-логическом аспекте, а также в связи с языковой спецификацией основных типов номинации ее видов, из анализа взаимодействия понятийно-отражательных и языковых факторов, оказывающих самое непосредственное влияние на характер процессов наименования, в ряду таких факторов освещаются коммуникативно-функциональные закономерности формирования смысла наименований, соотношение объективных и субъективных начал в наречении элементов действительности и т. п., а также анализ основных способов переосмысления уже готовых наименований — метафоры и метонимии, — рассматриваемых в их динамическом аспекте. Вполне естественно, что выделенные в работе на материале русского языка виды вторичных наименований — это прежде всего достоинство данного языка, так как общие закономерности вторичной номинации преломляются в зависимости от структурно-системной организации конкретного языка. Вопросы, связанные с собственно грамматической структурой вторичных наименований имеют самостоятельный

научный интерес, но в данной главе они не рассматриваются, поскольку основное внимание направлено здесь на те содержательные механизмы номинации, которые, по нашему мнению, имеют универсальный характер.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ВТОРИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ И ХАРАКТЕР ИХ НОМИНАТИВНОЙ ЦЕННОСТИ

При вторичном использовании слов в новой для них функции названия закономерно возникает смысловая преемственность наименований, что приводит, по крайней мере на первых порах, к многозначности словесных знаков. Номинативная производность обычно выражается в мотивированности вторичных наименований, в наличии у них «внутренней формы» (живой или осознаваемой носителями языка как таковой в данный период развития языка), выступающей как посредник между новым смыслом и его отнесенностью к действительности. При этом необходимо отметить, что если в номинативном задании преобладает прагматическая интенция именуемого субъекта, то мотив выбора языковой формы может сообразно с полетом фантазии именуемого сколь угодно далеко от опосредующего значения, что, впрочем, характерно в основном для жаргонной сферы номинации. Ср., например: *завязать* — ‘перестать пить, воровать и т. п.’, *засыпаться* — ‘провалиться’ и др. «Предшествующее» значение может выйти из активного запаса, закрепившись во фразеологических словосочетаниях — такова, например, судьба слов *зазреть*, *безвыходный* (ср. *совесть зазрела*, *без зазрения совести* или *безвыходное положение*). Исторически вторичное значение может оказаться основным или вообще единственным, например: *чинить* — ‘исправляя, делать вновь пригодным’, *стропило* — ‘опора для устройства кровли’ и т. п.¹⁵ Но обычно в многозначных словах уживаются, сохраняя следы былых актов вторичной номинации, результаты качественно различных номинативных процессов, приводящих к образованию отдельных словесных

¹⁵ За основу определения значений, которые в большинстве случаев приводятся в сокращенном виде, в работе принимаются дефиниции из Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, которые сверялись по Словарю современного русского языка (Изд. АН СССР, т. I—XVII) и по Словарю русского языка, составленного С. И. Ожеговым (4-е изд.).

значений — свободных или несвободных, фразеологически связанных, а также идиоматичных сочетаний слов. Поэтому многозначные слова — наиболее благоприятный материал для исследования не только исторических процессов развития значений слов, но и закономерностей вторичной номинации.

Явление многозначности подробно и тщательно исследуется в связи с задачами описания лексической системы языка. Эти задачи выдвинули на первый план рассмотрение полисемии слов в связи с проблемой их тождеств и различий, чему было подчинено и обращение к номинативному аспекту словесных значений, призванному отразить внеязыковое основание парадигматических группировок и синтагматических связей слов — с одной стороны, а с другой — выделить различные типы лексических значений слова. Совершенно естественно, что за исходное здесь принимается результат номинативного свершения — готовое лексическое значение и соответственно — лексико-семантический ракурс определения способности слова обозначать две (или более) разные реалии. Однако многое в исследовании явления многозначности слов остается неясным, в частности — способы отнесения к внеязыковым объектам «секундарных» (по Куриловичу) значений слов (v. s. характер представления в них элементов действительности), а также перерыв «постепенности» в развитии значений, характерный для большинства экспрессивно-образных номинативно-производных значений и для позиционно (лексически или синтаксически) связанных значений слов.

Одно из немногих, если не единственное, из исследований, посвященное анализу и выделению типов лексических значений с учетом их номинативной функции, было предпринято В. В. Виноградовым¹⁶. Выделив основные номинативные значения, которые являют собой как бы прямое наименование и обладают самостоятельной номинативной функцией, и номинативно-производные значения, также обладающие самостоятельной номинативной функцией, В. В. Виноградов, отмечая, что «далеко не все значения слов в живой функционирующей речи непосредственно направлены на действительность и непосредственно

¹⁶ В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5.

ее отражают», отнес к особому типу фразеологически связанные значения, «замкнутые в строго определенные фразеологические контексты»¹⁷. Кроме того, в работе выделены синтаксически обусловленные значения — предикативно-характеризующие, а также конструктивно-обусловленные и — как особая разновидность всех этих типов значений — экспрессивно-образные.

Выделение типов лексических значений производится здесь по двум основаниям: по номинативно-семасиологическому — на основе характера направленности смыслового содержания слов на внеязыковой ряд и соответственно — отражения действительности в словесных значениях и по системно-языковому — на основе лексико-семантических, синтаксических и морфо-синтаксических особенностей реализации слов. При этом первый критерий используется позитивно только для определения прямых и номинативно-производных значений слов и негативно — для остальных. В этих случаях приоритет отдается таким признакам, как комбинаторно-лексическая связанность значений, в определении которой существенную роль играет обращение к нормативно закреплённой реализации значений, названных здесь фразеологически связанными, или к признаку позиционно-синтаксической обусловленности значений, выполняющих предикативно-характеризующую функцию, а также к признаку конструктивной обусловленности тех или иных лексических значений, различающихся по морфо-синтаксическим моделям их реализации.

Нельзя не заметить, что номинативный критерий отступает в этой концепции на второй план там, где при формировании наименования преобладает экспрессивно-оценочная функция, с одной стороны, а с другой, — где в явной форме прослеживаются позиционные ограничения в реализации смыслового содержания слов. Такая смена критериев в классификации основных типов лексических значений наводит на мысль о том, что, помимо способов формирования наименований, приводящих к «непосредственной» направленности значений на объект, существуют и другие способы номинации. Однако для выявления собственно номинативных закономерностей формирования таких наименований рассмотрение этих процессов в их се-

¹⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч. стр. 16.

масиологическом ракурсе явно недостаточно. И тем не менее указанная работа В. В. Виноградова до сих пор сохраняет свое программное значение. Поэтому в представлении материала мы будем исходить из выделенных в ней типов лексических значений, преследуя, как уже отмечалось, цель уточнить особенности гетерогенных наименований в соответствии с характером их номинативной ценности (не рассматривая отдельно конструктивно-обусловленные значения слов, поскольку их поверхностные морфо-синтаксические приметы лишь сопровождают смысловые различия).

Абсолютной номинативной ценностью обладают о с н о в н ы е номинативные значения типа *железный* — прилагательное к *железо*; 'сделанный из железа', *ломать* — 'сгибая или ударяя с силой, разделять на части', *облечь* — 'одеть во что-нибудь (книжн., устар.)', *бревно* — 'ствол срубленного дерева, очищенный от веток', *раб* — 'человек, лишенный всех прав и средств производства и являющийся полной собственностью владельца-господина' и т. п. Легко выделяются из предложения как его «потенциальный минимум» (по Щербе) и номинативно-производные значения типа *ломать* — 'повреждать, приводить в негодность чем-нибудь', *раб* — 'зависимый, угнетенный человек; тот, кто полностью подчинил свою волю, поступки кому-либо', *круг* — 'замкнутая область, сфера чего-нибудь, исчерпывающая в своей совокупности развитие, совершение чего-нибудь' и т. д. Оба эти типа значений определены у В. В. Виноградова как с в о б о д н ы е.

По мнению В. В. Виноградова, все свободные значения, за исключением значений экспрессивно-образных, присущих словам типа *облечь* в значении 'наделить, снабдить', *прикинуть* или *пошиб*, «непосредственно направлены на предметы, явления, действия и качества действительности, включая сюда и внутреннюю жизнь человека». В таких значениях, независимо от историко-этимологической производности или непроизводности, «непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности»¹⁸. Тем самым был намечен семасиологический ракурс рассмотрения номинативной ценности словесных значений, дополняемый ономасиологическим.

¹⁸ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 12.

В этом «створе» определения типов значений слов по их номинативной ценности — самостоятельной номинативной функции или несамостоятельной, а также по способу отражения действительности — прямому или опосредованному, и будут рассматриваться выделенные В. В. Виноградовым типы лексических значений.

Направленность на мир основных номинативных значений в принципе совпадает с первообразной номинацией, когда смысл имени непосредственно соотносится с денотируемой реальней, вследствие чего возникает прямое отображение объекта в его гносеологическом слепке, который получает в результате номинативного свершения понятийно-языковое членение, указывающее непосредственный и автономный путь к опознаванию внеязыкового объекта. В случае словообразовательной производности основные значения слов мотивированы именно как «производные» (см. гл. «Теория номинации и словообразование»). Свободные значения этого типа употребляются, как принято говорить, в прямом смысле.

При прямом характере отражения обозначаемого само значение языковой формы — ее сигнификативное содержание — отражает прежде всего те свойства реалии, которые характеризуют ее как автономно сущее (независимо от предметно ориентированной или реляционной семантики наименований). Комбинаторные свойства подобных наименований соответствуют связям и отношениям самих обозначаемых предметов, процессов и качеств. Например, сочетаемость прилагательного *железный* соотнобразуется с причастностью обозначаемых реалий к железу — *железный рудник, железная скоба*; объектная сочетаемость глагола *завязывать* предопределяется «связуемостью» выступающих в этой позиции имен предметов; сочетаемость слова *моргать* ограничена тем, что в объектной позиции здесь реализуются только два слова — *глаза* или *ресницы*; слово *стакан* комбинируется с другими словами на основе обозначенных в его значении предметно-физических и функционально-утилитарных свойств и т. п.

Направленность номинативно-производных значений слов на внеязыковой ряд также имеет автономный характер и не нуждается в комбинаторной поддержке данного значения другими словами. Выбирая, например, слово *шапка* для обозначения заголовка, говорящий руководствуется только той информацией, которая заключена

в значении слова и которая ведет слушающего к правильной референции. Что же касается способов отражения «кусочков действительности», в основных и номинативно-производных значениях и соответственно — соотношения их с миром, то в этом отношении они существенно отличаются друг от друга.

Номинативно-производные значения, осознаваемые как таковые, отображают внеязыковой ряд опосредованно. В это отображение всегда привносятся черты, перенесенные из предшествующего значения слова, а тем самым — и из его обозначаемого. Именно поэтому номинативно-производные значения «неразрывно связаны с основными», как отмечал В. В. Виноградов. Но такой деривационной связью и исчерпывается сфера производства нового значения: она замыкается взаимодействием переосмысляемого значения имени и нового его смысла.

Качественное отличие номинативно-производных значений слов от основных состоит, таким образом, в том, что они обозначают предметы, процессы, качества, атрибутируя им и часть «несобственных» признаков, поэтому такие значения всегда уже, специфичнее по содержанию, чем свойства класса объектов, к которым они приложимы. Скрытая в номинативно-производных значениях слов смысловая опосредованность проявляется и в ограниченном диапазоне их сочетаемости, часто суженном относительно свойств обозначаемых объектов и в возможности таких лексических связей, которые такие значения наследуют от предшествующих. Так, например, *волнение* (обычно мн.) — 'массовое выражение недовольства, протеста против чего-нибудь' обозначает беспорядочное, хаотичное выражение недовольства, наследуя эти признаки от основного значения, поэтому невозможны сочетания **планомерные, организованные волнения* и органичны — *стихийные волнения*, ср. также унаследованные от основного значения сочетания *волнения улеглись, поднялись* и т. п.; слово *шапка* в его номинативно-производном значении не отражает свойства 'быть написанным', хотя в принципе шапку, т. е. заголовок крупными буквами, можно и написать, ср. *написать заголовок крупными буквами*, но **написать шапку крупными буквами*, ср. также *витиеватый заголовок* но **витиеватая шапка* и т. д.

Принципиально иной, чем «замкнутый» на одном имени, способ переосмысления характерен для вторичной но-

минации, результаты которой проявляются в фразеологической связанности значений слов. Такие значения обнаруживают существенные отличия от прямых и номинативно-производных значений слов как в направленности на внеязыковой ряд, так и в отражении обозначаемых объектов.

Прежде чем обратиться к анализу фразеологически связанных значений в интересующем нас аспекте, представляется необходимым сделать небольшое отступление, связанное с проблемой несколькословных номинативных комплексов — фразеологических сочетаний слов и полностью переосмысленных сочетаний — идиом. Как известно, определение единиц номинации как «строительного материала предложения», выдвинутое в свое время акад. В. В. Виноградовым и его школой, распространилось здесь и на словосочетание¹⁹. Обращение к номинативному аспекту категории словосочетания привлекло, в свою очередь, внимание к тем устойчивым оборотам, которые не образуются в предложении как свободные словосочетания, а поступают в предложение «в готовом виде».

Свойство воспроизводимости таких словосочетаний вкупе с постулатом об их номинативном характере легло в основу учения об устойчивых словосочетаниях как особых единицах номинативного инвентаря языка и послужило теоретическим поводом для выделения фразеологии в особую лингвистическую дисциплину²⁰. Определение номинативной ценности фразеологических единиц (при широком понимании объема фразеологии сюда включаются фразеологические сочетания и идиомы — фразеологические единства и сращения) проводилось в работах В. В. Виноградова и его последователей скорее в семасиологическом, чем в ономазиологическом ракурсе: номинативная функция фразеологизмов определяется здесь на основе отсутствия самостоятельной номинативной соответственности хотя бы одного из компонентов сочетания с элементами обозначаемой им действительности. В этом же ракурсе номинативный аспект значения фразеологизмов

¹⁹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., 1954, стр. 10.

²⁰ В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ». Секция филол. наук. Л., 1946; *Он же*. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. «А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов». М., 1947.

продолжает уточняться и в большинстве современных фразеологических концепций, обстоятельно и плодотворно разрабатывающих проблему фразеологичности словосочетаний различных типов с точки зрения их структурно-семантического строения и системной упорядоченности²¹. Однако, как представляется, определение специфики номинативной ценности фразеологических словосочетаний (включая сюда и идиомы) нуждается в дальнейших и тщательных исследованиях в собственно номинативном их аспекте. Пока что феномен «фразеологической номинации» остается наименее исследованной областью номинативной деятельности²².

Особенность фразеологически связанных значений слов состоит в том, что их направленность на внеязыковой ряд всегда опосредована смысловым содержанием слов, выступающих как семантически ключевые в данном сочетании. Поэтому такие слова можно рассматривать как опорные наименования. Их денотацией как бы очерчивается та сфера действительного, к элементам которой прилагаются переосмысливаемые значения слов, отражая при посредничестве опорных наименований «кусочки действительности».

Нагляднее всего эта ведущая роль опорных наименований проявляется в том, что вокруг них может образоваться «фразеологическая парадигма», отчасти сходная, как отмечает В. Г. Гак, со словообразовательной парадигмой²³. Именно опорные наименования детерминируют выбор

²¹ В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. «Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии». Ростов-на-Дону, 1964; В. П. Жуков. Фразеологизм и слово. Автореф. докт. дисс. Л., 1967; М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972; А. В. Кунин. Английская фразеология. М., 1970; И. И. Чернышева. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970; Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1969, см. также: Е. Н. Толикина. Природа значения фразеологической единицы. «Вопросы семантики фразеологических единиц». Новгород, 1971.

²² Влияние нормативно-дистрибутивной доктрины характерно и для многих исследований устойчивых словосочетаний, проводимых на Западе. См. например: В. Frazer. *Idiom within a transformational grammar*. «Foundations of Language», vol. 6, 1970; U. Weinreich. *Problems in analysis of idioms*. «Substance and structure of Language». Berkeley and Los-Angeles, 1969.

²³ В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс. М., 1967, стр. 490—494.

оценочных определений, имен лиц, инструментов и т. п. при именах качеств, процессов, явлений. Ярким примером, подтверждающим роль опорных наименований, может служить радиация фразеологической сочетаемости, в частности — расширение фразеологической сочетаемости у калькированных словосочетаний. Так, по свидетельству В. В. Виноградова, в XVII — XVIII вв. в русский язык проникли кальки с французского *иметь терпение, сделать сцену, принять смелость, держать слово, смешать чьи-либо карты* и др.²⁴ В настоящее время опорные наименования этих сочетаний уже обросли фразеологической парадигмой: *иметь терпение — обрести терпение, набраться терпения — терпение иссякло, лопнуло*, ср. также оценочные определения — *адское, дьявольское, ангельское, железное терпение; устроить сцену — прекратить сцену; иметь смелость — взять на себя смелость — потерять, утратить смелость — возбуждать смелость — лишать смелости — смелость пропала; давать слово — брать слово (на себя) — сдерживать слово; смешать, спутать карты (планы) и иметь планы — вынашивать планы — строить планы — входить (в чьи-либо) планы — разрушать, срывать планы и т. п.*

Ведущая роль семантически ключевых слов в несвободных устойчивых сочетаниях была отмечена в явной форме в модели «смысл — текст»²⁵. Принятие гипотезы о существовании универсальных смыслов, выражаемых в каждом языке теми или иными специфическими для него способами (как правило, идиоматичными), легло в основу систематизации связей описываемого слова с другими словами в специальной лексической анкете этого слова. Ср., например, такие «пропорции», установленные на основе общего для всех ее членов смысла 'ликвидировать': *нарушить, разбить планы, жизнь, единство:: сломить волю, сопротивление:: стереть с лица земли:: сжечь мосты* и т. д. Систематизация по такого рода «лексическим функциям» отражает роль ключевого слова-аргумента, в зависимости от которого другое слово обозначает «заданный» смысл, выражая определенное значение.

²⁴ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 387—389, 417—419.

²⁵ Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические следствия языка. М., 1974, стр. 36—55 и др.

Таким образом, становится очевидной необходимость определения номинативной ценности фразеологически связанных значений слов в зависимости от смыслового содержания опорных наименований, поскольку последние детерминируют весь процесс формирования фразеологически связанных значений. Обратимся к примерам. В сочетаниях *железное здоровье, организм*, обозначающих физическое состояние лица, у прилагательного *железный* возбуждаются коннотативные признаки 'крепкий, внутренне устойчивый' (ср. антонимы *слабое, хилое, гнилое здоровье, организм*). Нельзя не заметить, что коннотативные признаки, типа приведенных выше, не входят в состав «собственно» значения слова, будучи нерелевантными для опознавания обозначаемого данным лексическим значением внеязыкового объекта, но они тем не менее каким-то образом осознаются говорящими и актуализируются под воздействием смыслового содержания опорных наименований²⁶. Так, в сочетаниях *железная воля, решимость* или *железная дисциплина, распорядок, режим* и др. актуализируются иные признаки прилагательного — 'неуклонный, неукоснительный' на базе признаков 'твердость, негибкость'. При этом ограничения в сочетаемости этого прилагательного со словами *намерение* или *организованность*, близкими по смыслу к приведенным выше ключевым словам, могут быть объяснены тем, что намерение — это еще не готовый план достижения цели, в отличие от воли, поэтому значение этого слова не может коннотировать признак непреклонности, равным образом, поскольку организованность мыслится скорее как планомерная деятельность, а не жестко регламентированное поведение, то и значение этого слова не связывается в сознании с признаками неуклонности или неукоснительности, которые

²⁶ Ср. в этой связи определение признаков, служащих основанием для семантической транспозиции слов и лежащих в основе их деривационной преемственности, у Д. Н. Шмелева, который считает, что они «не являются ни дифференциальными семантическими признаками», «ни вообще конструктивными элементами значения», «в известном смысле это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово. Но вместе с тем это и не полностью внеязыковые ассоциации» (Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 193).

способны возбуждаться у прилагательного *железный*. Глагол *завязывать* в сочетаниях *завязывать разговор, спор, перестрелку, драку, знакомство, дружбу* и т. п. обозначает начало свершения события, обозначенного ключевыми словами, а в основу переосмысления глагола здесь лег признак 'приводить в состояние контакта', возбуждаемый этими словами (ср. **завязывать рассказ, обстрел, любовь*, где именные члены не имплицитно означают обязательного содействия двух сторон).

Связанные значения могут употребляться с «сериями» ключевых слов, обычно в чем-то сходных по смысловому содержанию, или при совместном употреблении с одним определенным словом: *глубокое горе, тоска, отчаяние, коренные интересы, изменения, преобразования* или *здравый смысл, холодная война, сорить деньгами*, а также *зеленый чай, коробка скоростей, усталость металла* и т. п., ср. также более сложные случаи, когда фразеологически связанные значения образуются на базе другого выражения с тем же ключевым словом: *голос народа* (при наличии сочетаний *народ говорит, народная молва*, ср. пушкинское *народ безмолствует*), *раб привычек, страстей* (*страсти, привычки поработают*), *яд зависти* (*зависть отравляет*) и др. Последний ряд примеров показывает возможную многоступенчатость переосмысления и формирования фразеологически связанных значений слов и реальную сложность моделирования этих процессов.

Однако в любом случае фразеологической связанности значений она есть следствие возбуждения таких коннотативных признаков, которые релевантны относительно значения другого, ключевого слова, чем и объясняется своего рода качественный скачок в характере деривационной преемственности подобных значений многозначного слова, а также несамостоятельная их направленность на действительность. Поэтому и связь таких значений с основными не столь неразрывна, как у номинативно-производных. Из приведенных примеров видно, что само формирование фразеологически связанных значений слов предопределяется смыслом других, опорных наименований. Но и переосмыслимое значение, со своей стороны, должно быть семантически пригодным для выполнения нового номинативного задания, чтобы обозначать «искомые» смыслы.

Таким образом, направленность фразеологически свя-

запных значений на внеязыковые объекты всегда опосредована в двух измерениях — в д е р и в а ц и о н н о м и в к о м б и н а т о р н о м. Поэтому отнесение таких значений к действительности и может быть определено как к о с в е н н о е. Отсюда — несамостоятельность (неавтономность) номинативной функции фразеологически связанных значений слов и их реализация только в рамках определенного номинативного «симбиоза». И в системе языка фразеологически связанные значения группируются иначе, чем основные и поминативно-производные: они выстраиваются в лексико-семантические парадигмы на основе тождеств и различий, сопряженных с их функцией, зависящей от ключевых слов.

✓ Особый характер направленности значений на действительность присущ и вторичным наименованиям типа *бревно* — 'тупой, бесчувственный человек', *медведь* — 'неуклюжий, неповоротливый человек' и т. п. В. В. Виноградов подчеркивал, что «синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику» и что «синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. Поэтому оно применяется как предикат, как обращение, как приложение или обособленное определение»²⁷.

В основе семантической преемственности таких значений лежит обычно какой-либо коннотативный признак предшествующего значения, а в ряде случаев — социально или литературно закрепленные ассоциации (в том числе — связанные с фольклором), не находящие отражения в «собственном» лексическом значении переосмысливаемого слова (ср., например, коннотативную мотивацию значений слов типа *колода*, *пень*, *дубина*, *бревно* в указанном выше их значении, ср. также идиоматичные сочетания слов, специализирующиеся в предикативно-характеризующем значении и вышедшие из библиейских текстов, античной мифологии или фольклора: *гроб повапленный*, *валаамова ослица*, *ахиллесова пята*, *стреляный воробей* и т. п.).

²⁷ В. В. Виноградов.. Указ. соч., стр. 24—25.

Отнесение переосмысливаемых языковых форм к обозначаемым свойствам происходит здесь только на основе референции субъекта — носителя свойства или путем введения дополнительных средств актуализации, что и приводит к синтаксической обусловленности таких значений (ср. **Ворона прозвала объявление в газете* и *Эта ворона прозвала объявление в газете*).

Деривационная опосредованность и косвенная отнесенность к обозначаемым отличает такие наименования от оценочных значений слов типа *разиня*, *забияка* и т. п., которые способны обозначать объект, к которому они прилагаются, и в других синтаксических позициях (ср. *Я не люблю разинь* и **Я не люблю ворон*). Таким образом, косвенная отнесенность к обозначаемым сближает предикативно-характеризующие значения слов с фразеологически связанными, но специфический способ опосредования первых является основанием для выделения их в особый вид косвенно-производных значений слов.

Природа значений идиом тесно связана с фоновым знанием говорящих, с практическим опытом человека, с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке, с мифологией. Поэтому такой тип значений является наиболее специфическим продуктом речевой деятельности. Для компонентов идиом характерна деривационная опосредованность, наряду с комбинаторной, но мотив переосмысления языковых форм здесь далеко не всегда может быть выведен из предшествующего значения слова. Значения компонентов идиом могут быть определены поэтому как «предел» полисемии²³. Мотив переосмысления сочетаний в целом часто стимулируется извне «буквального» их смысла. Этот мотив может быть связан с одним словом (*погонять в хвост и в гриву*, *кричат во всю Ивановскую*), с литературным источником (*демянова уха*, *нести крести* и т. п.), с паралингвистическими приемами коммуникации (ср. идиомы иконического типа *пожимать плечами*, *махнуть рукой*, *на большой палец*, англ. *to wave a hand* 'махнуть рукой', *to shrug one's shoulders* 'пожимать плечами'); в основу идиообразования может лечь привычный образ некоторой ситуации —

²³ См. определение значений компонентов идиом как предела лексико-семантического варьирования слова в кн.: *О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии*. М., 1957, стр. 171.

типовой или уникальной (*до петухов, повернуть оглобли выйти из колеи* или *смазать пятки салом* и т. п.)²⁹.

Было бы большой натяжкой искать у большинства идиоматичных значений слов сколько-нибудь закономерной преобладанности значений в рамках системы многозначного слова, а равным образом — пытаться определить их переосмысление только на основе той информации, которую они несут в данном их сочетании³⁰. Следует отметить также, что на формирование смыслового содержания идиом самое непосредственное воздействие оказывает не только характер обозначаемого, но также их приспособляемость к выполнению той или иной коммуникативной роли (ср. глагольную по форме, но атрибутивную по значению идиому *видал виды* или формально именные, но атрибутивные по смыслу и предикативно-характеризующие по значению идиомы *кровь с молоком, гусь лапчатый* и т. д.).

В процессе идиообразования формируются целостные по номинативной функции несколькословные наименования, а не отдельные значения слов. Уместно отметить, что для многих идиом характерно переосмысление на основе логического следствия, т. е. выводов из того, что обозначено в данном сочетании. Ср., например: *выйти из колеи*, следовательно — оказаться вне обычного «проторенного пути», т. е. «переставать вести привычный образ жизни; утрачивать обычное состояние», *набивать руку*, следовательно — приобретать умение делать что-либо автоматически, т. е. «приобретать умение, сноровку опыт в каком-либо деле» и т. п.³¹ Идиообразование — это процесс, в некотором смысле обратный образованию новых значений слов: он сходен скорее с явлением опроще-

²⁹ См. описание подобных процессов у М. М. Покровского («Соображения по поводу изменения значений слов». — В кн.: *М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию*. М., 1959, стр. 36—60) и А. А. Потехина («Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка». Харьков, 1894).

³⁰ Ср. в этой связи выделение двух ареалов идиоматичности — внутриязыковой и надъязыковой (соотносящейся с культурно-историческими, социальными, фольклорными и т. п. «стратами» человеческого сознания) в кн.: *A. Makkai. Idiom structure in English*. The Hague — Paris, 1972, стр. 117—135.

³¹ Ср. аналогичное понимание характера переосмысления словосочетаний и формирования идиоматичного значения в кн.: *Т. З. Черданцева. Язык и его образы*. М., 1977.

ния, а не с лексической номинацией. Не случайно при образовании у компонентов идиом самостоятельных лексических значений они формируются, как правило, на базе смысла идиомы в целом, отрываясь от сколько-нибудь закономерной «внутрисловной мотивированности», которая, впрочем, может иметь место при условии словообразовательной деривации, ср. *есть зайцем* и *заяц* 'безбилетный пассажир', *вонять в гроб* и *угробить* ³².

Таким образом, идиообразование следует рассматривать как специфический, нерасчлененный подтип косвенной номинации, так как для компонентов идиом, наряду с деривационной опосредованностью смыслового содержания, характерна только совместная направленность на действительность каждого из них.

Особого рассмотрения в интересующем нас аспекте заслуживает специфика номинативной ценности «э к с п р е с с и в н о - с и н о н и м и ч е с к и х» (по Виноградову) значений слов типа *прильнуть*, *кров*, *трапеза* и т. п. Такие слова, по мнению В. В. Виноградова, «выражают свое значение не непосредственно, а через то семантически основное, или опорное, слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность». Так, приводя в качестве одного из примеров глагол *облечь*, В. В. Виноградов отмечает, что этот глагол является «книжно-торжественным синонимом слова *одеть* и употребляется прежде всего для выражения значения *одеть* в соответствующем стилистическом контексте» (разр. наша — В. Т.) ³³. Уместно напомнить в этой связи мнение Ш. Балли, который писал, что «мы понимаем слово и ощущаем его эмоциональную окраску только благодаря тому, что бессознательно сопоставляем его с другими» ³⁴. Однако сама способность слова быть синонимом другого слова (или словосочетания), обозначающего нечто в самом мире — внешнем или внутреннем для человека — предопределена

³² Подробнее о «фразеологической деривации» словесных значений см.: И. И. Чернышева. Фразеология современного немецкого языка, стр. 150—189; Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка, стр. 180—190.

³³ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 13—14.

³⁴ Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 39.

тем, что это слово содержит в себе информацию такого же рода. Поэтому гипостазирование такого «бессознательного» сопоставления слов есть не что иное как отождествление приемов получения сведений о сходствах и различиях значений слов с их онтологическими свойствами, т. е. со способностью слов отражать тем или иным образом внеязыковую действительность. Эта способность зависит от того, какая из языковых функций — познавательная (индикативная) или кваликативно-оценочная (аксиологическая) — преобладает в процессе отражения внеязыкового ряда и формирования на данной основе сигнификата наименования (о различии этих функций см. подробнее гл. II данного издания).

Экспрессивно-эмоциональные оценки прилагаются к обозначаемой в слове действительности и характеризуют ее относительно эстетических, моральных, утилитарных и т. п. потребностей человека. Естественно, что само оцениваемое выделяется при его именовании в том объеме свойств, которые попадают в сферу кваликативного отображения. Поэтому различия признаков нейтральных и экспрессивно-эмоциональных синонимичных значений далеко не всегда сводится к оценочной или стилистической маркированности последних³⁵. Они базируются и на различии объемов обозначаемого класса объектов (ср. хотя бы *лошадь* и *кляча*, *говорить* и *болтать*). Оценочно-кваликативная функция языка дополняет индикативную, наслаивает на обозначаемые словесных знаков «добавочный» смысл. Ср., например, значения слов *накарябить*, *нацарапать*, *накропать*: совершенно очевидно, что оценочные компоненты 'некрасиво', 'неразборчиво', 'небрежно' входят в их сигнификаты, т. е. отражают действие и его специфический характер.

Иными словами, оценочная «рамка» (типа «говорящий считает, что...») входит в экспрессивно-эмоциональные значения как существенный их признак, привнося с собой субъективное начало и ограничивая выбор слов в речи. Поэтому сфера употребления таких значений слов нормативно регламентируется (что отражается в словарях в виде помет *разг.*, *прост.*, *книжн.* или *эмоц.*, *пренебр.*

³⁵ О понятии стилистической маркированности значений см.: И. Р. Гальперин. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. «Принципы и методы семантических исследований».

и т. п.)³⁶, указывая на определенную прагматическую, а тем самым и стилистическую «связанность» их смысла.

Направленность на внеязыковой ряд экспрессивно-эмоциональных значений не отличается от направленности на объекты тех типов значений, к которым они принадлежат по своей номинативной ценности — прямых, непрямых, косвенных (ср. *дрань*, *пошиб*, *сарай* (о жилище) или *акулы империализма*). Но объективные свойства отображаемого «кусочка действительности» предстают здесь как своего рода «тема» — то, к чему прилагается сообщаемая в значении оценка, принимающая на себя смысловой центр тяжести таких значений. И только тогда, когда предметная или понятийная отнесенность имени полностью нейтрализуется под воздействием квалификативно-оценочной деятельности сознания, лексические значения слов утрачивают функцию обозначения действительности и выражают лишь оценочное отношение к ней — автономно или совместно с другим именем, например, *железно* в значении утверждения, одобрения или *черт знает что* и т. п.

Итак, семасиологический ракурс рассмотрения номинативной ценности лексических значений дает возможность установить автономность их номинативной функции или же ее позиционную (синтаксическую или лексическую) закрепленность, а также проследить преемственность значений многозначных слов, учитывая роль внутренних законов развития языка. В этом — сильная сторона такого подхода. Однако обращение к «готовым» значениям сводит на нет внимание к самим механизмам номинации, т. е. к тому, как «делаются» наименования, приспособляясь к выполнению тех или иных номинативных заданий и «будущих» коммуникативных ролей, что предопределяет закономерности их выбора и комбинации при воспроизведении в актах речи, в частности — смысловые правила выбора и комбинации слов, регламентируемые коннотативными признаками, а также закрепление значений за определенными синтаксическими позициями или их связывание с одним словом или серией слов, — неотвированные системными тождествами и различиями этих лексических единиц, а потому приписываемые давлению

³⁶ Н. Н. Семенов. Норма. «Общее языкознание. Формы существования, функции, истории языка». М., 1970, стр. 560—565.

нормы. Такого рода закономерности во многом проясняются, если при описании лексической семантики учитывать, как языковая техника номинации и сами языковые формы воздействуют на способы номинации и влияют на ее результат.

Наличие в языке двух принципиально различных семиологических процессов — не прямой и косвенной номинации — соответствует то, что в нем равно значимы две фундаментальные сферы языковой деятельности, каждая из которых имеет свою языковую технику — ч л е н е н и е н а э л е м е н т ы и к о м б и н и р о в а н и е э л е м е н т о в. Непрямая номинация протекает в первой сфере, а косвенная — во взаимодействии той и другой. Своеобразие же техники косвенной номинации состоит в том, что комбинаторика здесь служит способом переключения семантического регистра переосмысливаемого наименования за счет другого, опорного в данном отношении именованя.

Языковая техника вторичной номинации обеспечивается внутренними ресурсами языка — самим устройством языкового кода, его многоуровневой системой тождеств и различий элементов и правил их организации — с одной стороны, а с другой — взаимодействием номинативного (классифицирующего в своей основе) и коммуникативного (синтезирующего) аспектов речевой деятельности, где функциональные тождества и различия преобладают над структурно-семантическими. В диалектическом противостоянии структурного и функционального аспектов языка, его формальных и смысловых тождеств и «разрешаются» акты вторичной номинации — не прямой и косвенной.

СТРУКТУРА НЕПРЯМОГО И КОСВЕННОГО ОТНОШЕНИЙ ИМЕНОВАНИЯ И ИХ СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Фундаментальное, как мы стремились показать, различие между не прямой и косвенной номинацией «начинается» с базового для формирования лексических значений отношения — отношения именованя, связующего смысл имени и обозначаемые им элементы действительности и одновременно преобразующие внеязыковую информацию в словесно-знаковый способ ее представления. Поэтому, чтобы определить специфику типов вторичной

номинации и ее видов, необходимо принять за отправную точку их рассмотрения сопоставление на уровне самой структуры отношения именованя.

Под структурой отношения именованя здесь понимается способ отнесения имени к смыслу и смысла имени к фрагменту действительности, называемому данным именем. По определению родоначальника современных логических концепций имени Г. Фреге, «связь, существующая, как правило, между знаком, его смыслом и значением [предметом] такова, что знаку соответствует определенный смысл, а этому последнему — определенное значение»³⁷. Пользуясь формулировкой А. Черча, перефразирующей дефиницию, данную Фреге, можно сказать, что «денотат есть функция смысла имени», т. е. если задан смысл, то этим определяется способ данности денотируемого класса объектов³⁸. В этой формулировке базовые компоненты отношения именованя — смысл, имя и денотат — предстают в виде функциональной зависимости, где аргумент — смысл, а обозначаемое (денотат) — значение функции, что не всегда явствует из приводимых в языковедческих работах «семасиологических треугольников». Эта дефиниция и приписывается в данной работе как исходное определение структуры отношения именованя.

Безусловно, «реальный процесс коммуникации с помощью имен предстает здесь, — как отмечает Б. В. Якушин, — в слишком рафинированном виде и описывается в значительной степени односторонне»³⁹. Однако, выделяя логически опорные компоненты отношения именованя, семиологический треугольник предоставляет возможность,

³⁷ G. Frege. *Über Sinn und Bedeutung*. «Zeitschrift für Philosophische Kritik», 1892, Bd. 100, стр. 27. — Уместно отметить, что смысл понимается у Фреге как закрепленная языковыми средствами информация о предмете, что даст основание логикам отождествлять понятие смысла с концептом (см. Б. В. Вирюков. *Теория смысла Г. Фреге*. «Применение логики в науке и технике». М., 1960; здесь и далее мы пользуемся переводами, данными в этой работе). В лингвистике понятие смысла обычно интерпретируется как понятийно-языковая форма отражения мира, что позволяет употреблять, наряду с терминном «смысл», термин «сигнификат». Ср.: «Понятие по отношению к слову есть не что иное, как то, что выше (следя Фреге) мы назвали смыслом слова» (Е. К. Войшвилло. *Понятие*. М., 1967, стр. 122).

³⁸ А. Черч. *Введение в математическую логику*, т. I. М., 1960, стр. 17—19.

³⁹ Б. В. Якушин. *Слово. Понятие. Информация*, стр. 98.

отталкиваясь от него, постичь и динамику этого процесса, если учитывать взаимодействие объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на характер номинации, а равным образом — коммуникативное предназначение номинативных средств языка.

Когда в отношении именованного участвуют указанные выше три компонента — действительность (сфера денотации), смысл (сфера сигнификации) и имя (звукоряд, получающий членение в соответствии с устройством плана выражения языкового кода), то имеет место как бы непосредственное, прямое отнесение смысла имени к классу объектов, обозначаемых в данном наименовании. При этом, как уже отмечалось, исторически такие прямые наименования могут быть не первообразными, по их производность уже не осознается и реконструируется только на основе этимологического анализа.

При вторичной языковой номинации такое «простое» соотношение компонентов именованного всегда осложняется. В качестве имени здесь выступает уже «готовая» языковая форма, поэтому вторичное использование слова в роли названия опосредовано и мотивировано его предшествующим значением. Отсюда — эффект переосмысления слова, хотя по существу здесь ведущим является формирование нового концептуального содержания на базе уже существующей языковой формы.

В процессе вторичной номинации всегда имеет место взаимодействие четырех компонентов: действительность — понятийно-языковая форма ее отражения — переосмысляемое значение языковой формы, опосредующее отнесенность нового смысла к действительности, — языковая форма в ее вторичной функции наречения. Поскольку отношение языкового именованного призвано дать не только название отражаемому внеязычному объекту, но и привести к образованию нового языкового знака, то предшествующее значение языковой формы передает часть информации, существенной для обозначаемого объекта, во вновь формирующееся понятийно-языковое содержание имени. При этом корректируются и категориально-грамматические признаки переосмысляемой языковой формы, а сам процесс такой грамматической транспозиции также детерминируется смыслом. Отсюда — возможность формирования событийных имен

при сохранении внешних примет имен предметов или, наоборот, образование предметных имен от событийных при сохранении их формальных признаков (ср. *волна* в значениях 'водный вал' и 'движение, проявление чего-нибудь', *бутылка* — 'стеклянный сосуд определенной формы' и *разг.* 'выпивка' и т. п.).

Когда языковая форма соотносится с обозначаемым объектом автономно, то и опосредование исчерпывается деривационным отношением между ее предшествующим значением и формирующимся. Для нас важно подчеркнуть, что новый смысл формируется в таком отношении не прямой номинации при участии предшествующего значения языковой формы, выступающей во вторичной для нее функции названия. Суть этого участия состоит в том, что определенный объем сигнификативного содержания переосмысливаемой языковой формы предстает как внутренняя форма нового значения. Совершенно очевидно, что в качестве внутренней формы выступают только те компоненты предшествующего значения, которые причастны к гносеологическому образу познаваемого и именуемого объекта. Этим объясняется тот факт, что на базе одного и того же лексического значения может формироваться несколько поминативно-производных. Так, у прилагательного *глухой* 'лишенный чувства слуха' и 'неотзывчивый, нечуткий (только в краткой форме)' пересекаются признаки, отражающие невосприятие субъектом определенных сигналов, а у первого значения и значения 'не звонкий, тусклый и непонятный по звуку' — признак, связанные с плохой слышимостью и т. п. Признаки, не соотносимые с новым обозначаемым, либо погашаются, либо переходят в коннотативные. Так формируется новый «слепок» с отражаемой действительности, лежащий в основе сигнификативного содержания непрямого наименования.

Поскольку новое понятийно-языковое содержание включает в себя признаки предшествующего, эти последние удерживают связь двух наименований довольно длительное время — иногда на протяжении ряда эпох. Угасание и стирание образа зависит от ряда факторов. Обозначаемый объект может сам измениться, что вызывает изменения в объеме и содержания понятия (ср. *перо*, *дружинник*, *стрелять*). В процессе практического овладения действительностью существенными могут оказаться

иные свойства объектов, чем те, которые казались важными при именовании (ср. *движение* как обозначение состояния, противоположного покою, или как 'действие того или иного вида транспорта'). Но пока осознается связь понятийно-языкового содержания нового наименования и переосмысливаемого слова, говорящими осознается и внутренняя форма вторичного наименования. Входя в сигнификат слова, она опосредует его отнесенность к обозначаемому.

Категория внутренней формы принадлежит сфере номинативной деятельности. Признаки внутренней формы обычно не вычлениаются при системно-семантическом аспекте рассмотрения значений, так как они входят, наряду с другими, в смысловое содержание слов. Однако внутренняя форма как таковая часто обнаруживает себя в сочетаемости слов в виде ассоциативно-коннотативных признаков, регулирующих или блокирующих их комбинацию⁴⁰. Ср., например, сочетания *бурные волны протеста* или *твердая почва фактов*, где выбор партнеров основан не на собственных признаках номинативно-производных или фразеологически связанных значений слов, а на признаках коннотативного характера; ср. также обыгрывание внутренней формы глагола *впасть* у Салтыкова-Щедрина: *Едва узнали глуповцы, что они остались совсем без градоначальника, как, движимые силой начальстволюбия, немедленно впали в анархию; Тем не менее Бородавкин сразу палить не решился, он был слишком педант, чтобы впасть в столь явную административную ошибку.*

Приведенные факты свидетельствуют о том, что при описании лексической семантики непременно должен учитываться номинативный, динамический по своей природе, аспект лексических значений. Особенно важен этот

⁴⁰ По мнению В. А. Звегинцева, внутренняя форма представляет собой, «по сути дела, языковую мотивированность (семасиологического порядка)» и поэтому относится к ономастологическим явлениям в языке. Из этого делается вывод о том, что «она имеет значение преимущественно для этимологических исследований», поскольку ее «образный характер. . . не определяет ни функционирования, ни смыслового развития слов» (В. А. Звегинцев. Семасиология, стр. 196). Существуют, однако, и другие точки зрения, согласно которым внутренняя форма может рассматриваться как динамический компонент значения (см.: В. Г. Варина. Лексическая семантика и внутренняя форма лексических единиц. «Принципы и методы семантических исследований»).

аспект для изучения закономерностей формирования косвенно-номинативных значений слов.

Как уже отмечалось, при косвенной номинации существенную роль играет понятийно-языковое содержание опорного наименования, которое служит как бы посредником в отнесенности к миру переосмысливаемой языковой формы. Ср., например, воздействие опорного наименования на смысловой результат косвенных наименований в таких сочетаниях, как *впасть в немилость* — 'потерять, утратить то, что обозначено в наименовании милость' или *впасть в ярость* — 'быть в состоянии, обозначенном в наименовании ярость' (ср. разъяриться); *нить рассказа* — 'основная линия повествования' или *нити заговора* — 'связи, установленные между участниками заговора' и т. п.

Подобная опосредованность приводит к образованию своего рода «агрегата», состоящего из двух (по крайней мере) отношений именования, выступающих как части целостного номинативного механизма⁴¹. Здесь поэтому взаимодействуют уже не четыре (как при непрямой номинации), а пять компонентов: действительность — понятийно-языковая форма ее отражения — сигнификат опорного наименования — переосмысливаемое значение языковой формы, опосредующее отнесенность нового смысла к действительности, — языковая форма в ее вторичной функции названия.

Такое взаимодействие структур двух (или более) «разноименных» отношений названия в процессе косвенной номинации предопределяет ее специфические свойства, что вызывает необходимость во введении особого понятия, отражающего целостность этого языкового явления при разрешающей роли хотя бы одного из членов. Для этой цели мы будем пользоваться (за неимением лучшего) термином **н о м и н а т и в н ы й к о н т е к с т**,

⁴¹ Ср. следующее определение этого понятия в логическом анализе: «Агрегат состоит из множества предметов, но представляет собой некое связанное целое или, по крайней мере, в некоторых отношениях выступает как реальное целое (*коллектив имеет общие задачи, несет ответственность за их выполнение и т. п.*)... Предметы, составляющие агрегат, — это его части» (*Е. К. Войшицкило. Указ. соч., стр. 26—29*).

так как этот термин соответствует наиболее «ходовому» представлению о функциональной зависимости одного из членов окружения от другого — с одной стороны, а с другой — само понятие номинативного контекста восходит в нашем его понимании к введенному Г. Фреге понятию «*indirekter Kontext*», призванному выделить класс «косвенно употребляемых имен», которые принимают значение истинности только в зависимости от истинности другого имени, входящего в данное составное имя (к последним Фреге относил и предложения), но не от свойств денотата обычного смысла данного имени. Определение значения и смысла косвенно употребляемого имени строится у Фреге на рекурсивном сдвиге: обычное значение имени — его обычный смысл \Rightarrow косвенное значение имени — его косвенный смысл ⁴².

Несмотря на существенные различия в логическом и лингвистическом подходах к проблеме номинации, у Фреге содержится плодотворная, по нашему мнению, и для языковой теории номинации мысль о том, что при косвенном употреблении имени его смысл и денотация функционально связаны со смыслом другого имени (эта связь определяется Фреге на основе критерия истинности).

Итак, определение косвенной номинации, данное выше, может быть уточнено с учетом существенных для нее признаков: 1) косвенная номинация — это образование новой языковой сущности в номинативном контексте, эксплицитно или имплицитно указывающем на косвенное соотнесение ее с действительностью; 2) косвенная номинация осуществляется при двухмерной опосредованности отношения вторично выступающей в роли имени языковой формы к действительности — по «оси» переосмысления значения и по линии воздействия сигнификата опорного наименования, задающего смысловое содержание и предопределяющего сферу денотации переосмысляемого имени.

⁴² Подобные явления — несоответствие между тем, что должно быть согласно принципу «предметной» теории имени Фреге и фактическим результатом — Р. Карнап назвал антиномией отношения именования. В логике имеются различные попытки объяснить специфику косвенных, или — шире — интенциональных, контекстов (см.: Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959, стр. 208—219, 521—531).

Отмеченные признаки — отличительная черта всех косвенных наименований. Однако совершенно очевидно, что в зависимости от того, какое номинативное задание выполняется при именовании, что обозначается — «вещный» или понятийный объект, какой логико-понятийный фундамент подводится под отношение именованного, формируется расчлененная или нерасчлененная структура номинативного контекста, какие мотивирующие признаки лежат в основе переосмысления, в частности — внутриязыковые или внеязыковые и т. д., видоизменяются механизмы номинации, а тем самым и виды косвенных наименований. Так, явно расчлененные номинативные контексты, представленные сочетаниями типа *терять надежду, веру, гробовое молчание, цвет жизни, белое мясо* и др., существенно различаются как по характеру структуры отношения именованного, по способам формирования косвенных наименований, так и по семантическому результату.

В номинативных контекстах, представленных глагольными перифразами типа *приходить в уныние, восторг, негодование, порвать отношения, знакомство, дружбу* оба члена соотносятся с одним объектом — обозначаемым процессом, поэтому опорное наименование выполняет здесь роль, аналогичную функции корневых (лексических) морфем, утрачивая сигналы, причастные к выделительности в качестве самостоятельно функционирующего имени, а глаголы, аспектируя обозначенный именем процесс, выступают в роли изоморфной функции словообразовательных морфем (ср. *порвать знакомство* и *разнакомиться* и *потерять веру* и *разувериться*). Контексты этого типа «шапелены» на словообразовательные смыслы, поэтому их можно определить как лексико-морфологические по функции.

Близкое к этому распределение членов номинативного контекста характерно и для формирования составных именных названий (*зеленый чай, дом обуви* и т. п.). Такие расчлененные, но целостные относительно обозначаемого номинативные контексты призваны отразить понятие с выделенным видовым признаком. Поэтому они изоморфны, такого же типа словообразовательным структурам.

В номинативных контекстах, представленных сочетаниями типа *золотая молодежь, холодная война, медвежья услуга* и т. п., формируются лексические единицы, имеющие связанное оценочно-качественное значение. Опорные

наименования обозначают здесь события (процессы, явления, состояния) или представлены «общими именами». Качественная сторона таких значений ориентирована на идентификацию определяемых объектов, но оценочный их компонент препятствует вынесению их в позицию сказуемого (ср. *Этот хлеб — черный*, но **Этот голод — собачий* или **Эта война — холодная*). Такие косвенные наименования занимают как бы промежуточное положение между косвенными наименованиями, обозначающими видовой признак предмета (типа *черный кофе*), и наименованиями, имеющими оценочно-наречное значение (типа *глубокое горе*).

Номинативные контексты, представленные сочетаниями, сходными с последним примером, скрывают за структурой словосочетания пропозитивный фундамент отношения именования (ср. *Она испытывает глубокое разочарование* ⇔ *Она глубоко разочарована*).

Пропозитивная же структура лежит и в основе формирования наименований, представленных в номинативных контекстах типа *раб страстей*, *хозяин положения*, *кладезь премудрости* и т. п. Формирование имен носителей, свойств, качеств, производителей действия или орудий — обычно фиктивных — здесь осуществляется за счет актантажной валентности имен событий и качеств.

В «неявных» номинативных контекстах, где формируются предикативно-характеризующие значения слов, сама расчлененность связана с двухчастной структурой «классического» предложения. Опорное наименование выражено в субъекте высказывания, а косвенное — в предикате (свертками которого можно считать приложение, а транспонированными формами — обособленное определение или обращение; ср. *Он — настоящее бревно*, *Девочка-козочка* или *Медведь! Ты опять наступил мне на ногу!*)

Номинативный контекст несколькословных косвенных наименований-идиом предстает в нерасчлененном виде, поскольку, несмотря на разноименность членов сочетания, здесь имеет место «сращение» двух (или более) отношений именования в одно.

Приведенные примеры, призванные не исчислить все типы номинативных контекстов, а продемонстрировать их реальное различие, показывают, что такие признаки косвенных наименований, как синтагматическая связанность или синтаксическая обусловленность, отражают лишь

проявление их самых явных и «поверхностных» различий, за которыми скрываются глубинно-номинативные основания этих различий, обнаруживающих себя в особенностях косвенно-производных значений и в закономерностях их функционирования. Поэтому для адекватного анализа явления косвенной номинации и описания ее результатов необходимо проследить за тем, как складываются косвенно-номинативные значения на разных уровнях языковой структуризации обозначаемых ими внеязыковых объектов.

Понятие номинативный контекст может быть развернуто относительно различных аспектов представления косвенной номинации. Рассмотрение номинативного контекста с точки зрения понятийно-отражательных закономерностей формирования косвенных наименований позволяет охарактеризовать это явление в створе взаимодействия языка и мышления, определить понятийно-языковые основания техники косвенной номинации, обуславливающие существование данного явления в языке и сами механизмы косвенного языкования фрагментов действительности, в частности — определить понятийно-языковую суть метафоры и метонимии как приемов переосмысления языковых форм в процессе косвенной номинации. Семантико-синтаксическое «измерение» номинативного контекста призвано отобразить воздействие коммуникативной деятельности на формирование косвенных наименований. На этом уровне представления номинативного контекста раскрываются механизмы приспособления языковых форм к совмещению с элементами структуры события, обозначаемого в данной конструкции (синтаксической модели). В семантико-лексическом ракурсе представления номинативного контекста выявляются особенности смыслового содержания его членов, а также их смысловые связи и группировки, определяемые относительно способности членов данного контекста обозначать внеязыковой объект — «вещный» или событийный, качественно охарактеризованный либо отвлеченно-абстрактный и т. п. Лексико-семантический «срез» номинативного контекста позволяет описать релевантность тех признаков, которые причастны к структурно-семантическим свойствам словесных знаков — членов этого контекста, что дает возможность определения места косвенных наименований в системе лексических единиц языка и статуса косвенно-производных значений среди других типов лексических значений слов. И нако-

ней, если отвлечься здесь от фонологических параметров, на формально-грамматическом уровне номинативного контекста определяются сигналы, причастные к категориально-грамматическим средствам выражения членов сочетания.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОНЯТИЙНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Для выявления речемыслительных закономерностей, лежащих в основе вторичной номинации, необходимо рассмотрение этих процессов прежде всего во взаимодействии логико-понятийных и понятийно-языковых форм отражения действительности. Этот аспект номинации — наиболее сложный и неисследованный ее «компонент», так как в отражательной деятельности человека в скрытой форме разыгрываются замыслы будущих словесных значений. Но без принятия сколько-нибудь достоверных гипотез об этой стороне словопреобразовательной деятельности описание процессов номинации лишается онтологического обоснования.

Как уже отмечалось, особенность вторичной номинации состоит в том, что гносеологический образ отражаемого внеязыкового объекта здесь всегда опосредован переосмысливаемым содержанием языковой формы. Сама возможность такого опосредованного отражения действительности заложена в способности словесных знаков хранить и передавать понятийное содержание, исторически закрепленное за данным словом в виде его лексического значения⁴³, с одной стороны, а с другой — в том, что реальным субстратом любого акта наименования является, конечно же, «относительно законченная мысль» о действительности, выражаемая в форме предложения.

Коммуникативное основание акта наименования обусловлено тем, что человеческое мышление о мире есть процесс оперирования понятиями и приведение их в некоторую осмысленную связь, выражаемую в языке лексико-грамматическими способами и средствами построения высказывания. «Суждение как форма мышления, фиксирующая относительно законченный акт мысли, в качестве

⁴³ А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков, стр. 11.

своих компонентов включает, — как отмечает В. З. Панфилов, — не десигнаты слов (их языковые значения. — В. Т.), а понятия, и слово в составе предложения, выражающего суждение, обладает лишь способностью выразить понятие как структурный компонент этой формы мышления»⁴⁴. Иными словами, значения слов как компонентов высказывания или компонентов словосочетания как минимальной единицы связной речи предстают здесь в «превращенной» понятийно-языковой форме, способной к развитию, относительно свободному от «давления» системы языковых тождеств и различий⁴⁵ и от конвенционально закрепленной за словом номинативной функции. В связи с этим возникает задача исследования того, как уже на понятийном уровне отражения действительности «программируется» смысловое содержание вторичных наименований, что требует привлечения сведений о понятийных закономерностях отражения действительности, обуславливающих способы языкования мира.

Вторичная номинация в своем гносеологическом исходе зиждется на свойстве понятий переходить друг в друга и формироваться на основе прежде познанного, отображая все новые признаки осваиваемой человеком действительности. Именно в актах языковой номинации происходит превращение понятий в лексические значения. При этом вторичная номинация как способ материализации понятий есть свершение некоторой продуктивной мыслительно-языковой деятельности сознания, протекающей в условиях воздействия уже закрепленного за данным словом понятийного содержания. Поэтому для формирования нового понятия на базе уже готового языкового выражения небезразлична понятийно-языковая форма последнего, поскольку она в той или иной мере предreshает и характер развития нового понятия — перехода одного понятия в другое. Однако формирование новых понятий может осуществляться, по всей видимости,

⁴⁴ В. З. Панфилов. Отражение действительности в языке и проблема языкового знака. — ВЯ, 1975, № 3, стр. 39. — Ср. в этой связи: «Прямое «языковое» выражение понятия — это не слово, а номинация (наименование); прямое «языковое» выражение мысли — это не предложение, а высказывание» (М. Докулил. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, стр. 203).

⁴⁵ Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. — ВЯ, 1962, № 5.

не только как преемственное развитие, ограниченное рамками переливания одного понятия в другое. Этот переход сам по себе может являться следствием воздействия извне — со стороны другого понятия, на основе логико-предметных связей или отношений которого и возникает предпосылка для создания нового понятия.

Язык черпает свое содержание из мышления о мире, поэтому эти наиболее общие способы развития понятий непременно обуславливают наличие и в языке изоморфных им двух различных способов вторичной номинации. Первый из отмеченных выше способов является понятийным основанием для *непрямой*, но автономно протекающей номинации, а второй — для *косвенной*, неавтономной в своем гносеологическом исходе. Эти закономерности формирования понятий и обуславливают тот факт, что для *непрямых* наименований характерна хотя и опосредованная, но автономная отнесенность смысла имени к денотируемому классу объектов и соответственно — самостоятельность номинативной функции сформировавшихся номинативно-производных значений слов, которые выступают как семантически полновесные, а для *косвенных* наименований характерна отнесенность смысла имени к действительности только при посредстве другого, опорного наименования (или наименований) и как следствие — несамостоятельность номинативной функции косвенно-производных значений слов, которая свидетельствует о синсемантичности подобных значений и тем самым — их связанности с другими словесными значениями или синтаксической обусловленности.

Кроме наиболее общих способов развития понятий, оказывающих непосредственное влияние на языковые способы номинации, необходимо учитывать и роль тех признаков понятий, которые специфицируют процесс формирования вторичных наименований. Как известно, ядром понятия является утверждение о *безотносительно существующих признаках* отражаемого объекта — предмета или действия, качества и т. п., т. е. признаках, существенных для них безотносительно к тому, в какой связи или с какой точки зрения рассматриваются эти объекты. Помимо таких признаков, необходимых для опознавания объекта как такового, в содержание понятия входят признаки, *относительные* к существующим для объекта, т. е. существ-

венные для его отображения в той или иной его связи или в том или другом логико-предметном его отношении ⁴⁶.

Указанная релятивность понятий связана с самой «предрасположенностью» предметов (или их признаков) проявлять себя определенным образом в определенных отношениях, отображая их диспозиционные свойства. С другой стороны, действия, состояния, качества и т. п. отражаются вместе с их способностью насыщаться «логическими подлежащими» ⁴⁷. В зависимости от расширения или сужения класса последних сужается или расширяется содержание понятия и его признаки. Так, жидкие вещества обладают свойством текучести, а хрупкие — ломкости и наоборот — понятия «течь» или «ломаться» имплицитно соответствуют предметные переменные. В подобных случаях проявляются безотносительно существенные признаки как первых, так и вторых. Понятие «дружить» обнаруживает такой, например, безотносительно существенный признак, как «иметь контакты», но частота контактов — признак относительно существенный, так как понятие дружба не включает в себя количество контактов — они, как известно, могут прерываться на многие годы, что не означает прекращения дружбы. Но этот признак перемещается в ядро понятия, если ситуация дружеских отношений осознается относительно частоты встреч, что находит проявление в указании на признак постоянства контактов и выражается в языке в сочетаниях *неразрывная, тесная, крепкая дружба, крепить, укреплять дружбу*, а также *неразлучные друзья*.

На этих свойствах понятия — разворачиваться относительно тех или иных связей и отношений — основана и способность человеческого сознания давать одному внеязыковому объекту разные названия, рассматривая его в разных логико-предметных ракурсах, а наряду с этим — отражать новые объекты исходя из их связей или отно-

⁴⁶ Д. П. Горский и П. В. Тазанец. Логика. М., 1956; Е. К. Войшвилло. Понятие, стр. 141—152.

⁴⁷ В этой связи уместно отметить, что само понятие «семантический предикат», находящее все более широкое применение в лингвистике, соотносится в логике с именами, обозначающими свойства и отношения. Ср.: «Предикат (имея в виду его знаковую форму) можно, очевидно, определить как остов предложения, получающийся из него, если опустить в нем логические подлежащие, оставив вместо них пустые места» (Е. К. Войшвилло. Указ. соч.),

шений с другими объектами. Вследствие этого разные названия могут обозначать один и тот же «материальный денотат». Причем последний может обозначаться относительно свойств другого, прежде познанного и уже отображенного как «идеальный денотат» в оязыковленном понятии⁴⁸.

В связи с вопросом о понятийно-смысловых основаниях вторичной номинации особый интерес и актуальность представляет и понятие пр е с у п п о з и ц и и. В логико-синтаксических концепциях предложения его связывают и со способностью семантических предикатов имплицировать свои «формальные» субъекты и объекты (к последним можно отнести адресат, пациенс, инструмент, локатив и др.), т. е. «насыщаться» предметными переменными с точностью до некоторого семантически обобщаемого класса или же заполнять позицию актанта словами, выбор которых диктуется свойствами самих референтов. Первый тип отношений связывают с понятием синтагматических пр е с у п п о з и ц и й, а второй — референтных пр е с у п п о з и ц и й⁴⁹. Видимо, имеет смысл выделять как особый тип эмпирические пр е с у п п о з и ц и и — отношения, базирующиеся на эмпирическом знании о возможном соположении вещей и разумных практических действиях человека. Ср., например, реализацию синтагматических пресуппозиций в их «чистом виде»: *Здесь все бесхитростно просто — накормить голодного, согреть замерзшего, приютить бездомного, помочь обессиленному* (В. Тендряков) или же обыгрывание синтагматических пресуппозиций, актуализируя их эмпирическую несообразность: *А кто в жизни без придурки? Вот вы, например, едете сейчас собирать хлеб, когда он уже давно собран и вывезен. Собрать собранное, искать найденное, глотать проглоченное — не придурь ли это?* (В. Тендряков). На нарушении референтных и эмпирических пресуппозиций основан сатирический эффект описания деяний жителей города Глупова: *Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом теленка на*

⁴⁸ О разграничении понятий материальный и идеальный денотат см. «Языковая номинация. Общие вопросы», стр. 106—108.

⁴⁹ См. подробнее: Н. Д. Арутюнова. Понятие пресуппозиции в лингвистике. «Изв. АН СССР». Серия литературы и языка, т. XXXII. 1973, № 1; см. также: Ch. J. Fillmore. Lexical entries for verbs. «Foundations of Language», v. 4, 1968, N 4.

баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козля в соложенном тесте утопили, потом свинью за бобра купили да собаку за волка убили,.. потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом блинами острог конопатили,.. потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет (Салтыков-Щедрин).

Чем большую роль в расширении или сужении класса формального субъекта или объекта играет предрасположенность самих предметных переменных (и соответственно — слов, их обозначающих) входить в данное отношение или же способность семантических предикатов имплицировать определенные предметные переменные, тем существеннее роль индивидуальных значений слов в выборе и комбинации. Например, глагол *посыпаться* в своем прямом значении имплицировует в качестве формального субъекта класс предметных переменных, область определения которых задается диспозициональным свойством дискретных масс (веществ) или совокупностей мелких предметов, множественное число которых имеет значение собирательности. Ср. *посыпались песчинки, орехи, камни, медяки, книги* и т. п. Выбор актантов основан здесь либо на категориально-семантическом признаке самих веществ, либо на лексико-грамматическом признаке собирательности (формально не выраженном), который эти слова получают при обозначении неисчисляемого множества (ср. *Он собирает орехи, книги* и **Он собирает несколько орехов, книг*). В данном примере синтагматическая пресуппозиция глагола *посыпаться* очерчивается лексико-грамматической группировкой актантов, семантическое основание которой соответствует и «природе вещей». Однако, если этот глагол обозначает итеративность событий, то его формальный субъект объединяет имена, обозначающие некоторые совокупные события, дискретно охарактеризованные: *посыпались сообщения, новости, телеграммы, письма, огорчения, угрозы, мелкие радости, награды* и т. п. Признак дискретности формального субъекта, имплицированный глаголом, как бы задает область выбора актантов, способных реализоваться при этом глаголе, объединяя их в класс не столько на основе их лексико-семантических тождеств и различий, сколько в силу способности обозначать дискретно-совокупные события (ср. блокировку имен, обозначающих недискретные события или же расчле-

ненную «сумму» фактов, событий: **посыпались надежды*, **посыпалась брань*, *ругань*, **посыпалось несколько наград* и т. п.). Таким образом, в отличие от первого примера, где отличительный признак формального субъекта 'дискретность массы' релевантен и как основание лексико-семантической группировки актантов, во втором примере в основе семантической общности слов, способных выступать в роли формального субъекта, лежит их смысловое сходство, релевантное для них только относительно ассоциативно-синтагматических их связей с данным глаголом. Реальность же такого рода связей «запрограммирована» в непреложных законах мышления и отражена поэтому в значениях слов.

Если сочетаемость слов регулируется не столько семантикой слова, сколько свойствами того объекта, к которому слово приложимо, то диспозициональные валентности предстают как референтные пресуппозиции. Так, например, выбор прилагательных *крепкий*, *густой компот*, но *крепкий*, **густой бульон* или *густой*, **крепкий кисель* зависит от состава и консистенции блюд, а не от «собственно» лексического значения слов *компот*, *бульон* или *кисель*. С другой стороны, имена событий и качеств могут имплицировать в своих прямых или номинативно-производных значениях определенный класс предметных и реже — событийных имен, предрасположенных к проявлению определенных действий, процессов, качеств, состояний. Ср. импликации *кусать* ← *зубами*, *ходить* ← *ногами* или же *вытаращить глаза*, *рыскать* — о волке, *запорошить* — о снеге, *кочевой*, *оседлый* — об образе жизни человека и т. п.⁵⁰

Таким образом, не приходится сомневаться в том, что выбор и комбинация слов часто связаны не только со способом их словесного обозначения (семантической структурой обозначаемого), но и со свойствами самих обозначаемых. Выбор и комбинация «по денотату» отражаются

⁵⁰ См. описание «существенных смысловых связей у В. Порцига (W. Porzig. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 1934, Bd. 58) и стремление Е. Косериу распространить этот принцип на описание лексико-семантических закономерностей сочетаемости слов на основе понятия лексических солидарностей (Е. Косериу. Лексические солидарности. «Вопросы учебной лексикологии и лексикографии». Пер. с немецкого. М., 1969).

в референтных пресуппозициях, а «по сигнификату» — в синтагматических⁵¹.

Синтагматические и референтные пресуппозиции, отражая законы мышления или самую структуру мира, играют весьма существенную роль и в переосмыслении значений слов. Например, в сочетаниях *завязывать разговор, перестрелку, знакомство* и т. п. глагол *завязывать*, имплицитный в своем прямом значении формальный объект 'связуемое', в приведенном выше значении имплицитно формальный объект, имеющий смысл 'то, что характеризуется наличием двусторонних контактов', а выбор актантов основан в этом случае уже не на лексико-семантических признаках, а на коннотативных: признак 'связуемое' не входит здесь ни в собственное значение глагола, ни в значения приведенных выше имен. Глагол обозначает здесь полувещественный смысл — агентивно и перфективно охарактеризованное начало симметричного контакта и имплицитно или блокирует выбор имен событий, которые, со своей стороны, включая в свое смысловое содержание признак обязательной обоюдной связи-содействия между участниками события, нуждается в подобном глагольном зачине (ср. **завязывать любовь, войну*, где первое не предполагает обязательной взаимности, а второе мыслится как противодействие, а не содействие).

Когда выбор и сочетаемость основаны на переосмыслении референтных пресуппозиций, то глагол обычно десемантизируется, а актант «возвышается» до класса имен, награждаемых признаком, заимствованным при переосмыслении от прежнего «вещного» объекта или субъекта этого глагола. Самый распространенный случай такого типа переосмысления — антропоморфизация, ср. *дождь идет* или *экскаватор шагает* и т. п.

Таким образом, в ведение семантической теории должно, несомненно, входить выявление и изучение предметно-логических связей, отражающих те присущие обозначаемым ассоциативные связи по смежности и по сходству, которые не входят в объем сигнификата слова, но могут быть актуализированы в его содержании и влиять на правила выбора словесного знака. Р е а л ь н о с т ь коннотативных признаков в живом функционировании языка прояв-

⁵¹ Ср. в этой связи мнение Ю. С. Степанова о необходимости различать лексические значения «по денотату» и «по сигнификату» (Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 10).

ляется не только в переосмыслении синтагматических или референтных пресуппозиций, но и в том, что коннотативные признаки часто обуславливают саму способность переосмысления того или иного значения (ср., например, свойство неуклюжести или нерасторопности человека и обнаружение сходства в этом отношении таких людей с медведем или бревном: коннотативные признаки, не входя в собственное значение этих слов, участвуют в формировании их новых смыслов).

Коннотативные признаки, принадлежа содержанию понятийно-языковой формы отражения действительности⁵², не относятся, как уже отмечалось, к тем структурно-семантическим признакам, на основе которых устанавливаются тождества и различия словесных значений как единиц лексико-семантической системы языка. Но коннотативные признаки могут при определенных условиях, актуализации выполнять дистриктивные функции. Поэтому их иногда называют потенциальными или латентными семами, устойчивыми ассоциациями и т. п. Есть все основания полагать, что коннотативные признаки, отражая непреложные законы мышления и фоновое знание говорящих на данном языке, образуют своего рода с и с т е м у а д с т р а т, наслаиваются на лексические значения. Реальность коннотативных признаков обусловлена реальностью ассоциативных связей такого же рода в сознании. Поэтому они не только репродуцируются, но и беспрестанно включаются во все новые связи, «увлекая» за собой словесные значения и способствуя их развитию и переосмыслению. Эта гипотеза нуждается в подтверждении путем исследования закономерностей проявления этих признаков. Однако несомненно то, что коннотативные признаки влияют на переосмысление лексических значений и на изменение содержания синтагматических и референтных пресуппозиций; они способствуют выбору и комбинации оценочных имен; их проявление можно обнаружить везде, где имеет место косвенная номинация.

Таким образом, понятийные формы отражения действительности оказывают непосредственное воздействие на процессы вторичной номинации, тесно взаимодействуя

⁵² Ср. иное определение сферы коннотации, противопоставляемой денотации, у Милля, что было связано со стремлением указать на их разноприродную сущность (*J. St. Mill. Of names. Theory of meaning. Prentis Hall, 1970*).

с понятийно-языковыми формами отражения действительности. Вполне естественно, что от способов этого взаимодействия зависит и различие видов вторичной номинации. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих сказанное.

Если при отражении объекта с непрямой номинации относительно существенные признаки выполняют отождествляющую функцию, то они включаются в понятийное «ядро» и становятся безотносительно существенными. В этом случае понятийно-языковое содержание таких вторичных наименований формируется за счет «собственных» ресурсов сигнификативного содержания переосмысливаемой языковой формы, независимо от того, какие его признаки входят в «ядро» нового понятийного содержания, а какие — перемещаются в фонд относительно существенных (ср., например: *лес* — ‘большая площадь земли, заросшая деревьями’ и собир. ‘срубленные деревья как строительный материал’, где в ядро непрямого наименования входят признаки ‘как строительный материал’, относительно существенные для прямого значения). В таких случаях новое сигнификативное содержание «само по себе» имплицитно выражает свои логико-предметные связи, что выражается в свободной сочетаемости номинативно-производных значений слов.

Свобода сочетаемости обнаруживается и в тех случаях, когда в основе понятийного отражения фрагментов действительности преобладают свойства, существенные относительно целого класса других объектов. Такие отвлеченно-абстрагированные признаки входят в ядро сигнификативного содержания нового наименования и имплицитно выражают его связи с точностью до отраженного класса объектов, независимо от средств знаковой репрезентации последних. Ср., например: *идти* — о протекании во времени событийных объектов типа *день, жизнь, сражение* и т. п., *дружный* — о такой совокупности обозначаемых, имеющих физические проявления событий, что эти события интенсивно происходят одновременно или непосредственно друг за другом и оцениваются говорящим положительно — *дружный хор, отпор, дружная работа, атака, дружное веселье, дружные аплодисменты, усилия, залпы* или *дружить* — об отношениях между государствами, социальными коллективами, где перенос значения осуществлен на основе переосмысления предшествующего значения относительно класса участников события и со-

ответственно — характера их акций, протекающих в общественно-политической сфере.

Чем менее подлежат отвлеченно-абстрагированному обобщению признаки объектов, относительно которых отражены свойства вновь обозначаемого фрагмента действительности (предмета, процесса, качества, состояния), тем большую зависимость обнаруживает его понятийно-языковое содержание от самих способов знаковой репрезентации этих объектов. Опосредованное таким образом сигнификативное содержание новых наименований избирает для его соотнесения с обозначаемой действительностью определенных лексических партнеров, относительно признаков смыслового содержания (как правило, несущественных для лексического значения) которых оно сформировалось. В таких случаях сигнификативное содержание вторичного наименования способно обозначать свой объект через соотнесенность с понятийно-языковым содержанием другого определенного слова (или слов). Если такого рода признаки связаны с референтными пресуппозициями, то ограниченная сочетаемость вторичных наименований еще регулируется природой самого обозначаемого объекта. Например: о трамвае, машине можно сказать, что они *идут*, ср., однако, **идет велосипед, мотоцикл, телега*. Здесь, видимо, имеет значение тот факт, что в самом обозначаемом действии выделены признаки, существенные относительно тех видов средств передвижения, которые имеют двигатель и устойчивое основание либо последнее. Отраженный в таких референтных подробностях способ передвижения объектов и лег в основу сигнификативного содержания вторичного наименования (во всяком случае для такого предположения имеются основания). Об осадках можно сказать *выпадают* (в этом наименовании отражен результирующий аспект нерасчлененных событий) — *дождь, снег, роса*, а для обозначения бытия во времени используется наименование *идти* — о дожде, снеге, так как они перемещаются, выпадая из тучи, а роса *падает*, поэтому и не *идет*.

Иной характер формирования понятийно-языкового содержания обнаруживается в таких, например, наименованиях, как *дружить* в том значении, которое реализуется в сочетаниях типа *дружить с песней, с физкультурой, с бутылкой*, обозначая класс событий, характеризующихся тем, что субъект действия охотно прибегает к определен-

ным акциям (пению, занятиям физкультурой, выпивке и др.) и получает (как он считает) пользу от этих акций, что вызывает у него эмоциональное удовлетворение. Формирование этого сигнификативного содержания глагола осуществляется под воздействием признаков, входящих в понятийное содержание наименований *физкультура* и т. п. Вполне естественно, что при неопределенности признаков 'получать пользу' и 'эмоциональное удовлетворение', осложняемых к тому же внесением субъективной оценки, сигнификативное содержание этого наименования достаточно диффузно, что характерно для многих наименований подобного рода⁵³. Это значение неустойчиво и относительно лексических связей в силу расплывчатости понятийно-языковой общности сочетающихся слов, хотя совершенно очевидно, что в этом случае имеет место смысловая связанность наименования *дружить* (ср. *друг леса*, но **дружить с лесом* и **дружить с чтением* и т. п.).

В случаях, подобных приведенным в последних трех примерах, и проходит та грань, которая отличает непосредственную направленность лексических значений на действительность от косвенной и которая проявляется в «скачкообразной» преемственности нового и уже существующего понятия. В самом деле, если обозначение некоторого фрагмента действительности может опосредствоваться не только предшествующим значением языковой формы, но и зависеть от отражения свойств другого объекта, то, подобно этому, именование может быть опосредовано как по линии развития понятия на базе одной и той же языковой формы, так и по линии воздействия на формирование нового понятия некоторых признаков, уже отраженных в понятийно-языковом содержании другого языкового знака, относительно которых и обозначается внеязыковой объект.

Вполне естественно, что при таком способе отражения и именовании мотив выбора языковой формы, призванной обозначить вновь отражаемое внеязыковое содержание, зависит от способности ее предшествующего значения семантически согласоваться с понятийно-языковым содер-

⁵³ Д. Н. Шмелев считает, что «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику» (Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики, стр. 95).

жанием того словесного знака, относительно признаков которого и выделены свойства именуемого объекта. Ср. выбор языковой формы *завязывать* для обозначения начальной фазы действия или процесса относительно признака 'иметь контакт', присущего сигнификативному содержанию слов *разговор, беседа; знакомство, дружба; драка, перестрелка* и т. п., чему соответствует пресуппозитивный признак глагола *завязывать* — 'связуемое', ср. также выбор языковых форм *воз, короб* для обозначения большого количества дискретных речевых актов — *воз, короб новостей, рассказов, анекдотов* и др. или выбор языковых форм *железная, твердая* для обозначения высшей степени проявления воли, решимости относительно признака 'неуклонное следование намеченному пути к цели', выбор языковой формы *сорить* для обозначения нерачительной, безразборчивой траты денег и т. д.

Однако необходимо обратить внимание и на переходные случаи, когда такая понятийная зависимость уже «отмирает», а словесные значения, сформировавшиеся как косвенные, лексически десемантизируются и выражают либо чисто аспектуальное значение, как глаголы *оказать (внимание, помощь, нажим, давление), вызвать (раздражение, доверие, интерес, насморк), производить (продукцию, ремонт, ревизию), идти (на риск, на преступление, на все)*, либо высокую степень проявления, ср. *большой (опыт, успех, польза, любовь), высокий (уровень, доход, сорт, долг, требование)*, либо обозначают, как слово *вопрос*, любое требующее решения событие (*вопрос дня, встает вопрос о чем-либо, коренной вопрос*) и т. п. Выбор и сочетаемость таких слов регулируются в современном языке только нормой⁵⁴.

Таким образом, в основе формирования косвенно-производных значений слов лежат те признаки отображаемых фрагментов действительности, которые рассматриваются как существенные для них относительно понятийно-языкового отражения действительности в других словесных знаках, которые и играют с е м и о л о г и ч е с к и р а з р е ш а ю щ у ю роль в этих процессах именован-

⁵⁴ К. В. Регина, Г. П. Тюрина, Л. И. Широкова. Устойчивые словосочетания русского языка. М., 1976 (где собраны и систематизированы многочисленные примеры таких нормативных сочетаний слов).

ния. При этом не только в номинативно-классификационной деятельности сознания, но и в самом построении лексико-грамматического состава высказывания выбор опорного наименования предшествует выбору косвенного: от выбора наименования *разговор* в высказывании, где предполагается сообщить о начале этого «речедействия» некоторым агентом, зависит выбор глаголов *начинать*, *заводить*, *заезывать*, а от выбора *беседа* — реализация глаголов *начинать* или *заводить*; от выбора наименования *рассказ* зависит выбор слова *нить* для обозначения непрерывной сюжетной линии, а наименования *роман*, *повесть* или *очерк* такого выбора не задают и т. п. Трудно представить, чтобы говорящие обозначали начало прежде действия, выбирали определяющее имя до выбора его определяемого. Это относится и к тем случаям, когда сами опорные наименования выступают во вторичной для них функции, представляя собой «скрытые» семантические предикаты, а косвенные — обозначают имена предметов, лиц, общие имена и т. п. Так, в сочетаниях типа *бсм обуви*, *кино*, *учителя*, *работники прилавка*, *труженики села*, *сын степей*, *нарба* и т. п. опорными наименованиями являются грамматически зависимые слова, а косвенными — грамматически господствующие (*бсм обуви* — это «большой магазин, специализирующийся на продаже обуви», *работники прилавка* — «те, кто работает в сфере торговли»).

В этой связи следует отметить, что понятийное основание косвенной номинации включает в себя и классифицирующую деятельность сознания, которая неразрывно связана здесь с категориально-классифицирующим членением языка. Акт косвенной номинации всегда протекает при «инициативе» опорного наименования, поэтому оно детерминирует и категориально-классифицирующие признаки косвенных наименований. Однако «глубинное» и «поверхностное» содержание этой категоризации далеко не всегда совпадают.

Поскольку большинство косвенных наименований формируется на базе номинативных контекстов, совпадающих на синтаксическом уровне их рассмотрения со словосочетанием, то их понятийное основание может рассматриваться с точки зрения атрибутивной структуры определяемого и определяющего

го⁵⁵, которая лежит в основе так называемых «ономасиологических структур». В ономасиологических структурах определяемый член обозначает некоторый понятийный класс — родовое понятие и выступает как ономасиологическая база, а определяющий член, несущий дифференцирующую информацию в рамках этого класса, предстает как ономасиологический признак⁵⁶. Разделяя этот общий принцип ономасиологических структур, техника косвенной номинации своеобразно использует его.

Поскольку в процессе косвенной номинации участвуют уже готовые языковые формы — словесные знаки, то они включаются в акт наименования вместе со своими формальными и категориальными признаками, поэтому новое смысловое содержание вливается в «старые» формы языкового членения. Так, при опорных наименованиях, выраженных именами существительными, косвенные обычно получают категориально-грамматические признаки прилагательного, если они обозначают качественный признак. Но если для номинативных контекстов типа *белое вино, тонкая кишка* и т. п. совпадают опорное наименование и ономасиологическая база, косвенное наименование и ономасиологический признак, вследствие чего и выбор прилагательного закономерен как относительно категориально-классифицирующего содержания, так и формы, то в сочетаниях типа *приходить на помощь, впасть в уныние, питать надежду* и т. п. наблюдается иное соотноше-

⁵⁵ По мнению Н. М. Годера, в составе словосочетания каждое из понятий в отдельности отлично от их сочетания, взятого в целом, и любое словосочетание атрибутивного типа сводимо к составному понятию, образуемому понятием-основой и понятием-атрибутом (Н. М. Годер. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. «Логико-грамматические очерки». М., 1961).

⁵⁶ М. Dokulil, J. Kuchař. Vztah jazyka a myšlení ve struktuře pojmenování. «Problémy marxistické jazykovědy». Praha, 1962; J. Kuchař. К общей характеристике номинации. «Travaux linguistiques de Prague». 3. Praha, 1968. — В этой связи уместно отметить, что в задачи пражской функциональной ономатологии, строго противопоставляющей, вслед за В. Матезиусом, ось выбора — оси комбинации (В. Матезиус. О системном грамматическом анализе. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 228), не входит рассмотрение закономерностей образования номинативных агрегатов типа *круг друзей, знакомых, питать, лелеять надежду, полет фантазии, воображения* и т. п. Именно комбинация элементов служит здесь способом переклещения лексического содержания слов в средства выражения тех или иных «ономасиологических категорий».

ние структуры номинативного контекста и ономаσιологической структуры. Номинативное задание состоит здесь в «оглаголивание» опредмеченного действия или качества, поэтому ономаσιологической базой в данных номинативных контекстах является требуемое глагольное действие, способное выразить временные и аспектуальные признаки значения, но сами эти значения формируются опять же по требованию номинативно опорного слова, которое «осмысляет» и сам глагол.

В номинативных контекстах, представленных словосочетаниями типа *золотая молодежь*, сохраняется глубинное совпадение с ономаσιологической структурой, однако в таких словосочетаниях, как *бурная радость*, *твердое намерение* или *старая дружба* оформление признакового члена ономаσιологической структуры как прилагательного и подведение под него категориальных свойств этого разряда слов — дань поверхностной структуре, поскольку здесь обозначается признак действия, состояния, явления (ср. *Его твердое намерение* \Leftrightarrow *Он твердо намерен*). Роль ономаσιологической базы выполняют такие косвенные наименования, как *раб страстей*, *перст судьбы*, *яд сомнения* и т. п., хотя их собственно лексическое содержание зависит от опорного наименования, выступающего в качестве своего рода признакового члена ономаσιологической структуры: семантические предикаты на основе присущей им актантной рамки подводят под косвенное наименование категорию предметности и одновременно насыщают их лексическим содержанием. Такого же рода пропозитивное основание характерно и для номинативных контекстов типа *цвет жизни*, *хмель славы*, *горечь обиды* и т. п., но здесь в игру вступает и синтаксическое транспонирование (ср. *слава охмеляет* \Leftrightarrow *хмель славы* или *обида огорчает* \Leftrightarrow *горечь обиды* \Leftrightarrow *горькая обида* \Leftrightarrow *обида горька*).

В подобного рода несовпадениях структуры номинативных контекстов с ономаσιологическими структурами проявляется влияние внутренних законов самого языка на характер воплощения понятийного содержания в процессах косвенной номинации. Язык, используя уже готовые его единицы в несобственных для них формах и функциях, воздействует тем самым на формирование понятийного содержания, ищущего имени, предопределяя в известной мере уже собственно языковое развитие косвенно-производных значений слов.

Таким образом, в процессах косвенной номинации взаимоотношение мышления, действительности и языка предстает в сложном и многоаспектном, а иногда и необычайно прихотливом их взаимодействии.

Помимо стремления человеческого сознания к объективному отражению мира для него характерна и к в а л и ф и к а т и в н о - о ц е н о ч н а я д е я т е л ь н о с т ь. «Деятельность рассудка и эмоциональные импульсы совместно определяют систему выразительных средств языка, подобно тому, как они делят между собой всю нашу душевную жизнь», — писал Ш. Балли⁵⁷. Однако оценочная деятельность сознания не ограничивается только внесением эмоционального в смысловое содержание слов, она — неотъемлемое свойство познающего и именуемого субъекта и связана с прагматическими факторами — в самом широком смысле.

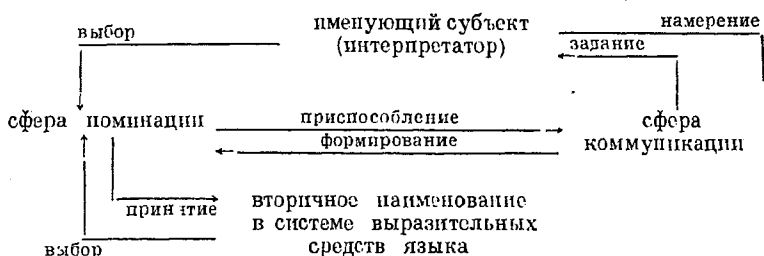
Все, что есть в словаре, существует в нем в силу коммуникативных потребностей человека, а в процессах коммуникации человек не только передает информацию об окружающей его действительности, но и склонен оценивать ее, выражая отношение сознания к ценности предмета сообщения или предписывая определенное поведение слушающему. Эти три функции языка — индикативная (познавательная, дескриптивная), оценочная (аксиологическая) и апеллятивная (прескриптивная) определяются в зависимости от того, в каком отношении находится языковое выражение к трем компонентам коммуникативного свершения — говорящему и именуемому, предмету сообщения (тому, о чем идет речь) и слушающему. Когда говорящий намерен сообщить о положении дел в мире (внешнем или внутреннем) с точки зрения его убеждений о том, что он считает ценным (или бесполезным), он использует или создает языковые средства, способные передать сведения скорее о ценности действительного, а не о его сущности, перемещая в центр внимания свое отношение к миру, а не онтологию бытия⁵⁸. От этого коммуникативного намерения зависит, следовательно, не только номинативное задание, но и способы его свершения, вследствие чего

⁵⁷ Ш. Балли. Французская стилистика, стр. 186.

⁵⁸ Обсуждение проблем логики оценок, или формальной аксиологии, занимающейся анализом выводов, посылок или заключениями которых являются оценки, см.: А. А. Ивин. Основания логики оценок. М., 1970.

и сам выбор языковых форм в качестве имен, подходящих для выполнения номинативного задания, основан на том, что говорящий (или именуемый) считает их пригодными.

В случаях употребления имен в несобственной для них функции, особенно если она связана с оценочным выбором, именуемый обращается не к объему понятийно-языковой формы отражения действительного, а к содержанию сигнификата, поскольку последнее может быть развернуто сообразно с ассоциативными связями по смежности и по аналогии, отражающими фонд общих знаний говорящего, с его прагматической интенцией и т. п. Иными словами, мы связываем оценочную деятельность сознания не только с его отношением к миру, но и с его отношением к выбору языковых форм — уже готовых или употребляемых в роли нового имени. Поэтому вторичные наименования как языковые знаки должны определяться с учетом взаимодействия трех основных функций языка как средства общения — номинативной и коммуникативной, при воздействии на процесс номинации прагматической интенции говорящего (и именуемого) субъекта, роль которого мы рассматриваем с точки зрения его способности к употреблению языковых форм — их выбора и переосмысления в процессе приспособления словесных знаков к «несобственным» для них значениям и функциям. Графически позицию субъекта — интерпретатора словесных значений и творца новых наименований — можно представить следующим образом (см. схему).

Следует отметить, что понятие «интерпретатор» употребляется здесь не в том смысле, как это принято в интерпретативной версии трансформационной грамматики, а именно как у п о т р е б и т е л ь словесных знаков, деятельность которого направлена на создание новых наиме-

нований. Иными словами, мы исходим из допущения, что последний не только знает, как сделано переносное значение наименования и умеет объяснить, из чего и на какой основе слагается это значение в определенном языковом контексте, но также, владея этим «языковым чутьем», умеет употреблять значение слов, пользоваться им в своих целях, формируя новый смысл как способ данности нового обозначаемого и создавая на этой основе новые значения слов в соответствующих коммуникативных структурах.

Когда говорящий выбирает готовое наименование, то он как бы репродуцирует его акт создания, зная способы формирования и включения его в речевую цепь. Различие же между созданием и воспроизведением наименований состоит в том, что в первом случае говорящий идет «наугад», а во втором — его деятельность протекает как репродуцирующая, реконструирующая известный ему способ правильного отнесения имени к действительности, им обозначаемой.

При косвенной номинации обозначение фрагментов действительности опосредуется не только «идеальным денотатом», представляющим в виде сигнификата переосмысливаемого имени, но и функционально связано со смыслом опорного наименования. Поэтому языковая форма для косвенного наименования избирается из числа тех, которые способны согласоваться семантически с опорным наименованием и которые именуемой считает наиболее пригодными для этой цели. Вследствие этого роль субъективного фактора оказывается ведущей: именуемый субъект, подыскивая имя для обозначения предмета или положения дел, стремится найти наиболее убедительный с его точки зрения мотив для совмещения сигнификата переосмысливаемой языковой формы и с миром, и со смысловым содержанием спорного наименования. Так, в самом простом случае, желая обозначить воздействие зла, страха, ужаса или смеха, дрожи на пациента этих охватывающих его чувств или физических состояний, именуемый оценивает их по этому «способу» проявления и в соответствии с найденным мотивом именуется такое воздействие при помощи глагола *брать* в его безличном употреблении. Совершенно очевидно, что здесь индикативное намерение всегда сопровождается оценочным основанием выбора. Аналогично этому, хотя и с явно квалификативно-оценоч-

ными намерениями, протекает выбор в тех случаях, когда при именовании оценивается не только смысловая совместимость членов номинативного контекста, но и сообщается о том, что объект, к которому прилагается данное имя, является предметом положительного или отрицательного интереса, пользы или бесполезности, желания, стремления и т. п. Так, например, положительно оценивая такие свойства личности, как воля, решительность, характеризующиеся неукоснительным стремлением к достижению цели, именуемый прибегает для выражения этого признака в его максимальном проявлении к словам *твердая, железная*. Оценочные наименования подобного типа не описывают существующее, а сообщают о выполнимости или невыполнимости ожидаемого (ср. *слабая воля, решимость*), о «гедонистической» ценности — о том, что приятно или неприятно с той или иной точки зрения (ср. *легкая или тяжелая смерть*), о соответствии «инструментальной» функции ожидаемому (ср. *кладезь премудрости или круглый дурак*), о ценности «медицинской» (*железное здоровье, здравый ум*) или «утилитарной» — пригодность или полезность объекта для определенной цели (ср. *крепкая семья, крепкий кофе* или *слабый кофе, тяжелый обед*) и т. п.⁵⁹

Косвенная номинация — наиболее подходящий способ для формирования оценочных наименований в силу самой своей относительности *suí generis*. Как было показано выше, при косвенной номинации ономаσιологическая база обычно очерчивается категориально-классифицирующими признаками, а понятийно-языковое содержание зависит от внутренней формы переосмысливаемого имени и от смысла опорного наименования, поэтому оно и способно по самой своей природе включать в себя оценочные компоненты, отражающие квалификативно-оценочную деятельность сознания как в его отношении к миру, так и в отношении к самим значениям языковых форм, опосредующим взгляд на мир. Однако провести четкое различие между экспрессивными компонентами значения косвенных наименований и их описательным содержанием не всегда возможно,

⁵⁹ Логический анализ разновидностей «добра» с точки зрения концептуальной его оценки приводится в работе: G. H. von Wright. *The varieties of goodness*. N. Y. and London, 1963, которая подробным образом анализируется в книге А. А. Ивина (Указ. соч., стр. 63—72). Ср. также: Z. Vendler. *Linguistics in philosophy*. (гл. Grammar of goodness). Ithaca, N. Y., 1967.

так как сообщение о том, что происходит, случается или имеет место «на самом деле», может включать оценочный компонент, соответствующий коммуникативному намерению или номинативному решению (ср. *закадычный друг* или *старый друг*: в первом примере сообщается о тесной дружбе, и это, т. е. доверие, частые встречи и т. п., является предметом положительной оценки, а во втором — сообщается о давности дружбы, но за этим стоит ее положительная оценка). С другой стороны — аксиологические выражения могут нести информацию о действительности (так, в приведенных выше примерах *железная воля*, *решимость* сообщается о том, что выделенный признак «испытан» и проявляется постоянно, ср. также *медведь*, где содержится информация о неуклюжести человека и т. п.). Если доминирует оценочная функция, то прилагательные, например, не могут быть вынесены в идентифицирующую предикатную позицию, если доминирует описательная (индикативная), то это возможно (ср. *Это вино — сухое*, но **Этот прием — сухой* или *Эта операция — легкая*, но **Эта радость — легкая*).

В качестве «совокупной» иллюстрации ко всему изложенному выше приведем ряд косвенных наименований, сформировавшихся при опоре на семантику некоторых предикатов со значением общения (*разговор*, *беседа*, *дискуссия*, *спор*, *переписка* и некоторые другие). Смысловое содержание этих опорных наименований складывается из двух общающихся сторон, представленных лицами; общающиеся образуют некоторую совокупность (круг лиц), имеющих вербальный контакт (канал связи), протекающий во времени (тогда опорные наименования имеют процессуальное значение) и в пространственном измерении (общение между лицами), что создает определенную структурную организацию (общающиеся, путь реплик по каналу связи); а наряду с этим — общение характеризуется содержательной стороной информации и достижением некоторой цели (что придает опорным наименованиям результирующее значение).

Выбор косвенных наименований зависит от того или иного из этих смыслов, требующих выражения. Так, помимо двух сторон, в общение могут *вступить*, *включаться* новые лица по собственной инициативе, к участию в общении могут приглашаться «со стороны» — их *вовлекают в разговор*, *дискуссию*, *переписку*. Выбор этих имен мотиви-

рован тем, что собеседники (спорящие и т. п.) представляют некоторую совокупность, *круг лиц*, а глаголы *вступать в, включаться в, вовлекать в* содержат смысл 'перемещение внутрь какого-либо пространства' (в данном случае актуализируются признаки перемещения в круг участников общения). Тот, кто «пролагает» путь реплик по каналу связи, *ведет разговор, спор, переписку*. Поскольку общение длится во времени, то для обозначения фазовых значений избираются глаголы, мотивированные по этому признаку (ср. *разговор длился долго, затягивается, протекает, дискуссия, спор протекает оживленно, идет уже пять часов*). Для обозначения внезапного прекращения этих процессов выбраны глаголы *обрывать* или *прерывать*, мотивированные тем, что их смысл содержит компонент 'связь', содержащийся и в смысле предикатов общения. Причем у глаголов этот смысл задают формальные объекты — 'нечто связуемое', — которые предстают в данных случаях как коннотативные семантические пресуппозиции, так как в опорных наименованиях этот смысл соотносим с нематериальным каналом связи. Этот же смысл мотивирует выбор глагола *завязывать* для обозначения перфективно охарактеризованной начальной фазы общения. Нельзя не заметить, что глаголы выполняют здесь роль, сходную со словообразовательными средствами обозначения аспектов действия, но одновременно — подводят под опорные наименования категорию действия и присоединяют к себе их субъектную валентность. Мотивированность выбора сохраняет образность косвенных наименований и блокирует выбор других, близких по смыслу глаголов (ср. **нести разговор при нести сведения* и т. п.).

Наличие у предикатов общения определенной цели (обмен информацией или получение информации) обуславливает выбор для обозначения результативного действия глагола *привести к* (*Разговор привел к выяснению отношений*). Этот же смысл оценивается как *плоды разговора, спора* (ср. **плоды переписки*, где ненормативность сочетания при его семантической правильности обусловлена, видимо, тем, что переписка не одноактный, а дискретный процесс). Результативное же содержание, положительно или отрицательно оцениваемое, передается посредством прилагательных *плодотворный (неплодотворный), полезный (бесполезный) разговор, спор* (ср. **плодотворная, полезная переписка*). Ср. также выбор идиомы *зайти в тупик*, обо-

значающей ситуацию, когда цель общения не достигнута (но эта идиома имеет достаточно широкий диапазон употребления: *зайти в тупик при решении чего-либо*).

Тема (содержание) общения может быть оценена при посредстве прилагательных *бесмысленный, пустой* (*разговор, спор* и т. п.). Ср. чисто оценочные определения — *крупный разговор* — ‘обмен существенной, в чем-то важной для участников информацией, неприятной для них’ (ср. *крупная неприятность*, но **крупная дискуссия, переписка*, хотя вполне обычно сочетание *крупный спор* — эти ограничения вызваны тем, что дискуссия как мероприятие официальное может быть оценено по остроте диспутов, но не по эмоциональному состоянию участников, а переписка блокирует выбор слова *крупная* по той причине, что это прилагательное коннотирует признак размера, нежелательный при данном семантическом предикате, который может обозначать и материальный объект — совокупность писем). Оценочный же смысл выражается прилагательным *тяжелый* в сочетании *тяжелый разговор* — ‘неприятный по характеру передаваемой информации и эмоциональному восприятию’, ср., однако, *тяжелый спор*, где оценивается уже не характер информации, а упорство спорящих и т. д. и т. п.

Таким образом, понятийно-отражательное основание косвенной номинации лежит в основе всех этапов (или «уровней») языкоявления фрагментов действительного, начиная от формирования смыслового содержания косвенных наименований и кончая характером соотносительности сформировавшегося лексического значения с действительностью. На всех этих этапах косвенной номинации опорное наименование выполняет с е м и о л о г и ч е с к и р а з р е ш а ю щ у ю р о л ь. Поэтому при изучении явления косвенной номинации возникает задача исследования семантических классов опорных наименований, характеризующихся по их способности имплицировать одни и те же или, по крайней мере, близкие по смысловому содержанию косвенные наименования (типа приведенных выше предикатов общения). Наряду с этим необходимо выявить, как проявляют себя слова и разные классы слов, приспособляясь в процессе переосмысления к формированию косвенно-производных значений. Только такого рода исследования позволят, как представляется, обнаружить подлинно системную упорядочен-

ность и во внешне хаотичной и стихийной сфере косвенной номинации. Вполне естественно, что этим исследованиям должно предшествовать описание опорных наименований совместно со всеми зависящими от них косвенными наименованиями (ср. метод лексического анкетирования связанных сочетаний слов в Толково-комбинаторном словаре русского языка). Только при таком глобальном исследовании языкового материала возможно познание универсальных закономерностей этого феномена и, в частности, феномена метафоризации как одного из основных способов переосмысления языковых сущностей и обретения ими новых тождеств и различий.

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА ВТОРИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Формирование смысла вторичных наименований протекает в процессе переосмысления «предшествующего» значения слов. Выше, в связи с рассмотрением номинативной ценности лексических значений уже отмечалось, что для свободных, номинативно-производных лексических значений характерно переосмысление на основе метонимии, а для несвободных — фразеологически связанных или синтаксически обусловленных — на основе метафоры и что причину качественного различия между этими типами свободных и несвободных лексических значений следует усматривать в различии самих способов переосмысления языковых форм ⁶⁰.

При этом для сферы действия индикативной функции более характерно использование метонимии как способа развития смыслового содержания на основе смежности признаков того, что уже обозначено в предшествующем значении слова и нового обозначаемого. Это создает основание для «плавного» перехода одного смысла в другой и объективную ясность метонимического переосмысления. Метафора — это утверждение о свойствах объекта на основе не-

⁶⁰ На эту связь между способами образования значений слов на основе метонимии или метафоры и между регулярной или нерегулярной их полисемией впервые в явной форме указал, насколько нам известно, Ю. Д. Апресян (Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика, стр. 189—192).

которого подобия с уже обозначенным в переосмысленном значении слова. Здесь всегда возможен гипотетический домысел и превалирует субъективное начало во взгляде на действительное. Поэтому метафора так широко эксплуатируется в квалификационной деятельности сознания. Техника метафоры — основной прием косвенной номинации. Эта закономерность обусловлена тем, что при формировании косвенных наименований в переосмысляемом значении актуализируются те признаки, которые существенны относительно смысла и денотации опорного наименования, что создает условия для предикации объектам новых, несобственных для них признаков, а тем самым — для скачкообразного развития нового смысла за счет интерференции уже обозначенных в предшествующем значении свойств объекта и сращения с ними признаков, атрибутируемых вновь обозначаемым «со стороны» опорного наименования.

Природа метонимии и ее разновидностей изучена достаточно хорошо. Менее исследована онтология метафоры как приема создания новых смыслов. Поэтому представляется необходимым подробнее остановиться на проблеме метафоры и на рассмотрении механизмов метафоризации. Хотя проблема метафоры имеет многовековую историю, онтология этого явления и механизмы метафоризации, т. е. способы переосмысления значений слов в процессе их приспособления к выражению нового для них номинативного задания, исследовались в языкознании преимущественно в семасиологическом аспекте — на основе сопоставления и анализа уже готовых языковых значений языковой метафоры. Видимо, такое одноаспектное исследование метафоры и является причиной того, что в лингвистике пока не существует разработанной теории метафоры, способной ответить на вопрос, как она «делается». Историография теории метафоры могла бы привести достаточно убедительные факты, свидетельствующие об этом. Отметим все же, что в русле каждого из следующих четырех направлений — номинативно-предметного, формально-логического, психологического и лингвистического⁶¹ (в его

⁶¹ См. выделение этих направлений: В. И. Корольков. Семасиологическая структура метафоры. «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Торгеза». Труды кафедры русск. языка, т. 41. М., 1968, стр. 49—50.

структурно-таксономической ориентации) — ведущим является семасиологический подход к проблеме метафоры. И только в тех лингвистических направлениях, которые включают в себя постулаты теории референции⁶², а также в лингво-философских направлениях, разрабатывающих эту теорию, намечается явная тенденция исследовать динамику феномена метафоры. Не существует пока динамической теории метафоры и в литературоведческих направлениях, прилагающих свои усилия к изучению речевой метафоры — поэтической (в широком понимании этого слова).

Лингвистика и литературоведение, выйдя из тесного содружества, в котором они пребывали длительное время, преследуют в изучении и описании феномена метафоры разные задачи. И хотя в способах формирования языковых и речевых метафор нет принципиального различия, эти два вида отличаются друг от друга: языковую метафору можно не только обнаружить (если она еще не стерлась), но и в какой-то мере «запрограммировать», а речевая (оказионально-авторская) метафора легко обнаруживает себя, но здесь практически невозможно указать допустимый предел «отлета фантазии» творца метафоры.

В основе языковой метафоры лежат объективированные ассоциативные связи, отражаемые в коннотативных признаках, несущих сведения либо об обиходно-практическом опыте данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом знании (ср. *свинья* — грязное животное; она не привязывается к хозяину, как другие домашние животные — отсюда атрибуция признака неблагодарности; *море* — безмерное водное пространство, поэтому безмерное количество может быть названо *морем*; реки *впадают в море* «непроизвольно», в силу течения, отсюда наличие у глагола данной коннотации; *раб* — человек, подчиняющийся чужой воле, поэтому безвольный человек может быть назван *рабом* относительно того чувства, которому он не в силах противостоять, и т. п.).

Мотивом для метафорического переноса могут служить отработанные в языке логико-синтаксические схемы структурирования классов событий или соположение

⁶² См. определение семасиологического и ономасиологического метафорических отношений: В. Г. Гак. К проблеме общих семантических законов. «Общее и романское языкознание». М., 1972.

в структуре мира вещных объектов — их предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих. Синтагматические пресуппозиции, несущие информацию о классах возможных для них формальных объектов, способны коннотировать и конкретное свойство «индивидуального» лексического значения, не входящего в данный класс, и тем самым — создавать возможность для «несобственного» заполнения актанта — с одной стороны, а с другой — диспозициональные свойства объектов могут обобщаться с точностью до класса или, наоборот, насыщаться референтными пресуппозициями. Так, например, твердые и негибкие объекты «предрасположены» ломаться, отсюда — при наличии у слов типа *строй*, *семья* коннотаций «незыблемость, прочность» (в их положительной оценке) — выбор и последующее переосмысление глагола *ломать* на основе его способности имплицировать формальный объект, обладающий данными признаками (*ломать*, *сломать семью*, *строй* и т. п., ср., однако, *разорвать узы брака*, поскольку слово *брак* определяется относительно связи двух сторон). В силу такого рода объективированных коннотативных мотиваций, переосмысление слова, субъективное в момент творения, но основанное на общих знаниях данного языкового коллектива, закрепляется в языке. Удачные с точки зрения внутрисистемных закономерностей лексико-семантической системы языка метафорические употребления — это те, которые согласуются с тем, что принято называть чувством языка, его «внутренней формой» (если воспользоваться понятием Гумбольдта), а также знанием истории и быта народа, его культуры и тенденций развития самого языка в соответствии с его внутренними законами.

Таким образом, основное отличие языковой метафоры от речевой состоит в том, что первая создается на основе коннотаций, сопровождающих слово в его «обычном» употреблении и как бы закрепленных за смысловым потенциалом данного слова языковым узусом, вбирающим в себя то, что составляет языковой опыт, остающийся за рамками системы лексических значений, образуемой их тождествами и различиями и правилами регулярной сочетаемости. Языковая метафора потому так легко стирается и теряет живую образность, что она «обычна», а ее мотивировка прозрачна, хорошо знакома и без особых на то усилий запоминается, вследствие фонового знания гово-

рящих. Она органично вписывается в рамки синтаксических структур за счет переосмысления свойств формальных субъектов или объектов и получает новые семантико-синтаксические признаки. При этом роль субъективного фактора (в случае языковой метафоры) уравнивается объективностью переосмысливаемых языковых значений и значений опорных наименований, смысловыми правилами, регулирующими сочетаемость слов, а отчасти и нормами употребления, их охранной функцией. Языковой характер метафоры проявляется в закреплённости и воспроизводимости переосмысленного значения языковой формы в речевой цепи.

Речевая метафора «исходит» из конкретного контекста и всегда связана с ним. Она рождается и существует в нем, распадаясь вместе с ним, поскольку коннотативные признаки, служащие мотивом для переосмысления словесного значения, фокусируются только в рамках данного лексического набора (в пределах предложения или целого текста). Такие коннотации отражают обычно индивидуальное, а не коллективное видение мира, поэтому они субъективны и случайны относительно общего знания. Но и речевая метафора не вполне произвольна. «Способность слова отобразить новое содержание заложена в его семантическом наполнении: чем «естественнее» сообразуется мотив переосмысления со смысловым содержанием слова, тем прозрачнее метафора и тем ярче ее эффект.» Ср. ассоциативно не согласованное словоупотребление, «режущее слух» из-за семантической неправильности: *Каждый зная, что наутро бой, Спит в обнимку с собственной судьбой, Положив под голову заботы* (Асадов); *Песок нескончаемо греет. Топорщится море* (Р. Рождественский). *Подложив под голову* вызывает ожидание предмета и не «связывается» с именем нерасчлененного события *заботы*; равным образом как и *спать в обнимку* не имплицитно ассоциативно судьбу; море немислимо представить поднимающимся торчком — топорщиться естественнее для гор, лесов и т. п., но не для водной поверхности, поэтому такие сочетания и ощущаются как «нарочитые».

Если в литературоведении упор делается на способы достижения художественного эффекта, то в языкознании преследуются другие, более фундаментальные цели — исследование системно-языковой техники метафоризации как способа образования новых значений. Но, как спра-

ведливо отмечает В. П. Григорьев, пока «не только поэтика, но и лингвистика оказываются перед необходимостью исследования движущейся системы способов словообразования, которые под именем «тропов и фигур» влечат довольно жалкое полусхоластическое существование в учебных курсах, но для которых нужна современная развитая теория «тропов и фигур»⁶³.

Необходимость нового и современного взгляда на метафоризацию все настойчивее подчеркивается в последнее время не только лингвистами, но и логиками, занимающимися проблемами функционирования естественного языка. Так, например, Д. Болинджер настаивает на том, что семантическая теория должна объяснить процесс метафорического создания⁶⁴; логики справедливо утверждают, что без построения «логической грамматики» метафорических выражений, невозможно ответить на вопросы, как мы узнаем метафору и тем самым «интерпретируем» так называемые отклоняющиеся высказывания (*diviant sentences*) — аномалии⁶⁵; семиотики, со своей стороны, пытаются формализовать это понятие посредством анализа в духе Ч. Пирса, т. е. путем применения к анализу метафоры семиотических функций знака⁶⁶. Однако в чем состоит этот новый взгляд — не всегда ясно формулируется, а чаще всего дело ограничивается констатацией неудовлетворительного состояния проблемы метафоры.

Выше мы уже по сути дела охарактеризовали онтологические основания метафоризации, рассматривая это явление с точки зрения номинативного аспекта. Думается, что такой взгляд на метафорические наименования, прослеживающий все связи этого феномена — понятийные, аксиологические, «реальные» (обращенные к обозначаемой дей-

⁶³ В. П. Григорьев. К спорам о слове в художественной речи. «Слово в русской советской поэзии». М., 1975, стр. 54.

⁶⁴ D. Bolinger. The atomisation of meaning. «Language», 1965, v. 41, стр. 567; R. J. Matthews. Concerning a «Linguistic theory» of metaphor. «Foundations of Language», 1971, v. 7, N 3. Ср. в этой связи попытку У. Чейфа описать процессы образования «переносных» значений на основе понятий постсемантизации и literalization (У. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, стр. 53—89).

⁶⁵ См. M. Black. Models and metaphors. Ithaca, N. Y. 1962, стр. 25; I. Loewenberg. Identifying metaphors. «Foundations of Language», 1975, v. 12, N 3.

⁶⁶ J. Pele. Studies in functional logical semiotics of natural Language (гл. «Semiotics functions as applied to the analysis of the concept of metaphor»). The Hague — Paris, 1971.

ствительности), а также семантические, просматриваемые через отношение именованья и его результат, — это и есть анализ через синтез в процессе метафоризации, который позволяет по-новому увидеть ее особенности — метафору в действии. Ниже способы переосмысления словесных значений, приводящие к их метафоричности, будут рассматриваться преимущественно на онтологической платформе номинативного контекста, так как в его недрах и действуют в основном смысловые механизмы языковой метафоризации.

Онтологическая природа метафоры была подмечена еще Аристотелем — родоначальником всех последующих концепций метафоры. Поэтому представляется необходимым хотя бы в сжатом виде изложить основные положения аристотелевской концепции, являющейся для нас «парадигматической»⁶⁷.

Аристотель отмечает речедейятельностный характер метафоры «создавать хорошие метафоры значит подмечать сходство» (176) и по сути дела учит, как делать метафоры. Именно на этот динамический аспект концепции Аристотеля не обращалось должного внимания. Метафора, по Аристотелю, подобна загадке, сущность которой состоит в том, чтобы «говоря о действительном, соединить с ним невозможное. Посредством сочетания обычных слов этого сделать нельзя, а при помощи метафор возможно» (175). Предназначение метафоры — так изменять значения слов, чтобы говорить не обычным способом о действительном, соединяя с ней невозможное и сохраняя в то же время ясность.

Первое утверждение — «говорить о действительном» — находит отражение в том, что метафора — это выбор другого названия для обозначения некоторого понятия вместо обычного его названия или для понятия, не имеющего «прочно установившегося названия». Возможность обозначить то, о чем идет речь, разными названиями, заложена, по Аристотелю, в сходстве самих понятий или в их «пропорциональности». В последнем случае основой для переноса является уже не «природное сходство» понятий, обозначаемых словом (их таксономическое пересечение по родо-видовым отношениям), а ана-

⁶⁷ Аристотель. Поэтика. «Античные теории языка и стиля». М., 1935 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

логия в рамках некоторого пропорционального отношения на основании подобия членов этого отношения. И не случайно именно этот вид метафоры, основанный на семантическом сходстве, Аристотель считал наиболее «изящным».

Второе положение — «соединение действительного с невозможным» — обращает мысль Аристотеля к раскрытию приемов этого соединения: переносу, основанному на сравнении и на пропорции (аналогии). Пропорция как прием «наиболее заслуживает внимания», потому что заимствование из области «родственного, но не очевидного», — более сильный способ соединить действительное с невозможным. «Подобно этому, и в философии меткий ум усматривает сходство в вещах, даже очень различных».

Третья посылка — «ясность метафоры» — достигается за счет удачного совмещения в метафоре двух понятий: «Как метафора, основанная на пропорции, они [сравнения] всегда состоят из двух понятий» (187). Здесь выражена мысль, на важность которой хотелось бы обратить особенное внимание: метафора как способ должна содержать в себе утверждение о равенстве двух понятий. В этом и заключена творящая новое понятие, новый смысл, сила метафоры как приема именованья.

Таким образом, само понятие метафоры у Аристотеля — это и способ перенесения — метафоризация и результат этого процесса. Поскольку метафора — средство воздействия и своего рода «обман» (названия «не значат то, что в них говорится»), некоторый способ «говорить о новом», создавая противоположение и равенство на уровне понятий, а не утверждение о «действительных обстоятельствах», Аристотель исключает верификацию метафоры из сферы приложения критерия истинности, заменяя его критерием «стоять вместо» другого названия же. Следует отметить, что Стагирит рассматривал явление метафоризации в составе некоторого выражения. Опора на некоторый «порождающий» метафору контекст предопределила универсальность аристотелевского определения метафоры.

Мощь и сила ума Стагирита, его «наивная», по выражению В. И. Ленина, диалектика, предопределили то, что аристотелевское определение явления метафоры открыло пути для ее последующего теоретико-познавательного осмысления, чем и можно объяснить тот факт, что оно оказа-

ло существенное влияние на все последующие версии метафоры⁶⁸. Вполне естественно, что каждый раз смена научных воззрений сопровождалась «избирательностью» того или иного аспекта метафоры, выделенного Стагиритом.

То или иное решение проблемы метафоры — как «говорить о действительном, соединяя с ним невозможное» — связано с тем, какое из трех указанных выше положений Аристотеля принимается за основание метафоры и какая сущность — понятие, значение или реалия (само обозначаемое) выступает в качестве базовой. М. Блэк убедительно показал, что все существующие концепции метафоры сводимы, в принципе, к трем точкам зрения на метафору. Когда в основе концепции метафоры лежит постулат о сходстве двух значений слов (понятий, обозначаемых), то это приводит к «сравнительно-сопоставительному» ее определению. Если в качестве отправной точки выступает положение о том, что метафорическое выражение «стоит вместо» некоторого «буквального» выражения, то такую концепцию метафоры можно определить как «субституционную». В том случае, если исходным в анализе и определении метафоризации лежит ее свойство «совмещать два понятия», то и метафора изучается через призму взаимодействия содержательных аспектов (понятийного, сигнификативного или семантического) неметафорического и метафорического выражений⁶⁹. Это взаимодействие состоит в перенесении и предикации признаков одного, уже существующего и оязыковленного понятия — в другое — оязыковляемое. Именно с этих позиций явление метафоризации рассматривается и в данной работе, что сообразуется, как уже отмечалось выше, с онтологией самих способов вторичной номинации.

С позиций с у б с т и т у ц и о н н о г о взгляда на метафору, говорящий, вместо того чтобы употребить слово в его обычном значении, использует в некотором кон-

⁶⁸ Примечателен тот факт, что понятие метафоры рассматривается Аристотелем как родовое для всех видов переносов и изменения значений слов. Сдвиг в смысловом содержании слова — характерная черта не только метафоры (в узком смысле), но и всех тропов. Следует заметить, что в современных логико-семиотических версиях метафоры она фигурирует в виде родового концепта, из которого выводятся все остальные виды тропов (см. указ. выше работы М. Блэка, И. Лёвенберг и Е. Пелька).

⁶⁹ М. Black. Указ. соч., стр. 30—46.

тексте другое слово, в чем-то сходное по значению, а контекст устраняет неправильности в смысле и соответствующим образом трансформирует значение этого слова. Здесь значение метафоры определяется на основе «буквального» значения другого слова, а польза самой метафоры усматривается в том, что она заполняет «бреешь» в словаре. Слабость этой позиции в том, что она имеет чисто семасиологический исход и может объяснить только различие в значении, но не способы структурирования новых единиц языка — с одной стороны, а с другой — существует множество метафор, к которым характеристика «стоять вместо» не подходит, так как метафорические значения способны отображать новые обозначаемые (ср. *тяжелое горе* ≠ *сильное горе*, *раб страстей* — это пациент весьма определенных состояний, *питать*, *лелеять надежду* — это, конечно же, не совсем то, что *надеяться*, а бережно носить в себе это чувство и т. д. и т. п.).

Субституционная точка зрения на метафору состоит в том, что она есть производное от некоторого контекста (с чем нельзя не согласиться, по крайней мере применительно к косвенным наименованиям метафорического характера) — с одной стороны, а с другой — в том, что метафора замещает другое, «буквальное» выражение. Но эта концепция далеко не универсальна, так как в силу постулата о замещающей функции, она решает проблему метафоры скорее с точки зрения употребления значений, чем в плане «сотворения» новых значений, выявления специфики метафоры как «иносказания».

Это стремление пронизывает сравнительную концепцию метафоры — наиболее распространенную в настоящее время. Согласно этой версии, вписывающейся в более широкую концепцию образности языка, метафора — это изобразительное переосмысление «обычного» наименования. Любая фигура речи, включающая семантическое изменение, — это некоторое преобразование «буквального» значения, основанное на сходстве или аналогии с тем, что выражение на самом деле обозначает. Последнее «подказано» контекстом (ситуативно-речевыми сигналами или собственно языковыми и поступают от лексико-синтаксического окружения метафоры). Метафора — это всегда сравнение, по большей части эллиптированное, скрытое, и переосмысленное значение сопоставляется здесь с его буквальным значением на

основе некоторого *tertium comparationis* — внутренней формы, лежащей в основе сравнения. Воспринять метафору — значит открыть аналогию или сходство, а тем самым как бы повторить путь автора (или использующего метафору). Вполне естественно, что в этой ее части эта концепция метафоры была воспринята в психологических направлениях языкознания, исходящих в определении переноса значения из внутренней формы слова.

Иными словами, согласно этой версии, метафора состоит в представлении лежащего за ней сравнения или пропорции, поэтому она может быть определена как частный случай субституционной версии: и с той и с другой точки зрения метафора замещает то, что обозначает буквальное значение другого выражения. Главное различие этих точек зрения состоит в том, что метафорические выражения типа *Он — медведь, медвежья походка* и т. п. в субституционной концепции рассматриваются как *Он — неуклюж, неуклюжая походка*, а в сравнительной — *Он как медведь, у него походка, как у медведя*.

Главная трудность сравнительного подхода к проблеме метафоры состоит в том, что само подобие или сравнение часто может быть определено только на основе коннотаций, возбуждаемых в лексическом значении в определенном окружении. Ср., например, трудность определения подобия и подыскание «буквального» аналога для метафор типа *В колодезь ее обалделого взгляда Бадьей погружалась печаль* или *Заря, как клец, впиалась в залив* (Б. Пастернак), ср. также языковые метафоры *завязывать разговор* или *обрывать разговор, тень сомнения, железная воля* и т. п.

Как отмечает М. Блэк, «более разъясняет суть вопроса, если говорить, что метафора создает сходство, чем говорить, что метафора оформляет некоторое сравнение или подобие. Метафора — это не субститут для сравнения или некоторого другого буквального выражения, но имеет свое качество и способ» (разр. наша. — В. Т.)⁷⁰. В самом деле, какого рода сходство или подобие можно обнаружить, например, между *завязать шнурок* и *завязать перестрелку, тень дерева* и *тень сомнения* или *железная дверь* и *железная воля*, не говоря о такой многоплановой метафоре, как *погружаться бадьей*

⁷⁰ М. Black. Указ. соч., стр. 3.

в колодец взгляда, заря-клевц впиалась в залив. Нельзя не согласиться и с утверждением Блэка о том, что метафора принадлежит скорее прагматике, чем семантике. В самом деле метафору может сделать каждый в зависимости от того, какое намерение он преследует и как оценивает то, о чем он сообщает и что его привлекло в слове, которое выбрано для выражения заданного смысла. Поэтому при моделировании феномена метафоры трудно (если не невозможно) сформулировать правила, как «сделать» конкретную метафору, но возможно выявить общий принцип метафоризации. Именно этот аспект метафоры исследуется в ее «взаимодействующей» (interacting) версии, выдвинутой М. Блэком и широко обсуждаемой в генеративной семантике ⁷¹.

Апеллируя к теории референции — к критерию отнесенности знаков к обозначаемому, Блэк различает в соответствии с этим рамку метафоры, которая завязывает отнесенность к действительности некоторому слову, выступающему как фокус метафоры ⁷².

Чтобы пояснить способ, как это осуществляется, Блэк предлагает мыслить метафору как фильтр, а «обычные ассоциации» (т. е. сведения об обозначаемом, которыми располагает обычный говорящий на данном языке или владеющий его некоторым идиолектом) — как своего рода пробелы, дающие видимое изображение и организующие его одновременно таким образом, что «второстепенный субъект» (то, о чем сообщается посредством метафоры) виден через свойства «главного субъекта», что они «проектируются» через этот фильтр на второстепенный субъект. Приводя в качестве примера высказывание *Man is a wolf*, Блэк утверждает, что обычные ассоциации, связываемые носителем языка со словом *волк* и его обозначаемым (такие, например, как *хищный*, *лютый*, *ненасытный* и т. п., но никак не вегетарианство или что-нибудь в этом роде), присоединяются к главному субъекту — человеку, который обозначается как носитель этих свойств. Если эти

⁷¹ См. указанную выше работу Р. Мэтью, а также: *D. Bickerton. Prolegomena to a linguistic theory of metaphor. «Foundations of Language», 1969, v. 4, N 1.*

⁷² «Фокус» метафоры, по Блэку, — это то слово или выражение, которое обнаруживает отклонение от обычного значения, а «костяк» предложения, в котором появляется это слово, — «рамка» метафоры (*M. Black. Указ. соч., стр. 28*).

свойства отражают обычные ассоциации, то метафора имеет языковой характер. Поэты прибегают к необычным свойствам, создавая речевые метафоры, сугубо индивидуальные.

Эффект метафоры состоит в том, как считает Блэк, что слово (в данном случае — *волк*) возбуждает всю систему его обычных ассоциаций, связываемой с данным хищником. Каждое из возможных сообщений о «реальном» волке может быть приложимо поэтому к тому лицу, о котором идет речь. Вследствие этого любые человеческие черты, о которых можно сообщить, прибегая к ассоциациям, связанным с вспомогательным субъектом, становятся выпуклыми, а те, которые не приложимы к человеку, — погашаются. Так организуется представление о человеке, называемом *волком*. В этом и состоит качество метафоры: она создает сходство за счет *двуплановости* — приложения к двум субъектам одновременно, так что свойства того, о ком идет речь, просматриваются через свойства того, чьим именем он обозначается. Такого рода взаимодействие создает систему двух понятий об одном субъекте. Метафора организует, вбирает и устраняет признаки главного субъекта посредством утверждения о нем того, что нормально приложимо к вспомогательному.

Употребление вспомогательного субъекта, чтобы «вскормить» изнутри главный субъект, — это, как считает Блэк, дистинктивная интеллектуальная операция, не редуцируемая, однако, до сравнения и не сводимая к буквальным выражениям, поскольку в последних утрачивается *двуплановость* метафоры и ее эффект.

Как представляется, изложенная точка зрения четко эксплицирует сущность метафоры — *двуплановость*, приводящую к метафорическому эффекту, а именно — предикацию тому, что обозначается, признаков, которые имплицитно слово, используемое для названия не собственного для него обозначаемого, а также *взаимодействие и интерференцию* при метафоризации двух понятийно-языковых форм отражения обозначаемого, образующих новую их систему, в силу того, что ни одно из взаимодействующих понятий не остается здесь самим собой, а метафора, к тому же, способна развертываться в подчиненные, зависимые от нее метафоры, имплицитные данной *двухсубъектной* системой метафорического значения. В качестве примера, раскрывающего эту технику метафоры, можно привести строку Б. Па-

стернака *Заря, как клещ, впилась в залив*. Здесь оба субъекта предъявлены в классической форме сравнения, за которым стоит атрибуция главному субъекту — *зарю* свойств вспомогательного субъекта — *клеща*,⁷³ обычное действие которого — *впиться*, становится фокусом подготовленной таким образом метафоры. Поскольку метафора обладает свойством сама себя развивать и усиливать⁷³ за счет импликации свойств обоих субъектов, она способна распространяться. Ср. метафоризацию слов *клубок* и *нить* и их метафорическое «раскручивание» в тексте: *Это клубок, вечная пряжа на берегу пустынных пространств, бесконечный таинственный клубок нашей странной, все более и более запутывающейся жизни, и сейчас... мне хочется вытащить из клубка этой пряжи яркую нитку, дабы сказать, что жизнь все равно прекрасная* (В. Аксенов); *Образно говоря, нить его жизни мерно струилась из чьих-то божественных рук, скользила меж пальцев. Без излишней стремительности, без обрывов и узлов, она, эта нить, находилась в ровном и несильном натяжении и лишь временами мерно провисала* (А. Битов).

Думается, что наш пример поясняет, что при метафоризации важен «первый шаг» — обретение мотива для предикации обозначаемому несобственных для него признаков. Остальные шаги интерференции соответствуют модели этого процесса, изложенной Блэком. По крайней мере, аргументация автора представляется убедительной для объяснения метафоры, представленной расчлененным номинативным контекстом, которую можно определить как предикацию тождества при различных семантических presupпозициях (на что обратил наше внимание в устной беседе Е. Л. Гинзбург, указав, что «буквальное» и метафорическое выражение имеют разные семантико-синтаксические модели управления в целом, в отличие от метонимии, которой присущи лишь разные элементы по сравнению с моделью переосмысливаемого слова, ср. метафорическое выражение *Такого медведя я вижу впервые* ⇔ *Медведь, которого я вижу впервые* или *Я читаю Толстого* и *Я читаю произведения Толстого*). Размежевание моделей управления метафоры и неметафорического слова связано также с тем, что при отмеченной двуплановости значение

⁷³ А. К. Жолковский. Об усилении. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 170—171.

метафорической конструкции несет сигналы, оповещающие о признаках главного субъекта, а не того, который представляет фокус метафоры (и в данных случаях — сообщаемое высказывания), ср. также *разбивать любовь, семью или надежды, мечты*, где в позиции субъекта выступает имя «виновника», скрывающего за собой орудийную функцию, оборачивающуюся причиной: *Он разбил семью ⇔ Его поступки привели к распаду семьи*, т. е. причиной распада семьи явились его акции; в сочетаниях типа *железная воля* «хозяином» определения является имя события, а не предмета и т. д.

Отмечая, что сотворение метафоры — это дистинктивная интеллектуальная деятельность, Блэк не обсуждает, однако, проблемы выбора слова, способного к употреблению во вторичной для него функции названия. По сути дела в этой концепции речь идет о «логической грамматике» метафоры и преследуются цели обоснования неистинности ее значения, поэтому анализ проводится на уже заданном метафорическом выражении, на осуществленном выборе и комбинации слов. Но совершенно очевидно, что процессу взаимодействия свойств, приложимых к разным объектам, должен предшествовать повод для выбора имени — будущего «фокуса» метафоры, привносящего с собой обычные его коннотации и свойства обозначаемого. Именно этот аспект метафоры не может быть обойден в лингвистическом ее моделировании, поскольку метафора — это способ образования вторичных наименований.

Как уже отмечалось, признаки, обозначаемые словом, используемым в качестве имени, и признаки нового обозначаемого не должны быть «слишком» близкими — в этом случае метафора не будет иметь должного эффекта (ср. безобразные метафоры типа *производить запуск, спутник* и т. п., образованные при доминации индикативной функции). Иначе говоря, «реальные» свойства того, что обозначается метафорически, и того, посредством чего обозначается, должны быть для создания хорошей метафоры максимально разведены по разным сферам наличного бытия или структуры мышления. Если обратиться к лингвистическим понятиям, то можно сказать, что при любой метафоре должны иметь место разные presuppositions — семантические, синтагматические или референтные при предикации тождества или идентификации главного и вспомогательного субъекта, его действия, проявления

качества или состояния (ср. *сын народа, легкая смерть, приходит в голову* или *идти* — о дожде, который на самом деле *падает*, и т. п.).

Единственный способ преодолеть эту желательную для метафоры как приема несовместимость в структуре мира или мышления о мире — это обращение мысли к аналогии (частным случаем которой является сопоставление, лежащее в основе сравнения). Если принять утверждение о том, что метафора как прием — это взаимодействие двух систем признаков — несомых именем, употребляемым в несобственной для него функции, и присущих тому, что обозначается этим именем, то совершенно закономерен вопрос — на основании чего выделены те признаки, которые послужили для выбора данной языковой формы и которые вовлекают во взаимодействие обычные коннотации, сопровождающие эту языковую форму. На этот вопрос можно ответить следующим образом: если *A* (допустим, некоторое действие) обладает признаками *a*, *b*, *c* (направленность на субъект, произвольность, инцептивность), подобно признакам *B* (также некоторого действия) относительно его признаков *b*, *c* (произвольность, инцептивность) и отчасти *a* (направленность) при различии некоторых других признаков *d*, *e* (локативная направленность, субъект — ограниченный ряд слов — *река, ручей*), то на основании этого можно сделать предположение о том, что *A* может обладать и признаком локативной направленности, что и лежит в основе гипотезы о форме существования субъекта *A*. *B* в нашем примере соответствует значению слова *впадать*, а *A* — обозначению инцептивного действия при семантических предикатах типа *уныние, тоска* и т. п. Но такой ход умозаключения о сходстве есть не что иное, как *аналогия* — вывод о наличии сходства через гипотетическое подобие⁷⁴. На этом основании *A* может получить часть признаков, присущих *B*, неся информацию о себе самом и о *B*, т. е. более богатую, чем ее собственная.

К такой «простой» аналогии свойств обычно и прибегает сознание человека, творящего из практически-обиход-

⁷⁴ См. определение аналогии как вывода от сходств одних свойств или отношений к сходству других, как перенос информации от модели к прототипу (А. И. Уемов. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970, стр. 23—25).

ного опыта новое представление о действительности и награждая ее фрагменты на этом основании именем того обозначаемого, от которого мысль отталкивалась. Так, для обозначения, к примеру, свойства неловкости в движениях, неповоротливости, нескладности человека и желая при этом выделить какие-то характерные подробности, мысль ищет некоторую модель (оригинал), обладающую этими характерными свойствами. Если искомые подробности — движение вперевалку, не разбирая дороги, при тяжелой походке, то высоковероятен выбор имени *медведь*, а не *бревно*, например; если же говорящий (или имеющий) хочет обозначить такие характерные черты, как тяжеловесность или неотесанность в поведении, то вероятен выбор имени *бревно*. Соответственно — имя *медведь*, приложимое к неуклюжему человеку, имплицитно ему и такие свойства, как косолапость, манеру ходить не разбирая дороги, наступая на ноги, а равным образом — вес, рост — довольно значительные, физическую мощь и т. д. и т. п., чего не может в себя вместить самое близкое к метафорическому значению слова *медведь* прилагательное *неуклюжий*. Ср. «создание» такого представления и акт именования у Гоголя: *Когда Чичиков взглянул на Собакевича, он ему в этот раз показался похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета... ступнями ступал он вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги... Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкой которых натура недолго мудрила...хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не оскобливши, пустила на свет, сказавши: «живет!» Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и, в силу такого неповорота, редко глядел на того, с которым говорил... Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они в столовую: *медведь! совершенный медведь!*».*

Уместно напомнить, что еще Аристотель апеллировал к аналогии типа пропорции как к самому изящному приему метафоры. Аналогия как способ получения гипотетического знания в интеллектуально-научной деятельности человека оперирует с понятиями. Для науки важна объективность, поэтому научная метафора оправдана, если она получает истинностное значение. Для языковой мета-

форы важно, чтобы новый смысл мог вписаться в уже готовое значение имени и чтобы при этом просматривалось через его значение и то, к чему имя прилагается. Языковая метафора — это способ «домысла» прототипа, прибегающий с этой целью к уже оязыковленной форме отражения некоторого оригинала. Метафоризация — это путь от смысла слова к свойствам того, что им обозначается вторично, а в случае косвенной номинации в игру вступает и смысл опорного наименования, подгоняющий под свою семантику как сферу денотации нового обозначаемого, так и его сигнификат. Не следует упускать из вида и то, что языковая метафора, как правило, связана с прагматической деятельностью сознания, с суждениями о ценности того, что имеет место, поэтому и аналогия направлена на поиск таких, внешних по отношению к объективным свойствам фрагментов действительности, их признаков. Так, стремясь выразить инактивное действие, обозначенное в семантических предикатах состояния типа *ярость*, *бешенство* или *тоска*, *уныние* и т. п., именуемый должен был оценить это действие как неподвластное его пациенту. Найдя подходящий для этого глагол, он одновременно «спроектировал» все событие: произвольность действия, инактивность субъекта, подобие чувства, выражаемого опорным наименованием, некоторому поглощающему состоянию, внутрь которого втягивается сам субъект, и т. д. и т. п. Здесь образность уже стерта, но мотив выбора языковой формы сохраняет прозрачность, потому что поддерживается семантикой опорного наименования. Можно утверждать, что косвенные наименования, в силу их опосредованного опорным наименованием отнесения к действительности, менее подвержены случайностям в выборе имени, чем автономные вторичные наименования.

В метафорах, типа *молния* — «срочная телеграмма» или «специальное приспособление для застегивания», связанных с индикативной функцией языка, мотив быстро стирается: здесь важно было подметить сходство, чтобы взять имя, новый смысл которого автономно соотносится с действительностью, а коннотации либо погашаются, либо объективируются в новом лексическом значении, призванном идентифицировать обозначаемое по совокупности его дескриптивного отображения в сигнификате.

В метафорах *волк, медведь, пеня* и т. п. отнесенность к миру остается опосредованной главным субъектом, выраженный в метафорической рамке, поэтому свойства обозначаемого метафорой сохраняют двуплановость, подерживаемую и конструктивно (ср. также *зима-красавица, жар-птица* и т. п.).

Такого же рода двуплановость присуща и метафорам *червь сомнения, пламя страсти, сын степей, перст судьбы* и т. п. Здесь относительность выбора признаков подобия совмещается с отнесенностью метафоры к миру через главный субъект — в данных случаях лексически не выраженный, но «подсказываемый» самой актантной рамкой опорного наименования или более сложным путем — через актантную рамку глагола, обозначающего обычное проявление или действие данного опорного наименования, или через семантику реляционных имен. Так, вполне обычны сочетания: *червь — глотать, яд — отравлять, перст — указывать* и т. п. Наряду с этим, в языке существуют такие «обычные» же способы выражения проявлений чувств-состояний, как *сомнение гложет, отравляет, зависть отравляет, указание судьбы* и т. д. Такие выражения могут быть развернуты в высказывания: *Он сомневается, и это гложет, отравляет его* или обозначаться как нерасчленяемое в поверхностно-синтаксической структуре события типа *судьба* (то, что случается, происходит независимо от человека и воспринимается им как то, чему приходится следовать). Отсюда — возможность осмысления таких имен как акций, а следовательно — возможность мысли о наличии у них актантов, независимо от ирреальности агентивного, инструментального и т. п. заполнения актантной рамки, кроме реального субъекта данных чувств-состояний. На этой почве и срабатывают обычные ассоциативные связи. Так, видимо, у сомнения появляется квази-агент *червь* — ‘тот, кто гложет’, выступающий как своего рода *alter ego* реального субъекта, у сомнения, подозрения и зависти появляется инструментальный актант — *яд* (‘то, что отравляет’) а у судьбы — *перст* (‘то, что указывает’).

Таким образом, «глубина» метафоры может быть связана с метафорическим характером другого косвенного наименования при данном опорном или образоваться за счет «собственной» актантной структуры переосмысляемого имени, но подобие извлекается из целой перифразы

(ср. человек, выросший в степи и любящий ее — *сын степей*, человек, вышедший из народа и приносящий ему благо — *сын народа*). Большинство подобных перифраз — косвенные номинативные контексты фразеологического характера.

«Обычность» связей предстает как основание семантической «правильности» формирования подобных значений и вместе с тем — как залог принятия языком новых наименований, как бы ни велик был «отлет фантазии» именуемого. В этой связи уместно еще раз привести примеры «распространения» косвенных наименований в тексте, подтверждающие сказанное выше: — *Имело место, господин Вебер, — согласился Самсенов, потянув ниточку разговора к себе. И тогда притупленный укол стыда... словно отрезвил его... И не мучило развешивающее угрызение совести, что бывало дома в пустые дни. И это высекло в нем искру волнения. Таткин у нас, ровно генерал без знания, мозгой в разных направлениях ворочает* (Бондарев. *Берег*).

Мышление человека склонно отражать мир антропоморфно или зооморфно и, наоборот, человеческие свойства награждаются вещными свойствами: интенсивные чувства проявляются как горящие, кипящие, бушующие (*душа горит, страсть кипит, негодование бурлит*); мысли — *летают, витают*; имена, обозначающие время, сочетаются с глаголами движения (*годы, минуты идут, бегут, мчатся*); природные кулисы — *лежат, пробуждаются* (*степь лежит, лес проснулся*) и т. д. Эти языковые метафоры предрешают развитие зависимых от них метафор: *ночь, тишина царят* ⇔ *царство ночи, тишины, мысли витают* ⇔ *полет мысли, страсти охватывают* → *раб страстей, обида огорчает* ⇔ *горечь обиды, судьба шутит* ⇔ *шутки судьбы* и т. д. и т. п.

Вопрос о том, что появляется сначала — вспомогательный субъект или его свойства, видимо, должен быть решен в пользу свойств. Еще Аристотель писал, что «первым сущностям» нельзя указать противоположность, как «огню», например, а «вторые» легко противопоставляются, как *теплое — холодному*, поэтому первая сущность может быть только субъектом суждения (в аристотелевском понимании этого понятия), а вторая может выступать и как высказываемое⁷⁵. Только открыв в чувствах, например,

⁷⁵ Аристотель. Об истолковании. «Античные теории языка и стиля», стр. 60—61.

аналогию с горением, в мыслях — со свободным парением, в природе — со свойствами человека, наше мышление, опираясь на построение такого гипотетического мира, смело нарушает законы того, что имеет место и стремится наполнить этот мир, следуя закону аналогии. { Следует обратить внимание в этой связи на то, что большинство имен, обозначающих лица, инструменты (орудия), причину и т. п. образуются при косвенной номинации от имени свойств, например: тот, кто подневолен (страстям), — раб, порождающее начало (зла, ошибок и т. п.) — *корень*, то, что способно указывать (на волю судьбы), — *перст* и т. д.

Чем больше в основании метафоры признаков, ориентированных на реальный, а не на гипотетический мир, а равным образом — на непреложные законы мышления, членящие мир в пропозитивной форме предикатных слов, тем больше приспособляется метафора к функции идентификации или к сообщению о том, что имеет место в самом мире. Ср., например: *тяжелое горе* — ‘очень большое горе, связанное с непоправимой утратой близких’ и *тяжелая операция* или *задача* — ‘трудные по причине их сложности и количества прилагаемых усилий со стороны агента’, отсюда — **Ее горе* — *тяжелое*, но *Эта операция* или *задача* — *тяжелая*; ср. также: *черная зависть* и **Зависть* — *черная*, но *черный хлеб* и *Этот хлеб* — *черный*.

Метафора и метонимия — это универсальные в своей понятийной основе способы переосмысления. Различие между ними сводится к тому, что метафора как прием — это предикация нового свойства, полученного на основе аналогии, и выбор имени на основе такого подобия, а метонимия — это извлечение какого-либо свойства из уже оязыковленного отражения действительности в силу его смежности со свойством нового обозначаемого и выбор ему имени, отражающего в своей семантике эту смежность.

Между метафорой и метонимией нет непроходимой границы; они не контрадикторны⁷⁶. Так, например, обозначая какой-либо ищущий имени цветовой параметр предмета на основе смежности, говорящий может прибегать

⁷⁶ На наличие «метонимических метафор» в художественной речи указывает, например, Е. А. Некрасова (Е. А. Некрасова. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики. «Слово в русской советской поэзии», стр. 114—116).

и к аналогии. Отсюда — такие своего рода гиперболы, как *черный кофе* (ср. *платье кофейного цвета* ≠ *платье черного цвета*). В метафорах типа *раб страстей* именуемый исходит из предположения о наличии субъекта у семантического предиката *страсти* в силу смежности пропозитивного ядра и его актантной рамки, но выбор имени основан здесь на аналогии (И тем не менее язык предпочитает метонимию в индикативной сфере, поскольку она исходит из того, что в самом деле имеет место, а метафора широко используется в поле действия экспрессивной функции языка.) В тех случаях, когда совмещаются оба эти способа, доминирует тот, который соответствует функциональному предназначению наименований — индикативному или оценочному — с одной стороны, а с другой — идентифицирующему или характеризующему. (Так, большинство высказываний о хлебе — это суждения о хлебе насущном, поэтому изначальная метафора стирается, а определение указывает правильный путь к референту.) Оценочные определения типа *глубокое* или *тяжелое горе* указывают соответственно на степень этого чувства или на его определение относительно «величины» утраченного, но они не уточняют содержания определяемого (ср., однако, *зادушевный друг*, где определяется качественный аспект самого характера дружбы, равным образом — *старая дружба* — это и «хорошая» и длительная, а *крепкая дружба* — не только «хорошая», но и характеризующаяся прочностью дружеских отношений). Сама мысль назвать мужчину *бородой* основана на выделении реального признака, но если кого-то называют *шляпой*, то выдвигают некоторую гипотезу о носителе признака, не преследуя цели опознавать данного человека по этому свойству и т. д. и т. п.

Как уже отмечалось в разной связи, метафоризация — это всегда предикация обозначаемому некоторого «несобственного» для него признака, приписываемого ему в силу сходства по аналогии. Естественно, что и метафорические значения — номинативно-производные или косвенно-номинативные — приспособлены к выполнению характеризующей функции. И только при соответствующей актуализации или приобретении в процессе семантического развития предметной ориентации также значения способны к иденти-

фикации того, о чем идет речь. М е т о н и м и ч е с к и о б р а з о в а н н ы е н а и м е н о в а н и я по самому своему характеру формирования — на основе смежности в самих обозначаемых — о р и е н т и р о в а н ы н а ф у н к ц и ю в ы д е л е н и я того, о чем сообщается. Из этого становится понятным, почему косвенные наименования, за исключением составных именных названий или некоторых «видовых» имен (типа *золотая молодежь, здравый смысл* и т. п.), приспособлены к употреблению в позиции сообщаемого, но не в роли «замещающего» предмет речи.

Однако указанное выше свойство косвенно-номинативных значений — сообщение о гипотетических признаках внеязыковых объектов — не означает полной произвольности и случайности выбора имени в процессах косвенной номинации. Языковая метафора — порождение не только познающего субъекта, но и данной системы языка, его лексико-семантической упорядоченности, так как языковая форма, играющая роль и имени и своего рода опосредующего фильтра, несет в себе не только референтный потенциал, но и структурно-семантические сигналы, информирующие о внутрисистемных связях и отношениях данного слова с другими словами и целыми группами слов. Выше мы уже отмечали, что выбор слова, выступающего в роли имени, при косвенной номинации зависит от семантики опорного наименования, а также от способности данного слова выразить заданный смысл и коннотативные подробности, связанные с «вѣдением» нового обозначаемого (см. приведенные выше примеры типа *железная воля, решимость*, но **железное намерение; впадать в тоску*, но **приходить в тоску; ход мысли*, но **ход фантазии; крепкий чай, кофе*, но **крепкий компот, кисель* и т. д.).

Особого рассмотрения потому заслуживают вопросы: почему из ряда возможных решений выбирается то, а не другое (почему, например, для обозначения высокой степени чувства-состояния типа *сомнение* избираются размерные прилагательные — *глубокое, большое, сильное*, а для *совесть* — качественные — *чистая, незапятнанная* и нек. др.); почему выбор падает на то или другое слово или слова, исключая другие, близкие по смыслу (например, почему при слове *сомнение* выбирается прилагательное *глубокое*, а не *длинное* и почему мнение может обозначаться как *твердое*, а не как *крепкое*, вывод — как *решительный*; или почему при наличии сочетаний *сомнение, совесть* гло-

жет только *сомнение* имеет квази-агент *червь* при **червь совести* и т. д.). В качестве таких ответов можно привести, например, следующие соображения, касающиеся последнего примера. Сомнение — это «тихое» интеллектуальное чувство-состояние, обозначаемое которого имеет процессуальный характер, выраженный в опредмеченной форме, поэтому: а) для обозначения его высокой степени избираются прилагательные, способные отобразить градацию этого чувства или его убедительность (силу), отсюда — *глубокое, сильное* и т. п. *сомнение*; б) поскольку сомнение — это состояние, вызывающее душевный дискомфорт, то для обозначения этого состояния язык прибегает к «неприятным» для человека акциям — *глодать, мучить, терзать* и т. п.; в) глагол *глодать*, в свою очередь, обозначает здесь воздействие самого сомнения на субъект-пациент, имплицитно возмозможность актантного заполнения субъектного актанта глагола; г) из всех «гложащих» в русском языке для обозначения квази-агента выбрано существительное, наиболее «тихое» и обычно пребывающее внутри чего-нибудь, — *червь*. Что касается совести, то это имя характеризует лицо по его свойству, обозначенному как опредмеченное качество (ср. *Прошли минуты сомнения*, но **Прошли минуты совести*), поэтому: а) для обозначения абсолютного качества избирается прилагательное из ряда тех, которые способны охарактеризовать совесть по признаку ее «чистоты»; б) чтобы имя *совесть* получило процессуальное значение, язык прибегает к оглаголиванию, выбирая для «нечистой» совести те же глаголы — *мучить, терзать, глодать, отравлять*; в) совесть, обозначая качество, имеет только посессивную, а не агентивную субъектную валентность, отсюда — невозможность мыслить (в силу самой структуры мышления) наличие у совести или ее глагольных перифраз «исполнителя» действия (ср. *Он сомневается* ⇔ *Его сомнение*, но *Он совестится* ⇔ **Его совесть*).

Далеко не всегда на подобные вопросы можно дать достаточно четкие ответы, как, например, невозможно обосновать блокировку выбора для обозначения квази-агента семантического предиката *сомнение* других имен, кроме одного — пресловутого *червя*. Субъективный фактор выбора играет значительную, если не решающую роль в процессе формирования косвенных наименований. И тем не менее можно с уверенностью утверждать, что мотивиро-

ванность выбора имен при косвенной номинации имеет более закономерные понятийно-отражательные и одновременно внутриязыковые основания, чем при изначальном наименовании и что при косвенной номинации действуют пока еще не выявленные системные закономерности, связанные с наличием в языке второго семантического членения — его коннотативного слоя, надстраивающегося над системой лексико-семантических тождеств и различий. В приведенных выше примерах мы и стремились показать, что ответить на поставленные выше вопросы можно только обращаясь к номинативно-смысловому аспекту лексической семантики, который позволяет приоткрыть завесу над тайной смысловой правильности при лексико-семантической нерегулярности косвенных наименований. В этой связи интересно проследить, как ведут себя разные классы слов относительно их способности приспосабливаться к выражению несобственных значений при определенных же классах опорных наименований.

Такой путь — от исследования способности слов вступать в отношение косвенного наименования с точностью до некоторого класса, а затем уже — исследование «единичных» средств и способов наименования, а также — описание сначала регулярных и продуктивных для данного языка «порождающих» смыслов, а затем — нерегулярных и уникальных дает возможность наметить категориальные вехи в сложнейшем явлении косвенной номинации, «грамматика» которой должна учитывать как общие закономерности, так и более тонкие, чем при лексико-семантическом описании форм и функций словесных знаков, тождества и различия, связанные с коннотативным слоем лексической семантики. Именно поэтому при описании косвенной номинации необходимо обращение не только к лексическим значениям членов косвенного контекста, но и к их понятийно-языковому содержанию, и самим обозначаемым, а равным образом — к атрибутивным сочетаниям и к сочетаниям, обозначающим «наличное» бытие того, что обозначено данным опорным словом. Апелляция к «обычным» сочетаниям обусловлена тем, что именно такие сочетания «запечатлевают» обычные коннотации и дают в руки «объективированные» сведения о том, как мыслится в языке само обозначаемое опорного наименования.

С учетом приведенных выше замечаний, обратимся к рассмотрению косвенных наименований, представленных группой глаголов с общим значением деструктивного воздействия, сохраняющих этот смысл и при косвенной номинации (глаголы типа *ломать*, *разрушать*, *разбивать* и т. п.). Формальный объект этих глаголов содержит признаки 'быть твердым, крепким, структурно целостным' и т. п. Поэтому, если какое-нибудь опорное наименование образует атрибутивное сочетание с такими определениями, как *крепкий*, *твердый*, *железный* и т. п., то следует ожидать, что для выражения категориальных значений, обозначающих конец, прекращение или нарушения функционирования таких семантических предикатов, наиболее вероятен выбор слов с семантикой деструктивного изменения состояния. Совершенно очевидно, что выбор определенного слова, способного обозначить данный признак при данном семантическом предикате, зависит и от их индивидуального семантического содержания.

Несмотря на общее определение *крепкий*, слова, сочетающиеся с этим прилагательным, группируются по различным основаниям, ср.: *крепкая дружба*, ... *семья* — по признаку контакта, *крепкое здоровье*, *организм* — по признаку сопротивляемости, *крепкое хозяйство* — по налаженности, организованности его структуры, *крепкий сон* — по абсолютной погруженности в данное состояние (ср. также *крепкий мороз* — по признаку интенсивности, где наблюдается переход в другой ряд — *крепкий удар*, *крепкие напитки* и т. п.). Аналогичным образом — *железное здоровье* — по признаку его устойчивости (ср. также *железная воля*, *характер*, *железное терпение* и т. п.). В качестве общего, категориального признака для всех этих сочетаний можно постулировать свойство внутренней устойчивости целого, обозначаемого такими семантическими предикатами. Этот признак коннотируется группами слов, обозначающими либо отношения-контакты (типа *дружба*), либо социальные институты (*обычай*, *закон* и др.), либо физические состояния (*сон*), либо психические состояния — пассивные (типа *терпение*) или целенаправленные (*воля*, *решимость*) и некоторые другие.

Если обратиться теперь к глаголам деструктивного воздействия в их непереносном значении, то их препозитивная формула представляет субъект как агент или инструмент (непосредственный «виновник» изменения), а объект —

как «жесткий» (конкретная интерпретация этого признака связана здесь с референтными пресуппозициями)⁷⁷. Все переносные значения образуются за счет логико-синтаксической метонимии: объект-вещь → объект-событие (состояние, социальный институт). Основанием для переосмысления служит то, что отмеченная выше устойчивость — как свойство обозначаемых, выраженных семантическими предикатами, позволяет в силу аналогии мыслить их как жесткие по своей структуре. Кроме такой предрасположенности глаголов деструктивного воздействия согласоваться с семантическими предикатами, обладающими коннотативными признаками устойчивости, их пригодность для выражения значения прекращения, конца обеспечивается и тем, что субъект при таких глаголах мыслится как агентивно причиняющий деструкцию или как непосредственный ее виновник. Именно по этой причине такие глаголы специализируются в роли имен, обозначающих «ликвидацию», при опорных наименованиях приведенного выше типа. Ср. например: *разрушать, разрывать, порывать с, разбивать, ломать семью; разрывать, порывать с, разбивать дружбу; разрывать, порывать знакомство; разрывать брак, узы брака; разбивать любовь; разрушать коллектив, товарищество* и т. п.

Нельзя не заметить, что наиболее широкий диапазон выбора глаголов для обозначения указанного смысла характерен для наименования *семья*, а самый узкий — для слов *брак*, или *коллектив, товарищество*. На этих крайних случаях мы и остановимся.

В значении слова *семья* отражаются в неявной форме признаки целостной организации — некоторой структуры, имеющей иерархию (ср. *глава семьи, член семьи, жить одной семьей*), а также постоянство контактов. Первый признак коннотирует свойство разрушаемости (отсюда — *разрушать, ломать, разбивать*), второй — связанности (отсюда — *разрывать, порывать с*). В имени *брак* отражается законность супружеской связи, что обуславливает блокировку глаголов *ломать, разбивать, разрушать* (*брак*) и выбор имени *разрывать*. Коллектив и товарищество — это совокупность людей как некоторого целого, неспеци-

⁷⁷ Ср. описание синтаксической семантики глаголов подобного типа: Ч. Филлмор. Грамматика употребления глаголов HIT и BREAK в английском языке. «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики», № 16, М., 1970.

фицированного, однако, по характеру структурной организованности и связи. Отсюда — выбор наиболее бедного по коннотациям и наиболее широкого по значению глагола *разрушать* и запреты на выбор **разрывать*, *разбивать*, *ломать коллектив*, *товарищество*.

Уже из приведенных примеров видно, что основанием для выбора языковой формы, пригодной для обозначения указанного смысла, служит понятийно-языковое содержание номинативно опорных слов. При этом, чем подробнее в самом значении таких слов представлены признаки, релевантные относительно формирующегося смысла, тем шире диапазон выбора глаголов для его обозначения. С другой стороны, чем специфичнее значение глаголов, тем большую роль играет смысловое сходство актантов опорного наименования с признаками, выделенными в формальном субъекте или объекте глагола (т. е. в его синтагматических пресуппозициях). Нельзя не заметить также, что «синонимичность» глаголов при данном опорном наименовании может иметь единое основание, как, например, в сочетаниях *Он разрушил*, *разбил*, *сломал семью*, или отражать разноаспектные действия, что зависит от того, прекращают ли данное событие (состояние, организацию) сами участники ситуации (и какой из них — агент или пациент) или «виновником» является что-то «внешнее» (ср. *Она порвала дружбу с ним* и *Война оборвала нашу дружбу*).

Помимо приведенного выше значения, реализуемого у глаголов деструктивного изменения состояния при семантических предикатах, обозначающих человеческие контакты указанного рода, глаголы этого класса могут обозначать смысл 'прекращение' (в его вариантах) при опорных наименованиях, обозначающих: и н ф о р м а ц и о н н ы е к о н т а к т ы (*разговор*, *спор*, *беседа*, *дискуссия*, *переговоры*, *переписка* и т. п.) — при этих семантических предикатах общения указанный смысл выражается глаголами *порвать*, *оборвать* и *нарушать* (см. приведенное выше описание предикатов со значением общения); к о н т а к т ы м е ж д у с о ц и а л ь н ы м и к о л л е к т и в а м и (*связи*, *отношения*, *договор* и т. д.), где используются глаголы *нарушать*, *разбивать*, *порвать*; в о л е в ы е п р о я в л е н и я и л и с в о й с т в а (*сопротивление*, *воля* и др.), при которых употребляются глаголы *сломить*, *подавлять*, *душить* (где последние два глагола связаны уже с другим характером коннотативных при-

наков, ср. *сломить, подавить, задушить бунт, восстание и подавить, задушить живую мысль, инициативу*); социальные институты типа *строй, порядок, обычай* и т. п., где для выражения смысла 'прекращать функционирование' выбираются глаголы *нарушать, разрушать* и, как частный случай, *разрывать цепи, оковы рабства* (нельзя не заметить, что в этих случаях «структурность» обозначаемых опорными наименованиями имплицитно тот же ряд глаголов, что и в первом примере, с той разницей, что здесь блокируется выбор глаголов типа *разрывать, порывать с*, коннотирующих признак связи); психические состояния типа *надежда, мечта, вера, сомнение*, при которых выбираются глаголы *разрушить, разбить* (ср., однако, *разрушить, но *разбить веру*, так как вера мыслится как нерушимая, но не как хрупкая); физические состояния лица (*сон, покой*) или семантические предикаты типа *мир, тишина*, при которых наиболее употребительны *нарушить, прервать* и т. д. и т. п.

Как явствует из приведенных примеров, каждая из групп различается по семантике опорных наименований, в зависимости от которой варьирует состав избираемых для выражения заданного смысла глаголов. Варьирует в пределах этих групп и инвариантный смысл 'прекращать' (ср. *нарушить спор* — 'прекратить его протекание, прервав чем-то', и *нарушить закон, обычай* — 'не выполнить' или *подавить, сломить волю* — 'преодолеть, подчинить' и т. п.).

Совершенно очевидно, что во всех подобных случаях выбор и комбинация не только мотивированы, но что они следуют определенным смысловым правилам выбора и сочетаемости, которые имеют более тонкие, чем при свободной сочетаемости смысловые основания и более узкую, ограниченную как семантикой опорного наименования, так и косвенно-производным значением слова, сферу приложимости. Следует предположить также, что языковое чутье говорящих опирается на некоторое знание правил, вроде приведенных выше оснований выбора и комбинации, обеспечивающих их умение семантически правильно, идиоматично и нормативно выражать требуемый в процессе построения высказывания смысл.

Отмечая факты смысловой мотивированности выбора и комбинации словесных знаков в процессе косвенной

номинации, мы все время стремились выявить и определить основания осмысленности формирования и воспроизведения и уже готовых наименований в определенных номинативных контекстах. Небезынтересно отметить, что в тех случаях, когда сколько-нибудь объективные смысловые закономерности выбора и комбинации «не даются в руки», анализ показывает, что чаще всего такие косвенные наименования — результат калькирования или авторские образования, вошедшие в общеязыковое употребление. Например, не мотивированная с точки зрения русского языка метафора *сухое вино* (к тому же не поддержанная ясно и со стороны метонимии, характерной для образования составных именных названий) — калька ⁷⁸ (ср. также *золотая молодежь* и англ. *gilded youth*, *холодная война* и *cold war*). К такого же рода случаям относятся и сочетания, вроде *звездь программы*, *сезона*, где мотивированность невозможно установить, исходя из смыслового потенциала слова *звездь* в его значении, обычном для русского языка. Вряд ли уместно при исследовании косвенной номинации искать мотивированность и у таких сочетаний, как *дым отечества*, *милльон терзаний* или *мировая скорбь*, сохраняющих имя их авторов ⁷⁹. Ср. также *друг свободы*, *мгла предрассуждений*, *светильник просвещения*, *вкусать славу*, *бессмертие* и др., принадлежащие перу А. С. Пушкина ⁸⁰.

Следует заметить, что многочисленные галлицизмы, вошедшие в русский язык в конце XVIII — начале XIX в., довольно быстро включились в систему русского языка за счет парадигматических и синтагматических связей, «отработанных» в номинативных контекстах (ср., например, кальку *иметь успех* и уже собственно русские, «производные» — *завоевывать успех*, *приобретать* или *терять успех*, *пользоваться успехом* и т. д.) ⁸¹.

Активность процессов косвенной номинации в той ее области, которая изоморфна словообразовательной деятельности, свидетельствует о возрастании тенденции к аналитизму в современном русском

⁷⁸ Ср. толкование этого значения: *dry, adj.*, 6. Lacking sweetness. «Websters new international Dictionary of the English Language». Second. ed., 1946, стр. 793.

⁷⁹ См. примеры в кн.: *Н. С. Ашукин, М. Г. Ашуркина*. Крылатые слова.

⁸⁰ Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.

⁸¹ См. подробнее: *В. В. Виноградов*. Язык Пушкина (гл. «Русская литературная речь и «европейское мышление». Отражение французского языка в языке Пушкина»). М., 1935, стр. 237—317.

языке. Как видно из многочисленных примеров, приведенных выше в той или иной связи, косвенно-производные значения слов, включаясь в системные связи, новые для них, вовлекают в номинативные контексты новые члены, увеличивая синонимические средства выражения заданного смысла, а кроме того — расширяют диапазон опорных наименований за счет связей этих синонимов с другими ключевыми словами, помимо тех, которые «изначально» присутствовали в данном номинативном контексте. Косвенная номинация — гибкий и богатый по ресурсам и смысловым нюансировкам способ выражения разного рода «обязательных» для данного языка смыслов, выражаемых словообразовательными средствами. Не менее продуктивны и разнообразны косвенно-номинативные приемы создания экспрессивно-оценочных значений слов, а также составных именных названий.

Закономерности формирования косвенных наименований, равно как и их воспроизведение в процессе организации высказывания тесно связаны с логико-синтаксическим фундаментом предложения — с его смыслом, а также с коммуникативной перспективой высказывания. Не только акт номинации, но и воспроизведение его результата предусматривают пригодность данного наименования к выполнению определенного коммуникативного задания в столь же определенных коммуникативных условиях. Ср., например: *Они подружились. Он завязал с ним дружбу. Их дружба завязалась недавно. Он обрел себе друга в его лице. Он приобрел его дружбу. Он провел с ним целый вечер, и они расстались друзьями* и т. д., где смысл инцептивно охарактеризованного действия, выражаемого глаголом, варьирует в зависимости от организации предложения и его смысла⁸².

Рассматривая явление вторичной номинации — не прямой и косвенной, мы ставили перед собой задачу выявить ее основания — логико-понятийные и понятийно-языковые, выяснить роль субъективных и объективных факторов в процессах вторичной номинации, ее типовые приемы и способы переосмысления и структуриации свойств

⁸² Этот ряд примеров и др. со словом *дружить* и его производными, из работы: Е. М. Вольф, А. К. Жолковский, В. Н. Телия. 7 словарных статей: *друг, дружба, дружен, дружеский, дружественный, дружить, дружны*. «Материалы к Толково-комбинаторному словарю русского языка — 10». М., 1976, стр. 1—28.

обозначаемых объектов в лексических значениях, а также выявить онтологические основания способности языковых форм приспособляться к выполнению нового для них номинативного задания. С этой целью в данной главе рассматривались виды вторичных наименований и их номинативная ценность, структура самого отношения вторичного именованного — непрямого и косвенного, взаимодействие понятийных и языковых факторов при формировании вторичных наименований и специфика смысловых механизмов переосмысления словесных значений, в частности — метафора и метонимия как приемы семантической транспозиции. Необходимо подчеркнуть, что основное внимание в данной главе сознательно уделялось косвенной номинации, так как она представляет собой наименее исследованную сферу номинативной деятельности и характеризуется сложностью и многообразием словообразования.

В заключение отметим, что вторичные наименования формируются в теснейшем взаимодействии трех фундаментальных для языка функций — коммуникативной, воздействующей на формирование смыслового содержания новых наименований в силу их приспособления к тем или иным коммуникативным ролям, прагматической, связывающей номинативное решение с интенцией именуемых и с речевыми условиями общения и обуславливающей нейтральный характер результата номинации или его оценочно-экспрессивный заряд, и собственно номинативной — классификационной в своей основе и придающей завершенность актам наименования — форму лексического значения, вписывающегося в парадигматические и синтагматические связи с другими единицами языка. Взаимодействие этих функций играет роль своего рода экологической ниши — тех языковых условий, в которых рождаются, формируются и функционируют вторичные наименования. Вторичная номинация отражает взгляд на действительность через уже вычлененные и снятые в дискретных языковых формах оязыковленные понятия, а также через призму прагматической интенции именуемых. Эта особенность вторичной номинации создает собственно языковое преломление внеязыкового континуума в лексических значениях, сформировавшихся в процессах вторичной номинации, создавая идиоматичность лексикона как такового.

ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ
И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО МЕСТО
В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ

Постоянное развитие человеческого общества и человеческого познания ставит перед языком задачу обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями. Науку об именах, о природе наименования, о средствах обозначения и их типах называют ономасиологией. Основной целью ономасиологии можно считать создание теории номинации, ее главной задачей — «изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности»¹. Подобные средства, складывающиеся в каждой языковой системе, разнообразны и неоднородны и, разумеется, далеко не все они являются по своему характеру словообразовательными. По существу, каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в образование новых наименований. Но регулярно и обязательно они возникают не на всех участках лингвистических систем. Так, для фонетики и фонологии, морфологии и парадигматики образование новых названий не является *raison d'être* существования, фонетические же средства (звуковая символика), фонологические приемы (чередования фонем или мена ударений) и морфологические процессы (например, транспозиция сновы с помощью парадигмы), будучи использованными для создания новых слов, приобретают другой статус: втягиваясь в сферу словообразования, они сами становятся особыми словообразовательными способами. Их главные функции по-прежнему остаются, однако, иными. В от-

¹ В. Матезиус. О системном грамматическом анализе. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 228 и сл.

лично от них словообразование именно по своим главным функциям связано с возникновением и использованием названий. Словообразование и есть то звено в языковой системе, которое «ответственно» за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека. Соответственно главным целям словообразования, сообразно его назначению мы и определяем словообразование как систему средств, единиц, связей и т. д., служащую процессам номинации и ими обусловленную. Во многих развитых языках именно эта система осуществляет задачу наречения мира в рамках такой единицы, как слово. Описывая ономаσιологические аспекты словообразования, мы определяем тем самым его основополагающие черты: все средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации.

Если в отношении многих языковых подсистем или уровней сравнительно просто отделить осуществляемые ими неноминативные функции от функций собственно номинативных, по отношению к словообразованию это сделать гораздо труднее. Все, что так или иначе конституирует эту систему, относится не просто к «технике» ее устройства или принципам организации, но оказывается небезразличным для выполнения главной и первичной функции этой системы — функции номинативной. Важно подчеркнуть поэтому, что не только план содержания системы словообразования (совокупность словообразовательных категорий и передаваемых словообразовательных значений), но и план выражения этой системы (все формальные средства словообразования) оказываются тесно связанными с ономаσιологическими аспектами деривации слов. Как мы постараемся показать ниже, даже чисто формальные операции по прибавлению, усечению или другому преобразованию единиц в актах словообразования имеют свою ономаσιологическую направленность. Наличие в системе языка специальной подсистемы, предназначенной для формирования производных единиц, уже само по себе свидетельствует о важности этой подсистемы с онтологической точки зрения. Особую важность приобретают, соответственно, и гносеологические характеристики этой подсистемы и понимание принципов ее устройства.

Поскольку при создании новых наименований происходит использование разноуровневых средств, система

словообразования выполняет по отношению к ним своеобразную организующую роль: разнородные формальные средства объединяются в достаточно сложное целое, образуя вместе упорядоченную совокупность тесно между собой связанных словообразовательных моделей, взаимодополняющих и поддерживающих друг друга. Внутри системы словообразования устанавливается благодаря этому известное распределение сфер действия отдельных способов словообразования. Удельный вес каждого из таких способов определяется совокупным влиянием множества различных факторов, немаловажную роль среди которых играет не только тип языка и особенности его структуры, но и ономастологические (понятийные) категории, группирующие вокруг себя разные словообразовательные модели. Для выражения этих категорий в системе словообразования складываются и свои собственные деривационные средства: префиксация, суффиксация, разные типы словосложения и т. п. Служа задаче формирования единиц номинации, словообразование как особая подсистема языка располагает известной совокупностью материальных средств моделирования этих единиц, а также набором словообразовательных значений, которые могут быть выражены с помощью данных средств. Границы конкретной словообразовательной системы обуславливаются, следовательно, тем, какой круг значений и ономастологических категорий и с помощью каких именно материальных средств может быть при надобности реализован на уровне производного слова. (Словообразование может быть определено) поэтому как о б л а с т ь м о д е л и р о в а н и я о с о б ы х е д и н и ц н о м и н а ц и и — п р о и з в о д н ы х .)

Нельзя забывать, однако, и о том, что словообразование связано не только с постоянным созданием необходимого обществу количества новых наименований, но также, что не менее важно, с поддержанием достаточного количества производных единиц в лексиконе языка и с обеспечением их нормального функционирования как с формальной, так и с семантической точек зрения. Будучи прямо и непосредственно связано как с процессами возникновения новых слов в языке, так и с закономерностями существования готовых производных наименований, словообразование по своей природе как бы более ономастологично, чем прочие подсистемы языка. Все это и обуславливает

его особое положение в теоретической ономастологии. Вряд ли целесообразно, однако, растворять все словообразование в ономастологии или сводить весь механизм деривации исключительно к означиванию и наречению окружающей нас действительности. Подобное рассмотрение возможно только при решении ономастологических проблем, связанных со спецификой такого номинативного знака, как производное. Ономастологическая характеристика процессов словообразования, очень важная сама по себе, так же не может заменить реального описания деривационной системы конкретного языка, как типологическая характеристика строя какого-либо языка не может заменить реального описания его устройства и организации.

С другой стороны, для построения теории номинации учет многих данных словообразования, по всей видимости, обязателен. Именно поэтому, определяя точки соприкосновения теории словообразования и теории номинации, важно выделить такую область исследования, которая была бы посвящена специально анализу ономастологических аспектов словообразования — рассмотрению сложного механизма деривации производных слов с диалектическим единством его формы и содержания в ономастологическом плане. В настоящей работе мы пытаемся определить предмет и границы указанной области исследования, связанной с созданием учения о номинации в сфере производных слов и именуемой нами далее областью деривационной ономастологии. Выделяя указанную область исследования, мы должны ответить прежде всего на вопрос о том, какое место должна она занять внутри самой теоретической ономастологии.

Еще совсем недавно теорию номинации строили главным образом с учетом того, как реализуется потребность в новых наименованиях на уровне слова. Объектом ономастологии считали процесс возникновения лексических единиц². Природу наименования изучали так, как если бы названия были всегда ограничены словами или же устойчивыми сочетаниями слов, эквивалентными словам (ср.

² См., например: *И. С. Горюнов*. Очерк русской ономастологии (возникновение знаменательных лексических единиц). АДД. Л., 1970, стр. 3; *Е. В. Заонегин*. Некоторые общие вопросы ономастологии (на материале романских языков). «Филологические науки», 1969, № 6.

белый гриб, железная дорога и т. п.). Однако, как правильно подчеркнули чешские лингвисты, уже в работах В. В. Виноградова содержалась мысль о том, что рамки теории номинации следует раздвинуть, ибо к совокупности номинативных средств языка относятся также многие словосочетания³. Но даже при таком более широком подходе область ономастологии расширялась еще долгое время только за счет подключения к ней анализа предикативных словосочетаний. «Предикативными словосочетаниями, — подчеркивал, например, Я. Кухарж, — как средствами неноминативного характера, занимается наука о предложении»⁴. Однако параллельно процессам означивания отдельных элементов мира постоянно протекают процессы означивания событий. Именуются не только явления, предметы, процессы и их качества, свойства, атрибуты и т. д., но и целые ситуации. Подобное наименование событий происходит уже не на уровне слова, а на уровне высказываний и сообщений⁵.

Несмотря на очевидное различие собственно номинативных единиц — названий — и предложений, сообщений, последние тоже могут рассматриваться в какой-то мере в качестве наименований, а именно — названий событий и ситуаций.

Если под явлением номинации понимать «отношение обозначаемого и обозначающего как отношение языковой единицы и реального предмета»⁶, то разные языковые единицы оказываются выполняющими номинативную функцию нетождественным образом, поскольку они нетождественны и по объекту наименования, и по его структуре. В то время как слова или словосочетания выступают как названия отдельных предметов, отдельных свойств и прочих (любых) атрибутов материи, выделенных именно в силу отдельности их осознания, предложение имеет предметы и явления в их взаимной связи, но в их расчленен-

³ *Ж. Кучаф.* К общей характеристике номинации. — ТЛР, 3. Прага, 1968, стр. 120.

⁴ *Ж. Кучаф.* Указ. соч., стр. 120.

⁵ См. подробнее: *А. А. Уфимцева.* Типы словесных знаков. М., 1974, гл. 1; *В. Г. Гак.* Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики 1972». М., 1973, стр. 355 и сл.; *Г. В. Колшанский.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, стр. 68 и сл.

⁶ *Г. В. Колшанский.* Указ. соч., стр. 83.

ности. Производное слово выступает и в этом отношении как некая промежуточная единица: хотя, подобно слову, она относится к отдельному элементу человеческого опыта, эта единица, подобно предложению, обладает свойством расчлененного представления того, что именуется. В производном слове, благодаря этому свойству, есть, как и в предложении, своя «тема» и своя «рема», свой «внутренний синтаксис».

Если полагать, что за каждым названием, номинативным знаком в собственном смысле слова стоит понятие, а понятие, как известно, формируется на основе совокупности суждений о предмете⁷, следует признать, что за каждым словесным мотивированным наименованием — производным — стоит такая цепь суждений, одно из которых обязательно содержит в форме слова коррелят будущей производящей основы. Так, за словом типа *школьник* стоит мотивирующее его суждение *он учится в школе* и сказать о ком-то *он — школьник* в общем семантически равносильно тому, что мы бы сказали о нем: *он учится в школе*.

Спор о том, какая языковая единица предшествовала другой в генетическом плане и что было раньше — слово или предложение, имеет прямую аналогию в философии в полемике о том, что первично — суждение или понятие, и какая из этих мыслительных форм обладает генетическим приоритетом⁸. С синхронной точки зрения, однако, «вторичное» высказывание опирается на «первичные» имеющиеся в языке знаки: сказать что-то можно только о том, что уже имеет в языке свое наименование или о том, что получает свое название в ходе рассуждений и высказываний о предмете обозначения, т. е. в окружении готовых знаков. Процессы такого рода нередко называются представленными в вербализованной форме, т. е. зафиксированными в текстах, отражающих формирование нового производного слова на базе уже существующего с ним образования и, главное, в составе определенного высказывания (суждения) о предмете обозначения (подробнее см. ниже).

Примером такой вербализации процесса называния

⁷ Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. М., 1975, стр. 456 и сл.

⁸ Н. И. Кондаков. Указ. соч. стр. 459.

на основе определенного суждения может служить следующий контекст:

She was an ether-drinker.

— A what?

— She drank ether. She was quite used to it. She could drink five hundred grammes a day... (E. Ambler).

Так или иначе, но и предложение оказывается небезразличным к выполнению номинативной функции. Хотя мы не разделяем мнения о том, что полный акт номинации осуществляется всегда в предложении и только в предложении, изучение производных слов заставляет нас признать, что их возникновение тесно связано с высказываниями. Если формирование конкретного производного слова далеко не всегда происходит буквально на базе какого-либо суждения, то формирование словообразовательной модели можно нередко представить себе именно как последовательный процесс трансформации предложения определенного типа в однословное наименование. Снятие предикативной связи исходного предложения восполняется «внутренним синтаксисом» деривата, который, именно из-за ее буквальной невыраженности, становится гибким средством передачи более разнообразных типов связей и отношений.

Хотя многие проблемы, связанные с номинацией предложением или высказыванием, еще не получили своего решения, и вопрос о том, все ли высказывания служат целям номинации и одинаков ли номинативный аспект предложения в высказываниях разного типа, остается открытым⁹, не вызывает сомнения тот факт, что ономазиология должна иметь дело с анализом номинативной функции во всех ее аспектах и проявлениях. Ономазиология — область исследования единиц номинации любой простоты или сложности, любого генезиса, любого уровня. Для ономазиологии как теоретической дисциплины равно важным оказывается поэтому исследование природы наименования как на уровне слова и непредикативных словосочетаний, т. е. в собственно номинативных знаках язы-

⁹ Можно предположить, что аналогично различной номинативной ценности слов разных классов (например, разных частей речи) предложения разных типов также выполняют номинативную функцию не в равной степени (ср. в этой точке зрения восклицательные или вопросительные предложения в противовес повествовательным, главным образом, идентифицирующим).

ка, так и за пределами этих знаков, в частности в рамках предложения в целом (в сообщении). По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, в общую теорию номинации должен поэтому войти как раздел лексикологии, в котором изучаются «наименования отдельных элементов внешнего и внутреннего опыта человека», так и раздел синтаксиса, который имеет дело со способами обозначения целостных событий и в котором «рассматривается номинативный аспект предложения и его трансформов»¹⁰.

Нетрудно убедиться в том, что в рамках указанных противопоставлений словообразованию надлежит отвести особое место. Если за основу выделения особых разделов ономазиологии принять противопоставление знаковых названий номинациям предикативным, словообразование попадает, естественно, в тот раздел, который связан с изучением непредикативных, собственно номинативных знаков. Если, однако, подойти к словообразованию не только как к результату каких-то актов, но и как к процессу возникновения новых единиц номинации, предложенное выше решение вряд ли можно считать правильным. Словообразование связано с непредикативными знаками по своим конечным итогам (образованию номинативных знаков), и это объясняет, почему оно так сильно тяготеет к лексической ономазиологии. С другой стороны, по характеру своего протекания и по своим истокам словообразование во многих отношениях оказывается связанным с предикативными единицами языка, с предложением, с высказыванием, вообще с синтаксисом.

Указания на прямую зависимость многих типов сложных слов от синтаксических конструкций уже содержались в классических работах по индоевропеистике и германистике¹¹. В теории порождающей грамматики эти концепции обрели новую форму, но главная идея — образование сложного слова на основе синтаксического целого — сохранилась. В качестве «номинализаций» стали рассматривать не только сложные слова, вызванные

¹⁰ «Общее языковедение». М., 1972, стр. 299.

¹¹ См., например: *E. Leumann. Einziges über Komposita. «Indogermanische Forschungen», Bd. 8, 1898, стр. 297 и сл.; H. Jacobi. Compositum und Nebensatz. Bonn, 1897; ср. также J. F. Staal. Ancient and modern descriptions of nominal composition. «Indo-Iranian Journal», Bd. 9, 1966; В. И. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1965, стр. 354 и сл.*

к жизни трансформацией определенных типов предложений¹², но и другие типы производных¹³. У представителей генеративной грамматики все чаще можно найти мысли о том, что объяснение поверхностной структуры сложных и производных единиц следует искать в высказывании; ср. англ. a *chimney-sweeper* 'трубочист' и высказывание *He sweeps chimneys* 'он чистит трубы' или предложение *The man refused to chair the session* 'человек отказался председательствовать на сессии' с номинализацией типа *The man's refusal to chair the session* 'отказ человека председательствовать на сессии' и т. д.

В то время как возможность сопоставить сложное или производное слово с синтаксической конструкцией рассматривалось обычно в рамках порождающей грамматики как доказательство центрального места синтаксиса в системе языка, в европейской лингвистической школе те же факты рассматриваются в ином свете и получают иное объяснение. Утверждая, что «каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания»¹⁴, Э. Бенвенист в работе 1967 г. дает пример блестящего анализа семантики сложных слов двух основных классов как осо-

¹² Начало такого рассмотрения было положено работой: *R. B. Lees. The Grammar of English nominalizations.* Bloomington, 1960; ср. также *Е. Л. Гинзбург. Синтаксическая типология сложных слов. «Проблемы структурной лингвистики 1967».* М., 1968; *R. P. Botha. The functions of the lexicon in transformational generative grammar.* The Hague — Paris, 1968; *H. E. Brekle. Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition.* München, 1970; *W. Motsch. Analyse von Komposita mit zwei nominalen Elementen.* «Progress in Linguistics». The Hague, 1970 и другие материалы этого сборника.

¹³ *N. Chomsky. Remarks on nominalizations.* «Readings in English transformational grammar». Ed. by R. A. Jacobs and P. S. Rosenbaum. Toronto, 1970, стр. 184 и сл. (впервые опубликовано в 1965 г.); *B. Fraser. Some remarks on the action nominalizations in English.* — Там же, стр. 83 и сл.; *Z. Vendler. Adjectives and nominalizations.* The Hague, 1968; *H. Marchand. On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to the distinction.* «Anglia», Bd. 84, 1966, H. 2; *H. Esau. Nominalization and complementation in Modern German.* Amsterdam, 1973; *П. Адамец. О семантико-синтаксических функциях девербативных и deadъективных существительных.* «Филологические науки», 1973, № 4.

¹⁴ *Э. Бенвенист. Синтаксические основы именного сложения.* — В кн.: *Э. Бенвенист. Общая лингвистика.* М., 1974, стр. 241.

бых наименований. Поэтому если в работах представителей трансформационной грамматики на первое место при анализе сложных слов или производных выходит идея их семантической эквивалентности соответствующему ядерному предложению, у Э. Бенвениста и его последователей¹⁵ в центре внимания оказывается вопрос о совершенно разных ономаσιологических функциях этих единиц. Демонстрируя, как именно разные типы предложений трансформируются в именные знаки, Э. Бенвенист подчеркивает, что в итоге этого процесса оказывается возможным «употреблять целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения»¹⁶. По Э. Бенвенисту, переход предложения в имя сопровождается не только существенными преобразованиями его синтаксических возможностей, но и не менее очевидными семантическими и функциональными сдвигами¹⁷.

Эта концепция представляется нам плодотворной, поскольку она позволяет рассматривать сложные слова и соответствующие им синтаксические конструкции не столько как равноправные семантические эквиваленты, своеобразные синтаксические синонимы, сколько, напротив, как единицы, которые хотя и выступают как связанные сеткой формально-семантических переходов и отношений, оказываются тем не менее далеко не тождественными ни по их смысловой структуре, ни по их функциям, ни, наконец, по месту, занимаемому ими в системе языка. Ономаσιологический подход к явлениям словообразования заставляет признать эту принципиальную нетождественность разных средств наименования одного и того же и не проводить знака равенства между двумя крайними звеньями в цепи трансформаций. Именно с точки зрения структуры наименования название словом и название синтаксической единицей, сходные по отнесению к одному и тому же объекту действительности, объекту наименования, расходятся в представлении этого объекта языковыми средствами.

Сравнение и сопоставление исходных единиц деривации и ее результатов позволяет, следовательно, устано-

¹⁵ См., например: *J. Veyrenc. Structure syntaxiques des composés en russe.* — BSL, v. 62, Paris, 1967.

¹⁶ Там же, стр. 256.

¹⁷ Там же. Ср. Ю. С. Степанов. Современные связи лингвистики и логики. — ВЯ, 1973, № 4, стр. 67—68.

вить не столько различие способов в передаче «одного и того же» содержания, сколько соответствующее этому различию разное представление и видение обозначаемого. Так, в сложных словах по сравнению с высказываниями отражаются, собственно, разные формы расчленения мира, разные приемы обобщения опыта и классификационно-познавательной деятельности человека. Исследуя соотношение сложных слов и высказываний, на которых они строятся, важно обратить поэтому внимание не столько на проблемы их возможных взаимозамен, сколько на разнообразие связей между ними, на разную их «удаленность» друг от друга и в конечном итоге — на различие смысловых структур этих взаимосвязанных, но в принципе нетождественных языковых единиц.

Ономасиологический подход к процессу деривации требует, на наш взгляд, установления различий в наименованиях разными структурными единицами (ср. *он отказывает* → *его отказ*, но *он приказывает* → *его приказ* и *приказание*) и описания конкретных связей между исходными единицами процесса деривации и результативными единицами этого процесса. В поле зрения представителей генеративной грамматики находился скорее именно этот, второй аспект процесса деривации. Многие интересные наблюдения относительно соотношений синтаксических конструкций и дериватов, особенно сложных слов¹⁸, неоспоримо свидетельствует о том, что словообразование внутри ономасиологии не может быть ограничено областью лексикологии или же областью синтаксиса. В какой-то мере оно само выступает как связующее звено между ними.

Любопытные доказательства связей между сложными словами и высказываниями можно обнаружить не только в синхронии¹⁹, раскрывая значение сложного слова через мотивировавшее его предложение, но и в диахронии. Так,

¹⁸ В советской англистике эта тема была не раз предметом специальных исследований, ср., например: С. С. Хидекель. Сложные слова и свободные словосочетания в современном английском языке. «Уч. зап. фак-та иностранных языков Орловского ГПИ», т. 63, вып. 3. Курск, 1969; Е. В. Никошкова. Соотносительность сложных слов и словосочетаний (на материале современного английского языка). «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 52. М., 1969 и др.

¹⁹ См., например: V. M. Pavlov. Die Substantivische Zusammensetzung im Deutschen als syntaktisches Problem. München, 1972.

В. Леману удалось реконструировать в опоре на сохранившиеся древнейшие типы композитов простейшие схемы предложений и установить разный порядок следования слов в этих схемах для типологически различающихся языков²⁰.

Идею о том, что структуру многих производных можно рассматривать как своеобразное свертывание и семантическую компрессию того или иного синтаксического целого, в том числе и предложения, развивали также чешские лингвисты, выдвинувшие, в частности, понятие универбализации синтаксического единства (ср. примеры типа *молотильная машина* → *молотилка*, *трехдюймовая винтовка* → *трехдюймовка* и т. п.). «Содержание номинации является всегда конденсацией значения высказывания», — утверждает, например, Я. Кухарж, подчеркивая далее, что именно такое понимание «лежит в самой основе т. н. ономаσιологических категорий»²¹. Таким образом, если рассматривать внутри синтаксического раздела ономаσιологии номинативный аспект предложения и его трансформов, как это предлагает, например, Н. Д. Арутюнова и что соответствует современным представлениям в области порождающей грамматики и порождающей семантики, словообразование начинает занимать в ономаσιологии место, промежуточное между лексикологией и синтаксисом. Производное как бы завершает цепь (синтаксических) трансформаций, выступая как конечное звено в этой цепи, наделенное формой слова (*he keeps a house* → *a house-keeper*).

Одновременно производное знаменует появление новой лексической единицы со своей собственной смысловой структурой, нового номинативного знака. Формируясь, производное как бы проходит путь от сообщения к наименованию: так, слово *школьник* есть преобразованное сообщение *он учится в школе*.

То, что в системе языка выступает в виде словообразовательной корреляции *школа* → *школьник* и что может быть повторено по аналогии в других производных, скры-

²⁰ V. P. Lehmann. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns. «Acta Linguistica Hafniensia», 1969, v. 12, N 1; *Он же*. On some German and Germanic OV compounds. «Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts für deutsche Sprache», Bd. 33. Düsseldorf, 1974.

²¹ J. Kuchař. Указ. соч., стр. 125.

вает за собой определенное утверждение. Можно полагать поэтому, что производное *школьник* мотивировано не просто существительным *школа*, но и обычным для него предикатом *учиться*. Отношение к школе могло бы, однако, оказаться при другом предикате иным, ср. лат. *схоласт* или англ. *scholar* в значении 'ученый'. Многозначность производного, а также омонимия словообразовательных моделей предполагают, с этой точки зрения, что мотивирующему имени можно поставить в соответствие несколько разных предикатов: *телятник* есть 'помещение для телят' (предикат *помещать в, содержать в*) и одновременно 'человек, который за ними ухаживает' (предикат — *ухаживать, следить за*). Можно предполагать в связи с предлагаемой трактовкой отыменных производных, что каждое из них подразумевает собой относящийся к имени предикат. Даже в таком простом производном, как *домик*, можно усмотреть утверждение '(этот) дом — маленький'.

Напротив, отглагольные производные часто выступают как мотивированные не просто одним глаголом (или глагольной основой), но и обычным для него как для предиката дополнением или обстоятельством: *писатель* означает того, кто пишет литературные произведения (ограничение посредством конкретного прямого дополнения), англ. *sleeper* 'соня' — того, кто обычно спит крепко (ограничение посредством конкретного обстоятельства образа действия), а англ. *trainee* — проходящего военное обучение (ограничение особым адресатом действия).

Понимание подобной связи значения производного со значением синтаксического целого очень важно для построения теории мотивации в словообразовании. Вместе с тем оно позволяет пропикнуть глубже и в природу наименования производным словом. Можно полагать поэтому, что осмысление производного как конечного звена в цепи трансформаций исходного (мотивирующего) синтаксического целого способствует уяснению важных аспектов словообразовательного акта, ранее ускользавших из поля зрения исследователей. Естественно, что по этой же причине нельзя отрывать словообразование от синтаксиса или преувеличивать значимость его связей с лексикологией.

Интересно отметить, что словообразование близко синтаксису и в другом отношении — своим *modus vivendi*,

своим творческим характером, принципами комбинаторики новых единиц из старых, сочетанием воспроизводимого и вновь создаваемого, причудливым переплетением универсального и идиосинкратического, индивидуального. Многие особенности, приписываемые в теории генеративной грамматики синтаксису, могут по праву рассматриваться как неотъемлемые черты словопроизводства и словосложения.

(В теории порождающей грамматики было подчеркнуто, например, что человеку свойственна особая врожденная способность — умение создавать и понимать бесконечное число высказываний из конечного числа единиц²². Но вряд ли менее важным в процессе коммуникации оказывается умение понимать, а при необходимости и создавать новые лексические единицы, не выдумывая их *ad hoc*, но образуя по определенным моделям. Отлична ли в принципе эта способность от умения строить и понимать высказывания, тоже строящиеся по определенным схемам? Подлинное знание языка и свободное владение им явно предполагают и то и другое²³.)

(В теории генеративной грамматики было подчеркнуто также, что способность говорящих и слушающих к созданию и пониманию грамматически правильных предложений выражает истинный дух языка — его активный и творческий характер²⁴. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что и в области словообразования проявляется по существу та же тенденция — только к пониманию (расчленению, анализу) или созданию (комбинаторике, синтезу) единиц меньшей протяженности. Недаром о словотворчестве говорят чаще всего именно в связи со словообразованием.)

Необходимость выделения в теоретической ономазиологии специального раздела, связанного с деривацией производных единиц, диктуется, собственно, не только невозможностью адекватного освещения синтаксических ас-

²² Ср. понятие «компетенции» говорящего и слушающего (*competence*) у Н. Хомского: *N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Mass., 1965, стр. 4.*

²³ Ср.: *H. U. Boas. On Halle's «Prolegomena to a theory of word formation» or what is a linguistic generalization? «Linguistics», 1974, vol. 134.*

²⁴ См., например: *N. Chomsky. Language and mind. N. Y., 1968, стр. 15 и др.*

пектов словообразования при его отнесении к лексическим дисциплинам, или, наоборот, невозможностью адекватного описания лексических аспектов словообразования при его отнесении к синтаксису. Ведь и в системе языка в целом словообразование занимает самостоятельное место, принадлежа по характеру образуемых единиц к лексическому уровню, но по форме их создания и по способам выражения в производных особого, словообразовательного значения — к уровню грамматики²⁵. Таким образом, даже если видение словообразования через призму синтаксиса оправдывает себя не всегда (в том смысле, что интерпретация производных может быть правильной не только при обращении к высказыванию, см. ниже), грамматические аспекты словообразования настолько несомненны, что уже одно это исключает прямолинейное рассмотрение раздела о словообразовании в рамках лексической ономазиологии.)

Итак, в теоретической ономазиологии параллельно с лексическим и синтаксическим разделами целесообразно выделять также раздел деривационной ономазиологии. Самостоятельный статус подобного раздела можно также обосновать, указав еще на три важных обстоятельства.

(В языках с развитыми системами словообразования ему принадлежит важная роль и потому, что существование в языке определенных традиций в этой области и, главное, существование апробированных обществом продуктивных и длительно бытующих в языке словообразовательных моделей накладывает свой отпечаток не только на то, как именно именуется новое явление, но и на саму его фиксацию в уме человека. Иначе говоря, существование определенных словообразовательных моделей как бы облегчает выбор того, что должно получить отдельное название в окружающей нас действительности.) Конечно, определение того, что подлежит называнию и что должно быть наречено языком, диктуется прежде всего практическими нуждами человека и его социальным опытом в широком смысле этого слова. Но ведь неотъемлемой чертой

²⁵ Ср. также рассмотрение проблемы отношения словообразования к лексикологии (образуются слова) и грамматике (слова образуются по определенным грамматическим типам) у Л. Сахарного в работе «К многоаспектности словообразования как науки» («Вопросы грамматики», Пермь, 1972, стр. 20 и сл.).

этого опыта является и знание языка, а следовательно, и знание (быть может, и не всегда осознанное или осознаваемое) логико-понятийных основ расчленения мира, принятых его языком. Человек познает категоризацию явлений действительности в том виде, в каком она выступает в родном для него языке. В подобной категоризации мира словообразовательным категориям принадлежит важная роль: так, в языке, подобном русскому, где почти от половины основ имен существительных уже образованы или могут быть образованы прилагательные на *-ный*²⁶, есть все основания полагать, что такое прилагательное легко будет создано от любого нужного имени (ср. *фотонный, нейронный, морфемный, семный, граничный*). Ср. «... самые загадочные явления сосредоточены в граничных точках каждого из уровней» («Неделя», 1976, № 52, стр. 14).

Таким образом, само существование в конкретном языке определенных ономаσιологических категорий (особенно находящихся в этом языке четкое формальное выражение) создает благоприятную почву для образования нового наименования в русле привычных категорий, по образцу и подобию бытующих в языке единиц. Изучение этих ономаσιологических категорий и их описание составляет важную часть деривационной ономаσιологии: ведь для теории номинации важно, по-видимому, не только то, как получает название какой-то фрагмент действительности и с помощью каких языковых средств реализуется потребность в его обозначении. Важно и то, почему для наименования выбирается именно этот фрагмент мира и какой из многочисленных признаков взят за основу его обозначения. Ответы на многие из этих вопросов могут быть получены только в рамках деривационной ономаσιологии.

Отдельное освещение проблем деривационной ономаσιологии необходимо еще по одной причине: в области словообразования формируются и функционируют не просто новые наименования, но новые наименования, возникающие в ходе словообразовательного акта как процедуры, имеющей свои формальные и семантические отли-

²⁶ Ср.: В. Н. Немченко. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. Горький, 1973, стр. 73.

чительные черты. Описание этих черт, позволяющее отличить словообразовательный акт от акта номинации любого другого свойства, уже было дано нами ранее ²⁷. Подчеркнем здесь еще раз только его главную особенность: акт номинации словообразовательного характера обязательно предполагает использование определенной формальной операции или формального средства, выбор которого подчинен смысловому заданию этого акта и в этом отношении вполне закономерен. Важной задачей деривационной ономазиологии является поэтому установление правил, диктующих использование определенного способа словообразования при необходимости выразить то или иное категориальное значение или отнести вновь обозначаемый предмет к одной из знакомых (ономазиологических) категорий данного языка.

(Словообразовательный акт фиксирует за обозначаемым предметом определенное свойство: называя известный вид одежды *ватником*, а другой — *пыльником*, мы как бы подчеркиваем в названии первого то, как он сделан (из простеганной ваты), а в названии второго — его функцию (он служит для защиты от пыли). Зафиксированные и закрепленные названием, эти опознавательные признаки предмета осознаются теперь как таковые всеми говорящими на русском языке и становятся неотъемлемой частью понятия о названном предмете.)

Очерчивая область исследования деривационной ономазиологии, мы можем отметить, следовательно, что в нее входит изучение следующих проблем: особенности отражения номинативной деятельности человека в такой единице номинации, как производное слово, и в формировании таких категорий, которые могут быть названы ономазиологическими словообразовательными категориями языка; роль и ономазиологическая направленность разных приемов словообразования и словообразовательных средств при решении конкретных задач номинации; классификация и описание ономазиологических структур, манифестируемых производными разного типа.

²⁷ Е. С. Кубрякова. Еще раз о месте словообразования в системе языка. «Актуальные проблемы русского словообразования», т. I. Ташкент, 1975, стр. 50—51; см. также: «Языковая номинация. (Общие вопросы)», гл. I.

Решение этих проблем существенно, по-видимому, не только для собственно словообразования, но и для построения адекватной теории номинации в целом ²⁸.

ПРОИЗВОДНОЕ КАК НОМИНАТИВНЫЙ ЗНАК СО СПЕЦИФИЧЕСКИМИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ

(Во многих языках мира производные образуют существенную часть их словарного состава, причем часть наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, беспрестанно пополняющуюся и развивающуюся, а потому менее всего поддающуюся строгой фиксации. Легко возникая в живой речи по мере необходимости, новые производные наиболее непосредственно отражают все изменения в устройстве и уровне развития общества, все преобразования в его деятельности. Если трудно вообразить, чтобы словарю, каким бы полным он ни казался, удалось зафиксировать абсолютно все слова данного языка, еще труднее представить, чтобы словарем были аттестованы все производные единицы этого языка. Да и необходимо ли это? Производное — это «выводимая» единица языка и там, где она создана в полном соответствии со словообразовательным правилом, регистрировать ее не обязательно. Все ее свойства определяются в этом случае свойствами исходной единицы и примененным правилом; так, в современном английском языке практически любая глагольная основа в сочетании с суффиксом *-ing* образует производное, обозначающее название соответствующего действия типа *reading* 'чтение', *writing* 'писание', а в сочетании с суффиксом *-er* — производное, обозначающее название производителя данного действия (инструмент или лицо). Хотя подобная выводимость, связанная с регулярностью словообразовательных процессов, характерна не для всех производных, существует достаточно оснований считать это свойство важной чертой смысловой структуры производных. Это же

²⁸ Ср. также: Л. А. Шкатова. Словообразование и ономастология. «Актуальные проблемы русского словообразования», I. Ташкент, 1975, стр. 140—141; Н. Г. Комяев. Ономастология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности. «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков», М., 1968.

свойство дает право рассматривать словообразование как средство, упрощающее подачу лексических единиц в словаре языка ²⁹. Производные не могут быть заданы закрытым списком, они задаются правилами их образования. Подобно тому, как при каждом существительном нет смысла приводить полностью все реализующие его словоформы, ибо они заданы парадигмой для целого класса слов, не при всяком слове следует давать образованные от него производные. Отдельная фиксация производного оправдана только появлением у него непредсказуемых свойств как в плане семантики, так и в плане формы ³⁰. Напротив, предсказуемые свойства производных единиц должны фиксироваться в словаре так же, как фиксируются его грамматические и парадигматические особенности. Какие же свойства производных являются предсказуемыми? Какие из них отличают номинативные знаки этого класса от всех прочих номинативных знаков?

Хотя в практике лингвистического описания это понятие встречается уже давно, его определение неизменно связывали ранее только с одним классом производных — производными аффиксальными. В отечественном языкознании такое понимание производности идет от Ф. Ф. Фортунатова, который считал, что «производными основаниями называются такие основы, которые, в свою очередь, разлагаются на основу и аффикс» ³¹. Стремление связать специфику производных единиц с их структурой нашло отражение и в современном языкознании. Даже в превосходной книге Г. Марчанда по английскому словообразованию производное, в полном соответствии с традициями сосюррианской школы, определяется как синтагма из de-

²⁹ L. Lipka. Semantic structure and word-formation. Verb-particle constructions in Contemporary English. München, 1972, стр. 84.

³⁰ Отсюда предложение У. Вайнрайха отделить словарь простых, непродвиженных единиц от словаря единиц комплексных и идиоматических (производных, сложных и т. п.) и фиксировать в последнем только индивидуальные особенности этих комплексных единиц, только отклонения от правил регулярного словообразования. См.: U. Weinreich. Problems in the analysis of idioms. «Substance and structure of language». Berkeley—Los Angeles, 1969, стр. 72.

³¹ Ф. Ф. Фортунатов. Слова языка.— В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1965, стр. 140—141; ср. также: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 69.

terminant и determinatum³². Но это оставляет за пределами системы словообразования многие вторичные, но одноморфемные образования³³ или образования, отношение между означающим и означаемым которых носит асимметричный характер. Представление подобных производных как синтагм носит чрезвычайно искусственный характер. И членимость производного, и его структурная составленность из основы и аффиксов или из нескольких полнозначных основ, и соотнесенность значения всего образования в целом с присутствующими в нем основами и/или аффиксами — все это реальные черты производных, но только производных одного типа. Они, естественно, никак не исчерпывают специфики всего класса производных в целом. Структурные свойства производных разных классов не тождественны, и именно это обстоятельство позволяет дифференцировать разные типы производных (аффиксальные, сложные, аббревиатуры и т. д.). Таким образом, ориентация на чисто структурные особенности производных не позволяет уловить специфику этого класса слов. Можно вообще подчеркнуть, что попытки этого рода обречены на неудачу точно так же, как попытки дать чисто формальное определение такой единице, как предложение. Подобно тому, как невозможно подвести под одно формальное определение односоставные и двусоставные предложения, или же именные и глагольные предложения, невозможно подвести под единое определение производное с формально выраженными и с формально невыраженными отношениями словообразовательной производности. Подобно тому как в синтаксисе основное ядро высказываний образуется с помощью двусоставных предложений, основное ядро производных в словообразовании составляют производные с формально выраженными отношениями производности; но признаки этого главного класса единиц не могут быть распространены на единицы другого класса.

Более удачной следует поэтому считать попытки некоторых языковедов определить производные единицы «по

³² H. Marchand. The categories and types of Present-day English word-formation. 2 ed. München, 1969.

³³ См. рец. на указ. соч. Г. Марчанда: V. Adams. «Journal of Linguistics», 1970, с. р. 125 и сл.; E. Pennanen. Current views of word-formation «Neuphilologische Mitteilungen», Bd. 73, 1972, N 2, стр. 299.

характеру выражения значения»³⁴. Такое понимание производных восходит к Г. О. Винокуру, который впервые указал на то, что производные обозначают предметы «через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими»³⁵. В этом определении еще многое оставалось неясным: неясно было прежде всего то, что подразумевается под «данным предметом действительности» (то, что подлежит обозначению, или то, что уже обозначено мотивирующим словом), неясно было и то, между какими именно предметами действительности устанавливается связь (исходным, мотивирующим и мотивированным, или же результативным, мотивированным и всеми прочими производными того же ряда). Так или иначе, но само указание на связи и отношения между предметами, которые находят отражение в смысловой структуре производного, было чрезвычайно плодотворным.

Развивая указанное выше положение, можно подчеркнуть, что производные выражают свое значение, как бы отсылая нас к другому или другим знакам языка: естественно, что *землетрясение* наводит на мысль о том, что *землю трясет*, а *солнцестояние* о том, что *солнце* как-то *стоит* и т. д. Такие ассоциативные связи характеризуют производные вне зависимости от того, знаем ли мы точно, какое слово отсылает к какому: неясно, например, «отсылает» ли нас существительное *попрошайка* к глаголу *попрошайничать*, или же, наоборот, глагол *попрошайничать* — к существительному *попрошайка*. Несомненно, однако, то, что между подобной парой слов существуют отношения производности и что их направление зависит от того, какое семантическое объяснение получает каждое из этих слов. Производным словом следует считать то, объяснение которого дается через другое, однокоренное с ним образование.)

Типы «отсылки», а, следовательно, и мотивации, у ономаσιологических структур производных могут быть весьма различными: носик чайника напоминает нос человека по форме (по признаку 'расположенный впереди'), желток — нечто желтое по цвету, а крышка чего-либо — кры-

³⁴ Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, стр. 8.

³⁵ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 421.

шу дома по функции, назначению. (При рождении нового обозначения, следовательно, само установление связи между обозначаемым предметом действительности и тем предметом, по сходству с которым оно называется, может принимать разные формы. Наряду с прямой мотивацией одного слова другим (ср. *стол* → *маленький стол* → *столик*; англ. *green as grass grass-green* и т. п.) широко используются все виды ассоциативных связей: по форме, по цвету, по вкусу, по назначению, по материалу и т. п. Наряду с прямой мотивацией широко используется также и косвенная, предполагающая элементы метафоры, переноса, других семантических переосмыслений.)

Специфика значения производной единицы заключается, следовательно, и в том, что в ней, в форме производящей основы, даны значения другой или других существующих в языке единиц и что поэтому значение производного может быть каким-то образом понято и объяснено через значение исходной единицы. Это положение Г. О. Винокура совершенно ясно вскрывает особенности мотивированного слова по сравнению с немотивированным в лингвистическом и психологическом плане: слушающий «угадывает» значение производного, если он знает значение исходной единицы, а говорящий строит, опираясь на него, новое производное. Тем не менее одно только наличие семантической связи между производными и производящими единицами для угадывания или объяснения смысла производных было бы недостаточно. Внутренняя форма производного должна не только свидетельствовать о существовании семантических ассоциаций, но и подсказывать характер этой ассоциации, ее направление.

Такой внутренней формой производного является его морфологическая структура. На морфологическую структуру и возлагается задача фиксировать тип семантических ассоциаций между производящими и производными единицами, закрепить определенный тип связи между ними.

Специфика значения производного слова, соответственно сказанному, заключается в том, что характер «отсылки» к исходной единице в каждой словообразовательной модели объективизируется определенной морфологической структурой.

Так, например, по наличию в производных словах *кофейник*, *чайник*, *салатник* производящих основ *кофеј-*, *чай-* и *салат-* слушающий легко догадывается о том, что

обозначенные предметы имеют к ним прямое отношение, но он опознает и характер этого отношения («служит для помещения туда кофе, салата и т. п.»), ориентируясь на строение модели, на ее состав и аранжировку в ней ее компонентов. Таким образом, если сама «отсылка» к производящей основе конкретизирует, между какими именно понятиями устанавливаются связи и семантические ассоциации, а производящая основа определяет источник названия, то морфологическая структура производного в целом способствует определению характера связи между этим источником и новым обозначением. Существование словообразовательных моделей означает с точки зрения номинации не только выбор определенных признаков в качестве основы названия (так, имена действующего лица могут называться и по характеру производимого им действия, и по предмету, на который направлено это действие, ср. *worker*, *writer* и *jeweller*, *geographer*), но и закрепление особого отношения между именуемым и источником его наименования.)

Формула о том, что значение производного может быть раскрыто через значение исходной для него единицы, справедлива с той существенной оговоркой, что мы устанавливаем при этом ракурс использования исходного значения.

(Зная смысловую структуру исходной единицы, мы должны научиться предсказывать заранее, какие элементы этой структуры могут оказаться релевантными для формирования новых обозначений, а, следовательно, для истолкования этих последних. Знание словообразовательных моделей позволяет решить эту задачу в том отношении, что оно позволяет установить пути номинаций производными словами: источник названия, способ его соотнесения с действительностью, возможный ракурс использования исходного значения, обычные типы семантических ассоциаций между имеющимся названием и тем, что подлежит обозначению и т. п. Словообразовательные модели закрепляют типы мотивации одной единицы другой или другими и используют для этого закрепления морфологическую структуру определенного образца, включая, естественно, специальные деривационные элементы. Производное слово, построенное по определенной словообразовательной модели, является мотивированной единицей языка не только в том смысле, что оно содержит в самом

себе в виде производящей основы источник названия, но и в том отношении, что его формальная структура выступает как внутренняя форма, обладающая вполне определенной значимостью. Мотивированность производного слова (его наиболее существенная черта) — это одновременно и отсылка к источнику названия, и указание на возможное использование источника в том или ином ракурсе, указание на то, как может быть «повернуто» исходное значение в данной модели.»

Особый характер значения производной единицы можно интерпретировать и по-иному. Если исходить из того, что «смысловое содержание словесных знаков вообще, полнзначных в особенности, является неоднородным»³⁶ (а это, безусловно, так), в производном слове грамматические, лексические значения, а также признаки семантических разрядов и категорий сосуществуют не так, как в производном, простом. В смысловой структуре производного лексическое значение не выступает в одном ряду с первым по уровню обобщения и степени обобщенности грамматическим значением и вторым, а иногда и третьим семантическими уровнями — уровнем семантических разрядов и семантических категорий. Оно не столько «окружено» этими значениями, сколько складывается и формируется на их основе. Зато признаки семантических разрядов и категорий получают в производном формальное выражение. Индивидуальное лексическое значение производного — это сплав лексического значения мотивирующих единиц и словообразовательного значения, переданного аффиксом или другими средствами и представляющего собой поэтому формально выраженное значение семантических разрядов и категорий — категорий ономаσιологического порядка (подробнее см. ниже).

Если грамматические значения в структуре производного связаны главным образом с его принадлежностью к той или иной части речи и потому являются общекатегориальными, словообразовательные значения связаны с более конкретной реализацией каждой части речи в виде подчиненных ее общекатегориальному значений субкатегорий. Так, категория предметности может реализоваться в виде субкатегорий лица ∞ не-лица, производителя действия ∞ адресата действия ∞ орудия действия и т. д. и

³⁶ А. А. Уфимцева. Типы словесных знаков, стр. 66 и сл.

т. п. <Лексическое значение производной единицы возникает в результате словообразовательного акта, направленного на реализацию того или иного смыслового задания в русле существующих субкатегорий частей речи и, следовательно, в результате взаимодействия словообразовательного значения используемого формального средства со значением мотивирующей единицы.>

Если отвлечься от грамматического значения производной единицы, можно сказать, что его индивидуальное лексическое значение — своеобразное взаимодействие смыслов исходной единицы (какой бы развернутой последовательностью она ни была представлена) и словообразовательного значения; это взаимодействие смыслов происходит в акте деривации производного. Новое наименование — это прежде всего новая лексема. И если лексическое значение производного (как и его структура) возникает только в ходе словообразовательного акта, специфика производного как совершенно неповторимой единицы языковой системы может быть осознана только при обращении к тому процессу или тому акту, в результате которого она рождается, формируется и складывается. Мы утверждаем тем самым, что изучение свойств производной единицы только как готовой данности не может привести нас к ее адекватному определению. Последнее достигается через понятие отношений словообразовательной производности, связывающих готовое производное с мотивировавшей его единицей, а это заставляет нас выйти в проведении словообразовательного анализа за пределы самого производного и обратиться к изучению обусловившей его единицы или единиц. Путь к познанию природы номинации в производных единицах языка — это исследование возникновения отношений словообразовательной производности во всех их разновидностях и типах.

<Специфика производного — в наличии в его смысловой структуре формально выраженного значения особого ономаσιологического разряда (признака принадлежности к определенной семантической категории или разряду) — значения словообразовательного, деривационного.> При возможности существования тех же по смыслу значений у номинативных знаков другого класса (ср. значение орудия у слова *топор* или производителя действия у слова *врач* и т. п.) регулярного формального выражения в смысловой структуре простых единиц эти значения не полу-

чают. Производные — область регулярного моделирования словообразовательных значений в ходе словообразовательных актов.

К возникновению новых значений в языке имеет отношение не только словообразование и не только непосредственно словообразовательный акт, и это очень существенно. В то время как появление каждого нового производного знаменует фиксацию нового значения, появление нового значения в языке отнюдь не обязательно свидетельствует о том, что оно связано с актом словообразования. На наш взгляд, следует поэтому различать семантические сдвиги и семантические преобразования у имеющих готовых единиц и семантические сдвиги при словообразовании. Регулярными и предсказуемыми могут быть и те, и другие; однако вторые могут иметь место только при использовании определенного формального средства — прибавлении аффикса, редупликации, чередования и т. п. Первые связаны с изучением причин и закономерностей развития полисемии, вторые — непосредственно с анализом области словообразования и, следовательно, с анализом отношений словообразовательной производности и путей их возникновения.

Две единицы считаются связанными отношениями словообразовательной производности, если они обладают общей ядерной частью (в виде тождественного корня или основы или каких-либо их частей), отдалены друг от друга на одну формальную операцию (деривационный шаг) и если при этом одна из них может быть объяснена по смыслу как мотивированная другой или другими единицами из сравниваемой пары образований.)

(Приведенное определение позволяет считать производной единицей, которая отражает в особой форме завершенный словообразовательный процесс и которая как результат данного процесса проявляет зависимость и от источника ее порождения, и от специфики протекания самого этого процесса. Такое понимание производной единицы ведет также к необходимости изучения причин словообразовательного акта и социальной обусловленности ее появления и, главное, к анализу особенностей восприятия подобных единиц в языке.)

Вместе с другими словами производные образуют лексикон данного языка и, с одной стороны, они безусловно разделяют все свойства, присущие категории слов в изу-

чаемом языке; с другой стороны, они проявляют такие специфические свойства, которые позволяют разбить все слова этого языка на классы производных, непроизводных и псевдо-производных слов³⁷. С синхронной точки зрения непроизводные и псевдо-производные не могут быть представлены как результат какой-либо формальной операции. «Только непроизводные (простые в морфологическом отношении) слова типа *дом, стол, бык* и т. д., — пишет В. М. Солнцев, — никогда не обладают свойством производимости»³⁸. Непроизводные и псевдо-производные извлекаются из нашей памяти как готовые единицы с нерасчлененным содержанием, соответствуя немотивированным, или произвольным знакам языка. Напротив, производные слова всегда могут быть представлены как результат какой-либо операции или процесса³⁹. История создания или возникновения простых, непроизводных слов или вообще невозможна или остается за рамками чисто синхронного анализа. Мы не можем сказать — по крайней мере, без специальных исследований, — почему *дом* называется *домом*, а *бор* — *бором*; их употребление конвенционально. Но мы вполне можем объяснить, почему называем какой-либо конкретный дом *доминой, домиком* или *домишкой*. (Непроизводные слова суть конвенциональные, произвольные знаки; производные — мотивированные сочетания произвольных знаков или транспозиция последних.) Производные, подобно словоформам, это минимальные мотивированные знаки или сочетания знаков, ограниченные пределами слова.

Разумеется, не все производные создаются в речи в буквальном смысле слова. Большинство из них извлекается из памяти совершенно так же, как простые, непроизводные слова. Важна, однако, сама принципиальная возможность представить производное как произведенное, т. е. как результат какого-либо процесса. Для непроизводных подобная возможность отсутствует. (Производное — это выводимая единица языка.)

³⁷ О понятии псевдо-производных слов см. подробнее: Е. С. Кубрякова. Основы морфологического анализа. М., 1974, стр. 286—287.

³⁸ В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 152.

³⁹ Ср. следующее высказывание А. Мартине: «En tout cas, que le composé ou le dérivé soit traditionnel ou une création du moment, il représentera toujours le résultat d'un procès...» (А. Martinet. Syntagme et syntème. «La Linguistique», 1967, N 2, стр. 5).

Известные различия существуют, по всей видимости, и при восприятии мотивированных и немотивированных знаков. При восприятии первого и необходимости его истолкования мы можем более свободно ориентироваться на его внутреннюю форму. Незнакомый нам первичный знак может быть понят только по ситуации, по контексту или же благодаря прямому указанию на предмет, им обозначаемый. Незнакомый нам производный знак может быть понят либо по аналогии со словом того же типа и строения, либо по ассоциации его с исходным для него знаком, чаще всего — благодаря его разложению на понятные составные части и мысленному установлению логических связей между ними. *Бомбоубежище* будет при этом понято как 'убежище от бомб', а *зернохранилище* как 'хранилище для зерна', *бомбовоз* — как 'перевозящий бомбы', а *паровоз* не как 'перевозящий пар', но как 'использующий его' и т. п. Никаких особых ребусов говорящий при этом, конечно, и не решает, поскольку природа означивания постигается им в процессе, обратном созданию производных по стандартным моделям и знакомым образцам. Мотивированный знак распознается, следовательно, посредством расчленения его содержания на составные части, посредством установления логических связей между значениями этих частей, путем распознавания каждой части по отдельности или же, наконец, по типу его построения, по аналогии с образованиями того же состава и т. п.⁴⁰ Интересные примеры такого буквального истолкования неизвестных производных слов демонстрирует детская речь.

Слово, которое с синхронной точки зрения является производным, легко представляется моделируемой по определенным образцам единицей; несмотря на то, что многие производные существуют как «готовые данности», о многих производных нельзя все же с уверенностью сказать, воспроизведены ли они говорящим или же созданы им в силу необходимости *ad hoc*. Эту сторону производных

⁴⁰ Ср. работы Л. В. Сахарного, посвященные проверке гипотезы о психологической реальности словообразовательных моделей, например: Л. В. Сахарный. Некоторые психолингвистические аспекты словообразовательного анализа. «Actes du X Congrès International des linguistes», t. III. Bucarest, 1970; *Он же*. К проблеме психологической реальности словообразовательной модели. «Материалы третьего Всесоюзного симпозиума по психолингвистике». М., 1970, стр. 166 и сл. и др.

прекрасно выразил А. Мартинет: «Si je devais employer *découvrable*, je ne pourrais dire si je fabrique le syntème ou si je reproduis un complexe qui j'ai entendu antérieurement»⁴¹. Именно поэтому для того, чтобы решить, является ли анализируемая последовательность производным словом, или нет, необходимо попробовать как бы восстановить синхронный процесс ее конструирования, а, следовательно, выяснить, можно ли поставить ей в соответствие какую-либо другую единицу языка и находятся ли две единицы — исходная и результирующая — в отношениях словообразовательной производности.

✓ Определение производных единиц через тип выражаемых ими отношений позволяет рассматривать все словообразование как область выявления и существования особых языковых связей и охарактеризовать специфику последних, указав, что (словообразовательные отношения есть либо такие смысловые отношения между однокорневыми словами, которые создаются в языке с помощью определенного числа серийно повторяющихся формальных операций, либо такие формальные отношения, создание которых сопровождается регулярными семантическими сдвигами в исходных единицах и которые служат целям их семантической модификации.)

Введенное в определение отношений словообразовательной производности указание на цель словообразовательного акта — создание нового наименования как выражающего определенную семантическую модификацию исходных единиц — выводит на первый план при анализе словообразования его семантический и ономазиологический аспекты. Все это имеет непосредственное отношение и к теории номинации. Хотя слово является не единственной формой создания и функционирования наименования, а словообразование — не единственным средством пополнения языка новыми названиями, область однословных мотивированных наименований как возникающих в ходе словообразовательного акта и связанных с применением формальной операции, остается важнейшей частью ономазиологии. Без ее изучения нельзя постичь природы номинации в одной из самых обычных ее разновидностей.)

⁴¹ А. Martinet. Mot et syntème. «Lingua», 1968, t. 21, стр. 301; напомним, что синтемой здесь называются любые членимые слова или основы, противопоставленные мореме как нечленимому знаку.

Опора на отношения словообразовательной производности в определении производного наименования существенна и потому, что анализируя словообразование как часть номинативной деятельности человека, подчеркивая процессуальный аспект этой деятельности, мы подходим к более адекватному соотношению области референции обозначаемого и ее обозначения. Так, в контекстах типа *Я был уверен, что эта команда победит. Ее победа подтвердила мои прогнозы* слово *победа* не просто называет определенное действие, но и указывает на его модально-временные характеристики. Таким образом, область референции производных наименований может расширяться за счет «усвоения» этим наименованием речевых, а не только системных значений своего источника. Оказывается, что отношения словообразовательной производности могут связывать мотивированную единицу не столько с мотивирующим ее непосредственно словом, сколько с его индивидуальными грамматическими характеристиками или его окружением. Методическим приемом изучения таких случаев является анализ процессуальной стороны номинативной деятельности, в частности, реконструкция словообразовательного акта и наблюдаемых в этом акте реальных отношений.

Важно отметить, что в то время как подчеркнутая данным определением неразрывность формального и смыслового аспектов в описываемых отношениях исключает одноплановое рассмотрение словообразования и указывает на двусторонний характер любого словообразовательного акта, введение понятия «формальная операция» требует обязательной его конкретизации при анализе каждого отдельного типа словообразовательных связей⁴². Наконец, указание на цель словообразовательного акта — создание нового слова, нового значения и семантическую модификацию исходных единиц — выводит на передний план при изучении словообразования его семантический

⁴² Одновременно с этим, признание формальной неоднородности разных словобразовательных процессов с их истоками на разных уровнях строения языка служит еще одним доказательством того, что само словообразование не следует связывать рамками какого-либо одного уровня. См. подробнее: *Е. С. Кубрякова. Словообразование и его связи с другими лингвистическими дисциплинами. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний».* М., 1974.

аспект. Новое производное, рожденное в акте словообразования и апробированное затем обществом, как и всякое новое слово, выступает как результат обобщенно-мыслительной деятельности человека, продукт осмысления особенностей называемого предмета, результат выделения одного признака из многих и, следовательно, результат абстракции. В закреплении одного признака номинацией предмета отражается важная сторона классификационно-познавательной деятельности человека.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АКТА КАК ОСОБОГО АКТА НОМИНАЦИИ

Мы уже говорили о том, что каждый словообразовательный акт может пониматься и изучаться как особый акт номинации — наречения именем какого-либо предмета окружающей нас действительности (см. подробнее «Языковая номинация (Общие вопросы)»).

Словообразовательный акт протекает при сложном взаимодействии и взаимовлиянии трех величин: 1) того смыслового задания, которое надлежит выполнить, 2) базы деривации и 3) формального средства, осуществляющего переход от исходных единиц к результативным. Представляется, что специального анализа заслуживает по отдельности каждая из названных величин. Разнообразными могут быть конкретные задачи, стоящие (или стоявшие некогда) перед словообразовательным актом; нетождественными по своей форме и протяженности являются те исходные единицы, на базе которых осуществляется словообразовательный акт; не одинаковыми являются и те формальные средства, с помощью которых происходит создание нового имени. Из трех этих величин последовательной классификации подвергались, однако, по преимуществу словообразовательные средства; специфика смысловых заданий при словообразовании и отличительные черты разных баз деривации изучались в гораздо меньшей степени⁴³. Не вызывает между тем сомнения, что поводом

⁴³ Исключением в этом отношении могут считаться в какой-то мере сложные слова, изучавшиеся по их соотношению с единицами синтаксиса разной протяженности и по степени их отклонения от этих единиц; последовательного описания всех сложных слов какого-либо современного языка по этому принципу, однако, насколько нам известно, пока не существует.

для создания нового производного могут служить и служат разные обстоятельства: полное отсутствие названия для нового явления, предмета или процесса; неудобство для его обозначения длинных развернутых описательных словосочетаний и оборотов; неудачное старое название, не соответствующее по своей внутренней форме вновь обнаруженным свойствам данного предмета или явления; нежелание повторения одного и того же обозначения в одном тексте (по стилистическим соображениям или из-за требования экономности текста); возможность опознания обозначаемого фрагмента действительности по разным признакам; необходимость представления имеющихся знаков в новом ракурсе (например, признаков как предметов, явлений как процессов и т. д.) и т. п.

Конечно, не всегда конкретные цели изучаемого словообразовательного акта выступают в качестве осознанного фактора; нередко также созданием нового наименования преследуются несколько целей одновременно. Но классификация этих целей была бы весьма желательной хотя бы потому, что чисто практически мы ощущаем их различие (ср., например, требования, предъявляемые к новым товарным знакам, в отличие от тех, которые предъявляются по отношению к терминам). Классификация целей, в соответствии с которыми протекает тот или иной словообразовательный акт, и условий, которым должны удовлетворять производные единицы разных классов, были бы необходимы и потому, что подобно разным потребностям и нуждам словообразование осуществляется на базе разных лингвистических единиц и принимает разную форму. Социальная обусловленность словообразования имеет и другой важный аспект, ибо от этого зависит, остается ли вновь созданное производное на уровне слова речи⁴⁴, или же получает более широкое распространение и фиксируется словарем. Принятие обществом одних неологизмов и, напротив, неприятие других — это явление, зависящее от многих факторов, но, по-видимому, прежде всего от того, насколько соответствует данное производное поставленным перед ним целям номинации.

⁴⁴ Ср.: В. В. Лопатин. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973; Г. С. Чичлей. «Слова речи» и синтематика. «Филологические науки», 1974, № 4; И. С. Торонцев. Очерк русской ономастологии (возникновение знаменательных лексических единиц). АДД. Л., 1970, стр. 10—11.

При ономасиологическом подходе к анализу производных следует учесть все особенности словообразовательного акта с точки зрения его адекватности поставленной цели, т. е. выполнения определенного смыслового задания. Соответственно словообразовательный анализ должен ответить не только на вопрос о том, какие черты присущи новому производному, но и на вопрос о том, для чего оно создано, какие новые свойства (в том числе и значения) проявляет это наименование по сравнению с мотивировавшей его единицей и что, собственно, делает его новым именем. Методом такого анализа мы считаем соотнесение производного с мотивировавшими его и одновременно с ним сосуществующими единицами в определенном контексте. Процедуру построения подобной словообразовательной корреляции мы предлагаем называть реконструкцией, или воссозданием словообразовательного акта.

Воссоздание словообразовательного акта включает несколько важных моментов: определение условий его осуществления, материальных способов и средств реализации данного задания и самой словообразовательной корреляции как связи мотивирующей единицы с однокоренной мотивированной, с производным словом⁴⁵.

Реконструкция словообразовательной корреляции может равно служить как целям изучения индивидуальных производных (ср. русск. *рисовать* → *рисунок*, *любить* → *любовь*), так и задаче установления словообразовательных моделей, лежащих в основе протяженных словообразовательных рядов. Реконструкция словообразовательного акта может также использоваться как в целях диахронического, так и в целях синхронного анализа. В первом случае она важна как подспорье этимологическому исследованию, во втором — синхронному описанию языка. И в том, и в другом случае, однако, подобная реконструкция может служить ключом к решению целого ряда ономасиологических проблем, в первую очередь — проблемы вы-

⁴⁵ Ср. М. С. Малеева. Словообразовательный аспект исследования роли вербального контекста и его типология. «Вопросы лексикологии современного русского языка». Орел, 1974; Она же: Степень словообразовательной значимости вербальных контекстов. «Актуальные проблемы русского словообразования», I. Ташкент, 1975; Е. С. Кубрякова. Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта. «Сборник научных трудов МГПИИЯ», вып. 103. М., 1976.

бора мотивирующего признака при создании нового имени, проблемы соотношения мотивации и значения, а также отбора «кусочков действительности», подлежащих специальному обозначению.)

Существует мнение о том, что процессуальность словообразования делает эту науку непременно диахронической⁴⁶, имеющей исторический ракурс. Это отнюдь не так. Если при восстановлении словообразовательной корреляции мы используем разновремененно существовавшие единицы, мы занимаемся словообразованием историческим; если же в этой процедуре мы используем единицы, существующие одновременно, мы остаемся в рамках синхронного анализа. Синхронный подход к актам словообразования направлен, следовательно, на изучение механизма связывания одновременно существующих однокорневых единиц, и реконструкция их протекания определяет, какая формальная операция и для выполнения какого смыслового задания была выбрана, с какими исходными единицами она была осуществлена и к каким именно структурно-семантическим последствиям это привело.

Реконструкция словообразовательного акта способствует также его изучению с ономаσιологической точки зрения, как особого акта номинации. Здесь очень важно подчеркнуть, что в понятие реконструкции входит не только прямое установление словообразовательной пары (типа *стол* — *столик*, или *старый* — *стареть*), чего явно недостаточно для прослеживания причин создания данного производного, выбора данного элемента действительности как подлежащего обозначению; выбора какого-то признака в качестве основы называния и т. п. Можно полагать, что реконструкция словообразовательной корреляции — это обязательный компонент реконструкции словообразовательного акта в целом, но в то же время компонент сам по себе недостаточный. Во многих отношениях оказывается плодотворным изучение словообразовательной корреляции со всем ее окружением, в составе включающего ее синтаксического целого.

Естественно, что когда мы изучаем производные, уже апробированные обществом и известные в широком упот-

⁴⁶ См. О. Н. Трубачев. Этимологические исследования и лексическая семантика. «Принципы и методы семантических исследований». М., 1976; ср. также: W. Fleischer. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969, стр. 19 и сл.

реблении, мы без труда объясняем их формальные и семантические ассоциации с мотивировавшими их единицами. Однако при анализе неологизмов становится очевидным, что при их образовании вступают в действие разные механизмы связывания слов.

Мы хорошо знаем, что всякое относительное прилагательное «относит» к слову, лежащему в его основе: так, *иконный* означает 'относящийся к иконе', *командный* — 'относящийся к команде' и т. п. Но тип этого отношения может быть установлен только в ходе наблюдений за образованием относительных прилагательных и обобщением подобных наблюдений.

Анализируя тексты типа «вглядываясь усталыми иконными глазами» (Ю. Бондарев, *Берег*), «рафинадные торосы» (там же), «отдать приказ прежним, командным голосом» (там же), «оскоминные аксиомы» (там же) и т. п., мы, однако, можем доказательно утверждать, что акт номинации связан здесь со сравнением предметов (глаза как на иконе, голос как при команде, торосы как головки рафинада и т. п.) и что созданием указанных относительных прилагательных осуществляется закрепление акта сравнения. Соответственно, семантическая ассоциация между словами типа *икона* — *иконный*, *команда* — *командный*, которая в данных словообразовательных корреляциях закреплена как непосредственная, на самом деле существует как опосредованная определенными предложными оборотами (как на иконе, как при команде и т. п.)

Словообразовательная модель обобщает этот тип связи, объективизирует его определенной морфологической структурой; создание же производного по этой модели происходит как акт номинативной деятельности, отражающий познание окружающего мира и наблюдение за этим миром. Немаловажную роль играют в процессе познания определение и установление типов связей между предметами, классификация их отношений. Семантические ассоциации — отражение этого процесса, и анализ их типов приоткрывает завесу над тайнами мыслительной деятельности человека.

Реконструкция словообразовательного акта позволяет изучать и этот аспект номинативной деятельности человека, ибо, восстанавливая механизм акта номинации в целом, анализируя мотивы появления производного с дан-

ной смысловой и формальной структурой, мы вскрываем смысл возможных связей между словами, образующими словообразовательную корреляцию, — тип семантических ассоциаций между ними. Соответственно, компонентами словообразовательного акта следует считать не только исходные и результативные, мотивировавшие и мотивированные, производящие и производные единицы, но и типы отношений, объективируемые в ходе этого акта и выявляемые структурой производного в трансформированном виде. Каждое новое производное наименование отсылает нас к исходной единице, фиксируя при этом тип связи с исходной единицей, конкретный характер семантических ассоциаций с нею.

Синхронная реконструкция словообразовательного акта — восстановление его как определенным образом протекающего процесса — выступает для нас в качестве особого методического приема, позволяющего определить характер номинативной деятельности, ее задачи, конкретный способ ее осуществления и т. п. (Заметим, что хотя предлагаемая реконструкция может носить гипотетический характер, т. е. моделироваться самим исследователем, наблюдение за протеканием словообразовательного акта может происходить и в естественных условиях. Этот путь исследования и представляется нам наиболее плодотворным.

Обращение к живой речи, к контексту как фиксирующим естественный акт номинации плодотворно, в частности, потому, что оно позволяет установить:

1) реальное соотношение производных и производящих единиц, т. е. источник деривации и ее конечный результат; главным образом — основу названия;

2) тип семантических и вместе с тем формальных связей между производящей и производной единицами, и, следовательно, характер ассоциаций между ними;

3) направление отношений словообразовательной производности (например, от имени к глаголу, или, напротив, от глагола к имени; от более простой единицы к более сложной, или, наоборот, от более сложной — к более простой и т. п.);

4) конкретные условия образования производной единицы и, главное, количество необходимых для введения в данном тексте нового производного семантических уточнителей;

5) причины образования данного производного и смысловое задание словообразовательного акта;

6) принадлежность производного нейтральной или же специальной лексики; наличие или же отсутствие стилистических моментов в акте словообразования;

7) способ осуществления акта наречения и формальную операцию по преобразованию исходных знаков в необходимое производное.

Приведу для иллюстрации еще несколько примеров, помогающих представить реальное протекание словообразовательного акта:

— In Birmingham, over 12.000 *marched* through the main shopping centre and all *sat down* at the busy junction to Victoria Square and observed a two-minute silence... Later, when the police attempted to direct *the march*, there was another *sit-down*, and *the marchers* won the right to *march* to the city center («Morning Star», 18.8. 1968).

— Americans are *money-mad* or *mad about money* («Morning Star», 25.1.1966).

Ясно, что тексты, аналогичные приведенным, помогают легко установить словообразовательные корреляции между *to march* — *the march* — *the marcher*, между *to sit down* и *a sit-down* и т. п. и все их функциональные и структурно-семантические характеристики. Прозрачно выступает здесь и природа вторичного наименования.

Даже самое предварительное изучение словообразовательных корреляций позволяет утверждать, что для каждого конкретного языка существуют не только модели производных, отвечающие представлению о тождестве словообразовательного ряда, но и модели словообразовательных корреляций, отвечающие представлению о реальных ветках словообразовательного гнезда. Важно, по-видимому, знание и тех, и других, ибо в словообразовании, строго говоря, можно наблюдать достаточно разнородные процессы.

Традиционное словообразование базировалось вплоть до настоящего времени преимущественно на результатах таких простейших процессов, которые наблюдаются при возникновении производного под прямым влиянием однокорневого (и обычно структурно более простого по сравнению с ним) коррелята. Такое создание производных можно было бы назвать моделированием по образцу словообразовательной корреляции. В основе этого способа лежит

понимание однотипных связей между источником деривации и ее результатом, осознание их «пропорциональности». В сознании человека при словообразовательных процессах этого типа присутствует определенная семантическая ассоциация между однокорневыми словами.)

— Then for a day I was a *glass-blower*. I had read about *glass-blowing* at school and thought it romantic (Ch. Chaplin);

— Dorothy Parker was there *demure* in black silk, but with a *demureness* fraught with peril to the unwary (W. S. Maugham);

— Now I am not a *critic* and is not my business to *criticize* (W. S. Maugham).

В словообразовательных процессах этого рода номинация осуществляется в опоре на существующие однокоренные знаки языка; соответственно мотивация происходит путем отсылки к словам того же корня.) Ср.: «...пружина, сжатая четырьмя годами войны, наконец, освобожденно *разжалась*, и ее крайней точкой окончательного *разжатия* были не еда, не глоток воды, а сон» (Ю. Бондарев. *Берег*). Примером того же типа может служить строчка из «Молодости» М. Цветаевой «*Шалая моя! Пошалевали/Досыта с тобой*» и т. п.

Пониманию ассоциативных связей между родственными словами в процессах номинации описанного типа противостоит понимание значимости лексического и структурного образца как такового. В актах словообразования по этому типу производные выстраиваются так, как в своеобразном словообразовательном ряду. Примером этого типа могут служить следующие контексты:

— В те времена люди научились понимать друг друга не только с *полуслова*, но даже с *полувзгляда*, *полувздоха*, с *полумолчания* (В. Катаев. *Трава забвения*);

— California... here I go — *unwept*, *unhonoured*, and *unsung* (E. Queen);

— The dividing line between American *law-makers* and *law-breakers* has always been tenuous («Morning Star», 8.3.1974).

(Наблюдая за возникновением нового производного наименования под влиянием соответствующего структурного образца, мы должны констатировать словообразование по аналогии, при котором словообразовательная корреляция как таковая отступает на задний план и при ко-

тором новое название становится понятным не столько благодаря его возможной отсылке к производящей единице, сколько благодаря его соседству с однотипными единицами и сходству с ними. Строго говоря, «производящей единицей» здесь является не соответствующее однокоренное образование, которое может отсутствовать, но те структуры, по образцу и подобию которых создается новое название. Ср.: «Целые сутки, каких, пожалуй, за всю войну не было, солдаты *отмывались, отчищались, отстирывались, отглаживались, отъедались*»... (Ю. Бондарев. Берег).

В целом ряде этих примеров можно отметить отсутствие производящей единицы как таковой: так, причастия *unwert, unhonoured, unsung* вряд ли возводимы к глаголам **unweert, *unhonour, *unsing*, а формы глагола *отстирывались, отглаживались* — к глаголам **отстираться, *отгладиться*. (Созданию нового названия способствует не столько связь с однокорневым образованием, сколько влияние определенной словообразовательной модели.) >

Обращение к реальным текстам позволяет убедиться в существовании еще одного типа словообразовательных процессов, когда производное слово мотивировано не однокорневым с ним словом и не соответствующим образцом.

Для понимания ономаσιологической структуры производного наличие мотивирующей единицы в контексте не обязательно: ср. примеры типа «Начинался *неуют осени*» (А. Цветаева. Воспоминания) или «на черном веере — *лиловость фиалок*» (там же); однако, реконструируя имевшие здесь место акты словообразования, мы не можем не отметить, что мотивирующими единицами служат уже не просто однокорневые образования *неуютный, лиловый*, но словосочетания с ними (ср. *неуютная осень, лиловые фиалки*).

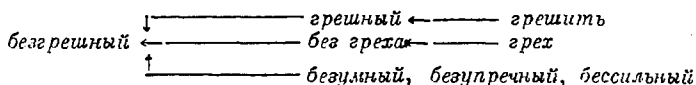
Опорное словосочетание особенно ясно прослеживается в сложных словах, ср. описание героя у Ю. Бондарева: «Был тот *ржановолос, широкоплеч*» и далее «...глядел в его здоровое лицо, ...*на ржанные волосы*» (Берег); ср. также «...торосы... неподвижно сверкали краями *остропиковых вершин*» (там же), и т. п. Реконструкция словообразовательного акта при словосложении оказывается поэтому с формальной точки зрения облегченной именно тем фактом, что сложное слово уже указывает своей структурой, между какими предметами мысли устанавливаются те

или иные отношения. Не случайно, что и классификация сложных слов строится прежде всего на основе этих отношений и определении их типа.

Реконструируя словообразовательный акт как процесс номинации, как процесс формирования нового обозначения в виде производной единицы, мы сталкиваемся, таким образом, с неоднородностью, нетождественностью этих процессов как по характеру их протекания, так и, главное, по структурно-семантическим особенностям производящих единиц. Небезынтересно отметить, что в то время как описание действующей системы словообразования предполагает прежде всего выявление словообразовательных корреляций между однокорневыми образованиями и базируется на установлении словообразовательных моделей, описание ономаσιологических аспектов словообразования требует выхода за эти узкие рамки и более широкого рассмотрения всех возможных случаев появления новых наименований в форме производных. Констатируя существующие в данном языке словообразовательные корреляции между однокорневыми образованиями, мы зачастую не можем утверждать, что конкретное производное прошло в своем возникновении именно этот, хотя и наиболее типичный, случай установления отношений словообразовательной производности. Одно и то же производное могло в процессе номинативной деятельности человека мотивироваться по-разному и проходить разный путь формирования. Оно могло быть, в частности, мотивировано непосредственно однокоренным с ним словом; оно могло быть мотивировано словосочетанием или даже целым суждением; оно могло быть создано по образцу и подобию слов, связанных с ним формальной или семантической общностью. Множественность мотивации⁴⁷ может рассматриваться как отражение того простого факта, что образование одной и

⁴⁷ Ср. А. Н. Тихонов. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971, стр. 312 и сл.; И. С. Улуканов. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики. «Вопросы грамматики». Пермь, 1972, стр. 75; П. А. Соболева. Моделирование словообразования. «Проблемы структурной лингвистики 1971». М., 1972, стр. 177 и сл.; Р. С. Манучарян. О множественности мотиваций. «Актуальные проблемы русского словообразования», II. Самарканд, 1972; В. В. Туркин. О стохастическом характере естественной лингвистической генерации. «Уч. зап. МОПИ им. Крупской», т. 249, вып. 25, стр. 10 и сл.

той же единицы может реально достигаться разными путями. Если та или иная языковая единица выступает как конечный результат серии эквивалентных трансформаций, это означает не только то, что выражение одного и того же смысла осуществляется в языке разными способами, но — применительно к производным словам — и то, что создание производного слова может произойти в опоре на любую из этих эквивалентных трансформаций. Ср. возможные источники мотивации для слова *безгрешный*:

и т. п.

Изучая систему средств номинации, мы должны, следовательно, учитывать все многообразие явлений и процессов, стоящих за образованием новых производных наименований, их изначальную нетождественность и принципиальную неоднородность.

Еще в Тезисах Пражского лингвистического кружка указывалось, что «теория номинации частично анализирует те же языковые явления, что и традиционное учение о словообразовании и «синтаксис» в узком смысле слова»⁴⁸. Не вызывает, однако, сомнения, что теория номинации позволяет увидеть эти явления в новом свете, в новом ракурсе и, соответственно, дать им новое объяснение. Словообразование не представляет в этом смысле никакого исключения. Ономаσιологический подход к явлениям словообразования позволяет преодолеть чисто дескриптивное понимание деривационной системы, позволяет связать все процессы словообразования с номинативной и — шире — коммуникативной деятельностью человека, с привычными для данного коллектива говорящих способами расчленения действительности, с апробированными обществом средствами выражения тех или иных значений. Изучение специфики словообразовательного акта с точки зрения номинативной деятельности человека ведет к обнаружению у него важных сущностных характеристик⁴⁹, в частности, к более адекватному пониманию самой природы словообразовательных корреляций.

⁴⁸ «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 22.

⁴⁹ Ср. «Языковая номинация. (Общие вопросы)», стр. 70 и сл..

(Модели словообразовательных корреляций могут различаться по следующим параметрам:

1) структурно-семантическим особенностям исходных единиц и их протяженности, «формату», по их уровневому статусу;

2) по способам установления отношений словообразовательной производности между исходными и результативными единицами и формальным средствам образования производных;

3) степени и формам выраженности отношений словообразовательной производности в структуре производного. ✓

Ономасиологическая интерпретация производных проявляет значительную зависимость именно от этого последнего параметра, ибо он обуславливает характер отношения общего значения производного к значению его частей. Если по первому признаку модели делятся на мотивированные синтаксической конструкцией (ср. мотивацию словосочетанием, с одной стороны, и мотивацию целым высказыванием, с другой) и мотивированные отдельным словом (ср. мотивацию разными частями речи), и это предполагает изучение типов семантической компрессии, по второму признаку модели делятся сообразно формальным способам их образования. Это ведет к анализу соотношения между использованным формальным приемом деривации и результативной единицей акта деривации. Наконец, по третьему признаку модели делятся на две больших группы — производные с формально выраженными отношениями словообразовательной производности, или производные линейного типа, и производные с невыраженными отношениями производности, производные нелинейного типа. >

Характеризуя эти производные, нельзя не отметить, что ономасиологические проблемы их интерпретации весьма различны. Изучение природы означивания в производных первого рода значительно облегчено тем, что здесь во многих случаях ономасиологическая структура производного представляет собой результат простого сложения нескольких смыслов (ср. «маленький» + «стол» → → столик), каждый из которых одно-однозначно выражен соответствующей морфемой или сочетанием морфем. Интересно, однако, что даже при полной выраженности словообразовательного акта в морфемной структуре произ-

водного, когда этот акт заключается формально в прибавлении тех или иных аффиксов или расширении одной основы другою, ономаσιологическая структура производного может оказаться отличной от той, которая создалась бы в результате сложения значений компонентов производного. Эта возможная неаддитивность смыслов в лингвистических процессах деривации, подчеркиваемая сейчас по справедливости многими лингвистами⁵⁰, была отмечена еще Л. В. Щербой, который указывал на существование правил «сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы»⁵¹. По-видимому, (для теории номинации особый интерес представляют именно эти последние случаи, ибо если процесс сложения смыслов не представляет собой ничего загадочного, появление нового значения — «сверх ожидаемого» или «не вполне ожидаемого» — ставит перед исследователем достаточно сложные проблемы⁵²). Главной из них является, по-видимому, проблема предсказуемости значения во вторичном наименовании, построенном по определенной модели, и связанная с ней проблема фиксации в словаре производных с выводимыми и не полностью выводимыми значениями⁵³. Освещению этих проблем и посвящается следующий раздел.

⁵⁰ В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 230; С. Д. Кацнельсон. Порождающая грамматика и процесс синтаксической деривации. «Progress in Linguistics». The Hague 1970, стр. 112—113; Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика, стр. 79 и сл., где приводится также литература по вопросу.

⁵¹ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, т. II. М., 1965, стр. 68.

⁵² Так, в случаях мотивации не словом, а словосочетанием в мотивированном слове может быть представлена основа лишь одного из слов, входящих в это словосочетание, благодаря чему производное «неполно» выражает свое значение. Интересные примеры такого рода описаны в работе: И. С. Улужанов. Компоненты значения членимых слов. — ВЯ, 1974, № 2, стр. 71—72.

⁵³ Ср. интересное освещение этой проблемы в работе: В. И. Поротиков. Сложные и сложнопроизводные существительные с глагольным элементом в современном английском языке, АКД. Ростов-на-Дону, 1974, стр. 32, и сл.; ср. также замечания Г. С. Чинчлелы о том, что именно возможность выведения значения производного «по правилу» освобождает лексикографов от необходимости заносить подобные единицы в словарь. См. Г. С. Чинчлелы. «Слова речи» и синтематика. «Филологические науки», 1974, № 4, стр. 60.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ У ПРОИЗВОДНЫХ РАЗНОГО ТИПА

Мы уже говорили о том, что чешские лингвисты были первыми учеными, обратившими внимание на сложный характер ономасиологической структуры производного слова и ее обязательную двучленность. Ономасиологическая структура производного, согласно указанной точке зрения, складывается из ономасиологического базиса — понятия, которое кладется в основу обозначения, и ономасиологического признака — понятия, которое так или иначе уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его или конкретизируя или модифицируя основу названия.

Ономасиологическим базисом могут являться понятия субстанции и ее разновидностей (предметы, живые существа и т. п.), понятия действия и его разновидностей и т. п., т. е. понятия, соответствующие тем, что лежат в основе выделения кардинальных частей речи. Ономасиологическим признаком являются свойства предметов и действий, их отношения и связи. Так, объясняя ономасиологическую структуру чешск. *gúpadlo* 'экскаватор', М. Докулил указывает, что ономасиологическим базисом этого слова является понятие субстанции (слово обозначает предмет), конкретизируемое как категория носителя отношения к действию *gúra* 'рыть'; ономасиологическим признаком является не просто конкретный глагол, но отношение к действию, им обозначенному⁵⁴. В формуле толкования этого слова 'механизм, устройство для рытья' ономасиологическим базисом является понятие механизма, а переменным признаком то, что этот механизм служит для рытья.

В исследовании ономасиологических структур можно выделить специальный аспект описания того, как и с помощью каких единиц формируется ономасиологический базис, и как — ономасиологический признак (см. подробнее: «Языковая номинация. (Общие вопросы)»). Можно, как это делали чешские и словацкие лингвисты, избрать иной ракурс рассмотрения: перечислить и описать все типы отношений между базисом и признаком в конкретном языке. Для построения теории номинации важен, однако, такой анализ ономасиологических струк-

⁵⁴ М. Dokulil. Tvoření slov v češtině, I. Praha, 1962, стр. 197.

тур, при котором выявляются особенности выражения того или иного значения этими структурами. Главное внимание здесь надлежит уделить вопросу о том, как соотносятся между собой определенные ономаσιологические структуры производных и выражаемые ими значения.

Если смысловая структура производного существует как мотивированное и расчлененное образование, отсылающее к другим знакам языка, а ономаσιологическая структура — как единство ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака, анализ соотношения этих структур означает прежде всего анализ соотношения исходных значений мотивирующих единиц и использованного формального средства со значениями результативными. Проблема здесь заключается в том, чтобы определить, в каких ономаσιологических структурах значения исходных единиц сохраняются полностью, а в каких — устраняются или преобразуются. Если каждое производное — это новое наименование, то представляется очень важным установить, как формируется новое значение в ходе словообразовательного акта и в каком отношении оно может рассматриваться именно как новое. Интересно проследить в этом смысле, например, то, какие из компонентов ономаσιологических структур — базис или признак — находят семантическое соответствие в исходных единицах деривации, а какие возникают в ходе словообразовательного акта и оказываются его непосредственным результатом. Наконец, еще одним аспектом изучения ономаσιологических структур может явиться установление того, принадлежат ли эти структуры к числу моделируемых по определенным правилам или же к числу образований индивидуальных.

Хотя ниже мы постараемся осветить каждый из перечисленных аспектов изучения ономаσιологических структур, остановимся прежде всего на вопросе о том, подчиняется ли моделирование производных наименований каким-либо закономерностям в семантическом плане и как могут быть сформулированы некоторые правила трансформации исходных значений в процессе словообразования.

Описывая эти аспекты словообразования, обычно ограничиваются указанием на то, что производное — это мотивированное слово и потому — семантически выводимое. Строгое определение этих терминов, однако, отсутствует, ибо (ссылка на возможность объяснения мотиви-

рованного слова через мотивировавшее его слово весьма расплывчата. Ведь остается неясным, насколько полно и насколько просто значение производного может быть выведено из значения производящей единицы и при соблюдении каких условий должно происходить подобное «выведение». Так, семантически выводимыми резонно считать связанные между собой метафорой или метонимией значения одного и того же слова, типа лиса₁ ‘зверь’ и лиса₂ ‘хитрец’. И здесь налицо мотивированность одного значения другим, хотя, как видно, нет отношений словообразовательной производности. (Следует поэтому строго разграничивать мотивированность семантическую (при выводимости одного значения из другого) и формальную (при выводимости семантической, подкрепляемой определенными формальными показателями). Деривационная мотивированность есть именно формально-обоснованная, т. е. имеющая формальное отражение мотивированность. Проявляется она в нескольких отношениях.

Так, например, значение слова *врач* можно «вывести» из значения слова *лечить* или из значения слова *медицина*, но утверждать, что они мотивированы друг другом, вряд ли допустимо. Уже это наводит на мысль о том, что понятие мотивированность имеет более строгие формальные ограничения, хотя бы потому, что при отсылке к исходной единице предполагается отсылка к образованию с тем же корнем. Однако и этого ограничения явно недостаточно. Слова типа *выключатель*, *уплотнитель* можно объяснить формулой — то, что совершает указанное действие, но слова типа *испытатель*, *истребитель* подобному объяснению не поддаются. Выведение формулы мотивации оказывается хотя и возможным, но более сложным процессом. Но выведение такой формулы для доказательства мотивированности обязательно.

Как следует из этих рассуждений, мотивированность понимается нами как объективное свойство производного наименования отражать своим составом и аранжировкой, своей морфологической структурой структуру смысловую и, главное, предсказывать (формулой) ее общее значение. Насколько полно подобное предсказание? В какой мере оно вообще осуществимо? Предсказуема ли ономаσιологическая структура производного, строящегося по определенной словообразователь-

ной модели? В какой мере можно прогнозировать, какой признак будет выбран в качестве основы обозначения того или иного явления действительности? При анализе производных ответы на эти вопросы упрощаются благодаря тому, что словообразование имеет дело с комбинаторикой уже готовых знаков и, следовательно, с выбором для называния связей таких знаков, которые уже существуют в языке.

Мы уже говорили выше, что производное только устанавливает отношения между определенными знаками и выражает наблюдаемые в опыте человека отношения одного предмета, явления, процесса или свойства к другим. Конечно, и в этом случае из многочисленных и разнообразных связей выбирается какая-то одна, определяющая: *ватник* — это одежда, сделанная из ваты, простегиваемая ватной прослойкой; *чайник* — это вместительное для чая и сосуд для его заварки, а *школьник* — это ученик, посещающий школу. И все же, несмотря на кажущееся и действительное разнообразие лексических значений производных, определяется оно всегда в рамках единого общего значения — при установлении отношения одной субстанции к другой на основе самого простого из самого «натурального», естественного высказывания и суждения об именуемом предмете (сделано из ваты; служит для заварки и кипячения чая; учится в школе).

Вопрос о мере регулярности словообразования — одна из наиболее актуальных проблем теории этого предмета. Ведь если для каждой словообразовательной модели можно установить диапазон ее действия и прогнозировать появление производных с определенной ономаσιологической структурой, описание производных можно приблизить грамматическому описанию посредством образцов (парадигм) и правил. В современной лингвистике возможности такого решения проблемы нередко оспариваются. Так, глава школы генеративистов Н. Хомский, изучая место словообразовательных процессов в генеративной грамматике, указал на то, что описывать производные можно либо расширяя понятие лексикона языка и отводя каждому производному отдельное место в словаре (как любой лексической непродуцированной единице), либо увеличивая сеть трансформационных правил. Сам он отдает предпочтение первому из этих путей, выбирая, как он сам ее называет, позицию «лексикалиста»⁵⁵. Свою пози-

цию он мотивирует резко индивидуальным характером словообразования (эти черты словообразования он именует идиосинкратическими) и его крайней нерегулярностью (непредсказуемостью). В качестве примера он приводит, с одной стороны, регулярное образование форм герундия в английском языке (*John has refused the offer* 'Джон отказался от этого предложения' → *John's refusing the offer*, с другой, — нерегулярное образование отглагольных имен. Так образование типа *John's refusal of the offer* 'отказ Джона от предложения' возможно, но трансформация высказывания типа *John amused the children* 'Джон позабавил детей' → *John's amusing the children* → **John's amusement of the children* невозможна. Н. Хомский⁵⁶ подчеркивает неограничиваемое действие первого процесса и, напротив, непредсказуемую, якобы, нерегулярность и случайность второго. Несмотря на то, что приведенные Хомским наблюдения бесспорны, они вряд ли могут рассматриваться как адекватно характеризующие синхронное английское словообразование, ибо они имеют силу только по отношению к уже давно созданным и неоднородным величинам — производным, образованным в разное время, с помощью разных суффиксов и с разными ономаσιологическими структурами (*refusal, eagerness, amusement* и т. п.).

Можно предположить, однако, что словообразовательные правила выводимы лишь для однородных величин и что они охватывают нередко гораздо более узкий класс слов, чем, например, правила грамматические.

Те же возражения можно выдвинуть и против выводов, сделанных Р. Бота в его исследовании, посвященном анализу сложных слов в африкаанс. Аргументируя необходимость описания каждого сложного слова как отдельной лексической единицы с индивидуальными свойствами⁵⁷, Р. Бота оперирует единицами, созданными в разное время и потому подчинявшимся при своем возникновении разным правилам.

⁵⁵ N. Chomsky. Remarks on nominalizations, стр. 187; R. P. Botha. The justification of linguistic hypotheses. The Hague, 1973, стр. 120 и сл.; G. Bedell. The arguments about deep structure. «Language», 1974, v. 50, N 3, стр. 438 и сл.

⁵⁶ N. Chomsky. Указ. соч., стр. 189.

⁵⁷ R. P. Botha. The function of the lexicon in transformational generative grammar. The Hague — Paris, 1969.

Можно полагать также, что необходимость представления многих производных в словаре как отдельных лексических единиц и полноправных слов вызвана не только нерегулярной лексикализацией этих единиц, но и асимметрией смысловых структур слов, связанных отношениями словообразовательной производности. Эта частая асимметрия заключается в том, что по объему передаваемых значений исходное и производное слова не совпадают. Так, не все значения исходного слова дублируются производным: и у того, и другого может наблюдаться специализация одного из значений (ср. *ушко* как уменьшительное от слова *ухо*, подача которого в словаре не обязательна, и *ушко иголки*, что должно получить фиксацию в словаре) и т. д. Хотя вопрос об указанном типе асимметрии требует специального исследования для разных типов производных⁵⁸, представляется, что полное повторение всех значений исходного слова в смысловой структуре производного — явление редкое (ср. *играть* ~ *игра в карты*; *на пианино*; но вряд ли *игра шута* при обычном *играть роль*). Есть все основания полагать, что область чистой синтаксической деривации (с полным равенством значений производной и производящей основ)⁵⁹ охватывает весьма ограниченные классы слов. Впрочем, именно для этого типа деривации правила устанавливаются наиболее просто.

Разумеется степень иррегулярности словообразования кажется очень значительной, если вместо того, чтобы изучать подлинно синхронные процессы словообразования, мы пытаемся насильственно подчинить правилам гетерогенные и гетерохронные единицы, имеющие к тому же нередко длительную историю их существования и развития в изучаемом языке. Фиксация словарем многих апробированных обществом производных оправдана часто именно тем обстоятельством, что возникнув когда-то давным-

⁵⁸ Ср. А. Н. Антышев. Категориальная омонимия основ и корреляция глаголов и существительных в современном немецком языке. АКД. М., 1972; Н. Д. Гарипова. Смысловая структура многозначных наречий в ее отношении к смысловой структуре прилагательных. «Исследования по семантике». (Межвузовский науч. сб., вып. 1). Уфа, 1975.

⁵⁹ Подобное семантическое тождество постулируется, например, для видовых и залоговых пар русских глаголов. См.: А. Н. Тихонов. О семантической соотносительности в словообразовании. — ВЯ, 1967, № 1, стр. 19.

давно в языке и продолжая в нем сохраняться, они с течением времени «обрастают» новыми значениями, развиваясь семантически как самостоятельные слова, более не зависящие от своего источника, или же пополняясь новыми значениями вместе с появлением новых значений у мотивировавших их слов.

Представляется поэтому, что более правы те ученые, которые подчеркивают, что в своей основе словообразовательные процессы достаточно регулярны и что при их описании можно опускать некоторые детали лексикализации моделей⁶⁰. Можно добавить к этому, что словообразовательные правила легче поддаются изменениям, чем правила грамматические и что срок их действия кажется менее продолжительным. При констатации этих правил следует, таким образом, учитывать материал, относящийся к точно ограниченному периоду. Важно отметить также, что, по нашему мнению, словообразовательные правила констатируют диапазон варьирования формально-семантических особенностей определенных словообразовательных моделей, а не однозначный итог словообразовательного процесса. Эти правила не столь жестки, сколь грамматические, а потому они позволяют прогнозировать более сферу действия и круг значений модели, нежели ее обязательный и единственно возможный результат. Для каждой словообразовательной модели существует исчислимое количество типовых структур, которыми она может быть реализована, и такое же ограниченное и исчислимое количество обобщенных значений, которые она может выразить. В принципе поэтому можно считать, что ономаσιологические структуры, соответствующие той или иной формальной структуре, поддаются исчислению.

Интересной проблемой деривационной ономаσιологии является вопрос о том, в какой мере в смысловой структуре производных единиц повторяются значения мотивирующих единиц и в какой мере общее значение производного соответствует или не соответствует значению его компонентов.

Нарушение принципа «сложения смыслов» в производных с выраженными формально отношениями словообразовательной производности мы отмечаем в следующих случаях:

⁶⁰ L. Lipka. Semantic structure and word-formation, стр. 77—78,

при повторении вторичным наименованием семантики исходной единицы, когда вопреки морфемному усложнению производной структуры ее семантическая структура не меняется, ср. *лиса* — *лисица*; *дождь* — *дождик*; *звездь* — *звездик*; эти нечастые случаи представляют собой примеры семантического «выветривания» или опрощения аффиксальных морфем; случаи появления подобных семантических дублетов вряд ли предсказуемы;

при полной невыводимости значения производного из значения его частей; эти случаи можно трактовать как словообразовательные (морфологические) фразеологизмы⁶¹, а, точнее, как псевдопроизводные единицы (ср. *бычок* 'вид рыбы', *предложение* в терминологическом значении и т. п.);

при неполной выводимости значения производного из значения его частей (ср. *писатель*); эти случаи можно трактовать как примеры мотивации с частичной идиоматизацией⁶². >

Важное различие фразеологических (полностью идиоматичных) производных, частично лексикализованных производных (и мотивированных, и неаддитивных с точки зрения комбинирующихся смыслов) и производных аддитивного типа проводится не всеми лингвистами⁶³, однако в то время как фразеологизмы полностью выпадают из системы синхронного словообразования, частично лексикализованные образования представляют весьма ее важную часть. Так, в современном английском языке непосредственно выводимыми значениями обладают, по специальным подсчетам, лишь 48% слов; у остальных 52% слов выводимость значения далеко не столь очевидна⁶⁴. Из этих данных явно следует, что мотивированные производные с ослабленной мотивацией требуют особого описания. Нам представляется, что их адекватное описание может быть достигнуто за счет точного указания путей

⁶¹ Ср.: М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. 51. М., 1956, стр. 146—147; Н. А. Янко-Триницкая. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1969, т. 28, вып. 5.

⁶² Е. С. Кубрякова. Словообразование. «Общее языкознание». М., 1972, стр. 380—381.

⁶³ Ср.: Е. А. Земская. Словообразование, стр. 219.

⁶⁴ Н. А. Сафарова. Структурная мотивировка слова (на материале аффиксальных и сложных образований современного английского языка). АКД. Л., 1970.

возможного отклонения каждой словообразовательной модели от ее деривационного эталона ⁶⁵.

Выше мы уже указывали на то, что относительные прилагательные в русском языке могут выражать не только общее значение 'относящийся к тому, что указано производящей основой', но и сравнительное значение — 'с такими свойствами, какие предполагаются производной основой' (ср. *отцовский взгляд*: 1) 'принадлежащий отцу' и 2) 'как у отца'), ср. аналогично у наречий типа *по-летнему, по-московски*. Подобные значения вполне предсказуемы, хотя их появление знаменует возникновение производных с частично лексикализованными значениями.

Другой возможный путь образования подобных производных — повторение производным не только прямого номинативного значения его источника, но и его обычного окружения. Так, деривационным эталоном французской словообразовательной модели «de + именная основа + er» является глагол со значением лишения, отделения при извлечении, ср. *démasquer* 'снимать маску', *démeubler* 'убрать (выносить) мебель', *débourder* 'очищать от грязи', *déradiser* 'уничтожать крыс, мышей'. Частичная лексикализация здесь возможна, когда производное фиксирует вдобавок к указанному значению еще один компонент действия: ср. *délaiter* 'отжимать сыворотку из масла', *délarder* 'отделять сало от свиной туши', *déchainer* 'спускать с цепи собаку', *dénoyer* 'откачивать воду из затопленной шахты' и т. п.

Мы глубоко убеждены в том, что именно частичная лексикализация производных придает словообразовательным процессам их гибкость, выразительность, а также делает их эффективным и действенным средством номинации. Одним сложением существующих смыслов было бы невозможно удовлетворить растущие потребности человеческого общения, ибо языку постоянно нужны новые наиме-

⁶⁵ См. подробнее: *Е. С. Кубрякова*. Теория мотивации и определение мотивированности производного слова. «Актуальные проблемы русского словообразования». II. Ташкент, 1976; ср. также *Т. Ф. Иванова*. К вопросу о семантической мотивации производных слов. «Языковая практика и теория языка». М., 1974, стр. 130 и сл.; *О. П. Ермакова*. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур. «Актуальные проблемы русского словообразования», I, Ташкент, 1975; *Л. Л. Ким*. О понятии «тождество лексических значений» в синхронном словообразовании. — Там же.

нования и новые значения. Предметом словообразовательного анализа не должны поэтому служить одни только производные аддитивного типа. Это положение не является общепринятым. Так, З. М. Волоцкая указывает, что «под производными словами... будем понимать только такие слова, значения которых однозначно и стандартно выводятся из значения морфем, составляющих эти слова»⁶⁶. Это мнение, выдвинутое также польскими специалистами по теории словообразования, не может быть поддержано, ибо, следуя ему, пришлось бы признать существующими за рамками системы словообразования чересчур много единиц типа *водитель*, *писатель*. Представляется, что более разумную точку зрения защищал еще Ш. Балли, указывая, что «два понятия с чисто произвольными языковыми знаками соединяются, чтобы образовать сложное понятие, близко или отдаленно напоминающее действительное значение полного знака»⁶⁷ (разрядка наша. — Е. К.). При анализе каждой словообразовательной корреляции и возникает задача определения этой «близости» или же «отдаленности» производных единиц от единиц производящих. Думается в то же время, что в каждой словообразовательной модели есть свое собственное смысловое расстояние между указанными единицами и что оно (и его варианты) моделируются достаточно строго.

Приведу один пример. В качестве доказательства нерегулярности словообразования и непредсказуемой гибкости наблюдаемых здесь корреляций нередко приводили образования глаголов от имен в современном английском языке: *to milk* 'доить корову', *to tree* 'влезть на дерево', *to skin* 'содрать кожу', *to father* 'усыновить или удочерить ребенка', *to clown* 'кривляться', 'паясничать' и т. д.⁶⁸ Роузу, однако, удалось убедительно показать, что эти семантические расхождения объясняются существованием всего только четырех разных моделей образования деноминативных глаголов, реализация которых зависит от возможности ~ невозможности направить новый глагол

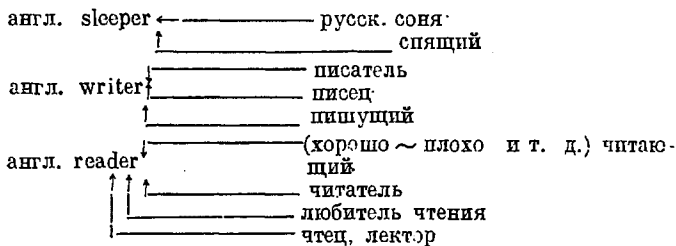
⁶⁶ З. М. Волоцкая. Установление отношений производности между словами (опыт применения трансформационного метода). — ВЯ, 1960, № 3, стр. 100.

⁶⁷ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 145.

⁶⁸ См., например: Л. Блумфилд. Язык. М., 1966, стр. 259.

на тот или иной объект действия. Так, удалить можно нечто, составляющее часть мотивирующего существительного (*to peel an orange*) 'очистить апельсин', 'лишить его кожуры', *to bone a chicken* 'вытащить кости из цыпленка' и т. д.); стать похожим на нечто можно при наличии у предмета каких-либо отчетливых, идентифицирующих его свойств, что обычно, когда существительное обозначает какое-либо живое существо (ср. *to monkey* 'обезьянничать', *to clown* 'кривляться', *to father* 'стать похожим на отца' или 'стать отцом' и т. п.⁶⁹).

При действительном разнообразии лексических значений у производных одной модели их обобщенное словообразовательное значение одно и то же. При этом последнее может выступать регулярно либо как результат сложения смыслов сочетающихся единиц, либо как результат установления стандартной смысловой дистанции между производящими и производными единицами. В современном английском языке, например, суффиксы *nomina agentis* создают названия действующего лица без специального разграничения профессиональных и непрофессиональных действий (*he is a bad swimmer; the writer of the letter*), и в смысловой структуре производных с этими суффиксами совмещаются значения характеристики лица а) по профессиональному занятию; б) по склонности к определенному действию или состоянию и в) по занятию в настоящий момент⁷⁰. В русском языке, однако, более отчетливо выражена тенденция разграничить эти значения с помощью разных суффиксов. Отсюда асимметрия смысловых структур типа:

⁶⁹ J. H. Rose. Principled limitations on productivity in denominal verbs. «Foundations of Language», 1973, v. 10, N 4.

⁷⁰ И. Г. Демтарь. Производные (суффиксальные) существительные, выражающие понятие «действующее лицо» в современном английском языке. АКД; Л., 1973, стр. 9.

Естественно в связи с этим, что в описании английского суффикса типа *-er* и производных с ним мало указать на агентивное значение и дать формулу «тот, кто выполняет действие, обозначенное производящей основой». Необходимо указать и на возможную «неаддитивность смыслов», имеющую вполне регулярный характер и связанную с действием таких уточнителей, как «по профессии», «по склонности», «обычно», «сейчас» и т. д. и т. п. Адекватного описания ономастологической структуры производных без этого быть не может. Таким образом, даже, казалось бы, простые модели с выраженными отношениями словообразовательной производности, каждая часть которых отражает тот или иной «кусочек смысла», ставят перед нами определенные ономастологические проблемы. Главная из них — раскрытие связи значения производного со значениями его частей, которые в производных линейного типа отражают — с той или иной степенью полноты — источники деривации и конкретные словообразовательные средства, чаще всего — один из аффиксов.

Выводимость значения у производного наименования — это в значительной мере результат повторения в его морфологической структуре единиц, с которыми обозначаемое связано ассоциативными связями (*дождевик* — нечто, связанное с дождем, *пожарище* — нечто, связанное с пожаром, *истребитель* — нечто, связанное с действием *истреблять* и т. п.). В то же время конкретная предсказуемость значения зависит главным образом от того, насколько указанные выше ассоциативные связи, закрепляемые определенной словообразовательной моделью, регулярны и постоянны. Естественно, что у производных аддитивного типа выводимость их значения базируется на том, что аффикс указывает однозначно не только на новое значение, но и на постоянный характер его связи с производящей основой (так, суффикс *-ик* в русском языке означает не только уменьшительность, но и то, что его присоединением к производящей основе достигается установление простой атрибутивной связи: *дом* — какой? → *маленький* = *дом-ик*). Свойство выводимости у таких единиц знаменует одновременно и свойство предсказуемости значения у данной словообразовательной модели.

Напротив, у производных неаддитивного типа свойство выводимости значений может непосредственно отсутствовать, предсказуемость же значения, однако, отнюдь не

исключена. Если у анализируемой словообразовательной модели диапазон значений может быть ясно очерченным, эта словообразовательная модель демонстрирует формирование предсказуемых значений; выводимость их в то же время может быть неполной. В приведенном выше примере с суффиксом *-er* в английском языке появление новых значений может быть легко предсказано (это будет либо название действующего лица, либо орудия действия, либо — несколько реже — название новой вещи, например, одежды). «Вывести», однако, конкретное значение слов типа *slipper* ‘комнатные туфли’, ‘шлепанцы’, *smeller* (жарг.) ‘нос’, ‘нюхалка’, *smoker* ‘вагон для курящих’ непосредственно из значений глаголов *to slip* ‘двигаться тихо и незаметно’, *to smell* ‘обонять’, ‘нюхать’ и *to smoke* ‘курить’ достаточно затруднительно. Напротив, предсказать возможность появления указанных выше значений было бы вполне вероятным.

Вопрос о предсказуемости значений у производного наименования решается, следовательно, в зависимости от адекватности сведений о данной словообразовательной модели; знание словообразовательной модели предполагает в первую очередь описание возможной сферы ее действия, в том числе — диапазона формируемых с ее помощью значений. Вопрос о выводимости значений у производных единиц более сложен, ибо сам выбор базы наименования может быть более или менее оправданным и даже удачным; разная оправданность разных производных наименований (ср. *дождевик*₁ ‘гриб, появляющийся после дождя’ и *дождевик*₂ ‘плащ, защищающий от дождя’), разные по своей значимости реальные связи вещей, положенные в основу обозначения и закрепляемые в производном слове, создают разные степени мотивированности одного слова другим и, следовательно, разные степени выводимости значения производного слова из значения его производящей единицы.)

Мотивированность производного наименования линейного типа, т. е. расчлененного по своей формальной структуре и существующего в виде последовательности из двух основ, или основ в сочетании с аффиксами, обуславливается простотой и естественностью соотнесения каждой этой части с определенными значениями. Нельзя только забывать при этом, что значащими, мотивированными являются не только сами компоненты морфологической

структуры производного, но и порядок их следования, сама их организация в данную словообразовательную модель, закрепляющую типы связей между ее компонентами, в общем соответствующие естественным связям предметов в окружающей нас действительности.

Когда в теории мотивации производного слова начинают исходить из того, что одна его часть является мотивирующей, а другая — немотивирующей⁷¹, недооценивают роль аффиксов или других словообразовательных средств, ибо использование каждого из них тоже продиктовано законами мотивации одной единицы другой. Точно так же, когда роль мотивирующей части приписывают только производящей основе, недооценивают значимость словообразовательной модели как значащей формы для построения нового наименования. Думается, что мотивированным может считаться не только такое наименование, значение которого легко определяется по его «мотивирующей», основной части, но и то, значение которого мы узнаем по всему его строению, включая, конечно, и все специальные деривационные морфемы. Мотивированность производной единицы — результат следования его структуры определенному образцу, включающему в качестве производящей основы такую последовательность, которая входит обязательной составной частью в суждение об обозначаемом. Для производных линейного типа эти исходные суждения содержат не только элемент, соответствующий производящей основе, но и элементы, соответствующие аффиксу. Так, английское наименование *smoker*₁ 'курильщик' эквивалентно суждению «он курит; тот, кто курит, курильщик», а *smoker*₂ 'вагон для курения' эквивалентно суждению «здесь курят, это — вагон, где можно курить». Оба они мотивированны, оба содержат одну базу наименования — глагол *to smoke*, но выражают разные значения в силу мотивации разными суждениями с этим глаголом.

Иные ономаσιологические проблемы возникают при изучении производных с невыраженными отношениями словообразовательной производности. К таким производным могут быть отнесены образования, в морфемной структуре которых отражены не все морфемы, мотивировавшие их значения. Так, *инструктаж* — это название действия по

⁷¹ И. С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. АДД. М., 1975, стр. 15 и др.

глаголу *инструктировать*, но в морфемной структуре эта мотивация не находит полного отражения⁷². Структурами, морфологически менее сложными, чем исходные единицы, оказываются также производные, являющиеся результатами процессов универбации, или словообразовательного эллипса, ср. *трехдюймовка* из *трех-дюймовая винтовка*, англ. *a two-decker* из *a ship with two decks*, голл. *west-zuider* из *west-zuid wind*, *фигурист* из *специалист по фигурному катанию* и т. п. Естественно, что интерпретация подобных образований связана с восстановлением левого, исходного члена словообразовательной корреляции. Это же справедливо, по всей видимости, для случаев обратной деривации, типа англ. *to televise* от *television* или русск. *ультрамарин*. Последнюю группу производных с невыраженными отношениями словообразовательной производности представляют образования, в морфологической структуре которых ничто не выдает их вторичного или производного характера: таковы единицы, различающиеся только по огласовке корня или связанные отношениями чередования фонем или ударения; таковы также единицы, созданные в процессе усечения морфологических показателей (ср. русск. *заика*; *зажим*; *ход* и пр) или так называемой конверсии.

Словообразовательная «невыразительность» основ подобных производных ведет и к трудности их семантического истолкования. Ведь если производные, структура которых отражает мотивирующие единицы или их части и/или формальную операцию по их семантическому преобразованию (таковы рефлексy в виде аффиксов, чередования, мены ударения и т. п.), могут с точки зрения теории номинации рассматриваться как названия расчлененные, названия-синтагмы, названия-монемы такой возможности не представляют. Возникает вопрос: маркированы ли такие единицы как производные? Вызывают ли они те ассоциации с первичными единицами, которые позволяют для понимания данной единицы отослать к единице исходной? Что именно доказывает вторичность этих единиц? В настоящей работе мы попытаемся дать ответы на часть этих вопросов, выбирая для анализа группу производных, демонстрирующих в построенных с их участием

⁷² Ср. П. А. Соболева. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей модели. «Проблемы моделирования языка», 3. 2. Тарту, 1969, стр. 158 и сл.

словообразовательных корреляциях одинаковую структурную сложность основ в левой и правой частях корреляции, ср. модель типа «золот-о → золот-ой», «дел-а-ть → дел-о», «кум → кум-а» и т. п. Иначе говоря, нас интересует природа наименования таких производных, в морфемном составе которых ничто не выдает ни их производного характера, ни формальной операции по их образованию. Выработке принципов описания этих структур, установлению правил их синхронного конструирования, определению формальной операции по их созданию и выявлению семантики их моделей и посвящается следующая часть этой работы. Для того, чтобы перейти непосредственно к обсуждению этих конкретных проблем, представляется необходимым рассмотреть еще один параметр словообразовательной корреляции — формальное средство ее образования и уяснить, какое значение имеет этот фактор для организации смысловой структуры вторичного наименования.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Системный характер словообразовательных отношений сказывается прежде всего в том, что семантическая мотивированность одного образования другим «программируется», т. е. вводится в определенное формальное русло и связывается с теми или иными формальными признаками. Восстановив для каждого производного стоящую за ним словообразовательную корреляцию, т. е. обнаружив базу его деривации, мы, собственно, доказываем производность единицы и устанавливаем ее направление. Теперь, чтобы отождествить тип производного, мы должны определить характер формальной операции, в ходе которой это производное было сконструировано.

Чисто эмпирически мы хорошо знакомы с тем фактом, что словообразовательные модели, построенные при участии аффиксов, отличаются обычно по своему значению от тех, которые появляются в ходе словосложения или аббревиации. В теории словообразования и теории номинации, однако, этот очевидный факт не был оценен по достоинству. Конечно, при характеристике каждой модели указывалось на ее значение, но в целом прямая зависимость между семантикой производных единиц и способом их

создания как-то ускользала от внимания исследователей. Во всяком случае, не обращали должного внимания на то, что в каждом конкретном языке при известной общности круга словообразовательных значений (т. е. значений, создаваемых с помощью словообразовательных средств) способ выражения каждого такого отдельного значения тесно связан с используемой формальной операцией. Между тем подобная зависимость, несомненно, существует. Так, аффиксация менее связана со свертыванием и семантической компрессией высказываний, чем словосложение; словосложение проявляет зависимость от того, насколько велика или, наоборот, незначительна степень отклонения композита от мотивировавшей его синтаксической конструкции. Предельным случаем этого рода являются, по-видимому, некоторые типы сложносокращенных слов. Но ведь степень расхождения между производящими и производными единицами отнюдь не безразлична для семантической выразительности слова и его смысловой прозрачности. Префиксация не так изменяет семантику исходного слова, как суффиксация, а, следовательно, и ономаσιологические последствия выбранной формальной операции должны оказаться нетождественными. Именно поэтому природа мотивации должна изучаться и при анализе того, что достигается в семантическом плане при использовании данной операции, данного средства.

Так, при аффиксации происходит либо включение исходного знака в класс знаков, обозначаемый аффиксом, либо уточнение этого знака по вполне определенным параметрам. Первое присуще суффиксации, второе — префиксации. В современном английском языке, например, суффиксы существительных могут быть разделены на две группы — одна из них включает исходные основы в класс актантов, другая — в класс абстрактных существительных со значением опредмеченных состояний, качеств, свойств и т. п. Прибавлением суффиксов из первой группы достигается отнесение мотивирующей основы к числу актантов — как действующих лиц, так и орудий, инструментов действия, без формального различия этих рядов и при частом совмещении в одном наименовании указанных значений (типа *a speaker* 'диктор' и 'громкоговоритель'). Интересно отметить, что при образовании наименований действующего лица или одушевленного ак-

танта значение производного близко буквальному и варьирует в тех пределах, которые мы описали выше: *reader* 'тот, кто читает', *swimmer* 'тот кто плавает', *roller* 'тот, кто катается' и пр. Напротив, специализация значений и частичная идноматизация более обычны при образовании названий, обозначающих приборы, приспособления и пр. *concreta*, чем при образовании подлинных *nomina agentis*, ср. *to knock* 'стучать' — *a knocker* 'дверной молоток', *to roll* 'катать' — *roller* 'роллер', 'валик', *to radiate* 'излучать' — *radiator* 'радиатор', *to generate* 'производить', 'порождать' — 'генерировать' — *generator* 'генератор', *to arrest* 'останавливать' — *arrester* 'останавливающее устройство у самолета' и т. п. Специализация суффиксов зависит от многих факторов (исконности ~ неисконности мотивирующих основ, их морфемно-деривационного строения, семантики и т. п.), но она, несомненно, существует.

Функция суффиксов второй группы так же заключается в указании на вхождение в особый класс слов, причем и здесь суффикс выступает в качестве ономаσιологического базиса наименования, а основа — в качестве ономаσιологического признака⁷³, т. е. величины переменной. Присоединив суффикс *-ry* к основе агентивного содержания, мы получим ономаσιологическую структуру *nomina collectiva*, т. е. значение «собирательное понятие», а основа ответит на вопрос о том, каково оно конкретно и из кого составлено (*merchantry* 'купечество', *Danishry* 'датчане'; ср. также *rosary* 'розарий', *shrubbery* 'кустарник'; *swinery* 'свинарник' и т. д.). Таким образом, формальная операция по прибавлению суффикса ведет к отождествлению данного предмета, явления и т. п. по его классной принадлежности.

Прибавление префиксов ведет обычно к другим последствиям, ибо ономаσιологическим базисом наименования является основа, префикс же указывает на переменный признак обозначаемого. Префикс не столько классифицирует, сколько уточняет исходный знак, ограничивая его в локативном или временном отношении или же способствуя его оценке. Так, префикс *ante-* в английском языке не столько включает исходную основу в новый класс предметов, расположенных перед чем-либо, а указывает,

⁷³ М. Dokulil. Tvoření slov v češtině. I. Praha, 1962, стр. 196 и сл.

что данный предмет характеризуется по своему местоположению (*ante-room*, *ante-chamber*) или по времени своего совершения как существующий перед событием или периодом, обозначенным старой основой (*ante-Norman*, *ante-war*). Точно так же префикс *anti-* свидетельствует не столько о том, что производные, построенные с его участием, входят в какой-либо особый класс «отрицательных явлений»; его функция — модифицировать исходную основу, придав ей значение противоположности, обратной направленности, направленности против чего-либо и т. д., ср. *anti-hero* (который все-таки разновидность героя!), *anti-matter* (которая все же некая разновидность вещества); ср. далее *anti-cyclon*, *anti-American*, *anti-corrosive*, *anti-feber* и т. п. В ходе префиксации, следовательно, создаются такие структуры, которые связаны со специализацией или спецификацией исходной структуры, причем обычно в локативном, хронологическом или оценочном отношении. Суффиксы осуществляют операцию по включению в определенный класс, префиксы — по уточнению границ названного предмета, явления, процесса и т. п. Сферой, где значения префиксов и суффиксов могут пересекаться, оказывается иногда оценочная сфера; и здесь, однако, более конкретные типы оценок закрепляются за той или иной формальной операцией (ср. более частую передачу суффиксами значений уменьшительности ~ увеличительности, или градуальности, но негативных, аспектуально-модальных и пр. значений — префиксами). В этом аспекте и имеет смысл изучать вклад аффиксов в организацию ономаσιологической структуры производного наименования ⁷⁴.

Словосложение приводит к возникновению производных с иными ономаσιологическими структурами ⁷⁵. Сочетанием двух и более полнозначных единиц достигается новое наименование, конкретный смысл которого узнается по установлению отношений между сочетающимися знаками. В простейших случаях эти отношения являются

⁷⁴ См. подробнее: Е. С. Кубрякова, Э. А. Харитончик. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. «Принципы и методы семантических исследований».

⁷⁵ Ср.: G. Kramer. Zur Abgrenzung von Zusammensetzung und Ableitung. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 1962, Bd. 84, H. 3.

атрибутивными, родо-видовыми, но еще грамматисты древней Индии указывали на разнообразие связей внутри композита, скрытое за одной и той же формой. В современной лингвистике подчеркивается, что содержание сложного наименования предполагает иногда целое высказывание или даже цепочку высказываний (ср., например, несколько предложений экзистенционального типа, стоящих за сложными словами типа *a cry-baby* или *a house-keeper: there is a baby, it cries often; there is somebody, he keeps a house, he is a house-keeper*). В теории порождающих грамматик выделилась специальная область, занимающаяся явлениями этого рода и обобщившая их в учении о номинализации. Согласно этой теории, многие типы ядерных предложений можно с помощью последовательных трансформаций «номинализировать», т. е. превратить в однословное наименование, содержащее в скрытом или свернутом виде идею «глубинной структуры».

По-видимому, однако, более оправдано мнение тех лингвистов, которые постулируют для каждой отдельной модели сложного слова определенный тип логических связей между его компонентами ⁷⁶ (приписывается затем этой логической форме статус глубинной структуры, или нет, в целом безразлично).

Поскольку характеристика ономаσιологических структур в моделях сложных слов выходит за рамки настоящего исследования, укажем только на некоторые особенности акта сложения в его отличии от акта аффиксации: 1) за актом сложения всегда стоит процесс универбации; суффиксация и префиксация связаны с универбацией гораздо реже; 2) способы мотивации при сложении в целом более сложны и разнообразны, и это связано со спецификой объединения полнозначных единиц, ибо соположению таких единиц внутри одного слова может соответствовать разнообразие связей обозначаемых предметов в реальной действительности; 3) семантическая компрессия достигает в пределах сложного слова гораздо большей степени, чем внутри аффиксального производного; 4) формула объединения элементов в сложном слове более обобщена и менее конкретна, чем формула объединения определенного аф-

⁷⁶ Ср., например, *H. E. Brekle. Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition.*

фикса с основой; 5) эта формула отвечает только идее соположения или сравнения знаков по разным основаниям. >

В общем можно утверждать, что такая формальная операция, как сложение, служит отражению и выражению связанности предметов, процессов и т. д. в окружающем нас мире, и из-за чрезвычайной сложности возможных типов связей в действительности может приводить к возникновению семантических структур разного содержания. >

Регулярное словообразование чаще осуществляется в рамках аффиксации, где тождеству аффикса обычно соответствует тождество общего значения словообразовательного ряда и, следовательно, наличие обобщенного инвариантного значения у каждого отдельного члена этого ряда. Словосложению присущ менее стандартный характер; единству структурных признаков модели не препятствует большой разброс значений у сложных слов, реализующих эту модель. Словообразовательные ряды, построенные с участием одного и того же компонента (как в качестве первого, так и в качестве второго члена композита), демонстрируют обычно больший диапазон варьирования значений, чем аффиксальные производные, ср.:

ice-boat, ice-breaker 'ледокол' < 'то, что колет лед';

ice-bag (мед.) 'пузырь для льда';

ice canoe 'лодка на полозьях' < 'то, что скользит по льду';

ice-chart 'карта ледовой обстановки, расположения льда';

ice-cold 'холодный как лед'

ice-drift 'дрейф льда', 'ледоход'

ice-field 'ледяное поле' < 'то, что состоит из льда'

icesman 'арктический путешественник'

ice-marks 'знаки, оставленные давлением льда' и т. д.

Все эти признаки словосложения, в отличие от аффиксации, противостоят друг другу по характеру идентификации нового предмета, признака или процесса. Суффиксация и прибавление суффикса приводит к тому, что новое производное идентифицируется по его вхождению в определенный класс или разряд явлений, префиксация и прибавление префикса ведут к тому, что новое наименование возникает в результате переосмысления старого и его уточнения новыми локативными, временными или оценочными характеристиками. Словосложение, однако, заклю-

чается в идентификации нового предмета, процесса и т. п. по их частному, индивидуальному, конкретизирующему признаку. Англ. *to handshake* — это все-таки трясти, причем трясти только один конкретный объект — руку; нем. *Schwarzweißmalerei* — это прежде всего *Malerei*, индивидуальным и потому отличительным признаком которой является, что она выполняется исключительно в черно-белых тонах и т. п. В какой-то мере можно полагать поэтому, что способ мотивации при словосложении обратен тому, что используется при суффиксации: посредством уточнения одной основы другую нечто называемое выделяется из класса предметов, а не включается в него. Способ мотивации, таким образом, непосредственно связан со способом словообразования и даже в какой-то мере предопределен этим последним. Конкретное смысловое задание ведет к выбору определенного словообразовательного приема как наиболее адекватного средства выполнения поставленной задачи. В свою очередь, этот прием оказывается имеющим прямое отношение к формированию внутренней формы наименования.

Зная свойства простейших средств словообразования, — а «линейные» средства принадлежат именно к их числу, — можно перейти и к анализу более трудных случаев, в частности, случаев безаффиксального словообразования. Так как и аффиксальные и сложные конструкции образуют класс линейных производных, их можно рассматривать прежде всего как двучленную синтагму; двучленной является и их ономаσιологическая структура, состоящая из ономаσιологического базиса (определяемого) и ономаσιологического признака (определяющего). Естественно поэтому, что, как отмечает М. Докулил⁷⁷, а также Г. Марчанд⁷⁸, ономаσιологическая структура подобных производных может быть описана по характеру противопоставления ее членов. При суффиксации создаются обычно ономаσιологические структуры, базисом которых является суффикс (указатель обобщенного класса, разряда и т. д.), а переменным признаком — основа. При префиксации,

⁷⁷ М. Dokulil. Указ. соч., стр. 196.

⁷⁸ Он описывает производное как синтагму, один из членов которой является *determinant*, а другой *determinatum* (H. Marchand. The categories and types of Present — day English word-formation. 2 ed. München, 1969, стр. 3 и сл.).

наоборот, базисом оказывается основа, а переменным признаком — префикс. Таково же часто соотношение базиса и признака при словосложении, ибо базисом является, как правило, второй или последний член сложного слова. В противовес аффиксации, однако, для которой типична иерархическая связь базиса и признака, при словосложении двучленная структура может реализоваться также как сочетание однопорядковых и равнозначных единиц (сложение двух базисов указывает при этом как бы на одновременность наличия некоторых свойств, процессов, предметов и т. д. в обозначаемом явлении, ср. нем. *kennenlernen*, англ. *bittersweet*, *girl-friend*, русск. *англосакс*, *зубробизон*, *изба-читальня*, *северо-восток* и т. д.).

Появление той или иной ономаσιологической структуры продиктовано, следовательно, прежде всего использованием формальной операции по сложению основ или по их сочетанию с префиксом и/или суффиксом. Словообразовательное средство выступает в виду этого как важный момент в формировании значения производного наименования. Соответственно, определение характера используемой формальной операции представляет важный этап в анализе ономаσιологической структуры наименования. Первая задача, которая возникает при исследовании безаффиксального словообразования, касается поэтому установления сути применяемой здесь формальной операции. Лишь после этого мы сможем, по-видимому, охарактеризовать специфику данного способа словообразования и с ономаσιологической точки зрения, анализируя его особенности на фоне тех общих свойств, которые мы обнаружили у суффиксации, префиксации, словосложения и линейных производных в целом. Итак, какая именно формальная операция характеризует безаффиксальное словообразование?

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ОНОМАСИЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗАФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Термин «безаффиксальное словообразование» не вскрывает природы изучаемого явления, ибо словообразовательные приемы, осуществляемые без участия аффиксов, многочисленны и неоднородны. Безаффиксальным может быть и словосложение, безаффиксальной является и обратная деривация, и аббревиация, безаффиксальным мо-

жет быть и словообразование посредством чередования или мены ударения. Из этого перечисления видно также, что понятие безаффиксального словообразования не совпадает полностью с понятием производности с невыраженными отношениями деривации. Ниже подлежит поэтому анализу понятие безаффиксального словообразования в самом узком смысле — как словопроизводства (т. е. частного случая словообразования, противопоставленного как «производство» с помощью служебных элементов сложению и всем прочим видам фонологического преобразования), причем словопроизводства, осуществляемого без участия какого бы то ни было деривационного аффикса. Это ограничение позволяет противопоставить безаффиксальное словопроизводство обратной деривации, которая протекает при усечении деривационных элементов. В то же время приведенное определение не позволяет смешивать изучаемый прием с более широким явлением усечения, которое может иметь место и при безаффиксальном словопроизводстве, но может характеризовать и другие разновидности словообразования (например, регулярную аффиксацию). Соответственно, безаффиксальное словопроизводство, как мы покажем подробнее ниже, может протекать при усечении морфологических показателей (ср. русск. *ходить* → *ход*, *ловить* → *лов*, *синий* → *синь*), но может происходить и при его отсутствии (ср. *хам* → *хамить*, *обед* → *обедать*, *зло* → *злой* и т. п.).

Безаффиксальное словопроизводство наблюдается тогда, когда оба члена словообразовательной корреляции имеют материально тождественные основы (*золот-о* → *золот-ой*), обычно не содержащие никакого словообразовательного аффикса. Последнее, правда, далеко не обязательно, ср. *на-кип-а-ть* → *на-кипь*, *без-дель-ник* → *бездель-нич-а-ть* и т. п. Важно, таким образом, что оно имеет место при полном совпадении словообразовательных структур у производной и производящей основ, т. е. при равенстве их деривационной сложности, ср. англ. *to track* → *a track*; *a side-track* → *to side-track*; нем. *auseinanderfallen* → *das Auseinanderfallen*, *fallen* → *das Fallen* и т. д.

Равенства морфологических структур может при этом и не быть, ср. русск. *дел-а-ть* → *дел-о*, *зл-о* → *зл-и-ть* и т. д.; иначе говоря, безаффиксальное словопроизводство может существовать как при совпадении морфологических

структур производной и производящей единиц, так и при их расхождении. Последние случаи рассматривались и рассматриваются иногда как разновидность аффиксации или же аффиксации, совмещенной с формообразованием; необоснованность такого взгляда мы пытались доказать в специальной работе ⁷⁹.

Трактовка безаффиксального словообразования у разных исследователей и особенно в разных языках очень различна. Во всяком случае, как указанный термин, так и термины «нулевое словообразование» или «словообразование с помощью нулевой аффиксации», а также «конверсия» применяются нередко по отношению к явлениям, демонстрирующим принципиальное сходство. И все же, как показывают сами термины, применение их связано с подчеркиванием разных сторон и разных признаков рассматриваемого явления.

Использующие термин «нулевая аффиксация» указывают нередко на то, что «термин «безаффиксный (или безаффиксальный) способ» ...дает лишь негативную характеристику данного способа словообразования и не отвечает на вопрос, какими средствами выражается при этом способе словообразовательное значение, какова специфика этого способа по сравнению с другими способами, для которых также характерно отсутствие аффикса» ⁸⁰. По существу, однако, и термин «нулевая аффиксация» информативен не многим больше. Хотя, казалось бы, он свидетельствует о том, что в структуре производного содержится нулевой деривационный показатель, равносильный по своей значимости материально выраженному показателю в основах другого типа (ср. *обжигать* → *обжиг-ание* и *обжиг-ю*), и отражает тот факт, что «обозначаемое представлено в синтагме, но выражено нулем» ⁸¹, не несущим никакой позитивной информации оказывается в конечном итоге понятие нулевого деривационного аффикса. С одной стороны, ему надлежит приписать столько разных значений, сколько в языке оказывается

⁷⁹ Е. С. Кубрякова. Деривация, транспозиция, конверсия.— ВЯ, 1974, № 4.

⁸⁰ В. И. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования.— ВЯ, 1966, № 1, стр. 76; ср. М. Dokulil. Zur Frage der Konversion und verwandter Worthildungsvorgänge und beziehungen.— TLP, 3. Prague, 1968, стр. 221.

⁸¹ Н. Marchand. The categories..., стр. 358, Е. А. Земская. Указ. соч.

разных моделей изучаемого типа ср. «нуль первый» в образованиях типа *ток, вой, поджог*; «нуль второй» в образованиях *отмена, затрата, отравка*; «нуль третий» в *гладь, рябь, синь*; «нуль четвертый» в *притвора, заика, зёва* и т. д. и т. п. С другой стороны, оказывается, что один деривационный элемент, нуль, способен выразить столько же разных значений и столь же большое их количество, сколько вся остальная система из разных суффиксов!

Применение термина «нулевое словообразование» кажется мне нецелесообразным и потому, что он наводит на неправильное представление о том, что нуль может явиться средством словообразования, в то время как подобная нулевая морфема — ничто иное как следствие уже произошедшего специфического словообразовательного акта, его рефлекс и отражение. Характеризуя безаффиксальное словопроизводство, нельзя представить его как происходящее в ходе прибавления нулевого элемента, ибо суть процесса заключается не в расширении и не в сужении основы, а в ее переосмыслении, которое не случайно часто именуется *conversio*, т. е. «превращением». Описание с помощью нулевых аффиксов не только не всегда «удобно» (см. вышеприведенный пример с умноженным омонимичных нулей неизвестно до какого предела), — иногда оно просто невозможно (ср. приводимый ниже материал исландского языка, при описании которого обязательна позитивная информация о том, какая парадигма была сменена на какую; это же важно, по всей видимости, и для описания безаффиксального словопроизводства во всех языках с ярко выраженными флективными показателями у отдельных частей речи).

Определяя *primus movens* словообразования, М. Докулл недвусмысленно подчеркнул, что она, эта движущая сила, всегда заключается в потребности выражения новых значений или новых оттенков значения⁸². Первопричиной словообразования всегда служит потребность в новом названии. Следуя этому пониманию деривации, можно было бы признать, что сущность безаффиксального словопроизводства заключена, действительно, в *к о н в е р с и и* или *т р а н с п о з и ц и и* — переводе из одной категории в другую, представлении признака как предмета, процесса как состояния, предмета как действия и т. д.,

⁸² М. Dokulil. Zur Frage der Konversion..., стр. 215.

иначе говоря, «повороте» основы и ее рассмотрении под новым углом зрения. С семантической точки зрения, безусловно, оба указанных термина более адекватно указывают на суть происходящего процесса и его природу. И все же и они не отражают специфики используемого в этих целях словообразовательного средства.

Разумеется, и транспозиция и конверсия могут быть поняты в чисто процессуальном смысле, для обозначения перевода из одной части речи или перехода из одной категории в другую. Но оба этих термина имеют настолько широкое значение, что использовать их для наименования словообразовательных процессов со вполне определенными формальными свойствами иногда становится нецелесообразным. Так, транспозиция знаков описывается применительно к самым разным уровням языка⁸³ или же ею называют не только изменение принадлежности слова к определенной части речи (ср. англ. *clean* 'чистый' → *to clean* 'чистить'), но и принадлежности к определенному лексическому разряду (ср. англ. *professor* 'профессор' → *professorship* 'профессура')⁸⁴. В таком понимании транспозиция отождествляется с любым процессом деривации. Но даже если не придерживаться подобного расширительного истолкования транспозиции, понимая под ней в словообразовании исключительно перевод слов из одной грамматической категории в другую, нельзя не признать, что обычным способом осуществления транспозиции оказывается суффиксация⁸⁵. Из этого ясно следует, что понятия транспозиции и аффиксации не только не могут рассматриваться как взаимоисключающие но, напротив, предполагают взаимодополняющее описание одних и тех же явлений с разных точек зрения. Тем более неуместно рассматривать транспозицию как словообразовательное

⁸³ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 130 и сл.

⁸⁴ Н. Marchand. Expansion, transposition, and derivation. «La Linguistique», 1967, v. I, стр. 17.

⁸⁵ Так, большинство наречий в русском языке — это транспонированные с помощью суффиксов прилагательные, а относительные прилагательные — результат достигнутого тоже с помощью специальных суффиксов транспонирования основ всех прочих частей речи в разряд атрибутов, ср. *пятый, шестой; вчерашний, тогдашний; книжный, отцовский, мамин*. Ср. подробнее Л. Дюрович. Относительные прилагательные в славянских языках. «The Slavic Word», The Hague, 1972.

средство; транспозиция — это особая форма переосмысления знака.

Соотношение понятий транспозиции и конверсии оказывается более сложным, но в конечном итоге конверсию можно рассматривать как морфологическую транспозицию, имеющую словообразовательный характер⁸⁶. Придавая термину «конверсия» указанный смысл, мы, однако, оставляем пока без ответа вопрос о том, каково соотношение понятий конверсии и безаффиксального словопроизводства и что служит в них словообразовательным средством.

Формулировка А. И. Смирницкого о том, что «специфическим для конверсии является не вообще использование парадигмы как средства словообразования, а использование ее как единственного средства, без каких-либо иных, специально словообразовательных средств»⁸⁷, могла быть и была неправильно понятой в том смысле, что средством словообразования предлагали считать набор словоизменяемых флексий или всех грамматических показателей «производной» части речи. На самом деле, и в производном слове например, английском глаголе *to sail*, глагольные показатели в *he sails, he is sailing, he sailed* и т. п. не значат, конечно, ничего иного, чем те же флексии в непроизводном глаголе и, соответственно, в *he works, he is working* или *he worked*.

С другой стороны, указанное решение проблемы оставило необъясненным, почему словообразовательное значение у производных *утрата, обжиг* — одинаково, а парадигма словоизменения у них различна (ср. *обжиг, обжига...*; *утрата, утраты* и т. п.)⁸⁸. Ведь выразителем словообразовательного значения должна была бы считаться падежная флексия.

Наконец, мысль о невозможности при конверсии других, сопутствующих (морфологических) средств заставляла относить модели типа *синий* — *синь, рваный* — *рвань* к фоно-морфологическому приему словообразования, а модели

⁸⁶ Е. С. Кубрякова. Дери́вация, транспозиция, конверсия, стр. 75.

⁸⁷ А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. М., 1955, стр. 166; ср. также: «Конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова» (А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Ин. яз. в школе», 1953, № 5, стр. 24).

⁸⁸ Е. А. Земская. Современный русский язык, стр. 180—181.

типа нем. *Schnitt* от *schneiden* — к конверсии⁸⁹. Но такое разъединение достаточно сходных приемов кажется необоснованным⁹⁰. Нельзя забывать в то же время, что именно А. И. Смирницкий обратил должное внимание на особую роль парадигмы в возникновении отношений по конверсии и что определение конверсии через изменение парадигмы исходного слова⁹¹ находит истоки именно в его теории.

В принципе можно предусмотреть возможность существования следующих четырех типов словообразовательных корреляций при безаффиксальном словопроизводстве:

I) и в мотивирующем, и в мотивированном слова основа выступает в окружении какого-либо морфологического показателя, который может быть либо не-нулевой флексией или окончанием, либо формообразующей (обычно основообразующей) морфемой; иначе говоря, оба члена словообразовательной корреляции характеризуются «выразительными» структурами «основа + морфологический показатель», четко опознающими их принадлежность определенной части речи; это модели типа

русск. золот-о → золот-ой;

русск. зайк-а-ть-ся → зайк-а;

II) в мотивирующем слове основа выступает в окружении материально выраженного морфологического показателя, в мотивированном — в окружении нулевой морфемы; это модели типа

русск син-ий → синь;

русск. нагрев-а-ть → нагрев

III) в мотивирующем слове основа выступает в окружении нулевой морфемы, т. е. слово характеризуется структурой, тождественной чистой основе, а в мотивированном слове — в окружении материально выраженного морфологического показателя; это модели типа

супруг → супруг-а

обед → обед-а-ть;

⁸⁹ К. А. Левковская. Словообразование. М., 1954, стр. 17, 21.

⁹⁰ Ср.: Р. И. Лизтман. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке. — ВЯ, 1968, № 2, стр. 55—56.

⁹¹ См. также: К. А. Тимофеев. О так называемом «безаффиксном» способе словообразования. «Вопросы языка и литературы», вып. II, ч. 1. Новосибирск, 1968; М. Dokulil. Zur Konversion..., стр. 228 и др.

IV) и в мотивирующем, и в мотивированных словах за основой следует нулевая морфема, и оба члена словообразовательной корреляции характеризуются «невыразительными» структурами, совпадающими с чистой основой и не содержащими морфологических примет их принадлежности к той или иной части речи; таковы обычные для английского языка модели типа

a sail 'парус' → to sail 'идти под парусами' или
 to judge 'судить' → a judge 'судья' или
 to jump 'прыгать' → a jump 'прыжок' и т. п.

Как следует из этого описания, IV тип словообразовательных корреляций противостоит всем остальным вследствие невыразительности категориальной (частеречной) принадлежности его членов; I тип словообразовательных корреляций существует при морфологической оформленности производного и производящего слов и, следовательно, одинаковой структурной сложности объединяемых частей речи; II и III тип словообразовательных корреляций объединяют разные части речи с неодинаковой структурной сложностью их реализации и отличаются друг от друга тем, какой именно (левый или правый) член корреляции оформлен как структура с нулевым показателем и, следовательно, противостоит другому члену корреляции как структура более простая.

Если в описанных корреляциях обозначить последовательность, выступающую в качестве носителя лексического значения, буквой Л (лексема, здесь равная основе или корню), нулевые морфемы с разными значениями как \emptyset_1 , \emptyset_2 и т. п., а любые материально выраженные морфологические показатели буквами M_1 , M_2 и т. д., четыре выделенных типа структурной реализации безаффиксальных словообразовательных отношений можно представить следующими формулами:

$$\begin{aligned} \text{I} \quad & \text{Л} + M_1 \longrightarrow \text{Л} + M_2 \\ \text{II} \quad & \text{Л} + M \longrightarrow \text{Л} + \emptyset \\ \text{III} \quad & \text{Л} + \emptyset \longrightarrow \text{Л} + M \\ \text{IV} \quad & \text{Л} + \emptyset_1 \longrightarrow \text{Л} + \emptyset_2 \end{aligned}$$

Из этих формул ясно следует, что результаты актов безаффиксального словопроизводства могут выступать в разном виде, хотя во всех случаях мы наблюдаем в принципе одно и то же явление: с м е н у м о р ф о л о г и ч е с к о о к р у ж е н и я у и д е н т и ч н ы х о с

нов и их редистрибуцию, транспозицию. Если учесть, что структурная запись отражает существование словообразовательной корреляции только между назывными формами слов и что на самом деле за такими условными обозначениями, как M , M_1 , M_2 и пр., \emptyset , \emptyset_1 , \emptyset_2 , и пр. стоят серии морфологических показателей, редистрибуция исходных основ окажется в реальном функционировании языка выраженной в еще более выпуклой и наглядной форме.

Так, слово типа *judge* выступит либо в виде словоформ *judge's*, *judges*, *judges'*, либо в виде серии словоформ *judging*, *judged*, *having been judged* и т. п. благодаря чему существование глагола *to judge* и существительного *a judge* выявит подлинную природу данной словообразовательной корреляции.

Обратимся к рассмотрению того, как протекает реально выявленная редистрибуция (или транспозиция) основ в разных языках. Связи в словообразовательных корреляциях по первому типу ($L + M_1 \rightarrow L + M_2$) наблюдаются в тех флективных языках, где основные части речи, принимающие участие в словообразовании (существительное, прилагательное и глагол), содержат в своих назывных формах обязательные ненулевые морфологические показатели. Транспозицией по этому типу могут связываться разные части речи:

а) прилагательные и глаголы: ср. русск. *бел-ый* → → *бел-е-ть*, *бел-и-ть*, *стар-ый* → *стар-е-ть*, *стар-и-ть*; исл. *blakk-ur* 'темный' → *blakk-a* 'синить', *bag-ur* 'трудный' → *bag-a* 'затруднять', *sval-ur* 'прохладный' → *sval-a* 'охлаждать'; *fraeg-ur* 'знаменитый' → *fraeg-j-a* 'прославлять';

б) прилагательные и существительные — ср. русск. *зл-ой* → *зл-о*, *добр-ый* → *добр-о*; исл. *hvit-ur* 'белый' → → *hvit-a* 'белизна', *sink-ur* 'скупой' → *sink-a* 'скупость', *bag-ur* 'трудный' → *bag-i* 'трудность';

в) глаголы и существительные — ср. русск. *рѣв-е-ть* → → *рѣв-а*, *заик-а-ть-ся* → *заик-а*; *вер-и-ть* → *вер-а*, *дел-а-ть* → *дел-о*; исл. *seyð-a* 'отваривать' → *seyð-i* 'отвар', *skað-a* 'вредить' → *skað-i* 'вред'; шведск. *skrik-a* 'кричать' → *skrik-a* 'сойка' (букв. 'крикуша'), *bräck-a* 'ломать' → *bräck-a* 'трещина';

г) существительные и глаголы — ср. русск. *пил-а* → → *пил-и-ть*, *кос-а* → *кос-и-ть*, *граф-а* → *граф-и-ть*; исл.

fisk-ur 'рыба' → *fisk-a* 'ловить рыбу', *sím-i* 'телефон' → *sím-a* 'звонить по телефону', *flókk-ur* 'группа' → *flokk-a* 'группировать';

д) существительные и прилагательные — ср. русск. *золот-о* → *золот-ой*, *свинья* → *свин-ой*.

В более редких случаях аналогичные корреляции наблюдаются в пределах одной части речи, существительного. Это так называемая мутация, ср. исл. *vin-ur* 'друг' — *vin-a* 'подруга', *fostr-i* 'приемный отец', 'сын' — *fostr-a* 'приемная мать'; 'дочь', готск. *arb-ja* 'наследник' — *arb-jō* 'наследница', *ga-razn-a* 'сосед' — *ga-razn-ō* 'соседка', *frijond-s* 'друг' — *frijond-i* 'подруга'.

Корреляции мотивирующего и мотивированного слов по второму типу (Л + М → Л + Ø) также наблюдаются в языках флективного строя, где некоторые из основных частей речи требуют в назывных формах обязательного наличия ненулевого морфологического показателя, а другие (или отдельные разряды других) реализуются в соответствии с грамматическими нормами данного языка структурами с нулевыми показателями. Транспозицией по этому типу связываются чаще всего глаголы и существительные: ср. русск. *бег-а-ть* → *бег*, *вывоз-и-ть* → *вывоз*, *нагрев-а-ть* → *нагрев*; нем. *lauf-en* 'бегать' → *Lauf* 'бег' *fall-en* 'падать' → *Fall* 'падение', исл. *fall-a* → *fall*, *kall-a* → 'звать' → *kall* 'зов', *stig-a* 'шагать' → *stig* 'шаг' шведск. *smäll-a* 'шлепнуть' → *smäll* 'шлепок', *träff-a* 'попадать' → *träff* 'попадание', *kast-a* 'бросать' → *kast* 'бросок', фр. *attach-er* 'привязывать' → *attache* 'привязь'; фр. *arriv-er* 'прибывать' → *arrivée* 'прибытие', *blâm-er* 'порицать' → *blâme* 'порицание' и пр.

В русском языке этот тип представлен (правда, редко) в корреляциях прилагательного и существительного (*син-ий* → *синь*) и в межкатегориальных отношениях между существительными, ср. *биолог-ия* → *биолог*, *географ-ия* → *географ*.

Корреляции, построенные по третьему типу (Л + Ø → Л + М), тоже встречаются во флективных языках, где какие-либо из основных частей речи лишены в своих назывных формах специального морфологического показателя, но где им противостоят разряды слов, оформляемые специальными морфемами. Так, в немецком, французском и шведском языках, где прилагательное (в ед. ч. им. п. м.р.) не требует особой флексии, указанным типом

словообразовательных отношений часто связываются прилагательные и глаголы (последние, напротив, как правило содержат в этих языках материально выраженный показатель инфинитива). В русском языке, где нулевой морфемой может маркироваться в им. п. ед. ч. часть существительных, подобные отношения устанавливаются между существительными и глаголами (*штурвал* → *штурвал-и-ть*, *хам* → *хам-и-ть*) и т. д.

Переходы из одной части речи в другую, происходящие по данному типу, в целом достаточно разнообразны, ср. связи:

а) между прилагательными и глаголами — ср. нем. *kalt* 'холодный' → *kalt-en* 'холодеть', 'остывать', *grau* 'серый' → *grau-en* 'сереть', *fertig* 'готовый' → *fertig-en* 'приготавливать'; фр. *lisse* 'гладкий' → *liss-er* 'полировать', *rouge* 'красный' → *roug-ir* 'краснеть', *blanch* 'белый' → *blanch-ir* 'становиться бледным'; исл. *jáfn* 'равный' → *jafn-a* 'выравнивать', *skyr* 'ясный' → *skyr-a* 'объяснять'; шведск. *trött* 'усталый' → *trött-a* 'утомлять', *tät* 'густой' → *tät-a* 'сгущать', *lös* 'свободный' → *lös-a* 'освобождать';

б) между существительными и глаголами — ср. нем. *Blut* 'кровь' → *blut-en* 'кровоточить', *Öl* 'масло' → *öl-en* 'промасливать', *Land* 'земля' → *land-en* 'приземляться' шведск. *bomb* 'бомба' → *bomb-a* 'бомбить', *film* 'фильм' → *film-a* 'снимать фильм', *salt* 'соль' → *salt-a* 'солить', *feber* 'лихорадка' → *febr-a* 'лихорадить'; русск. *ужин* → *ужин-а-ть*, *лист* → *лист-а-ть*, *жир* → *жир-е-ть*; исл. *sekt* 'штраф' → *sekt-a* 'штрафовать', *flagg* 'флаг' → *flagg-a* 'поднимать флаг', *fifl* 'дурак' → *fipl-a* 'дурачить'; фр. *cement* 'цемент' → *cement-er* 'цементировать', *vagabond* 'бродяга' → *vagabond-er* 'бродяжничать', *pelote* 'клубок' → *pelot-er* 'сматывать в клубок';

в) между существительными и прилагательными — исл. *salt* 'соль' → *salt-ur* 'соленый';

г) между прилагательными и существительными — исл. *sykn* 'невиновный', 'невинный' → *sukn-a* 'невиновность', 'невинность', *jafn* 'равный' → *jafn-i* 'равни'; шведск. *flat* 'плоский' → *en flat-a* 'ладонь', *besk* 'горький' → *besk-a* 'горечь'.

В русском языке структурные отношения описываемого типа наблюдаются в родовых корреляциях в пределах одной части речи, существительного, ср. *раб* — *раб-а*,

супруг — супруг-а; Валентин — Валентин-а, Александр — Александр-а. В других языках эти корреляции затрагивают меньшее количество слов, ср. шведск. *en tok* 'глупец' — *en tok-a* 'глупышка', *en katt* 'кот' — *en katt-a* 'кошка', *en dansk* 'датчанин' — *en dansk-a* 'датчанка'. В исландском языке в единичных случаях транспозиция осуществляется как переход из одного лексического разряда в другой, ср. *blóm* 'цветок' — *blóm-i* 'цветение'.

В словообразовательных корреляциях четвертого типа ($\Pi + \emptyset \rightarrow \Pi + \emptyset_2$) назывная форма мотивирующего слова полностью совпадает с назывной формой слова мотивированного. Различение основ этих слов происходит, следовательно, из-за различия набора флексий или формативов, с ними соединяющихся: так, если за основой типа англ. *sail-* следует морфема мн.ч., *-s*, она определяется как именная; напротив, в окружении *-ed* или *-ing* — это глагольная основа.

Отношения указанного типа широко представлены в английском языке и составляют отличительную черту его строения. Они связывают теснейшим образом глаголы и существительные, причем в зависимости от направления отношений словообразовательной производности здесь могут встречаться как отглагольные существительные, так и отыменные глаголы с тождественными формальными структурами, ср. *to work* 'работать' — *work* 'работа', *to play* 'играть' — *play* 'игра', *to jump* 'прыгать' — *a jump* 'прыжок', с одной стороны, и *cradle* 'колыбель' — *to cradle* 'класть в колыбель', *silver* 'серебро' — *to silver* 'покрывать серебром', *a house* 'дом' — *to house* 'предоставлять жилище', с другой.

Полное совпадение назывных форм может, однако, наблюдаться не только при оформлении производных и соотносительных с ними производящих основ нулевыми морфемами (это имеет место не только в английском, но и в шведском языке, хотя в последнем относительно редко, ср. *att tró* 'верить' — *tró* 'вера', или *skó* 'ботинок' — *att skó* 'обувать', *salt* 'соль' — *salt* 'соленый'). В исландском языке подобное совпадение становится возможным из-за омонимии морфологических показателей, например, *-a*, ибо *-a₁* имеет значение инфинитивного показателя, *a-a₂* — значение им.п. ед. ч. у существительных ж. р. Отсюда:

drif-a 'метель', 'снегопад' — *drif-a* 'идти (о снеге)'
drull-a 'грязь' — *drull-a* 'пачкать, грязнить',
still-a 'успокаивать' — *still-a* 'затишье'
saum-a 'шить' — *saum-a* 'шитье'
skil-a 'возвращать' — *skil-a* 'возвращение' и др.

Последние примеры можно использовать, чтобы показать, что семантически однотипные отношения реализуются в разных языках с помощью разных структурных моделей: как исл. *drif-a: drif-a::* англ. *snow-θ: to snow-θ*; а исл. *skil-a: skil-a::* англ. *to return-θ: return-θ*. Не трудно утверждать в силу этого, что вообще существование тех или иных структурных типов реализации безаффиксальных словообразовательных отношений в разных языках есть прямое следствие специфики их морфологического строя.

Изучение безаффиксальной редистрибуции основ с ономаσιологической точки зрения (с точки зрения появления нового названия) очень важно, ибо позволяет увидеть, что составляет семантическое ядро каждой отдельной части речи. Поскольку деривационные элементы в безаффиксальной транспозиции отсутствуют, изменение семантики производной основы по сравнению с производящей может быть оценено как замена одного категориального значения другим. Именно это и разрешает убедиться в том, что семантика отдельной части речи имеет ярко выраженный «понятийный» характер и что в ее основе лежит та или иная ономаσιологическая категория. Она-то и задает тон при создании нового названия. Так, при переводе в класс существительных наблюдается возникновение предметных значений и уже на их базе, возможно, появление и обычных для этих значений вторичных модификаций.

Нельзя не отметить также, что и в транспонированных производных рассматриваемого типа всегда сочетаются два общекатегориальных значения: так, при транспозиции глаголов в класс существительных последние не просто приобретают новые предметные значения, но сочетают их обязательно с исходным значением ономаσιологической глагольной категории. Поэтому они и обозначают чаще всего простые названия действий, состояний, процессов (ср. *игра, шум, бег*), их результатов (ср. *вера, срез, шаг*), инструментов действия (*пила, лом*), производителей действия (*рева, заика*) и т. п.

При всей индивидуальности значений таких производных в целом они выражают тот же круг значений, что и отглагольные имена, образованные с помощью аффиксации. Итак, только подробное описание моделей безаффиксального словообразования доказательно свидетельствует о том, что части речи характеризуются своей собственной глубинной семантикой, связанной с выражением ими особых ономаσιологических категорий. В смысловой структуре производных единиц эта семантика находит четкое отражение.

Главным итогом ономаσιологического рассмотрения процессов словообразования можно считать следующие выводы:

1) Словообразовательные процессы протекают как акты номинации со специфическими особенностями, позволяющими отличать их от всех прочих актов номинации на других уровнях строения языка как в плане выражения, так и в плане содержания. Если с формальной точки зрения акты словообразования происходят при непременном участии одной из возможных в данном языке формальных операций по преобразованию исходной мотивирующей единицы в единицу со словным статусом и потому с определенной морфологической структурой, с содержательной точки зрения деривационный акт заключается в создании нового мотивированного слова — наименования с расчлененным представлением выражаемого значения и потому с особой ономаσιологической структурой.

2) Имеющие формальное выражение мотивированность производного слова и его семантическая расчлененность позволяют отличить производное наименование именно по структуре наименования: в пределах производного слова оказывается выраженным сложное языковое содержание, включающее в качестве своих обязательных компонентов: а) хотя бы частичное содержание источника деривации, закрепляемое основой ∞ основами производного слова и б) словообразовательное значение того формального средства, которое было использовано при его создании.

3) Ономаσιологическая структура производного наименования всегда коррелируется с его морфологической структурой: расчлененности представления ономаσιологического признака соответствует морфологическое расчленение производного на те материальные и формальные

«принадлежности», о которых писал еще Ф. Ф. Фортунатов. Хотя в качестве ономаσιологического базиса производного наименования может выступать как его материальная, так и формальная часть (так, при безаффиксальной транспозиции базисом наименования оказываются именно формальные части слова), а в роли ономаσιологического признака — тоже — любой из компонентов морфологической структуры производного, в каждой словообразовательной модели подобная закрепленность основы обозначения (базиса) и переменного признака обозначения оказывается жесткой и составляющей главную характеристику этой модели. Морфологическая структура производного наименования всегда представляет собой поэтому такое образование, которое подсказывает соответствующую содержательную интерпретацию модели и определенную схему ее «прочтения».

4) Источники деривации существенно варьируются по своему уровневому статусу и если в качестве ономаσιологического базиса наименования всегда выступают определенные понятийные разряды (в том числе и прежде всего те, которые лежат в основе частей речи и их внутренней классификации), то в качестве ономаσιологических признаков могут выступать любые атрибуты действительности. Мотивирующей единицей при создании нового наименования может явиться как целое суждение (высказывание) о его свойствах и особенностях, так и отдельные элементы этого суждения. С чисто лингвистической точки зрения это означает, что производное наименование может быть мотивировано единицей любой сложности и любого уровня, начиная от целого высказывания или серии высказываний о том, что подлечит наречению, и кончая такими компонентами высказывания, как словосочетание или отдельное слово. Поскольку в морфологической структуре производного слова в виде основы или нескольких основ (при словосложении) мотивирующие единицы фиксируются не всегда полностью, новое наименование может характеризоваться разными степенями мотивированности, ср. *Он специалист в области германских языков* → *Он — германист*; *Он — работник швейной промышленности* → *Он — швейник*; *Он дрессирует животных* → *Он — дрессировщик*; *Он пишет литературные произведения* → *Он писатель* и т. д. и т. п. Ономаσιологические структуры производных существенно различаются по степени

эксплицитности выражения того или иного содержания: они представляют собой смысловые структуры с разной степенью выводимости и мотивированности.

5) Возможность образования производных слов на основе разноуровневых единиц, т. е. при использовании разных источников деривации, ведет к постановке сложных проблем, касающихся: а) неоднородности процессов словообразования при их протекании «от мотивирующего слова», с одной стороны, и «от мотивирующей синтаксической структуры», с другой, а, следовательно, и б) связей словообразования с другими уровнями строения языка — не только с морфологией, но и с синтаксисом. Обращение к истокам номинативной деятельности человека заставляет признать еще раз глубокую и органичную связь формирующихся понятий, отражаемых в виде слов, с суждениями об именуемом явлении а, следовательно, органичную связь производных слов с синтаксическими структурами и их пропозитивной семантикой.

6) Анализ пропозитивной семантики в ее отражении и преломлении в морфологической и смысловой структуре производного наименования ведет к необходимости выявления и детального описания тех семантических признаков исходных мотивирующих единиц, которые в процессе формирования производного слова и перехода от знака-сообщения к знаку-названию могут быть либо сохранены в структуре названия, либо, напротив, устранены из этой структуры. Иначе говоря, перед исследователем в области словообразования встают важные задачи по сравнению источника деривации с ее результатом, и, главное, по выведению правил образования производных наименований на базе разных мотивирующих единиц. Особое внимание должно быть уделено в этой связи разграничению синтаксической и лексической деривации, а также определению степеней мотивированности производных слов разного типа и разной структуры.

7) Словообразованию принадлежит вся область моделирования производных наименований с помощью специального инвентаря словообразовательных средств. В области словообразования появление нового значения всегда опосредовано появлением нового слова. Его формирование подчинено прежде всего выполнению определенного номинативного задания и потому происходит по правилам образования ономастологических структур, в ко-

торых расчлененному представлению ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака соответствует расчлененная морфологическая структура, отражающая как источник деривации или какую-либо его часть, так и формальную операцию по его преобразованию. Образование подобных ономаσιологических структур, объединяющих старый опыт человека с новым и обуславливающих появление однословных мотивированных производных наименований, апробированных обществом, составляет важнейшую область номинативной деятельности языка в той ее сфере, которая относится к созданию и функционированию знаков-названий, — единиц, образующих неотъемлемую часть лексического уровня языка и существенную часть его словарного запаса.

НОМИНАЦИЯ И ТЕКСТ

Характер номинации, ее семантический тип, объем включаемой в нее информации об объекте непосредственно связаны с ее предназначением. Поскольку коммуникативные функции распределены (хотя и не вполне однозначно) между синтаксическими позициями, правомерно говорить о зависимости номинации от занимаемого ею в структуре предложения синтаксического места. Могут быть выделены четыре позиции, влияющие на выбор номинации предмета: экзистенциальная, или интродуктивная, т. е. позиция имени в бытийном предложении или его эквиваленте (1), идентифицирующая — позиция субъекта и других актантов, относящихся к определенным (конкретным) предметам (2), позиция предиката (3) и позиция обращения (4). Названные четыре синтаксические позиции различаются по характеру референции имени. В первом случае можно говорить об экзистенциальной референции имени, т. е. его отнесенности к предмету, известному говорящему, но неизвестному адресату речи. Во втором случае можно говорить об идентифицирующей референции имени, т. е. его отнесенности к известному собеседникам объекту. В третьем случае имя употреблено неререферентно, т. е. оно выполняет атрибутивную, квалификативную функцию, обозначая признаки некоторого класса предметов. В четвертом (как и во втором) случае речь идет об отнесенности имени к конкретному объекту — лицу — адресату речи, т. е. непосредственному участнику речевого акта. Эта особенность референции апеллятива приспособливает его не столько к выполнению идентифицирующей функции, сколько к обслуживанию интерперсональных отношений в условиях коммуникации.

Таким образом, выбранные для анализа типы номинаций характеризуются не только тем синтаксическим местом,

которое они занимают, но и специфическим типом референции, особым отношением к денотируемому предмету действительности. Номинации будут рассматриваться нами прежде всего в связи с их референцией. Последняя определяется той областью, в которую входит денотируемый предмет. Это может быть: область говорящего (экзистенциальная референция), область собеседников — автора и адресата (идентифицирующая референция), прагматическая область, создаваемая речевым актом (референция к адресату), сказанное предопределяет зависимость номинации от условий речевого акта — ситуации общения и ее участников. Прагматическая сторона речи в разной степени вторгается в область номинации: ее влияние максимально по отношению к апеллятиву и минимально по отношению к предикатной номинации (нереферентному слову).

В главе будут в общих чертах описаны особенности номинаций, выполняющих в тексте разные функции (коммуникативные задачи) и различающихся между собой по типу референции и по характеру занимаемого ими синтаксического места. Будет также рассмотрено взаимодействие номинаций в структуре текста.

Эта вторая задача требует выяснения тех отношений, которые складываются между смыслом имени и обозначаемым им предметом.

Роль смысла номинации для коммуникативного содержания сообщения находится в прямой зависимости от референции имени: если референтная номинация прежде всего ориентирована на денотат, предметно детерминирована, то нереферентная (предикатная) номинация ориентирована на сигнификат, понятийно детерминирована. В промежуточном положении находится экзистенциальная номинация, для которой в равной степени существенны и сигнификативное содержание и денотативная отнесенность: она вводит в игру и понятие и соответствующий этому понятию предмет.

Рассмотрим маленький фрагмент текста: *Вчера я познакомился с одной молодой девушкой. Эта девушка (она, моя новая знакомая) оказалась учительницей музыки.* В первом предложении фигурирует экзистенциальная, или пнтродуктивная, номинация. Для нее существенны как смысл, так и отнесенность к некоторому объекту, известному говорящему, но пока незнакомому адресату. Смысл имени

сообщает адресату об общих свойствах объекта. Именно экзистенциальная номинация разложима в логическом представлении на переменную и пропозициональную функцию (предикат)¹. Высказывание *Я познакомился с одной молодой девушкой* должно быть представлено так: «Я встретил x (некоторый объект) и x обладает признаками класса молодых девушек». Во втором предложении номинация *эта девушка* референтна, т. е. относится к предмету, уже известному (хотя и не эмпирически) адресату речи. Она повторяет экзистенциальную дескрипцию. Однако роль ее смысла в сообщении уже иная: он не входит в новую для адресата речи информацию, а служит лишь инструкцией для выделения данного предмета внутри предметной области приложения языка. Поэтому приведенная номинация может быть заменена другой, использующей иную информацию, иные сведения о лице, известные адресату, например, *моя новая знакомая*.

Номинация *учительница музыки*, фигурирующая в том же предложении, занимает предикатную позицию, и вследствие этого, лишена прямой отнесенности к предмету действительности: она прилагается к денотату не непосредственно, а через субъект предложения (*эта девушка*). Нереферентная номинация лишь указывает на некоторый признак (признаки) лица, названного субъектным именем. Нереферентная номинация целиком сводима к своему понятийному содержанию, сигнификату, который образует сообщаемое. Поэтому нереферентная номинация может быть заменена глаголом или прилагательным, соотносительным с ней по смыслу. Например.: *Эта девушка оказалась учительницей музыки* = Оказалось, что эта девушка учит музыке (преподает музыку). Роль смысла номинации в высказывании в общем случае тем больше, чем менее референтно имя, т. е. чем ближе оно к функции предиката.

Выше отмечалось, что идентифицирующие номинации могут основываться на разной информации об объекте. Тот факт, что номинативные выражения, обладающие разным смыслом, могут именовать один и тот же предмет действительности, сыграл важную роль в формировании логических теорий значения. Смысловые различия между кореферентными именами соответствуют разным спо-

¹ B. Russell. Descriptions. «Semantics and the philosophy of language», Urbana, 1952, стр. 171. — Подробнее см.: Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 180 и след.

способам представления предмета, выделяют в качестве индивидуализирующих разные его стороны или свойства.

Возможность пользоваться разными номинациями для обозначения одного и того же конкретного предмета создает ситуации, которые можно назвать гетеронимиями. Гетеронимативность имеет разные причины и разную целенаправленность.² Она частично обусловлена речевым узусом, частично зависит от прагматического фактора (например, изменения обстановки речевого акта или его адресата), в известной степени она связана с общим смыслом сообщения (значением предиката). Гетеронимативность может быть следствием предидирующих возможностей номинаций, пользуясь которыми говорящий одновременно идентифицирует предмет речи для собеседника и сообщает о нем дополнительные сведения или дает ему оценку. Гетеронимативность иногда возникает в результате введения в текст образных, опосредованных номинаций предмета. Наконец, гетеронимативность соответствует естественному развитию текста, автор которого в общем случае осуществляет переход от экзистенциальной, вводной номинации (т. е. способа обозначения предмета в сообщении о его существовании) к номинации идентифицирующего типа, которая может видоизменяться по мере расширения объема сообщаемой адресату информации об объекте.

Гетеронимативность, таким образом, предполагает, с одной стороны, зависимость выбора имени от условий коммуникации и значения сообщения, а с другой — известную свободу выбора в аналогичных условиях. В первом случае можно говорить об общих правилах выбора номинации, во втором — о варьировании в пределах налагаемых правилами ограничений.

Возможность по-разному именовать один и тот же объект проистекает из возможности по-разному его обозначить, являющейся следствием множественности суждений, которые могут быть вынесены об одном объекте (лице или предмете), ибо имена и именные выраже-

² Проблемы варьирования номинаций рассмотрены в небольшой, но чрезвычайно содержательной статье: В. Г. Гаг. Повторная номинация и ее стилистическое использование. «Вопросы французской филологии», изд. МГПИ им. Ленина, М., 1972. — В статье исчислены типы повторной номинации и дан анализ их стилистических функций.

ния, называющие объект, создаются на основе предикатов, истинных (или привимаемых за истинные) относительно данного объекта. Потенциальная вариативность речевых номинаций одного объекта согласуется с множественностью обслуживающих его в тексте предикатов. Она особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности.

С другой стороны, множественность субъектов одного предиката налагает ограничения на возможности номинации: нет резона именовать некоторое лицо блондином, если в повествовании фигурирует несколько белокурых персонажей. Поэтому из набора предикатов одного объекта для идентифицирующих целей отбираются лишь различительные. В широкой коммуникативной ситуации, охватывающей всю сферу пользования данным языком, степень различительности имени не всегда может быть правильно оценена. Поэтому номинации, восходящие к разнособъектным предикатам, иногда получают языковой статус, превращаясь в имена разных классов объектов, ср. *белок (яйца)*, *белок (глаза)*, *белок* (покрытая вечным снегом горная вершина на Алтае).

Таким образом, множественность предикатов одного предмета создает потенциальную гетерономинативность, а множественность субъектов одного предиката — потенциальную неоднозначность именуемых выражений. Первое — источник синонимии, второе — источник полисемии.

Ниже будут рассмотрены причины гетерономинативности, цели, которым она служит, и основные типы ситуаций, в которых обнаруживает себя это явление.

Вместе с изменением роли, которую играет в высказывании смысл номинации, меняется и функция определений, входящих в номинативные выражения. Определение дает нам ключ, помогающий глубже проникнуть в природу номинации. Вопрос о роли определений при разных функциональных типах номинаций будет рассмотрен в последнем разделе этой главы.

ИНТРОДУКТИВНАЯ НОМИНАЦИЯ

Начнем с определения особенностей интродуктивной номинации. Первое упоминание об объекте и, следовательно, первая его номинация содержится в экзистенциаль-

ном предложении или его эквиваленте, вводящем объект в мир повествования. Например, *У нас в роте был один тощий солдат* (Паустовский); *В транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти* (Лермонтов); *Какая там есть чудная девушка, если бы вы знали, Инсаров* (Тургенев).

Интродуктивная номинация обычно семантически бедна: она обозначает объект по его принадлежности к достаточно широкому классу. Степень широты класса, а также сам его характер зависят от того, в какую область бытия вводится предмет: номинация объекта должна соответствовать тому фрагменту мира, который принимается в повествовании за данность, исходный пункт сообщения. Так, если объект вводится в микромир рассказчика, то он обозначается по своему отношению к центральному для этого микромира лицу, и его номинация зависит от структуры этого микромира. Ср. *Есть у меня один знакомый (приятель, друг, коллега, сотрудник, студент, преподаватель, земляк, однополчанин, сосед, родственник, помощник, недруг, соратник, единомышленник, поклонник)*. Например, *У меня был приятель, а у этого приятеля был тоже приятель, который сперва вел себя, как следует порядочному человеку, а потом запил* (Тургенев).

Если область бытия обозначается как некоторое учреждение, предприятие, то используется функциональная номинация лица. Например, *Есть у нас на заводе один мастер (слесарь, вахтер, техник, инженер, ученик и т. п.)*

Если за данность принимается класс предметов, то номинация имеет видовой, выделительный характер, и ею часто служит прилагательное или атрибутивное словосочетание. Семантический объем номинации в этом случае суживается. Например, *Среди девушек была одна премиленькая; Среди присутствующих был один высокий блондин*.

Если область бытия представлена как мир или фрагмент мира, номинация выбирается в соответствии с существующими у автора общими представлениями о классификации объектов (лиц, животных, растений, артефактов). Например, *Жил-был один человек (крестьянин, старик, музыкант, художник, цыган, вор, мальчик, пастух и пр.); Жил-был медведь (крокодил, глупый осел, лисенок и пр.)*.

Интродуктивная номинация фигурирует не только в собственно бытийных предложениях, но и в высказыва-

ниях иных структур, которыми пользуется автор для того, чтобы ввести объект в мир повествования. Так, интродуктивная номинация может занимать место актуализованного подлежащего (ремы) при глаголах явления (*приходить, появляться, входить, вбегать, показываться* и др.) Например, *И входит с важностью за нею, Подъяв величественно шею, Горбатый карлик из дверей* (Пушкин).

Интродуктивная номинация может занимать место подлежащего и при глаголах более разнообразной семантики, если при ней стоит неопределенное местоимение какой-то, один. Например, *Вдруг какой-то человек закричал. Какой-то мальчик спросил учительницу. Один крестьянин захотел барина пережитрить. В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, встал и, медленно подойдя к столу, окинул всех спокойным и торжественным взглядом* (Лермонтов). Такие предложения представляют собой результат логического сокращения, слияния бытийного предложения и предложения характеризующего типа. Ср. *Жил-был один крестьянин. Захотел этот крестьянин пережитрить барина* → *Один крестьянин захотел барина пережитрить*.

Интродуктивная номинация часто встречается в позиции объекта при глаголах чувственного восприятия, обнаружения, знания, знакомства: объект как бы включается в знакомый автору фрагмент мира. Ср. *Вдруг я увидел молодую девушку; На углу улицы я заметил маленького ребенка; Знавал я когда-то одного лесника; Вчера я познакомился с одним замечательным человеком*. Номинация в таких сообщениях должна семантически удовлетворять глаголу восприятия, согласовываться с ним по смыслу. Так, после наиболее обычного в таких случаях глагола зрения должно стоять имя, классифицирующее предмет по зрительно воспринимаемым чертам. Ср. *На тропинке я увидел лань (оброненную кем-то перчатку, змею, зонтик, золотой браслет, сторублевую ассигнацию, коричневый бумажник, какой-то красный предмет и пр.)*. Было бы неестественно сказать, если повествование лишено семантических пресуппозиций и речь идет о впервые увиденном объекте, *Вдруг я увидел лаборанта (начальника, певца, негодяя, интересную книгу и т. п.)*.

Тот факт, что интродуктивная номинация тесно связана со зрительным восприятием мира, часто обуславливает ее развертывание в словесный портрет, описание объекта.

Например, *Итак, в одном департаменте служил чиновник, чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморoidalным (Гоголь).*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТРОДУКТИВНОЙ И ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕЙ НОМИНАЦИИ

Те свойства предмета, которые отмечены в интродуктивной номинации (имени нарицательном или именном выражении), в последующем повествовании могут служить целям его идентификации адресатом. Интродуктивная номинация объекта может, таким образом, прямо переходить в идентифицирующую. Ср. *На скамейке у фонтана сидела девушка. Девушка задумчиво смотрела на бьющую струю.* Переход экзистенциальной номинации в идентифицирующую сопровождается изменением референции имени. В предложении, следующем за экзистенциальным, имя относится к предмету, уже представленному адресату. В языках, располагающих артиклем, при этом неопределенный артикль заменяется определенным. Например, англ. *I saw a girl in the doorway. The girl was pale.*

В русском языке изменение референции имени часто маркируется указательным местоимением, выполняющим анафорическую функцию. Например, *Иван без всякого испуга приподнялся на кровати и увидел, что на балконе находится женщина. И тот мужчина, прижимая палец к губам, прошептал:—«Тссс!»* (М. Булгаков); *Иван решил дожидаться какого-то главного в этом учреждении и уж у этого главного добиться внимания к себе и справедливости* (М. Булгаков). В дальнейшем повествовании имена *мужчина* и *главный* могут употребляться без указательного местоимения и будут безошибочно отнесены к тому же самому персонажу. Они как бы становятся именами собственными.

Русский язык обходится без артиклей в частности благодаря тому, что отмечает сам момент перехода от неопределенной дескрипции к определенной, которая в последующем тексте уже может выполнять функцию,

аналогичную функции имени собственного, не нуждающегося в специальном показателе референтности.

Присутствие местоимения при имени не составляет, впрочем, строгой для русского языка нормы. Например; *Сидящие за столиками стали приподниматься и всматриваться и увидели, что вместе с огоньком шествует к ресторану белое привидение [. . .] и привидение, пройдя в отверстие трельяжа, беспрепятственно вступило на веранду. Тут все увидели, что это — никакое не привидение, а Иван Николаевич Бездомный — известнейший поэт (М. Булгаков).*

Чем более субъективный — оценочный или образный — характер имеет номинация, тем более нуждается она в опоре и поддержке со стороны анафорического местоимения. Так, например, в следующих контекстах демонстратив не может быть опущен: *Если на то пошло, так я вам скажу, что из всех мужчин, каких только я знала и знаю, самым лучшим был мой покойный муж [. . .] И что же. Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня (А. Чехов); Он бы лучше свою автобиографию написал. Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла. . . Подагра, ревматизм, мигрень, от ревности и зависти вспухла печенка. . . Живет эта вобла в имении своей первой жены (А. Чехов): Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил! Но возмутительнее всего, что этот крокодил почему-то воображает, что его шедевр, его привилегия и монополия — нежное чувство (А. Чехов).*

Показательно, что имя в этом последнем примере сохраняет немаркированный мужской род, обычный в предикате (ср. *Она — настоящий крокодил*), также и в идентифицирующей функции, в которой род чаще приводится в соответствии с полом денотата если и не в форме имени, то в способах прономинализации и согласования глагола (ср. *Наш доктор считает, что это ее обязанность; Доктор пришла сразу же*). Например, у Булгакова: — *Не узнает! Меня не узнает! Вы понимаете!* — *в з р ы д а л а с е к р е т а р ь*. Этот формальный признак подтверждает вторичность употребления субъективно-оценочных имен в идентифицирующей позиции.

Приведенный пример симптоматичен и в другом отно-

пени: в нем выражено общее суждение, в котором при предикатной номинации следовало бы поставить местоименное прилагательное *такой*, а не *этот* (ср. *такой крокодил воображает...*). Однако необходимость в анафоре при идентифицирующем употреблении предикатного имени, основанного на метафоре, столь велика, что говорящий отдает предпочтение местоимению *этот*.

Связь демонстратива с предикатными, прежде всего оценочными и образными, именами чрезвычайно прочна. Указательное местоимение часто сопровождает предикатные номинации, даже когда они употреблены в синтаксической позиции приложения, т. е. лишены отдельной от определяемого имени референции к предмету. Например: *... самый дух уже начавшегося американского приключения действительно чрезвычайно взвинтил нашего Москвича, эту кабину и эту крысу, книжного червя, человека е футляре* (В. Аксенов).

Отсутствие демонстратива при оценочной номинации свидетельствует об ее употреблении в обобщенном, а не конкретном смысле, т. е. о том, что она относится ко всей совокупности предметов, к которым применима данная оценка. Например, *Буфетчик не знал, куда девать глаза, переминался с ноги на ногу и думал: «Ай да горничная у иностранца! Тьфу ты, пакость какая!» И, чтобы спастись от пакости, стал коситься по сторонам* (М. Булгаков). Здесь речь идет о пакости вообще, включающей и феномен обнаженной горничной, а не только об одном этом феномене. ✓

Анафорическое местоимение, обеспечивающее кореферентность двух именных выражений, позволяет ставить в позицию идентифицирующей номинации развернутые дескриптивные конструкции, насыщенные неизвестной читателю информацией. Например: *Пожалуй, ближе других к истине находился один из авторов в наши дни уже весьма обширной «джонсоиады», Филип Гайлин. Этот многоопытный, немало повидавший на своем веку и хорошо знающий закулисный Вашингтон ветеран американской политической журналистики, статьи которого систематически печатались на страницах газеты «Уолл-стрит джорнэл», органа, рассчитанного отнюдь не на широкую публику, входил в круг людей, близких президенту* (В. Зорин). В этом предложении в субъектной номинации содержится достаточно полная характеристика только что

введенного в повествование персонажа, причем включенные в именуемое выражение сведения не менее существенны для читателя, чем информация, падающая на долю предиката.

Благодаря анафорическому местоимению в идентифицирующую позицию субъекта может быть поставлена даже оценочная номинация, не содержащаяся в предтексте. Например: Линдон Джонсон знает цену деньгам, потому что именно ради них он упорно трудился всю жизнь, говорил старый друг президента Миллер, глава крупного техасского банка. И дальше, не скрывая восхищения, *этот прожженный бизнесмен* вспоминает... (В. Зорин).

Изменение референции имени или именного выражения связано с речевым, т. е. действительным только для данного текста, сужением семантического объема имени. Процесс сужения эксплицитно или имплицитно опирается на придаточное ограничительное. В языках, располагающих артиклем, введение рестриктивного придаточного сопровождается препозицией определенного артикля. Последний сигнализирует о намерении говорящего исчерпать разряд предметов, обозначенных именной группой, и должен рассматриваться как функция ограничительного придаточного, отнесенного к имени. Ср. *На скамейке у фонтана сидела девушка. Девушка (которая сидела на скамейке у фонтана) была задумчива; Внезапно из подворотни выбежала собака. Собака (которая выбежала из подворотни) была большой и красивой.*

По мнению З. Вендлера³, те предложения, которые способны породить ограничительное придаточное, и которые, следовательно, обеспечивают повторное употребление номинации или переход от нереферентного употребления имени к его референтному использованию, всегда могут быть сведены к бытийному высказыванию. Ср. *I saw a boy (= there is a boy I saw). The boy walked along the street.*

Итак, референтное употребление имен опирается на утверждение о существовании. Поэтому бытийное предложение и может предоставить для последующего использования в идентифицирующих целях и саму номинацию предмета.

³ Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ch. 2. Singular terms. Ithaca, N. Y., 1967.

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩАЯ НОМИНАЦИЯ. ГЕТЕРОНОМИНАТИВНОСТЬ

Поскольку для экзистенциальных предложений характерна более всего номинация широкого семантического охвата (*человек, мужчина, девушка, лев, заяц*), она часто оказывается недостаточно эффективной для целей идентификации. Возникает необходимость в семантическом сужении номинации, а следовательно, в выделении в объекте дополнительных признаков. Связь экзистенциальной номинации с последующей идентифицирующей функцией, нуждающейся в опоре не только на общие, но и на частные признаки объекта, нередко ведет к ее разворачиванию в достаточно полное описание объекта, его характеристики: в номинацию, наряду с признаками широкого класса объектов, включается набор индивидуализирующих черт. Эти последние обычно и порождают идентифицирующие номинации. При переходе от интродуктивной номинации к номинации идентифицирующего типа может произойти замена родовой номинации на видовую. Например: *На него снова воззрились. И какой-то блистательно лысый, но моложавый человек, по-юному развинченный в движениях, по-юному поджарый, да, увы, не только лысый, а еще и сильно обеззубевший, быстро выдвинулся ему навстречу, дружески протягивая руку* (Л. Карелин). В приведенном примере интродуктивная номинация персонажа уже содержит его достаточно полное описание, дающее возможность в дальнейшем тексте идентифицировать объект через указание на его индивидуальные приметы. В ходе повествования к описанному персонажу более всего применяются номинации *моложавый, лысый, лысый-моложавый*. В общую характеристику лица, в которую разворачивается экзистенциальная номинация, может включаться и сообщение об имени собственном, служащем в последующем тексте для идентифицирующих целей. Например: *В числе горничных Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая девушка, с ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница* (Тургенев). В настоящей главе, однако, вопрос о несигнификативных средствах номинации (именах собственных и местоимениях) не рассматривается.

Если экзистенциальное предложение заменяет сообщение о событии, предполагающем участие лиц, то номи-

нация последних выводится из предиката событийного предложения. Вывод номинации отвечает определенным языковым механизмам, таким как субстантивация прилагательных, отглагольная деривация имен лица или предмета, образование причастий. В логике принято говорить в этом случае о действии оператора дескрипций. Ср. *Из соседней комнаты слышался разговор. Разговаривая у нее, по-видимому, о чем-то спорили и очень разгорячились; Кто-то подошел ко мне сзади. Подошедший тронул меня за плечо и тихо заговорил.*

Такого рода ситуативные номинации обычно эпизодичны. Они не выходят за пределы описываемого события. Базируясь на конкретном действии, обычно имеющем регулярный, бытовой характер, они редко служат созданию константной идентифицирующей номинации предмета и в дальнейшем тексте вытесняются более индивидуальными обозначениями или именем собственным. Так, в главе «Явление героя» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» вошедший ночью к Ивану мужчина именуется *пришедшим, пришельцем, гостем*. Эти номинации, однако не выходят за пределы эпизода «явления». В дальнейшем тексте герой романа именуется *мастером*.

Необходимый для формирования идентифицирующей номинации индивидуализирующий признак объекта может быть заключен не только в самом экзистенциальном высказывании или его эквиваленте, но и в других предикатах.

В сущности наиболее общее правило выбора имени нарицательного для номинации предмета, о котором идет речь, состоит в том, что его семантика не должна выходить за пределы тех предикатов, которые эксплицитно или имплицитно содержатся в предтексте. Иначе говоря, те свойства объекта, на которые указывает идентифицирующее выражение, должны быть известны получателю речи. Идентифицирующая номинация всегда базируется на данном. Она ретроспективна, повторна и ориентирована на адресата, т. е. обусловлена прагматическим фактором.

Предтекст особенно существен для номинаций, порожденных субъективным взглядом автора (оценкой, метафорой, сравнением) и предикатами, взятыми из чужой речи, т. е. субъективным взглядом другого лица.

Приведем иллюстрацию того, сколь необходима для понимания текста опора субъективной номинации на

породивший ее предикат. Не познакомившись с начальными главами романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и обратившись сразу к чтению эпизода явления Бездомного в ресторан Дома писателей, читатель не только не поймет, о ком идет речь, но и не сможет с уверенностью судить о количестве участников этой сцены: Пока официанты вязали поэта полотенцами, в раздевалке шел разговор между *командиром брига* и швейцаром. — Ты видел, что он в подштанниках? — спросил *пират*. — Помилуйте, *Арчибальд Арчибальдович*, — багровея говорил швейцар, что же я могу поделывать? Я сам понимаю, на веранде дамы сидят... — Дамы здесь ни при чем, дамам это все равно, — отвечал *пират* [...] Ну что с тобой сделать за это? — спросил *флибустьер*. Колени швейцара подогнулись. Но тут *флибустьер* сжалился над ним и погасил свой острый взор (М. Булгаков).

Номинации, относимые к директору ресторана — *командир брига*, *пират*, *флибустьер* — восходят к образу, нарисованному в предтексте, в котором директор ресторана представлен командиром брига, плывущего под черным гробовым флагом с адамовой головой.

Приведенные экзотические номинации, более уместные в рассказе о жизни морских разбойников, нежели о быте заведения общественного питания, использованы в условиях, когда читателю известно имя собственное директора ресторана. Они, следовательно, выполняют не только прагматическое (идентифицирующее) задание, но и определенную стилистическую функцию. Номинации в этом случае призваны оживить, возродить романтическое видение, заставить читателя вновь увидеть его через призму современной бытовой ситуации.

Примеров подобного рода можно найти немало. Образные номинации могут выбираться для обозначения не только лиц, но и предметов. Так, в одной из повестей Л. Карелина машина «Запорожец» первой модели уподобляется самоварчику и на протяжении всего последующего повествования называется не иначе как *самоварчик*, *самоварчик на колесах*. Любопытно заметить, что автор прибегнул к уменьшительному имени, навеянному, по-видимому тем, что «Запорожец» является одной из самых маленьких легковых машин. Номинация построена так, как если бы к автомобилю нормального размера следовало отнести существительное *самовар*. Между тем выбор номи-

нации основан на уподоблении самовару именно данного экземпляра «Запорожца», и если автор хотел в этом сопоставлении отразить соотношение размеров сравниваемых предметов, то ему надлежало назвать автомобиль *самоварищем*, поскольку даже автомобиль-лиллипут гораздо крупнее самовара-великана. Приведенный пример показывает, что образная номинация предмета очень быстро порывает с термином сравнения и всецело ориентируется на свойства денотируемого предмета и того класса, в который он входит: *самоварчик* значит 'автомобильчик, маленький автомобиль, который пыхтит как самовар', а не 'автомобиль, сходный с маленьким самоваром'. Иными словами, если уподобление данного экземпляра «Запорожца» самовару основывается на признаке пыхтения, отражающего «сверхавтомобильное» усиление этой миниатюрной машины, то все остальные признаки «Запорожца» (в том числе его малый размер) вводятся в семантику «самоварчика» в немодифицированном виде, вытесняя соответствующие признаки самовара. Поэтому уменьшительная форма указывает на небольшой размер «Запорожца» среди автомобилей других марок, а не в ряду разнокалиберных самоваров. Ср. пную ситуацию в таких номинациях, как *ножка (стола)*, *гладиолус* (букв. маленький меч), *шляпка (звезда)* и др. В этих примерах уменьшительный суффикс указывает на маленький размер данного предмета по сравнению с предметами того класса, который обозначается исходным наименованием.

Итак, метафорическая номинация, нередко сосуществующая с собственными именами или прямыми наименованиями предмета, в большой степени нуждается в опоре на предтекст. Столь же острая потребность в предваряющей информации возникает при употреблении номинаций, восходящих к субъективным, часто ложным, утверждениям, имеющим своим источником чужую речь. Имя в этом случае представляет собой цитацию, вкрапление в авторское повествование элемента, заимствованного из речи одного из персонажей. Цитатная номинация⁴ естественно требует предварительной экспликации своего источника. Например, *Доктор уже не ходил в свою амбулаторию. «Лучший друг» Отто Юльевича Шмидта представлял собой*

⁴ О цитатной номинации см. интересную статью: А. Wierzbicka. Descriptions or quotations. «Sign, language, culture», The Hague — Paris, 1970.

жалкое зрелище (И. Ильф и Е. Петров). Если бы читатель не знал, что влюбленный доктор однажды «нес всякий вздор, даже врал, что он челюскинец и лучший друг Отто Юльевича Шмидта» и что номинация извлечена из этого вздорного хвастовства, он едва ли догадался бы, что *доктор и лучший друг Шмидта — кореферентные имена*.

Другой категорией номинаций, интерпретация которых вне связи с предтекстом затруднена, являются оценочные имена, отнесения которых к референту определяется субъективным критерием.

Однако оценочная номинация, в отличие от метафорической и цитатной, может имплицироваться предтекстом, вытекать из его общего смысла, но не фигурировать в нем словесно. Например, *В телеграмме было напечатано следующее: «Ялты Москву Варьетте. Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке брюках без сапог п с и х и ч е с к и й назвался Лиходеевым директором Варьетте. Молнируйте ялтинский розыск где директор Лиходеев»* (М. Булгаков). У адресатов телеграммы не могло возникнуть сомнения в том, что номинация *п с и х и ч е с к и й* отнесена именно к одетому в ночную сорочку и брюки без сапог шатену. Однако у адресатов телеграммы возникло предположение, что в Ялте мог появиться какой-нибудь авантюрист, и это дает основание в дальнейшем тексте, отражающем угол зрения другого персонажа романа — Варенухи, именовать его *ялтинским самозванцем и ялтинским мистификатором*. Таким образом, использование оценочных номинаций, отражающих разные точки зрения, открывает возможность множественности наименований одного и того же персонажа⁵.

Оценочная номинация, включенная в текст, может так же, как и в живом функционировании языка, опираться на ситуацию. Указательное местоимение выполняет в этом случае собственно дейктическую функцию. Например, — *Ничего тут нету удивительного, — ответил Иван, — пошел я купаться на Москва-реку, ну и попятели мою одежду, а эту дрянью оставили!* (М. Булгаков). Подобное употребление особенно характерно для пьес. Например, *Попова (Бросает на стол револьвер). Отекли пальцы*

⁵ В. Г. Как отмечает, что в несобственно прямой речи, для которой характерна контаминация позиции автора и позиции персонажа, «тип наименования в авторском повествовании нередко отражает точку зрения персонажей» (В. Г. Как. Указ. соч., стр. 134).

от этой мерзости (А. Чехов); *Серебряков. Господа, что же это такое, наконец? Уберите от меня этого сумасшедшего!* (А. Чехов)

Итак, мы рассмотрели случаи перехода предикатной номинации в идентифицирующую. Однако этот процесс имеет ограничения. Так, С. Куно обратил внимание на то, что предикатные дескрипции, употребленные в послесвязочной позиции, обычно не используются в последующем тексте для идентифицирующих целей. Текст обычно не строится так: *Джонс — мой учитель. Мой учитель преподает мне математику.* Именное сказуемое, таким образом, не может подсказать новой номинации для идентификации предмета⁶. С. Куно, впрочем, указывает на следующее отклонение от этой закономерности. Обозначающую лицо дескрипцию А можно потом заменить дескрипцией В, если В называет подмножество А. Ср. *К моему сыну пришел врач. Этот врач оказался профессором колледжа, в котором я учился. Профессор сказал, что у моего сына корь*⁷.

То, что предикативные связочные предложения не предназначены для введения в текст идентифицирующих номинаций, объясняется характерным для них соотношением семантических объемов имен. Выражая таксономическую, или классифицирующую, предикацию, т. е. отношения включения, таксономические связочные предложения в общем случае помещают в послесвязочную позицию имя более широкого семантического объема, чем имя, фигурирующее в позиции субъекта. Иными словами, в предикате, как правило, ставится существительное менее конкретной референции, чем в субъекте. Это особенно очевидно в тех случаях, когда субъект выражен именем собственным. Ср. *Петя — круглый отличник. Он занимается хорошо по всем предметам. Однако больше всего Петя любит ботанику.* В последующем после связочного предложения тексте естественно пользоваться именем наиболее однозначной референции, т. е. именем собственным. Однако автор вправе прибегнуть и к послесвязочному имени (*наш отличник*), но это будет стилистически отмеченная номинация.

Таким образом, замеченное С. Куно ограничение на переход предикатных номинаций в идентифицирующие по

⁶ S. Kuono. Some properties of non-referential noun-phrases. «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970, стр. 358.

⁷ Там же.

существом есть частный случай более общей закономерности, состоящей в том, что из числа имеющихся в тексте номинаций объекта в стилистически нейтральном повествовании выбирается имя наиболее узкой зоны референции, т. е. имя, способное наиболее отчетливо идентифицировать объект. Поэтому, если в связочном предложении значения номинаций не находятся в отношении включения (ср. выше отмеченное С. Куно отступление от правила), то послесвязочное имя легко переходит в последующий текст в качестве идентифицирующей номинации. Характерно, что если в связочном предложении первым членом является атрибутивная дескрипция, эквивалентная глагольной теме, а вторым — номинация идентифицирующего типа (например, имя собственное) и все предложение выражает отношение тождества, то именно послесвязочное существительное используется далее в идентифицирующих целях. Например, *Узнай, Руслан: твой оскорбитель/Волшебник страшный Черномор* (Пушкин) = тебе нанес оскорбление Черномор. В дальнейшем тексте поэмы указанный персонаж фигурирует как *волшебник* и *Черномор*, но не как *оскорбитель*.

На выбор номинации, следовательно, влияет не только и не столько синтаксическая позиция имени в предтексте, сколько семантические отношения между рядом встречающихся в нем номинаций одного объекта. Отступление от этого общего правила связано с определенным стилистическим заданием (см. подробнее ниже).

По мере накапливания сведений об объекте, т. е. по мере роста списка приложимых к нему предикатов, возрастают возможности варьирования номинаций одного и того же объекта. Если речь идет о неидентифицированном для читателя лице (например, таинственном незнакомце, персонаже, сохраняющем инкогнито), то естественно возникает гетерономинативная ситуация: такой персонаж обозначается разными дескрипциями, выведенными из предикатов предтекста, которые читатель должен постоянно держать в памяти для того, чтобы не перепутать действующих лиц.

Так, например, в рассказе М. Харитонова «День в феврале» («Новый мир», 1976, № 4) описывается разговор Гоголя с тремя собеседниками в парижском ресторане. Сначала дается их портретная характеристика: После недавнего грохота шум в зале казался шопотом; слышно

было не только, о чем говорят за столом справа, но и как чавкает слева господин в гранатовом фраке, с тройным загривком, напоминающим три сложенных друг на друга блина [. . .] Справа простиралась также весьма обширная спина, однако во фраке уже зеленом, причем столь щавельно-кислого оттенка, что при взгляде на него во рту невольно возникала оскомина. Спина, по видимому, уже отобедала и теперь напоследок разделялась с коньяком, рассеянно внимая своему визави, тощему французу с вялыми щечками и неряшливыми бакенбардами. Вместо блюд он держал перед собой пачку огромных парижских газет (М. Харитонов). Второй и третий из описанных субъектов играют в повествовании эпизодические роли. Один из них обозначается далее как *спина* или *оскоминная спина*, другой — как *господин с газетами*, *газетный господин*, *француз*. Первый же персонаж, выполняющий в повествовании одну из главных ролей, обозначается как *толстяк*, *блин с двумя бородавками*, иногда *сосед* или *собеседник* (по отношению к Гоголю). После того как этот персонаж представился, назвав себя Гоголем, к этим номинациям присоединяются новые: *самозванец*, *мошенник* и *двойник*. Затем автор детализирует, дополняет портрет толстяка.

После этого список его номинаций еще удлиняется. К прежним присоединяются также, как *ватный господин*, *тюфяк с забубенными манерами*, *лягушинный жилет*, просто *жилет*, *толстяк в жилете*, *набитый ватой тюфяк*. Между тем неощущенно и незаметно появляется за столом Гоголя еще один собеседник.

Этот новый персонаж, также назвавший себя Гоголем, в дальнейшем тексте фигурирует как *сухопарый*, *господин в очках*, *новый*, *второй самозванец*, *красноносенький господин*, *самозванец в очках*, *напарник* (по отношению к толстяку) *другой*, *скуластый*.

Таким образом, два действующих лица, имя собственное которых не могло бы их различить, идентифицируются при помощи 22 номинаций (метонимических, функциональных, релятивных, метафорических, дескриптивных).

Приведем еще одну иллюстрацию последовательной смены номинаций объекта. Рассказывая в «Былом и думах» о своем первом аресте, Герцен сообщает, что однажды к нему в камеру «пришел маленького роста черненький

и рябенкий квартальный». Далее Герцен называет его *рябенким квартальным*. После того как квартальный отыскал у Герцена бутылку рейнского вина, налил себе стакан и, выпивая его, приговаривал «мадера хоть куда», автор именуется его *знатоком вин*, ср. *Этот знаток вин привез меня в оберполицмейстерский дом на Тверском бульваре*. Оказалось, что квартальный ошибся адресом. Раздраженный пристав называет квартального *этим болваном*. Обращаясь к Герцену, он говорит: *Этот болван привез вас сюда в то время, как требовали к князю Голицыну*. Квартальный и сам был огорчен своей нерасторопностью. По его словам, «он менее был испуган, когда раз тонул возле Лиссабона, чем теперь». Узнав, что квартальный был в прошлом морским офицером, Герцен стал называть его *лиссабонским квартальным* или просто *лиссабонцем*. Таким образом, обозначение, основанное на внешнем признаке и служебной функции (*рябенкий квартальный*), было сначала вытеснено иронической номинацией, подсказанной конкретным происшествием (*знаток вин*), а затем — номинацией, в которой автор объединяет признаки, относящиеся к разным периодам существования персонажа, сталкивая в ней прошлое с настоящим (*лиссабонский квартальный*).

Явление гетерономинативности органично для произведений, в которых действуют неопознанные, неидентифицированные в глазах читателя персонажи. Способы номинации в этом случае predeterminedены замыслом автора.

Связь гетерономинативной ситуации с художественным методом писателя удобно показать на примере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Уже простой перечень часто встречающихся в этом произведении номинаций персонажей — *гость, пришелец, пришедший, неизвестный, незнакомец, таинственная личность, загадочный гражданин, непрошенный собеседник* и т. п. — дает ключ к архитектонике романа. Сама семантическая природа номинаций раскрывает основной сюжетный ход автора, состоящий в нанизывании эпизодов встреч и разговоров между одним из идентифицированных персонажей повести и незнакомцем: роман разворачивается перед читателем как серия явлений. Жанр явлений создает необходимость пользоваться окольными номинациями персонажей, т. е. избегать имен собственных даже в той части повествования, в которой они уже известны читателю.

Номинации незнакомца постоянно меняются, отражая смену впечатлений центрального для каждого эпизода лица, смену его предположений и догадок относительно личности неизвестного, смену действий незнакомца, смену его функций, а также смену оценок, выражаемых разными персонажами. Создается номинативный калейдоскоп. Ср. номинации Волада в начальном эпизоде романа: *неизвестный, незнакомец, заграничный гость, иноземец, интурист, подошедший, владелец портсигара, больной, полоумный немец, заграничный чудака, ученый, профессор, консультант*. Метаморфозы номинаций постоянно сопровождают сюжетные метаморфозы персонажей повести.

Множественность возможных номинаций неидентифицированных персонажей проистекает отчасти из того, что не определен круг истинных в приложении к ним предикатов. Например: *Так вот этот страшный тип (а он врет, что он консультант) обладает какой-то необыкновенной силой* (М. Булгаков). Номинации, особенно в прямой речи действующих лиц, основываются на неverified суждениях. Поэтому говорящие, не зная истинной сущности незнакомца, иногда нанизывают одну номинацию за другой. Например: *Что? Что? Что он сказал? Кто появился? — понеслись голоса со всех сторон. — Консультант, — ответил Иван, — и этот консультант сейчас убил на Патриарших Мишу Берлиоза [. . .] — Виноват, виноват, скажите точнее, — слышался под ухом Ивана Николаевича тихий и вежливый голос, — скажите, как это убил? Кто убил? — Иностранный консультант, профессор и шпион, — озираясь, отозвался Иван* (М. Булгаков). Цепочки номинаций появляются и в авторском тексте, чем подчеркивается многоликость некоторых действующих лиц, истинная сущность которых ускользает от наблюдателя. Например, *Маг, регент, чародей, переводчик и ли черт его знает кто на самом деле, словом Коровьев, — раскланялся и широко поведя лампадой по воздуху, пригласил Маргариту следовать за ним* (М. Булгаков). Характерно, что перебрав ряд подозрительных (с точки зрения своей истинности) номинаций, автор прибегает к имени собственному как номинации, отнесение которой к лицу не предполагает отделения истинных суждений об этом лице от ложных.

Наряду с эпизодическими номинациями персонажей,

автор пользуется и их стабильными наименованиями, независимыми от сюжетных поворотов повести. Константные наименования прямо ориентированы на читателя. Они базируются на неизменном идентифицирующем свойстве лица. Они нужны для того, чтобы читатель мог свести многочисленных загадочных незнакомцев к списку действующих лиц романа. Так, для Коровьева константным является признак клетчатости (ср. его номинации в разных эпизодах: *клетчатый тип, длинный клетчатый, развязный клетчатый, клетчатый Фагот*), константой Бегемота является его «котовость». Директор ресторана только потому опознал странных посетителей, что прислушиваясь к разговорам вокруг «мимо ушей не пропустил ни слова «клетчатый», ни слова «кот».

Здесь уместно перейти к объективным признакам, на базе которых чаще всего строятся идентифицирующие дескрипции, и подчеркнуть, что ими эффективнее всего служат номинации, построенные на зрительно воспринимаемых чертах, связанных с предметно-пространственным аспектом мира, наименее подверженным субъективным разногласиям и легче всего создающим общую для говорящих семантическую зону описательной информации. Поэтому не случайно, что интродуктивная номинация объекта так естественно разворачивается в его описание (см. выше).

Итак, особенности номинации персонажей «Мастера и Маргариты» и, прежде всего «нечистой силы», — их калейдоскопичность, ситуативная обусловленность, обозначение известного как незнакомого, наличие сквозных дескрипций, обилие оценочных номинаций, соотносенных с микромирами идентифицированных сюжетных партнеров — прямо вытекают из художественного метода автора.

Совсем иной характер имеет гетерономинативность в классической поэзии. Она связана с общей тенденцией к перифразированию наименований и к выражению предикатов именными формами. Перифрастические номинации распределены в основном между синтаксическими позициями именной части сказуемого, приложения, обособленного определения и обращения. А. Д. Григорьева пишет о перифрастических обозначениях лица в поэзии первой половины XIX в.: «Каждая перифраза лица — своеобразный эпитет (если, конечно, она не носит лишь функции номинативные), своеобразная образно-экспрессивная

квалификация. Этими ее свойствами определялось широкое обращение к ней для сообщения дополнительных семантических и экспрессивных сведений о лице путем ввода ее (перифразы) в состав приложения или именной части сказуемого»⁸.

В качестве примера гетерономинативности можно привести стихотворение Пушкина «К Батюшкову»: *Философ резвый и пиит, / Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любимец, / Наперсник милых Аонид, / Почто по арфе златострунной / Умолкнул радости певец?* Связь номинации с позицией предикативного типа определяет и саму ее семантику. Последняя более всего связана с психологической характеристикой лица, раскрытием его внутренних свойств, структуры личности (в то время как собственно номинативная, идентифицирующая функция легче достигается через внешнее описание объекта). Ср. также обычные для русской классической поэзии перифразы, как *поклонник славы, сын (друг) свободы, друг истины (мудрости, бокала и пр.), любимец муз, питомец брани, баловень побед, поклонник мирных Аонид*, и т. п. Например в «Послании к В. Л. Пушкину»: *Но вы, враги трудов и славы, питомцы Феба и забавы, / Вы, мирной праздности друзья* (А. Пушкин). Такого рода множественность номинаций есть не что иное как естественная для всякого текста множественность предикатов, сопоставляемых одному субъекту (см. ниже).

Описанные ситуации не исчерпывают возможностей гетерономинативности, связанной с литературно-стилистической и жанровой спецификой текста.

Варьирование наименований одного объекта (обычно лица) характерно для разных жанров публицистики — очерков, памфлетов, фельетонов, статей-«персоналий», посвященных невымышленным лицам. В них лицо, известное по имени, время от времени идентифицируется при помощи номинаций широкого значения — имен, данных по профессиональному признаку, перифраз, апеллирующих к творческим акциям или иным деяниям, оценочных номинаций и пр. Так, Лев Толстой часто обозначается как *писатель, знаменитый писатель, автор «Войны и мира», гений мировой литературы* и т. п. Такого рода гетерономи-

⁸ А. Д. Григорьева. Поэтическая фразеология Пушкина. — «Поэтическая фразеология Пушкина», М., 1969, стр. 22 (приводимые далее примеры взяты из этой книги).

нативность подчинена по преимуществу орнаментальным целям. Варьирование номинаций помогает сохранению апологетического тона очерка или жизнеописания. Автор постоянно напоминает читателю, что его статья посвящена замечательной личности.

Разумеется, гетерономинативность может обслуживать и другие стилистические задачи, например, создавать иронический эффект. Ср.— *А может, у вас фиктивный брак? Просто гражданка хочет устроиться в Москве.— А может быть, не фиктивный? — застонал «счастливый» муж* (И. Ильф и Е. Петров). Здесь номинация лица поставлена в отношении контраста с семантикой предиката.

Не останавливаясь подробно на стилистических возможностях гетерономинативности, мы хотим все же обратить внимание на то, что в публицистике это явление достигает особенно широких масштабов. В уже цитированном очерке В. Зорина, посвященном Линдону Джонсону, герой повествования после того, как автор идентифицировал его в глазах читателя, наряду с именем собственным обозначается следующими номинациями: *хозяин ранчо, хозяин поместья, бывший президент, экс-президент, внук простого техасского пахаря, отставной президент, этот честолобивый техасец, неотесанный техасский пастух, хозяин техасского ранчо, будущий президент, политик, до последних дней своих разыгрывавший роль пастушеского сына, двадцативосьмилетний учитель, земляк, начинающий техасский честолобец, тридцать шестой президент Соединенных Штатов, предмет исследования* (по отношению к биографу), *этот политик, могущественный деятель, этот начинающий техасский политик, молодой техасец, новый президент, глава государства, президент, несущий ответственность за вьетнамские поражения, деятель, внезапно низвергнутый с высот могущества, с авансцены в политическое небытие, этот самоуверенный, энергичный и надменный политик, человек, известный своим неумным честолобием, этот честолобец, отец* (по отношению к дочери), *муж и супруг* (по отношению к жене), *патрон* (по отношению к своим приверженцам), *могущественный конкурент* (по отношению к сопернику на выборах), *недавно еще могущественный политик и бесспорный лидер демократической партии, хозяин дома, политик, привыкший к первым ролям*. При имени собственном встречаются следующие определения: *хитрый и скрытный Джонсон, равный*

вверх Джонсон, самолюбивый Джонсон. Этот длинный список номинаций, выписанных по мере их появления в тексте (повторно употребленные номинации исключены из перечня), показывает, что варьирование вызвано определенными причинами. Изменение номинаций обусловлено в значительной степени тем, что очерк, как свидетельствует и само его заглавие («История одной карьеры»), посвящен истории карьеры Джонсона, т. е. в нем описывается продолжительный период времени и соответствующие ему этапы в жизни и деятельности Джонсона. Это объясняет появление таких номинаций, как *начинающий тexasский политик, двадцативосьмилетний учитель* и пр. Другая серия номинаций связана с эпизодом свидания автора с Джонсоном, с которого начинается и которым кончается рассказ: *хозяин ранчо, хозяин дома* и др. Ряд номинаций предопределен тем, что в ходе повествования меняются центральные персонажи описываемых эпизодов — ими являются жена Джонсона, его дочь, его биограф, его земляк и друг Миллер. В каждом случае Джонсон называется по признаку отношения к партнеру, т. е. фигурирует соответственно как *муж или супруг, отец, предмет исследования, земляк.* Гетерономинативность этого типа близка к общелитературной норме, т. е. не зависит от конкретного задания или общего стиля повествования. Этим объясняется регулярность употребления номинаций относительной семантики в обращениях, ремарках, сопровождающих реплики диалога и при глаголах, обозначающих интерперсональные отношения, о чем пойдет речь ниже. Ряд номинаций президента подчеркивает характерные для него свойства (*texasский честолюбец* и под.)

Ситуация гетерономинативности, таким образом, создается не только когда речь идет о незнакомцах и таинственных личностях. Она распространяется и на вполне идентифицированных персонажей повествования, имя которых хорошо знакомо читателю. В ряде случаев гетерономинативность отвечает общим семантическим нормам построения текста, т. е. не связана с его жанровой или иной стилистикой.

Когда речь идет о взаимодействии лиц, находящихся между собой в определенном — социальном или индивидуальном — отношении, обычно выбирается релятивная номинация. Ср. употребление релятивных номинаций у Л. Толстого: . . . Все двери залы вдруг заставились с одной

стороны мужскими, с другой — женскими улыбающимися лицами дворовых, вошедших посмотреть на *веселящегося барина* (имеется в виду граф Ростов); Граф из-за хрусталя поглядывал на *жену* [. . .] графиня так же, из-за ананасов, е забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на *мужа*.

Релятивная номинация в ситуации устойчивых интерперсональных отношений часто бывает обязательна. Так, было бы странно сказать «Надя не поверяла Анне Федоровне своих секретов», имея в виду отношения между дочерью и матерью⁹. Гораздо естественнее сказать «Надя ничего не говорит (даже) матери». Например, у Толстого: Кити замолчала не потому, что ей нечего было говорить, но она *и отцу* не хотела открыть свои тайные мысли; и в другом месте: Действительно, Кити таила *от матери* свои новые взгляды и чувства. Она таила их не потому, что она не уважала, не любила свою мать, но только потому, что это была ее мать.

В такого рода сообщениях через номинацию лица проявляет себя пресуппозиция, которую можно сформулировать, например, так: дочь должна открываться прежде всего матери (отцу). В последнем из приведенных предложений в самом авторском тексте показано, что номинация лица играет существенную роль в формировании самого смысла сообщения (*Кити таила от матери...*). Эта номинация и дает ключ к ситуации, о которой сообщается в высказывании: Кити таила от матери свои новые взгляды только по той причине, что это была ее мать.

Таким образом, мы подошли к случаям, когда смысл определенной дескрипции не только служит целям идентификации референта, но важен также и для содержания высказывания.

Поскольку герои повествования постоянно предстают перед читателем в разных обликах или ролях, автор часто прибегает к номинациям, раскрывающим существенный для каждого эпизода аспект своего героя. Номинация дает эпизодический портрет персонажа, его моментальный снимок, увиденный глазами автора или других действующих в рассказе лиц. Этим определяется не только

⁹ Такое высказывание могло бы быть употреблено людьми, близкими именно ко «второму актанту» ситуации, т. е. к матери.

появление в тексте все новых номинаций одного и того же лица, но и их развертывание в объемные описательные конструкции. Ср. например, у Толстого: [о Наташе Ростово] Все смеялись не ответу Марьи Дмитриевны, но непостижимой смелости *этой девочки, умевшей и смевшей так обращаться с Марией Дмитриевной*; [о графе Ростове] Действительно, все, что только было в зале, с улыбкой радости смотрело на *веселого старичка, который рядом со своею сановитой дамой, Марьей Дмитриевной, бывшею выше его ростом, округлял руки. в такт потряхивая ими. расправлял плечи и т. д.*

Последний пример хорошо показывает, как легко идентифицирующая номинация срастается с придаточными определительными в единое описание лица и его поведения в данном эпизоде.

Итак, сообщая о действии лица, говорящий часто ставит его в связь с некоторым свойством, аспектом действителя, который и отражает в номинации. Например: Зато (прибавила *болтунья*) *Открою тайну: я колдунья!* (Пушкин); Бранились долго; наконец! *Уловку выдумал хитрец* (Пушкин).

Между смыслом номинации и значением предиката устанавливаются отношения причинности. Ср. возможное толкование приведенных предложений: Наина открыла свою тайну, так как была болтлива; Черномор смог выдумать уловку, так как был хитер. «Предикативный» субъект обычно стоит в постпозиции и имеет тенденцию к обособлению, превращающему его в подобие назывного предложения: Уловку выдумал хитрец → Уловку выдумал, хитрец. Ср. — [...] Говорит жилец означенного дома из квартиры № 11 Тимофей Квасцов. Но заклинаю держать в тайне мое имя. Опасаюсь мести вышеизложенного председателя. И повесил трубку, *подлец!* (М. Булгаков).

Предикатирующие возможности имен особенно регулярно реализуются в случаях, когда сама семантика предиката имплицитно предполагает наличие у его актанта — объекта или субъекта — некоторого свойства. Например, глагол *пристыдить кого-нибудь* предполагает, что лицо, означенное в объекте, должно дать повод для пристыживания. Если этим поводом является достаточно характерное для данного лица свойство, то оно может послужить основой для номинации, ср. *пристыдить лгуна (грубияна, бездельника)*. Такие гла-

голы, как *высмеивать, издеваться, оскорблять, восхищаться, осуждать, презирать* и под., включающие в свое значение оценочный компонент и предполагающие существование в объекте некоторого признака, служащего критерием оценки, могут повлиять на выбор номинации. Ср. в уже цитированном очерке о Джонсоне: ...*Политические соперники Джонсона, как республиканцы, так и коллеги по его собственной партии, кто во что горазд высмеивали неотесанного техасского пастуха* (В. Зорин).

Необходимость эксплицитировать причину чувства-отношения иногда требует очень развернутой номинации лица, в которую включаются придаточные определительные, ср. в том же очерке: Среди того, что вызывало недоброежелательство к Джонсону обитателей столичных гостиных и политических салонов, были не только соображения политические, но и вполне обыкновенная, вульгарная зависть. *Зависть по отношению к человеку, который четверть века обретался рядом, вроде бы и не особенно выделялся, со многими был на равных, общался домами, перед иными заискивал, искал дружбы, одолевал услугами и т. д.*

На глаголе *завидовать*, фигурирующем в приведенном предложении, следует остановиться специально, поскольку он более настойчиво, чем другие глаголы, требует качественной, или можно было бы сказать «аспектуальной» номинации лица-объекта. Имплицируя в объекте существование определенным образом оцениваемого свойства, этот глагол открывает только одну зависимую синтаксическую позицию, не позволяя расчленив, развести по разным местам в предложении указание на лицо-объект зависти и разъяснение повода для этого чувства: *завидовать кому-чему*. Построенное по этой модели управления предложение оказывается вне широкого контекста информативно неполным. Ср. *Он завидует Семенову*.

Наличие одной синтаксической позиции при двух семантических валентностях глагола ведет к ее двойственности: в ней должны быть совмещены два принципиально разных значения, одно из которых предметно, другое — атрибутивно. Язык разрешает эту коллизию одним из двух способов: либо насыщая предметную (идентифицирующую) номинацию атрибутивным смыслом, либо заменяя номинацию лица указанием на событие. Ср. следующий ряд близких по значению предложений: *Петя завидовал своему удачливому другу — Петя завидовал свое-*

му другу, которому во всем сопутствовала удача — Петя завидовал удачам своего друга.

Сходные процессы можно наблюдать и в тех случаях, когда глагол, допуская синтаксическое расчленение предметного и атрибутивного значений, все же предпочитает их синтез. Происходит семантическая конденсация. Ср. *Петя возмутил всех своей наглостью и Этот наглый мальчишка всех возмутил; Мальчик постоянно огорчает родителей своей грубостью (ленью) и Этот грубый (ленивый) мальчик постоянно огорчает своих родителей — Этот грубиян (лентяй) постоянно огорчает своих родителей.*

Семантическая конденсация связана с сокращением числа синтаксических позиций при сохранении общего объема передаваемой информации. Она ведет, с одной стороны, к расплыванию смысловой функции данной синтаксической позиции, а с другой стороны, к тому, что смысл идентифицирующего имени и его определений приобретает коммуникативную значимость, т. е. переходит из presuppositional сообщения в сообщаемое.

ПРЕДИКАТНАЯ НОМИНАЦИЯ

Существо номинации, выполняющей предикатную функцию, состоит в обозначении и оценке свойств и действий, процессов и событий, явлений и положений дел путем подведения их под закрепленные в данном языковом коде понятия. Предикатная номинация, или собственно, обозначение, представляет собой творческий процесс проникновения в суть конкретного явления, его познания. Не случайно занятия гносеологией вызывали обеспокоенность многих логиков и философов проблемами значения слова. Именно в сфере предикатных номинаций, фиксирующих знания человека о мире, возникают, интегрируются и дифференцируются значения, обогащается и расширяется система наших понятий, и, в конечном счете, наших знаний.

Колебания в выборе предикатной номинации отражают, в отличие от колебаний в выборе идентифицирующего имени, не сомнения в правильной оценке прагматической стороны речевого акта, а скорее стремление к полноте проникновения в сущность явления и к точности или образности ее выражения. Поэтому метафора, в отличие от метонимии, характерной для идентифицирующих номина-

ций, органически связана с номинациями предикатного типа.

Если эффективность идентифицирующей номинации определяется ее способностью установить контакт между именем и денотируемым им объектом действительности, способностью, зависящей от конкретных условий речевого акта, то эффективность предикатной номинации определяется степенью соответствия ее значения существенным атрибутам предмета, ее способностью установить связь между признаком объекта и значением слова, способностью в общем случае независимой (или в слабой степени зависимой) от конкретной обстановки коммуникации. Эффективность идентифицирующей номинации не имеет градаций — она может либо достичь своей цели, либо ее не достигнуть; эффективность предикатной номинации градуирована: она может быть более удачной или менее удачной, т. е. устанавливать большее или меньшее соответствие между свойством предмета и понятием, отраженным в значении слова. Муки слова и находки, удачи и озарения возможны только в области предикатной номинации, даже если она в дальнейшем предназначена для идентифицирующих целей (ср. клички, прозвища и т. п.). Даже то, что мыслится именем собственным единичного предмета, выбирается как адекватное его носителю: смысл клички должен совпасть со свойствами денотата. «Это ведь не просто — наградить человека кличкой. Надо такую сыскать, чтобы прилипла, чтобы совпала с человеком, как шестеренка с шестеренкой» (Л. Карелин). Совпав с человеком и даже не совпав, а просто к нему прилипнув, номинация начинает набирать силу: она создает свой образ лица, с которым не всегда может тягаться реальность. Выйдя из уст человека, номинация, подобно вырвавшемуся из сосуда джинну, получает власть над своим бывшим хозяином. Окутанная многими едва уловимыми коннотациями, опутанная нитями, связывающими ее с разными семантическими зонами, номинация оказывает глубокое воздействие на умы и представления людей. Именно властью слова объяснял, например, Печорин свое отвращение к браку, именно слово останавливало его в решительную минуту: *Но надо мною слово же н и т ь с я — имеет какую-то волшебную власть*, — признавался он. Герцен заканчивает XI главу «Былого и дум» следующим рассуждением: «Названия страшная вещь. Ж.—П. Рих-

тер говорит с чрезвычайной верностью: если дитя солжет, испугайте его дурным действием, скажите, что он солгал, но не говорите, что он *лгун*. Вы разрушаете его нравственное доверие к себе, определяя его как лгуна. «Это — убийца», — говорят нам, и нам тотчас кажется спрятанный кинжал, зверское выражение, черные замыслы, точно будто убивать постоянное занятие, ремесло человека, которому случилось раз в жизни кого-нибудь убить [...] Я имею отвращение к людям, которые не умеют, не хотят или не дают себе труда идти далее названия, перешагнуть через преступление, через запутанное, ложное положение, целомудренно отворачиваясь или грубо отталкивая».

Между тем власть номинации сильна, и сломить ее трудно. Гоголь, чутко реагирующий на то магнитное поле, которое образует вокруг объекта его номинация, так описывает положение Чичикова, созданное неким словом: «До сих пор все дамы как-то мало говорили о Чичикове, отдавая ему впрочем полную справедливость в приятности светского обращения; но с тех пор как пронеслись слухи об его миллионстве, отыскиались и другие качества. Впрочем дамы были вовсе не интересанки; *виною всему слово: миллионщик, не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей хороших, словом на всех действует*» (Гоголь).

Итак, дать предмету, лицу или явлению адекватную номинацию, «окрестить» его надлежащим образом, значит выявить нечто для него характерное. Вопрос наименования в этом смысле есть вопрос познания. И действительно, проблема обнаружения сущности явления часто осознается как проблема номинации: акт называния отождествляется с актом познания. Ср. следующее рассуждение Гоголя о сущности своего героя и его деяний: «Кто же он относительно качеств нравственных: что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Кто же он? стало быть подлец? Почему же подлец, зачем же быть так строго к другим [...] *Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель, Приобретение вина всего: из-за него произвелись дела, которым свет дает название не очень чистых*» (Гоголь).

То, что выявление существенных признаков предмета понимается Гоголем как его наименование, отражается

в самих способах введения им предикатных номинаций. Приведем тому несколько примеров, очень характерных для манеры письма Гоголя: *Дамы города N были то, что называют, презентабельны* (Гоголь); Если же между ними и происходило какое-нибудь *то, что называют другое-третье*, то оно происходило в тайне (Гоголь); Из этого может читатель видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, *которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которых теперь, право, не знаю, как назвать* (Гоголь).

Оценивая объект, Гоголь склонен взвешивать его право на ту или другую номинацию, на слово: Видно так уж бывает на свете, видно и Чичиковы на несколько минут жизни обращаются в поэтов, но *слово поэт будет уже слишком* (Гоголь).

Если объект воспринимается как неотвечающий значению того имени, которым его называют, то говорят, отрывая номинацию от ее смысла, от ее понятийного содержания, «только одно название, что поэт (роман, художник и пр.)». Например. А во дворе — да какой там двор, *только название что двор*, а это площадь целая и вся она как на ладони, кустики редкие, деревца чахлые, — во дворе этом, если и погулять, так только малым ребятишкам (Л. Карелин).

Когда говорящий возмущен или озадачен каким-либо происшествием или чьим-либо поступком, он иногда ссылается на отсутствие для него подходящей номинации. Например, — Ну, конечно! Я же говорил! — возбужденно кричал администратор. — Никакая не Ялта, а он уехал за город! — Ну, если это так, — бледнее от злобы, заговорил финдиректор, — то это уж действительно *свинство, которому нет названия!* (М. Булгаков).

Итак, квалификация предмета, его познание, проникновение в его суть осознается говорящими как его номинация, и это осознание отложилось в самих способах пользования языком, в самом значении глагола *называть*.

Разумеется, назвать предмет означает не более, чем отнести его к некоторой категории, классу, выделить в нем родовые признаки.

Когда говорят, что предикатная номинация соответствует акту познания, то имеется в виду познание кон-

кретного объекта, явления, факта в пределах понятийных возможностей языка, т. е. в пределах области, покрываемой языковой семантикой.

Между тем, если бы автор ограничивался стандартными номинациями, он не смог бы выйти за рамки мира классов и категорий, т. е. не смог бы приблизиться к индивидуальности объекта, раскрытие которой как раз и составляет цель художественного творчества. Чтобы выполнить эту задачу, говорящему или пишущему приходится прибегать к разным способам, обеспечивающим переход от общего к индивидуальному средствами самого этого общего. Известно, что такими способами служат метафорические номинации, сравнения и другие тропы. Здесь мы не будем на них останавливаться. Обратим внимание лишь на приемы, относящиеся к построению предикатной номинации, самой ее структуре. Эти приемы основаны на возможности высекать семантические нюансы путем столкновения близких по значению слов, порождать новые, более тонкие значения на стыке номинаций.

Пользуясь этой возможностью, многие авторы склонны выстраивать предикатные номинации в ряды и цепочки, звенья которых отражают разные грани объекта. Игрою этих малых плоскостей и воспроизводится его индивидуальность. Ведь и сами синонимы в области предикатных слов для того в языке и существуют, чтобы огрубленную классификацию признаков дополнить классификацией более утонченной. Напомним здесь следующее рассуждение о синонимах Д. И. Фонвизина, вызванное мнением одного из литературных критиков, что «синонимы изобретены на тот конец, чтобы попеременно употреблять в пространных сочинениях одно и то же значащие слова»: «Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого; сходство между ними состоит только в главной идее. Неужели многословие составляет изобилие языка? И какое было бы это дурацкое богатство, если бы десять или больше слов изображали в нем одну только идею? Тут память бы лишь тщетно обременилась; тут один слух чувствовал бы разность в звуке слов, но разум не вкушал бы никакого удовольствия, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковые могут иметь человеческие мысли. Судя по такой критике, я думаю,

что если б г-н критик был повар, то бы конечно в большой обед поставил он с одним кушаньем блюд тридцать ¹⁰. Ср. следующую едва уловимую в своих оттенках «синонимическую» классификацию «должностных похлебок» у Гоголя: ...пойдут *переборки, распеканья, взбутетениванья* и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальство своих подчиненных!

Но если сами синонимы способны дать тонкую категоризацию понятий о предметах и явлениях, то еще более тонкие значения создаются путем стыковки и амальгамирования близких по своему смыслу предикатов (ресурс, к которому часто прибегают лексикографы при толковании предикатных слов). Например: Но если ты чуть ли не своими руками собрал машину, если купил ее почти мертвую и *влил, вдул, впаял* в нее жизнь — вот тут ты уже не *собственник* даже, а как бы *соупряжник*, как бы *солошадник* в тех немногих лошадиных силенках, коими жив сей драндулет (Л. Карелин).

Несколько иную цель преследует скопление, концентрация оценочных номинаций, нечетко различающихся между собой по значению. Оно необходимо не столько для нюансировки значения, сколько для его интенсификации. Например, — А вы разве знаете Хустова? — Вчера в кабинете у вас я видел этого индивидуума, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он — *сволочь, склочник, приспособленец и подхалим*. «Совершенно верно!» — подумал Степа, пораженный таким верным, точным и кратким определением (М. Булгаков); Попова: — *Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!* (А. Чехов).

Стремясь к наиболее адекватной номинации, автор склонен отвергать существительные, служащие именем данного класса предметов, но недостаточно полно передающие индивидуальную специфику объекта. Так, в следующем примере виден переход от общепринятой номинации вереницы людей, вытянувшейся у магазина, к образному названию, отражающему особенности данного феномена: Это была *не стройная и упорядоченная очередь, а вроде бы кружок людей, но и не кружок, а скорее спираль* [...] Чижов всмотрелся в *спираль-очередь* [...] Знакомых в *этой спирали* у Чижова не нашлось (Л. Карелин).

¹⁰ Д. И. Фонвизин. Полн. собр. соч. СПб., 1888, стр. 810.

Поиск максимально точного предиката-номинации движется через противопоставление нужного термина исключаемому им более привычному, стандартному обозначению. Без указания на исключаемый термин читатель не сможет в полной мере осознать и оценить смысл выбранного. Поэтому в предикате так часто встречается противопоставление: читателю сообщается и та номинация, которая выбрана автором, и та, которая им отвергнута. Например: *И тогда пес подал голос. Если нельзя добежать, то можно позвать. И он принялся звать, повиснув на поводке, задыхаясь. Это был не лай и не вой. Это был зов* (Л. Карелин); — *Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш! Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш* (М. Булгаков). Уже из приведенных примеров видно, что отвергаются обычно стандартные, стертые предикаты и вместо них принимается новое в данном употреблении слово, пусть даже его значение недалеко отстоит от значения устраняемого предиката.

Приведем еще пример, хорошо иллюстрирующий тезис о том, что путь автора к нужному предикату есть в то же время путь к постижению индивидуальности явления, к раскрытию в нем неповторимых черт через набор общих понятий: ...что она [статья Блока о Л. Андрееве] ему должна была понравиться, я знал — не потому, что она была хвалебной, а потому, что в ней я перекликнулся с ним, — вернее не с ним, а с тем хаосом, который он в себе носил, не носил, а таскал, как-то волочил за собой, дразнился им, способен был иногда демонстрировать *этот подлинный хаос*, как попугая или комнатную собачку (А. Блок. Памяти Л. Андреева). Приведенный отрывок обращает внимание на частого спутника предикатных номинаций — атрибут, утверждающий истинность содержащихся в номинации признаков относительно характеризуемого объекта. Такими спутниками являются прилагательные *истинный, подлинный, настоящий, такой-то в полном смысле слова* (см. ниже).

Метод противопоставления предикатных номинаций закреплен в специальной синтаксической конструкции русского языка, в первой части которой отвергается но-

минация, относящая объект к тому классу, в который он на самом деле входит, а во второй части этому отрицанию противопоставляется номинация, утверждающая принадлежность объекта к другому классу: реальной классификации противопоставляется как истинная классификация метафорическая. Например: Кота надо высечь. *Это не кот, а бандит* (М. Булгаков) И с инверсией терминов, т. е. выносом на первое место утверждения: *Утешение, а не коляска* (Гоголь).

Рассмотрим еще один пример: Смирнов. — Это — женщина! Вот это я понимаю! *Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета!* (А. Чехов). Здесь признаки, часто вводимые в понятие класса (в данном случае класса женщин) противопоставляются признакам, которые говорящий считает подлинно присущими этому классу (огонь, порох, ракета, а не кислятина и размазня). Подобная метода отбора номинаций резюмируется в утверждениях типа *настоящая женщина* (см. начало приведенного пассажа), *подлинный художник, истинный герой, поэт в полном смысле слова*; иногда говорят и о *лучшем* (или *худшем*) смысле слова. Такие утверждения подводят итог противопоставлению подлинных и фиктивных признаков класса. В сущности же говорящий как бы сталкивает два подкласса, входящие в один класс, но различающиеся по набору видовых черт. Таким образом, предикатная номинация класса заменяется номинацией подкласса (даже если она выдается за обозначение всего класса).

Этот прием представляет собой экспрессивный вариант рутинного способа характеристики объекта через включение его в определенную — узкую или широкую — разновидность класса. Например, *Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтобы их забавляли* (Лермонтов); *Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют ее «моя Мери», «моя Софи», если она имела счастье им понравиться* (Лермонтов); *Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?* (Лермонтов). Приведенные примеры показывают, что таксономические предикаты, раскрывающие индивидуальные свойства объекта методом дробления класса, легко замещают в тексте непосредственное указание на характерную для данного объекта черту. Ср. *Княжна, кажется, из тех женщин, которые любят, чтобы*

их забавляли = княжна любит, чтобы ее забавляли. И тут способ индивидуализации объекта превращается в свою противоположность: автор, включая объект в подкласс, обращает внимание на то, что он является совсем не единственным носителем данного свойства.

В заключение подчеркнем, что метод противопоставления, организующий структуру предиката, имеет, по-видимому, давнюю традицию. В подтверждение этого можно сослаться на характерный для языка фольклора прием, заключающийся в том, что сначала говорящий отвергает ложные впечатления, иллюзорные представления о происходящем, а затем сообщает о том, что произошло или происходит на самом деле. Ср. у Некрасова: *Не ветер бушует над бором, не с гор побежали ручьи: Мороз-воевода дозором обходит владенья свои.*

Итак, основная функция предикатной номинации — раскрытие индивидуальных свойств объекта, предопределяет те семантические и синтаксические процессы, которые приходится наблюдать в этой области: употребление имен в несобственном значении, высечение новых смыслов на стыке номинаций, их скопление, противопоставление одних номинаций другим, использование развернутых номинаций таксономического типа. ♪

НОМИНАЦИЯ-ОБРАЩЕНИЕ

Внутренне сложна и противоречива номинация, употребляемая в обращении, т. е. номинация адресата речи. Обращение в функциональном отношении двойственно. Оно — с одной стороны — позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи. По этому параметру обращение соотносительно с такими именами, как *зов, призыв, окрик*. С другой стороны, в апеллятиве часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведет к тому, что в позиции апеллятива сочетаются идентифицирующие номинации с номинациями субъективно-оценочного типа. Поскольку само обращение можно рассматривать как прагматическую «вставку» в высказывание, ситуативная обусловленность номинации предопределена сущностью этой синтаксической категории.

Не касаясь социологического аспекта проблемы, рассмотрим некоторые собственно лингвистические черты се-

мантики обращения. Обращение, будучи тесно связано с интерперсональным аспектом коммуникации, есть прежде всего область, в которой господствуют релятивные номинации, т. е. имена, обозначающие отношения — родственные, социальные, эмоциональные и проч. — между собеседниками (*отец, сын, шеф, друг, коллега, соседушка, мать, кум, сват, брат* и пр.). Между именем, употребленным в обращении, и именем авторской ремарки часто устанавливается прямая соотносительность. Напр., — *Прощай, ученик, — чуть слышно сказал мастер* (М. Булгаков).

Обращение может указывать не на обоюдное, а на одностороннее отношение, именно на отношение говорящего к адресату. В этом случае преобладают номинации эмоционального и оценочного ряда — *дорогой, милый, любезный, родной, уважаемый* и пр. Позиция апеллятива широко открыта для оценочных номинаций отрицательного плана, таких, как *подлец, негодяй, мошенник, прохвост* и др., узурпирующих место релятивных имен. Например. — Так, так, так, — сказал доктор и, повернувшись к Ивану, добавил: — Здравствуйте! — Здорово, *вредитель!* — злобно и громко ответил Иван. Рюхин сконфузился до того, что не посмел поднять глаза на вежливого доктора. Но тот [...] спросил у Ивана: — Сколько вам лет? [...] — Мне двадцать три года, — возбужденно заговорил Иван, — и я подам жалобу на всех вас. А на тебя в особенности, *гнида!* — отнесся он отдельно к Рюхину (М. Булгаков). Оценочная номинация в обращении приближается по своей функции к назывному предложению, образуемому именем, предцируемому к адресату речи.

В позиции обращения нередко фигурируют абстрактные имена, характеризующие адресата по его роли в жизни говорящего и представляющие его как источник тех или других состояний автора речи (ср. *радость моя, горе мое*).

Элемент предикации, свойственный обращению, дает возможность адресату применить к нему критерий истинностной оценки. Апеллятив, поэтому нередко вызывает у собеседника реакцию опровержения. Например, — Что же он велел передать тебе, *раб?* — *Я не раб* [...] *Я его ученик* (М. Булгаков); — Вы писатели? — в свою очередь спросила гражданка. — Безусловно, — с достоинством от-

ветил Коровьев. — Ваши удостоверения? — повторила гражданка. — *Прелесть моя...* — начал нежно Коровьев. — *Я не прелесть*, — перебила его гражданка. — О, как это жалко, — разочарованно сказал Коровьев и продолжал: — Ну, что же, *если вам не угодно быть прелестью*, что было бы весьма приятно, *можете не быть ею* (М. Булгаков); — *Добрый человек!* Поверь мне [...] — *Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься.* В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно (М. Булгаков).

Указание на ложность номинации в применении к данному собеседнику, впрочем, граничит с указанием на ее неуместность в данных условиях коммуникации, ее прагматическую неадекватность. Ср. продолжение последнего примера: — Преступник называет меня «добрый человек». Выведете его отсюда на минуту. *Объясните ему как надо разговаривать со мною.* Но не калечить. [...] — *Римского прокуратора называть «игемон».* Других слов не говорить (М. Булгаков).

Такого рода протест может быть вызван не только именем нарицательным, но и формой имени собственного, обычно на оцениваемого по параметру истинности/ложности. Например, — Проша! Где вы? — *Кто вам тут «Проша»?* — осведомился надменно костюм, еще глубже заваливаясь в кресло (М. Булгаков).

Двойкий подход к обращению — его оценка по признаку истинности выражаемого им признака денотата и по признаку уместности (принятости или непринятости, соответствия или несоответствия этикету) — свидетельствует о дуалистичности самой его природы, его вхождении, с одной стороны, в знаковую систему языка, и — с другой стороны, в систему социальных установлений.

Соединение оценочного элемента с идентифицирующим в семантике обращения стимулировало создание особой категории номинаций, богато представленной в славянских языках — гипокористик, или уменьшительно-ласкательных, увеличительных, фамильярных форм имен, в том числе собственных (*Васёк, Петька, Славик* и пр.), а также принятых в каждом обществе форм обращения к разным социальным категориям лиц (*сэр, сударь, ваше благородие* и пр.), употребление которых отражает уже не личные, а социальные отношения. Например, *Он [...]* был польщен тем, что мы, приветствуя его, назвали ва-

шим благородием (Салтыков-Щедрин); *Поддерживаемая Балалайкиным под руку* (он называл ее при этом княгиней, но я мог дать руку на отсечение, что она — сваха от Вознесенского моста), она медленно направилась к входной двери (Салтыков-Щедрин).

Уменьшительные формы захватывают в современном русском языке не только имена, но и фамилии. Не образуя регулярных со словообразовательной точки зрения пар, сокращения фамилий соприкасаются с прозвищами, кличками. Например, — Там с тебя за ребятишек спрос будет. У тебя, Сыр, сколько их? — Трое. Погодки. И все парни! — гордо распрямился бойкий мужичок, которого, оказывается, окрестили Сыром. — Почему — Сыр? — спросил Чижов. — Ну, Сырников, — пояснил Витяй. — Да и сыр на закуску любит. Это я его так нарек. Как приехал, как познакомился, вижу, что — Сыр и Сыр. — А он — Витяй и Витяй, — подхватил Сыр. — А почему — Витяй? — спросил Чижов. — Так он же Виктором Викторовичем отрекомендовался. А какой он Виктор Викторович? Витяй он. И ходит как Витяй, и рукастый. Самый что ни на есть Витяй. — Сырников, или вернее Сыр, был весьма доволен своим объяснением. — А тебя как звать-величать? — осведомился он, наперед прищурившись, изготовившись, чтобы творчески, так сказать, переосмыслить имя или фамилию нового приятеля (Л. Карелин).

Из приведенного примера явствует, что не только уменьшительные фамилии, но и уменьшительные имена, хотя и в существенно меньшей степени, соприкасаются с социальным институтом прозвищ, очень распространенным среди детей, но имеющим рефлексы и среди фамильярно относящихся друг к другу взрослых; ср. рассуждение одного из персонажей цитированной повести Л. Карелина: «Колькой его смолоду звали, а если и сейчас так зовут, то по дружбе, в силу давнего приятельства. У себя на заводе он давно Николай Андреевич. И не Чиж уж подавно, а товарищ Чижов. Чиж — это тоже от молодых лет осталось, он приятельства. Так, в Докучаевом, с самого детства он в Чижах начал гулять. Привыкли. Он и сам привык. Чиж так Чиж, Колька так Колька. Даже сын с дочкой иной раз так его окликали. Это с досады если». Система сокращений и кличек (полупровищ-полусокращений) бытует в фамильярном приятельском кругу не только как воспоминание детства, и в этом скоро убеждается автор

приведенного рассуждения, которого включение в незнакомое (но вполне однотипное) общество не спасает от старой клички:— *Влюбилась!* — сказал Сыр.— *Влюбилась в тебя баба. Готово. Ну, Чиж!* — Чижев вздрогнул. *Вот оно! Назвали!* А Сыр, как ни в чем не бывало, будто обмолвился и этого крещения не случилось, уже тянулся к Чижеву со своим стаканом (Л. Карелин).

Следует подчеркнуть, что семантическое своеобразие номинаций-обращений ведет к формированию особой категории имен не только собственных, но и нарицательных, употребление которых либо ограничено этой синтаксической позицией, либо связано с ней своей первичной функцией. Например, Все были такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: *кубышки, толстунчики, пузанчики, чернушки, кики, жужу* и проч. (Гоголь). Фигурирующие в приведенном отрывке имена, особенно такие, как *толстунчик, кики, жужу*, едва ли употреблялись иначе, как в обращении. Проникая в иную позицию, они и в ней продолжают ощущаться как цитация обращения.

Итак, апеллятивы создают промежуточную между идентифицирующей и предикатной номинацией зону семантики, сочетающей черты этих двух принципиально разных типов имен. Они осуществляют переход от идентифицирующей, объективной семантики к семантике субъективного типа, соответствующей номинациям, употребленным в позиции предиката.

РОЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВНУТРИ НОМИНАЦИЙ

Выше неоднократно отмечалось, что номинации объекта легко развертываются за счет зависимых элементов. Говорилось также, что функции определений внутри номинаций неоднотипны, причем характер осуществляемой ими функции зависит от значения, референтной отнесенности и синтаксической позиции определяемого существительного.

Если номинация лишена непосредственной референции к предмету действительности, т. е. занимает позицию предиката, то при качественном (односемном) имени определение обычно имеет градуирующее или оценочное значение. Ср. *Обухова была замечательной певицей* (= Обухова замечательно пела), *Смердяков был ужасный подлец*

(= Смердяков был очень подл). Например: Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты *большой мошенник*, позволь мне это сказать тебе по дружбе (Гоголь); Другому кажется, что он *сильный любитель музыки* (Гоголь); ...он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь и много ли дает дохода, и *большой ли подлец их хозяин*, на что половой по обыкновению отвечал: *о, большой, сударь, мошенник* (Гоголь); Я ему в глаза это говорил: вы, говорю, с нашим откупщиком *первые мошенники!* (Гоголь).

При конкретном (многосемном) имени, выполняющем роль классифицирующего предиката, определение выражает оценочное или аддитивное значение. В последнем случае оно присоединяет дополнительные признаки к понятийному содержанию имени, суживая его объем. Ср. Петров — *резчик по дереву (дамский мастер, театральный художник, мужской портной, инженер по турбинам и пр.)* Дополнительный признак, вносимый определением, логически связан с понятийным содержанием имени. Определительные сочетания такого рода обычно эквивалентны составной номинации.

В предикатной номинации развернутого типа редко объединяются разнопорядковые признаки. Так, естественно сказать *Она — талантливая преподавательница музыки*, но едва ли употребительно *Она — курносая (кудрявая, беременная, замужня, многодетная, здоровая, румяная и т. п.) учительница музыки*. Некоторая независимость от смысла номинации приходит к определению, когда в нем сосредоточена новая информация, а в имени дается лишь опора для определения. Ср. *Петя — болезненный мальчик (капризный ребенок)*. Например: Губернатор об нем изъяснялся, что он *благонамеренный человек*; прокурор, что он *дельный человек*; жандармский полковник говорил, что он *ученый человек*; председатель палаты, что он *знающий и почтенный человек*; полицмейстер, что он *почтенный и любезный человек*; жена полицмейстера, что он *любезнейший и обходительнейший человек* (Гоголь). Предикатная номинация в этом случае может разрастаться до словесного портрета «в рост». Заметим, впрочем, что и здесь между определением и существительным часто возникает семантическая связь, причем на этот раз имя «идет навстречу» определению, фиксируя тот аспект предмета, к которому относится атрибут. Ср. *Петя — ленивый*

ученик; Галя — любящая мать (сварливая жена, экономная хозяйка).

Если номинация выполняет экзистенциальную роль, то ее коммуникативная двойственность имеет своим следствием функциональную двойственность определений. С одной стороны, определения могут входить в составную таксономическую номинацию, и это сближает их с определениями внутри предиката, ср. *Алексей — театральный художник* и *Я познакомился с одним театральным художником* или *В гостях у меня был один театральный художник*. С другой стороны, определения умножают те черты, которые составляют значение экзистенциальной номинации и которые могут в дальнейшем тексте использоваться для идентификации предмета речи. В этом случае определение может фиксировать неоднородные признаки, что сближает экзистенциальную номинацию с идентифицирующей.

Двойственность природы экзистенциальной номинации (шире, имени с неопределенной референцией) дает возможность двоякой интерпретации некоторых определений — в их прямой отнесенности к денотату имени или в их отнесенности к сигнификату, смыслу имени. Так, предложения *Среди них был один молодой специалист; Это задание можно поручить (какому-нибудь) молодому специалисту* могут быть поняты в том смысле, что речь идет о молодом по возрасту специалисте, либо в том смысле, что имеется в виду человек, недавно ставший специалистом, независимо от того, молод он или нет. Иначе говоря, *молодой специалист* может прочитываться как (1) молодой человек, который имеет данную специальность, либо как (2) человек, который недавно практикует свою специальность. В первом случае признак отнесен к денотату имени (к субстанции), во втором к сигнификату имени (к атрибуту субстанции). Здесь уместно подчеркнуть, что развитие рядом прилагательных, связанных с категорией времени, существования во времени (ср. *молодой, старый, новый*) двух типов значения, один из которых характеризует субстанцию (бытие субстанции), а другой — признак (бытие признака), является следствием их употребления при именах, выполняющих в предложении разные функции — идентифицирующую (субстантивную) и предикатную (атрибутивную)

Экзистенциальная номинация, как уже отмечалось

выше, по сути своей описательна. Для нее характерна тенденция к обильному «обрастанию» зависимыми словами, причастными и деепричастными оборотами, придаточными определительными. Например: Прямо из зеркала трюмо вышел *маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком, безобразящим и без того невиданно мерзкую физиономию. И при этом еще огненно-рыжий* (М. Булгаков).

Наиболее естественно соединяются с экзистенциальной номинацией определения, указывающие на зрительно воспринимаемые признаки предмета и на его предметную рамку, своего рода «предметный аккомпанемент». Например: Из квартиры № 48 вышла на лестницу *сухонькая женщина с бидоном и с сумкой в руках* (М. Булгаков); Варенуха вздрогнул, обернулся и увидел перед собой *какого-то небольшого толстяка, как показалось, с кошачьей физиономией* (М. Булгаков).

Речевое распространение экзистенциальных номинаций признаками, относящимися к внешнему облику предметов, создает основу для языковых номинаций, даваемых подклассам предметов по зрительно воспринимаемым чертам. Ср. В этих местах было много *растений с острыми листьями. Эти остролисты* обладали целебным свойством.

Очень характерно для экзистенциальной (интродуктивной) номинации, следующей за глаголом зрительного восприятия, наличие при ней динамического определения. Ср. Я увидел *бегущего мальчика (ползущую фигуру, входящих людей, скачущую лошадь, мчащегося во весь опор всадника)*.

Экзистенциальная номинация, подобно предикатной, может иметь при себе сколько угодно субъективно-оценочных определений, сообщающих об отношении к объекту автора речи, о его впечатлении от объекта: В доме моих друзей я познакомился с *одной очень красивой (милой, доброй, прелестной, нахальной, противной и пр.) девушкой*.

Итак, сочетаемость интродуктивной номинации находится в соответствии с ее двойственностью: подобно идентифицирующей номинации, она может присоединять определения, сообщающие добавочную информацию о предмете; подобно предикатным номинациям, она легко сочетается с субъективно-оценочными определениями.

Более сложные функции выполняют определения при референтной (идентифицирующей) номинации, т. е. имени

собственном или дескрипции, относящихся к известному собеседнику объекту.

В ситуации живого общения определение при такой номинации служит для того, чтобы сообщить адресату дополнительные признаки для выявления нужного предмета в зоне наблюдения. Ср. *Дай мне из буфета с верхней полки голубую чашку с цветочками, знаешь, ту, что с треснутым блюдцем*. В этом предложении не только определения, но и обстоятельственные слова (*из буфета с верхней полки*), служат «вехами», облегчающими поиск предмета. Такого рода «поисковые» определения могут появляться и при имени собственном, если оно недостаточно различительно или его предметная отнесенность недостаточно хорошо известна адресату. Например: *Наступило полное молчание, которое было прервано к л е т ч а т ы м Ф а г о т о м* (М. Булгаков); *Вот контракт... переводчик-гад подбросил... К о р о в ь е в в п е н с н е* (М. Булгаков). Соединяясь с собственным именем, определение, компенсируя недостаточную различительность имени, нередко создает вместе с ним составную номинацию (ср. *Большая Берта, Длинный Джон, Иван Грозный, Александр Первый* и пр.). В целом же, если номинация вполне однозначно указывает на предмет, т. е. если она является единичным термом, она не сочетается с «поисковыми» определениями, обычно относящимися к внешней характеристике предмета. На невозможность такого рода определений при именах, уже определенных лексически, обратил внимание Д. Н. Шмелев в связи с проблемой разграничения предложений и словосочетаний. Так, сочетание *Отец — в тулупе* может трактоваться только как предложение (словосочетание *отец в тулупе* невозможно), в то время как сочетание *старик в тулупе* может быть как расчлененным, так и нерасчлененным (ср. *старик в тулупе* и *Старик — в тулупе*)¹¹.

Определения внутри идентифицирующей номинации могут обозначать самые разнообразные признаки предмета. Последние в принципе автономны, независимы друг

¹¹ Д. Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, стр. 49. См. об этом же в связи с проблемой обособления: Л. Ю. Максимов. Обособление при-субстантивных косвенных падежей существительных.— РЯШ, 1962, № 6, стр. 24—25.

от друга, и это существенно отличает идентифицирующие определения от определений в составе предиката.

Определение при референтном имени, характеризующее признаки предмета, известные адресату, не вносит в сообщение новой информации. Однако оно может быть причастным к смыслу сообщения, обращая внимание на то свойство предмета или лица, которое проявляется в описываемом событии. Например: *Стеная, дряхлый чародей / В бессильной дерзости своей, / Пред сонной девой упадает* (Пушкин). Соответствуя известному, данному и в то же время участвуя в формировании смысла высказывания, атрибуты этого типа являются своего рода переменными эпитетами, сопутствующими номинациям персонажей.

Определение в составе референтной номинации может нести полноценную смысловую нагрузку. Номинативное выражение в этом случае не является слитным. Получая импульс к обособлению, определение в то же время не отрывается от определяемого имени. Например: Римский постарался изобразить на лице улыбку, от чего оно сделалось кислым и злым, и раскланялся с *безмолвным магом*, сидящим рядом с котом на диване (М. Булгаков). В следующих пушкинских строках определение имени (*бледный*) выражает дополнительную предикацию, сообщая о реакции карлика на звон рога: Чу... вдруг раздался рога звон / И кто-то карлу вызывает. / В смятеньи, *бледный чародей* / на деву шапку надевает. Прилагательное в приведенном предложении легко может быть обособлено, ср. *В смятеньи, бледный* (т. е. побледнев), *чародей на деву шапку надевает*. Информативные прилагательные обычно касаются поведения персонажа в данной ситуации, его психологического состояния, реакций на событие и т. п., но не его идентифицирующих (обычно внешних) признаков. Наличие у определений информативной нагрузки позволяет им соединяться с именами собственными, самодостаточными для идентифицирующих целей. Например: — Бесспорно, — согласился *неузнаваемый Иван* (М. Булгаков); — Позвольте с вами рассчитаться, — проскулил *убитый Степа* и стал искать бумажник (М. Булгаков); «Что же это такое?!» — подумал *несчастный Степа*, и голова у него закружилась (М. Булгаков); *Бездетная, тридцатилетняя Маргарита* была женою очень крупного специалиста, к тому же сделавшего важнейшее открытие

государственного значения (М. Булгаков). Обилие информативно значимых определений референтного имени характерно для описательного, шире, повествовательного текста, автор которого использует все возможности введения новых сведений. Последние проникают также в синтаксические места, предназначенные для идентифицирующих элементов предложения, т. е. для известной информации. Определительная связь в описательных текстах часто используется для выражения отношений, близких предикации. В некоторых языках (например, испанском и итальянском) различие между неинформативным и информативным определением в общих чертах соответствует различию между пре- и постпозицией прилагательного.

Семантическая организация повествования, таким образом, отлична от семантической организации собственно информативного текста (хроники, научного реферирования, газетной информации, репортажа). Этот последний, достаточно четко разделяя высказывание на тему и рему, данное и новое, оказывается, как это ни парадоксально, менее информативно насыщенным. Увеличение объема информации в таком тексте достигается не столько за счет включения новых сведений в позиции, предназначенные для «старого» (идентифицирующей информации), сколько путем опущения известного, исключения повторений, относящихся к теме.

Сообщаемая определением референтного имени дополнительная информация может иметь двоякий характер: она может относиться к моменту описываемого события или к моменту речи, сообщения. Такого рода двойственность характеризует прежде всего темпоральные определения, такие как *новый*, *старый*, *бывший*, *будущий*, *прежний* и т. п. Часто эти определения служат для того, чтобы ввести в предложение информационную поправку или подтверждение статуса на момент речи, т. е. информацию, относящуюся к иному временному плану, чем основное сообщение.

Возможность разных точек отсчета для темпоральных определений создает известные препятствия к их корректному использованию и может повести к двусмысленности. Ср. затруднения, возникшие перед одним из персонажей «Мастера и Маргариты» при составлении заявления: «В милицию, Члена Массолит'а Ивана Николаевича Бездомного. Заявление. Вчера вечером я пришел с по-

койным М. А. Берлиозом на Патриаршие пруды...» И сразу поэт зашнулся, главным образом, из-за слова «покойным». С места получалась какая-то безлеплица: как это так — «пришел с покойным». Не ходят покойники! Подумав так, Иван Николаевич начал исправлять написанное. Вышло следующее: «...с М. А. Берлиозом, впоследствии покойным...» И это не удовлетворило автора. Пришлось применить третью редакцию, а та оказалась еще хуже первых двух: «Берлиозом, который попал под трамвай...», а здесь еще прицепился этот никому не известный композитор однофамилец и пришлось вписать: «не композитором...» (М. Булгаков). Выбор номинации оказался неразрешимой задачей: поэту пришлось отказаться от своей затеи написать заявление. Прилагательное *покойный*, озадачившее автора, с достаточной определенностью соотносится с моментом речи. Оно, как правило, служит для дополнения информации сведениями о существовании (или, собственно, несуществовании) лица в момент сообщения (ср. частое ныне *покойный*). С этой точки зрения заявление было составлено правильно. Между тем в нем, действительно, содержались ошибки, одна семантическая и одна коммуникативная. Коммуникативная ошибка заключалась в том, что определение *покойный*, которое казалось автору необходимым при имени лица, которого уже нет в живых, заранее вводило как раз ту информацию, которая должна была составить основное содержание заявления. Семантическая ошибка заключалась в том, что определение *покойный* было употреблено при субъекте единичного конкретного действия, выявляющего в сочетании *покойный Берлиоз* значение актуального, т. е. относящегося к моменту действия, состояния. Поэтому, если выражение *Пришел с покойным Берлиозом на Патриаршие пруды* может оказаться для читающего камнем преткновения, то сообщение *Бывало ходил (хаживал) я с покойным Берлиозом на Патриаршие пруды* нисколько не двусмысленно. Ср. также корректность употребления имени *покойник* с интенциональными глаголами, при которых оно значит «не находящийся в момент речи среди живых», например: *Если как следует провентилировать этот вопрос, выходит, что я в сущности, даже и не знал-то по-настоящему покойника* (М. Булгаков).

Таким образом, сочетаемость темпоральных определений и темпорально детерминированных номинаций оказы-

вается весьма капризной, в силу их возможной ориентации на две точки отсчета: момент речи и момент, когда происходило то событие, о котором делается сообщение. В этом случае прагматический фактор стремится внедриться в семантику и употребление именуемых выражений.

Темпоральные определения, о которых шла речь, представляют собой брешь, пробиваемую прагматикой в значение идентифицирующих выражений. Но есть и другая лазейка, через которую в идентифицирующую номинацию, представляющую собой наиболее объективную часть значения предложения и избегающую оценочных квалификаций, проникает субъективный фактор: это ход, соединяющий предикаты предтекста и идентифицирующие номинации (см. выше), через который могут проникать и субъективно-оценочные определения.

Как только оценочное определение попадает в косвенный контекст, т. е. речь, имеющую двух авторов, оно становится, подобно темпоральным определениям, двойко ориентированным. Если сохраняется ориентация на автора передаваемой речи, то номинация получает цитатный характер и может быть заключена в кавычки. Такая интерпретация основана на том, что идентифицирующая номинация в силу своей прагматической связанности должна быть соотнесена с актуальным, или «конечным» автором, независимо от того, входит ли она в прямую или косвенную речь. Поэтому, если говорящий сохраняет номинативное выражение, принадлежащее автору передаваемой речи, то он прибегает к цитации. Например: О будущей губернаторше (которую ждали у нас только к осени) говорили, что она, хотя, слышно, и гордячка, но зато уже настоящая аристократка, а не то, что «какая-нибудь наша несчастная Варвара Петровна» (Достоевский); Уезжая за границу она [Варвара Петровна] даже с ним [Степаном Трофимовичем] не простилась как следует и ничего не сообщила из своих планов «этой бабе» [т. е. Степану Трофимовичу], опасаясь, может быть, чтобы он чего не разболтал (Достоевский).

Оценочные определения, как и оценочные номинации, которые в сущности разложимы на объективную часть значения и оценочную квалификацию (*этот подлец* = этот человек, который подл, = этот подлый человек), могут выражать модус не только автора речи — прямого или косвенного, но и ее адресата. Чтобы различить сферы

действия этих двух модусов, язык пользуется притяжательными местоимениями, включающими оценки в тот или другой микромир. Оценка говорящего часто предваряется местоимением первого лица. Это особенно очевидно в обращениях, ср. *мой дорогой друг, мой милый брат*. Местоимение *мой* здесь не столько указывает на второй термин отношений, обозначаемых именем (*друг, брат*), сколько на субъекта оценки, выраженной в определении, с которым местоимение образует более прочную связь, чем с именем: *дорогой = мой / друг*. Местоимение здесь образует своего рода энклитику к прилагательному и может сохраняться при отсутствии имени (*дорогой мой*).

Ориентация прилагательного на адресата речи сигнализируется местоимением второго лица. Автор прибегает к такого рода детерминации обычно в случае столкновения мнений — положительной оценки адресата и отрицательной автора. Это ясно видно в следующем примере, в котором обе взаимоисключающие оценки отмечены эксплицитно: — Можно ли, позволительно ли дружить с такой сволочью, как ваш неразлучный Липутин? — Почему же он мой и неразлучный? — робко протестовал Степан Трофимович (Достоевский). Хотя сочетание *ваш неразлучный* можно было бы понять как «неразлучный с вами», адресат воспринял значения определений отдельно (*мой и неразлучный*), придав местоимению оценочный (включающий в его микромир) смысл. Приведенный отрывок показывает, что положительная оценка объекта часто бывает навязана адресату речи говорящим и совсем не отвечает его образу мыслей. Она вводится лишь для того, чтобы оттенить, подчеркнуть негативное отношение к предмету со стороны говорящего. Одного притяжательного местоимения второго лица бывает достаточно для того, чтобы выразить отрицательное отношение: местоимение как бы выводит предмет речи из микромира говорящего и включает в микромир адресата, делает его «перебежчиком» в стан врага. Охарактеризованное здесь явление находится в полном соответствии с природой речевого общения. По словам Ш. Балли, «Всякий подлинный разговор — это схватка; это не борьба двух умов — соперниками выступают две личности в целом: одно «я» стремится восторжествовать над другим»¹².

¹² Ш. Балли. Французская стилистика. Пер. с франц. М., 1961, стр. 330.

Возвращаясь к природе идентифицирующих выражений, подчеркнем их прагматическую двойственность: в «объективном» аспекте своей семантики они могут считаться равноориентированными и даже обнаруживают крен в сторону адресата речи, поскольку они не должны превышать уровня его информированности; напротив, субъективный компонент их значения, часто вносимый определением, всегда — прямо или косвенно — выражает оценку или отношение говорящего.

Рассмотрим один из конфликтных случаев, возникающих как следствие приложения к идентифицирующим номинациям разнонаправленных сил. Речь идет об употреблении относительных интерперсональных номинаций таких, как *отец*, *сын*, *начальник*, *знакомый*, *коллега* и пр. Реляционный компонент семантики идентифицирующей номинации связан более всего с субъектом действия: если субъект действия совпадает с адресатом, то номинация ориентирована на адресата, если же он совпадает с говорящим, то — на говорящего. Ср. *Я разговариваю с братом* (= с моим братом) и *Скажи матери* (= твоей матери). Когда второй термин отношения не совпадает с субъектом действия, то во избежание недоразумений его желательно эксплицитировать, ср. *Не говори об этом ничего моим родителям*. Реляционная номинация, таким образом, обнаруживает возможность разнонаправленности. Если реляционная номинация обычно выбирается в соответствии с содержанием пропозиции, то стоящее при ней оценочное определение отвечает прагматическим данным: оно ориентировано на участников коммуникации и, в конечном счете, на говорящего субъекта. Может оказаться, вследствие этого, что реляционное имя соотносится с адресатом речи (если он совпадает с субъектом пропозиции), а оценочное определение — с автором, ср. *Передай это твоей очаровательной (милой, прелестной, любезной и пр.) сестре*, где речь идет о «твоей сестре», но «моей милой», т. е. милой для меня, с моей точки зрения. При несовпадении оценок автора и адресата речи местоимение связывается и с определением, и с определяемым, ср. *твоя драгоценнейшая сестра* — не только твоя сестра, но и драгоценная для тебя (но, по-видимому, не для говорящего). Определение имеет здесь полемический характер и указывает на вторжение «с черного хода» говорящего в семантическую зону, составляющую владение адресата.

Выражение термина отношения при реляционных именах (*брат, друг, коллега*) является для притяжательного местоимения главной задачей (первичной функцией), которая не может быть в конфликтных случаях вытеснена их побочной задачей (вторичной функцией) — включать оценку в микромир некоторого лица. В сочетании *мой милый друг* речь может идти только о друге говорящего. Местоимение в этом случае не может указывать на субъекта оценки отдельно от указания на термин отношений дружбы. Побочная функция притяжательных местоимений — включение в субъективный микромир — реализуется автономно от первичной функции в тех случаях, когда семантика существительного не имеет реляционного характера, например, при именах собственных, ср. *твой драгоценный Витя, твоя дорогая Мария Ивановна*.

Остановимся коротко на функции определения внутри апеллиатива. При обращении определение обычно имеет эмоционально-оценочный характер, указывая на отношение автора речи к своему собеседнику. Оно может поэтому не быть семантически связано со значением определяемого. Такие стандартные атрибуты апеллиативов, как *милый, дорогой, любезный, уважаемый*, выражающие отношение автора речи к адресату, сочетаются с именами любой семантики, а также с именами собственными, сторонающимися определений. Например, «Павел Иванович! Ах, боже мой, Павел Иванович! *Любезный Павел Иванович! Душа моя Павел Иванович!* Вот вы где, Павел Иванович! Вот он, наш Павел Иванович! Давайте-ка его сюда, вот я его поцелую покрепче, *моего дорогого Павла Ивановича!* Позвольте прижать вас, Павел Иванович!» (Гоголь).

Заканчивая раздел о входящих в номинацию определениях, подчеркнем, что они прямо отвечают функции имени¹³ и различны по своему характеру у номинаций, играющих в предложении экзистенциальную (интродуктивную), предикатную, идентифицирующую и апеллиативную роль.

¹³ Проблема связи согласованных определений с синтаксической позицией имени, значением предиката и общим смыслом сочетания, в которое входит определение, была четко поставлена в содержательной статье: *О. П. Ермакова. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительного. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1971.*

В настоящей главе были рассмотрены факторы, влияющие на выбор имени объекта. Основным из них является коммуникативная функция имени и характер осуществляемой им референции. По этому признаку могут быть выделены четыре функциональных типа номинации: экзистенциальная, или интродуктивная, идентифицирующая, предикатная и апеллятивная.

Экзистенциальная номинация выбирается в соответствии с той областью бытия, в какую она вводится. Среди экзистенциальных номинаций преобладают имена и именные выражения таксономического и дескриптивного типа. Экзистенциальная номинация легко развертывается в словесный портрет предмета. Базируясь на объективной семантике, экзистенциальная номинация может в то же время принимать субъективно-оценочные определения, задающие эмоциональную тональность последующего повествования.

Если для интродуктивной номинации характерны имена широкой семантики, то идентифицирующая номинация объекта стремится опереться на его индивидуализирующие черты, на объективно воспринимаемые признаки, выделяющие данный предмет внутри класса. На выбор идентифицирующей номинации влияет целый ряд факторов. К их числу относятся: уровень информированности адресата речи, характер описываемого события, выявляющего в своих участниках определенные свойства (аспектуальная номинация), значение предиката, имплицитное наличие в субъекте или объекте определенной качественной характеристики, отношение к предмету автора речи, в двухактантных предложениях тип отношений между участниками события (ср. употребление релятивных номинаций) и, наконец, общий стиль повествования. Выбор идентифицирующего имени регулируется, таким образом, как прагматическими, так и содержательными факторами. Если идентифицирующая номинация отвечает только прагматическому заданию, то ее смысл не выходит за пределы фонда общих знаний собеседников, т. е. не несет для адресата речи дополнительной информации. Между идентифицирующим именем и предикатом обычно отсутствует семантическая соотношенность. Если идентифицирующая номинация отвечает не только пра-

грамматическому заданию поиска предмета речи, то ее смысл находится в определенном взаимодействии со смыслом предиката. Атрибуты при идентифицирующей номинации либо имеют аддитивный характер, умножая идентифицирующие признаки объекта, либо несут в себе новую информацию, относящуюся к описываемому событию или к моменту речевого акта.

П р е д и к а т н а я номинация предмета направлена на выявление его существенных черт. Целиком входя в сообщаемое, предикатная номинация стремится заострить внимание на одном признаке предмета, тем или другим способом его уточнить, выделить и оттенить. Для этого она пользуется определенными синтактико-семантическими приемами, такими как противопоставление, нанизывание близких по значению имен и др. Определение при предикатном имени модифицирует его смысл (ср. интенсифицирующие определения). Оно лишь в редких случаях указывает на инопорядковые признаки объекта.

. В позиции **о б р а щ е н и я** употребляются имена релятивной семантики, фиксирующие отношения между собеседниками или отношение к собеседнику со стороны говорящего. Определение ~~или~~ ^{или} апеллятиве, как правило, имеет эмоционально-оценочную значимость. Выбор апеллятива регулируется не только индивидуальными взаимоотношениями собеседников, но и принятыми в данном обществе социальными установлениями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I Лексическая номинация (первичная нейтральная). (А. А. Уфимцева)	5
Глава II Стилистический аспект номинации словом как едини- цей речи (О. С. Азнаурова)	86
Глава III Историчная номинация и ее виды (В. Н. Телия)	129
Глава IV Теория номинации и словообразование (С. Кубрякова)	222
Глава V Номинация и текст (И. Д. Арутюнян)	304

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ

(Виды наименований)

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *Г. А. Астафьева*
Технический редактор *Т. С. Жарикова*
Корректор *Л. Ф. Кривенко*

Сдано в набор 1/IX-1977 г.

Подписано к печати 2/XI-1977 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Бумага типографская № 1

Усл. печ. л. 18,9 Уч.-изд. л. 19,9

Тираж 2600 Тип. зак. 2815

Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 94-а
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10